

– Т Е М А –

ГЕЛЬМУТ КЁНИГСБЕРГЕР
ЕВРОПА РАННЕГО
НОВОГО ВРЕМЕНИ
1500–1789

ВЕСЬ
МИР

УДК 94(4) ББК 63.3(4) К 36

Переводчик: *Столяров А.А.*

Редактор: *Пахалов М.Ю.*

Послесловие и примечания к.и.н. *Харитоновича Д.Э.*

Кёнигсбергер Г.Г.

К 36 Европа раннего Нового времени, 1500—1789 / Пер. с англ. Послесловие Д.Э. Харитоновича. — М.:

Издательство «Весь Мир», 2006. — 320 с. — (Тема).

ISBN 5-7777-0199-X

Эта книга является второй в трехтомнике «История Европы» (первая — «Средневековая Европа, 400-1500 годы» —

была издана на русском языке в 2001 г.). Ренессанс, Реформация и Контрреформация, становление абсолютизма, великие географические открытия — вот далеко не полный перечень тем, которые автор рассматривает глубоко и всесторонне. Читатель получает возможность проследить, как менялось «средневековое лицо» Европы на протяжении почти трехсот лет, какое влияние оказал мощный импульс Просвещения на различные европейские страны, какие события происходили на континенте в преддверии Великой французской революции 1789 г. Предназначенное студентам и старшим школьникам, это издание будет интересно всем, кого занимают проблемы медиевистики и истории культуры.

УДК 94(4) ББК 63.3(4)

This translation of Early Modern Europe 1500-1789, First Edition is published by arrangement with Pearson Education Limited.

«Европа раннего Нового времени, 1500—1789; первое издание» На русский язык перевод книги осуществлен по соглашению с *Пирсон Эдьюкейшн Лимитед*.

© H.G. Koenigsberger, 1987 © Перевод на русский язык, оформление — ISBN 5-7777-0199-X

Издательство «Весь Мир», 2006

Оглавление

Введение.....	9
Глава 1	
От средневековой Европы к Европе Нового времени	17
Периодизация.....	17
Экономическое положение Европы к 1500 году	19
Политическая структура Европы.....	22
Единство церкви	23
Смена культурных стереотипов.....	26
Европа и внешний мир.....	30
Россия	30
Примечания	31
Глава 2	
Экспансия и Реформация, 1500-1600.....	32
Рост цен.....	34
«Новые монархии» и система патроната.....	43
Агрессия и империализм	50
Упадок городов-государств	56
Успешные города.....	59
Крушение основ единой церкви.....	60
Католическая реформа до Лютера	71
Османская империя.....	75
Европа и внешний мир.....	81
Заключение.....	89
Примечания	90
Глава 3	
Контрреформация и кризис, 1560-1600	95
Экономическая жизнь: от экспансии к кризису	95
Проблемы наследования и гражданские войны.....	108
Россия.....	124
Религия: святые, мученики и преследователи	129
Высокое Возрождение	131
Эпоха барокко	136
Драматургия и театр	142
Литература.....	143
Заключение.....	146
Примечания	148
Глава 4	
Эпоха Людовика XIV и баланс сил, 1660-1750	152
Сельское хозяйство, промышленность и торговля	154
Абсолютные монархии	171
Пределы абсолютизма.....	174
Франция в XVIII веке.....	179
Бранденбург-Пруссия.....	180
Ограниченные монархии и республики	185
Теоретическая оппозиция абсолютизму	189
Международные отношения	192
Последнее наступление турок.....	196
Австрийская империя Габсбургов.....	198
Великая Северная война.....	199
Россия в XVII столетии.....	200
Баланс сил в XVIII столетии	203

Заключение.....	205
Примечания	206
Глава 5	
Научная революция и Просвещение, 1500-1750.....	208
Распад средневековой картины мира.....	208
Придворное общество.....	227
Критика традиционного мышления.....	230
Семья, личность и воспитание.....	235
Архитектура.....	237
Литература.....	242
Музыка.....	245
Заключение.....	251
Примечания	252
Глава 6	
В преддверии революции.....	253
Сельское хозяйство.....	253
Промышленная революция.....	261
Возникновение общества потребления.....	265
Адам Смит и рождение современной экономики	266
Международные отношения	268
Просвещенный абсолютизм	274
Неудавшиеся революции.....	277
Природа Французской революции.....	279
Архитектура и искусство.....	286
Гайдн и Моцарт	288
Заключение.....	290
Примечания	292
Новая история новой Европы (вместо послесловия).....	294
Именной указатель	315

Посвящается Дороти

Введение

Начало европейской истории

История Европы началась в V в., когда западная часть Римской империи рухнула под натиском племен германских «варваров». За последующие шестнадцать столетий на обломках, сохранившихся после этой катастрофы, сложилась новая культурная общность, которая включила в себя весь Европейский континент, утвердилась в Америке и Австралии и (в той или иной форме) доминирует в остальных частях мира.

Главная проблема

Организация человеческих обществ, по-видимому, подчинена единому основополагающему правилу: сильные стремятся властвовать и эксплуатировать слабых, а самые сильные — создавать империи, размеры которых ограничиваются только географическими условиями и человеческими возможностями.

Метаисторическое убеждение христианских теологов, согласно которому одну империю должна сменять другая¹, учитывало, таким образом, опыт человечества — даже если мы не склонны приписывать этой смене безусловную для теологов упорядоченность и провиденциальную природу. Главная проблема европейской истории заключается, следовательно, не в том, почему европейцы стремились к господству над другими народами, важнее — каким образом и при каких обстоятельствах они смогли выработать в себе следующие фундаментальные качества и способности: во-первых, успешно противостоять на протяжении почти тысячелетия могущественным и порой более высокоорганизованным соседям; во-вторых, распространять свою власть и основные ценностные установки на неевропейские общества. Иными словами, следует оценить последствия этого процесса (включая реакцию на него) и сформулировать проблемы, доставшиеся нам в наследство.

Для понимания этих проблем вовсе не нужно сверяться со всеобщим законом исторического развития (которого, по нашему мнению, просто не существует); мы отнюдь не намерены высказывать безапелляционные суждения о шестнадцати веках европейской истории или о европейцах как особом сообществе, противостоящем другим народам. Скорее, мы попытаемся показать, что история человеческих обществ подчинена определенному порядку, непредвзято рассмотреть собственно европейские культурные достижения, а также дать моральную оценку действиям отдельных личностей или больших групп. Выполняя эту задачу, мы будем руководствоваться критериями, выработанными культурным опытом Европы.

Европа, ее соседи и остальной мир

Историю Европы можно ясно представить себе лишь в одном случае: если постоянно соотносить ее с историей соседних народов. После падения Западной Римской империи Европа более тысячи лет

защищалась от мусульман-арабов на Средиземноморье, от норвежских мореходов-викингов на севере и западе и разных азиатских народов на востоке (гуннов в V в., авар, венгров, монголов и наконец — и дольше всего — турок). Несмотря на большие потери, ядро Западной Европы удалось отстоять. Гунны и авары были побеждены и рассеяны, викинги и венгры обращены в христианство и ассимилированы. Но из двух великих попыток средневековой Европы вернуть территории, захваченные мусульманами, лишь одна увенчалась успехом: Реконкиста Иберийского полуострова (Испания и Португалия) и возвращение большого средиземноморского острова — Сицилии. Другая попытка — крестовые походы (предпринятые с целью отвоевать Иерусалим и установить власть христиан в Восточном Средиземноморье) — окончилась неудачей. Эта неудача оказалась тем более прискорбной для христианской Европы, что в одном из крестовых походов взятием Константинополя (Византия) был нанесен смертельный удар существовавшей до той поры части Римской империи. С крушением главной преграды для исламской экспансии на юго-востоке Европы турки-османы наводнили Малую Азию, захватили Константинополь, а затем и весь Балканский полуостров. Вплоть до 1683 г. Вена вела ожесточенную борьбу с турками, неоднократно осаждавшими город². Христианской Европе потребовались три века — XVIII, XIX и XX, чтобы с трудом вернуть большую часть Балкан, но Константинополь и вся Малая Азия остались у турок. В то время идеи христианской экспансии уже не играли

ключевой роли, а Турция мало-помалу ассимилировалась Европой. В связи с этим ведущее значение приобрели иные факторы.

С XV в., продолжая бороться против ислама в Средиземноморье и на Балканах, европейцы начали преодолевать изолированность своего континента, достигли Америки и, обогнув Африку, проникли в Южную и Восточную Азию. В последующие четыре столетия они расселились на Американском континенте, открыли и заселили Австралию, создали громадные империи в Индии, Индокитае и Индонезии, возвратили захваченные монголами территории на юге и востоке России, колонизировали степи Северной Азии (Сибири) от Урала до Тихого океана и поделили между собой Африку. Не прибегая к прямым захватам или колонизации, европейцы осуществляли торговую экспансию в Китайской империи и вынудили Японию открыть границы для западной торговли и технологии.

Политическое определение Европы

Эта беспрецедентная экспансия происходила в то время, когда Европа оставалась разделенной на многочисленные конфликтующие государства. Политическое дробление было прямым следствием возникновения в V в. на руинах западной половины Римской империи германских племенных государств. Многие из них бесследно исчезли, и понадобилось почти 500 лет, чтобы карта Европы приобрела относительную стабильность, отдаленно напоминающую современные политические реалии. Но межгосударственный антагонизм, несмотря на все попытки его преодоления, до сих пор остается весьма существенным обстоятельством: в то время как европеизм торжествовал в мировом масштабе, внутренние противоречия громко заявляли о себе в пределах самой Европы.

Возможно, остальному миру эти события казались локальными проблемами, тем не менее вплоть до конца Второй мировой войны (1939—1945) именно они определяли глобальный исторический процесс. На протяжении XX в., однако, центры мирового влияния переместились с Европейского континента (с его старыми монархическими империями — Испанией, Францией, Великобританией и Германией) в Россию (СССР)³ и Северную Америку (США). Однако следует учесть, что эти государства, чрезвычайно обширные и густонаселенные, в культурном отношении являются наследниками Европы. К середине XX в. европейцы полностью отказались от прямого контроля над теми регионами мира, в которых они не жили. Это позволило многим азиатским и африканским режимам, особенно тем, которые восприняли европейские технологии и в меньшей степени идеологию и ценностные системы, противодействовать европейско-американскому экономическому господству, а значит, и политическому влиянию в своих странах. В этом процессе были свои успехи и неудачи.

Экономическое и социальное развитие Европы

Подобно всем оседлым аграрным обществам, европейское общество состояло в основном из крестьян (производящих продукты питания) и господствовавшей над ними сравнительно немногочисленной элиты, которая контролировала большую часть собственности (в первую очередь, земельной).

Экономическое развитие, т. е. рост производства продовольствия и других товаров, повышающих уровень жизни всего населения (или по крайней мере его части), — все это нуждалось в более интенсивном использовании ресурсов, прежде всего земли, и в более эффективном разделении труда.

И то и другое стало неотъемлемой частью европейской истории. Но поскольку предложение земли было ограничено, роль основного фактора развития играло (это понял Адам Смит в XVIII в.) прогрессирующее разделение труда. Следовательно, чтобы осмыслить сущность экономического и социального динамизма Европы, нужно отчетливо представлять себе историю европейских производственных элит и профессионализации основной массы населения. Важнейшая составляющая этого динамизма — технические и технологические новации. Ими было богато даже Средневековье; со

временем количество этих новаций возросло настолько, что они стали способными к самовоспроизводству, что знаменовало собой так называемую эпоху промышленной революции, или, скорее, целого ряда промышленных революций, которые преобразили буквально каждый аспект нашей физической и социальной жизни и определили самые существенные особенности нашего мышления и мировосприятия.

Динамизм культуры

Вряд ли можно представить себе, чтобы европейская элита могла достичь столь выдающегося динамизма в экономической жизни, если бы другие параметры ее существования не были столь же динамичны. Элиты существовали во всех высокоорганизованных обществах и, по определению, должны были эффективно действовать в рамках созданных ими традиций. Но не все они обладали одинаковым динамизмом. Здесь мы возвращаемся к проблеме, сформулированной в начале введения: почему европейцы действовали так, как они действовали? В чем именно заключался этот образ действия? Какие преимущества перед другими обществами он им давал? Мы должны еще раз подчеркнуть — нельзя ставить вопрос так: почему европейская цивилизация оказалась лучше других. У нас нет критериев, позволяющих определить, что «лучше», а что «хуже».

Тем не менее многие образованные европейцы в эпоху Средних веков, да и в наше время, пытались рассуждать именно так. Средневековые люди считали, что их собственная цивилизация почти во всем уступает прежней, греко-римской, и направляли все свои помыслы к тому, чтобы вернуть этот «золотой» век. У них был, таким образом, серьезнейший стимул к постоянному совершенствованию во всех областях культуры, поскольку именно в сфере культуры сохранилась основная масса сведений о древних: как в материальных памятниках, так и в рукописных, в литературе и праве. В отдельные эпохи стремление возродить Античность становилось особенно острым, и в европейской культурной жизни наступали периоды «ренессанса». В такие периоды наиболее ярко проявлялась вся многополюсность стремлений, противоречивое переплетение регионализма и «универсализма», сами понятия которых возникли сравнительно поздно.

Полицентризм европейской цивилизации был явлением не только географическим или языковым; в неменьшей степени ему свойственны интеллектуальное и эмоциональное измерение. Отделение церкви от государства привело к столкновению интересов и раскололо само представление о лояльности. Обе эти институции доказали свою творческую эффективность и вместе с тем стали источником постоянного дискомфорта для своих членов. Действительно, кто мог с большим правом притязать на лояльность подданных — духовная или светская власть? В Средние века невозможно было, конечно, желать полной победы одной силы и полного поражения другой; более того, подобная ситуация была абсолютно непредставима. Поэтому две могущественные силы оказались перед необходимостью обосновывать свои притязания рационально. Рациональное мышление ценится во всех высокоорганизованных обществах. Но здесь мы имеем дело с дополнительным стимулом, неизвестным в других обществах; он наложил неизбежный отпечаток на все формы творческого мышления. В начале Нового времени дуализм церкви и государства постепенно трансформировался в еще более фундаментальный дуализм религиозного и светского мышления, породивший необычайный динамизм: он позволил музыке, искусству, естественным наукам и политическим теориям освободиться от прежнего средневекового статуса «служанок теологии», а ученым и людям искусства — заявить свои права на чисто рациональную или чисто эмоциональную позицию.

Последствия этого процесса для европейского общества оказались огромны: они позволяют объяснить как непреходящую динамичность европейского развития, так и то смешанное чувство восхищения и неприятия, с которым европейские ценности встречались в неевропейских обществах. Особенным драматизмом окрашено развитие политической мысли.

14

Люди Средневековья рассматривали политическую мысль (по аналогии со всеми прочими аспектами человеческой жизни) как составную часть мысли моральной и религиозной. Однако со времен Макиавелли, в начале XVI в., чисто рациональные и светские теории все больше вытесняли моральную и религиозную проблематику. Вместе с тем политика и религия долгое время находились в исключительной компетенции правителей, их советников и философов. Лишь во второй половине XVIII в., в первую очередь благодаря сочинениям Руссо, политическая мысль, наряду со светским содержанием, обрела общедоступность, провоцируя общественные эмоции, которые не уступали по силе прежним, религиозным: именно здесь был заключен источник политической идеологии. Со времен Французской революции вплоть до нашего времени идеология неизменно выступала как самый влиятельный (и вновь исключительно динамичный) фактор не только европейской, но и мировой истории. Крупнейшие идеологии продемонстрировали почти беспредельную гибкость, приспособляясь к местным традициям; в некоторых современных обществах они проявили поразительную способность к симбиозу с традиционными религиозными верованиями — явление, которое не удивило бы наших средневековых предков. Идеологии получили свое выражение и в ряде

новых институций, таких, как политические партии.

Пределы рационализма

Хотя рационализм, т. е. систематическая апелляция к разуму при анализе и решении проблем, и оказался наиболее эффективным элементом европейской традиции, ему свойственна известная ограниченность. В «Вакханках» греческого драматурга Еврипида (ок. 484–406 гг. до н. э.) показано, как люди, пренебрегавшие иррациональной, эмоциональной стороной своей природы, порождают ситуации, трагические для себя и для других. Со второй половины XVIII в. романтизм, новое течение в европейской культуре, стремился использовать нерациональные способности и глубинные эмоции для создания новых приемов художественного, литературного и музыкального выражения. Романтикам принадлежат многие шедевры европейского гения в живописи, литературе и музыке; в политике они тоже искали человеческое измерение. Однако романтические нападки на рационализм имели и оборотную сторону: они дали выход многим темным инстинктам человеческой натуры — трайбализму⁴ и сектантскому фанатизму, нетерпимости и торжеству насилия. Конечно, эти инстинкты всегда присутствовали в европейском обществе (как и во всяком другом). По сути дела, история любого общества представляла собой серию попыток отыскать приемлемый баланс между разумом, традицией и эмоциями. Эта задача все еще стоит и перед нами.

15

Тенденции и перспективы современности

Начиная с XVIII в. многие историки Европы (одни — в надежде, другие — в страхе) занимались предсказанием развития событий. Одни создавали теории прогресса, другие — упадка. Но наряду с общими теориями появилось (особенно за последние 25 лет) немало эмпирических, более скромных по задачам исследований, посвященных локальному прогнозированию. Наиболее важными направлениями, где практикуется различного рода прогнозирование, являются: такая вечная тема, как демография, исследующая, в частности, иммигрантские популяции (разнородные в культурном отношении); безработица, катастрофически выросшая с начала 70-х годов XX в., особенно среди молодежи; структура и динамика промышленного производства — основы процветания Европы; сельское хозяйство, доходы от которого до сих пор составляют главную приходную статью бюджетов стран Европейского экономического сообщества и, наконец, изменения под влиянием как социального развития, так и новейших технологий в сферах трудовой деятельности и досуга.

В свете развития Европейского экономического сообщества, основанного на договоре, подписанном в Риме, старейшей европейской столице, все большее число историков стремится переписать новейшую историю Европы в общеевропейских, а не в узконациональных терминах. Эта задача стала еще более насущной после 1989 г., когда коммунистические режимы Восточной Европы пали или (как в Советском Союзе) претерпели радикальное изменение, две части Германии объединились, а почти все европейские государства к западу от Советского Союза стремятся вступить в переименованное Европейское сообщество. В 1991 г. (когда пишутся эти строки) стремление к особому европейскому единству продолжает заявлять о себе с неизменной силой. В то же самое время сохраняются проблемы национального, регионального и этнического характера, оставляя открытым вопрос будущей политической организации Европы и ее отношений с Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки.

История Европы, написанная в 80-х годах XX в., вряд ли может иметь законченный вид. Каждое из трех последних десятилетий знаменательно особыми, отличительными чертами, причем в последнем доминировали экономические проблемы. При оценке происходящих в различных странах событий вновь возникает нерешенная проблема соотношения частей и целого. Поэтому предлагаемые вниманию читателя книги⁵ скорее ставят вопросы, чем дают на них ответы, и скорее открывают историю для обсуждения, чем закрывают ее последнюю страницу. Вряд ли можно дать

16

окончательный ответ хоть на один вопрос — и это обстоятельство следует считать, вероятно, самой существенной особенностью изучения европейской истории.

Примечания

¹ Имеется в виду основанное на содержащемся в Библии пророчестве (Дан. 2, 35—45) и чрезвычайно популярное в Средние века учение о четырех последовательно сменяющих друг друга царствах: Вавилонском, Персидском, Греческом (Македонском) и Римском. Каждое из этих царств гибнет, уступая место другому. Три первых, полагали в Средние века, пали, четвертое существует ныне (Священная Римская империя, т. е. Германия и Северная Италия, считалась прямым продолжением Древнего Рима), а грядущее пятое будет Тысячелетним Царством Господним. — *Здесь и далее примечания Д.Э. Харитоновича.*

² После захвата Венгрии в 1526 г. турки начали наступление на Австрию и неоднократно пытались захватить Вену. Самыми значительными были две осады австрийской столицы — в 1529 и 1683 гг. Поражение Турции в войне 1683–1699 гг. против Австрии, Польши, Венеции и (с 1686 г.) России навсегда избавило Западную Европу от турецкой опасности.

³ В западной (и не только западной) исторической мысли, да и в массовом сознании, СССР есть лишь одна из исторических форм существования России в ряду: Киевская Русь, Московское царство, Российская империя, СССР, теперь Российская Федерация. Согласно таким представлениям, СССР — это «большая» (greater) Россия, в которой собственно Россия играет роль

метрополии, а союзные республики — колоний (напомним читателю, что поясняемые строки написаны в 1991 г.).

⁴ *Трайбализм* (от англ. *tribe* — «племя») — приверженность культурно-бытовой, культово-религиозной и общественно-политической племенной обособленности, встречающаяся в странах, где сосуществуют племенной строй (или значительные элементы его) и европейские политические институты — армия, чиновничество, одна или несколько партий, парламент и т. п. Проявляется трайбализм в покровительстве соплеменникам в государственном аппарате, в слиянии политической и межплеменной борьбы и пр. В расширенном употреблении (как здесь) — приверженность локальным, чаще всего этническим ценностям в ущерб общечеловеческим.

⁵ Речь идет о серии «История Европы», состоящая из трех книг: Г.Г. Кёнигсбергер «Средневековая Европа, 400—1500 годы», Г.Г. Кёнигсбергер «Европа раннего Нового времени, 1500-1789 годы» и А. Бриггс, П. Клейвин «Европа в Новое время, 1789-1980 годы».

Глава 1

От средневековой Европы к Европе Нового времени

Периодизация

Гуманисты

Варварские нашествия положили конец существованию античного мира. Конец Средних веков не отмечен подобными драматическими событиями. По этой причине вопрос о периодизации средневековой и новой истории представляется серьезной проблемой, относительно которой нет полного согласия между историками. Представление о новом веке, следующем за средним веком, или временем между античным миром и новой эпохой, впервые появляется у итальянского гуманиста Петрарки в XIV в. Петрарке казалось, что с падением Римской империи наступила эпоха варварства. Только в его собственное время Петрарка видит зарю нового века.

*Вдруг, однако, тебе, о ты, который родишься
после меня! — тебе, как я желаю и чаю,
лучший достанется век! Сей сон Летейский не может
длиться без срока: мрак расточится, поздним потомкам
вновь отворится тропа к пречистому древнему свету...**

* Петрарка Ф. Африка / Пер. М.Л. Гаспарова. М., 1992. С. 166. — Здесь и далее примеч. Г.Г. Кёнигсбергера. Если цитируются издания, существующие на русском языке, то переводчик дает отсылки на них.

17

18

То, что для Петрарки было мерцанием надежды, становится для его последователей-гуманистов XV столетия схемой, трехмастным делением истории, в которой средний период, или Средние века, был варварским и темным временем, за которым соответственно следует более светлый, более цивилизованный современный век. Этот век восстановил многие ценности и достижения античности и даже добавил к ним свои собственные. Подобный взгляд решительно отличался от особенно популярной среди теологов традиционной исторической схемы преемственности империй. Теологи спорили о том, что это были за империи, и особенно о том, когда придет время последних царств Антихриста и Христа, о наступлении Судного Дня и Конце Света.

Современные представления

Представление о Средних веках как о времени варварском и «темном» существовало довольно долго и нашло отражение даже в классическом труде знаменитого историка культуры Якоба Буркхардта (1818—1897) «Культура Италии в эпоху Возрождения». Более глубокий подход и стремление понять культурные достижения Средних веков в общем-то не были характерны для работы этого историка и его последователей*. Историки предлагали свои схемы периодизации, в зависимости от того, какую историческую эпоху считали самой важной. Специалисты по социальной истории рассматривали период XIV—XVIII вв. как цельную эпоху постфеодального и предреволюционного общественного развития. Те, кто изучал историю научной мысли, считали началом нового исторического периода научную революцию XVII в. (см. гл. 5), поскольку она положила начало тому образу мышления, который лег в основу нашей современной цивилизации. Многие историки считали таким началом Реформацию (см. гл. 2).

Все эти точки зрения имеют право на существование, и уже само их многообразие заставляет задуматься о том, что периодизация — это всего лишь историографический инструмент, метод, который историки используют для упорядочения и осмысления материала, но не узор, вплетенный в саму ткань истории, и не божественный план, установленный Богом для человечества. В большинстве своем историки Европы придерживались схемы гуманистов, хотя и видоизменяли ее сообразно своим предпочтениям или ценностным ориентирам. Изучение заморской экспансии Европы безусловно укрепило точку зрения, согласно которой решающие изменения

* См.: Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400—1500 годы. М., 2001.

19

в европейской истории относятся к концу XV — началу XVI в. Если рассуждать в масштабах мировой истории, то к настоящему времени эпоха прямого политического доминирования европейцев завершилась, — и тем больше оснований рассматривать ее как единое целое.

Некоторые историки экономического направления и, в частности, марксисты, равным образом рассматривали конец XV — начало XVI в. как решающий начальный этап в развитии капитализма и буржуазии (нефеодального, рыночно ориентированного класса). Но и между историками этого направления существует немало разногласий. Марксисты, например, усложнили проблему, когда стали применять термин «феодализм» не только к периоду IX—XIII вв. и не только к обществам, основанным на вассальной верности и военной повинности (которую несли рыцари по отношению в своим сюзеренам за ленный надел) или личной зависимости и трудовой повинности (которую несли крестьяне за предоставленный господином участок земли). Марксисты дали расширительное толкование термину «феодализм», называя им любое общество, в котором господствуют крупные землевладельцы, а крестьяне, даже будучи свободны от личной зависимости или трудовой повинности, в экономическом и социальном отношении все же подчинены крупным землевладельцам. С этой точки зрения феодализм существовал по крайней мере до Французской революции, т. е. до конца XVIII в., а в России и других странах мира — вплоть до революций XX в.

В нашей книге понятие «феодализм» используется в его традиционном значении, принимается традиционная датировка конца Средних веков (но отвергается предложенная гуманистами квалификация Средних веков как чего-то в культурном отношении «темного» и варварского), а сам «новый век» делится на две части: «Раннее Новое время» (до Французской революции включительно) и собственно «Новое время» (от конца XVIII в. до наших дней).

Экономическое положение Европы к 1500 году

Экономическая история Европы в Средние века демонстрирует отчетливо заметное ритмическое чередование периодов расширения и сокращения. Около 1000 г. на Западе завершилась, наконец, эпоха нашествий (арабов, викингов и мадьяр). Начиная с этого времени Европа переживала длительный период экономического роста, продолжавшийся приблизительно три столетия. Население росло, пло-

щадь обрабатываемых земель расширялась, возникали новые города, а общее благосостояние Европы и жизненные стандарты (по крайней мере, для меньшинства) неизменно повышались. Однако с начала XIV в. этот процесс пошел вспять, а Черная смерть, свирепствовавшая в Европе в 1348—1350 гг., унесла жизни четверти с лишним жителей континента. Резко сократились обрабатываемые земли, размеры городов и объем торговли, хотя уровень жизни большинства населения, возможно, вырос.

Примерно с середины XV в. наметился новый период роста, который к 1500 г. стал уже вполне очевидным. Вспышки чумы повторялись реже и были не столь опустошительны, население вновь начало расти, заброшенные поля снова стали возделываться, а у лесов и болот отвоевывались все новые земли. Внутри городских стен, где после жесточайших эпидемий образовались пустыри, появлялись новые постройки. Вскоре многие города перешагнули за свои старые границы. Расширение торговли увеличило богатства купцов, судовладельцев и банкиров. Именно торговля предоставила ресурсы знати и профессиональным военным, которые использовали благоприятную ситуацию привычным для себя способом — либо расширяя свои владения с помощью захватов, либо защищаясь против тех, кто покушался на их добро.

Профессионализм и разделение труда

Динамика экономического развития влияла на рост населения, но и это происходило не само по себе. Простое увеличение числа примитивных крестьянских хозяйств исчерпало возможности для достаточного производства средств существования населения Европы гораздо раньше, чем это проявилось со всей очевидностью (т. е., в первые десятилетия XIV в.). На самом деле, между 1000 и 1300 г. европейское общество постепенно профессионализировалось и становилось более эффективным. Урожайность повышалась по мере улучшения (хотя и медленного) способов обработки земли. Усовершенствование инструментов и более умелое их использование позволили производить больше изделий лучшего качества. Более легкие повозки, более быстроходные и вместительные корабли вкупе с лучшей организацией торговли и денежных операций способствовали снижению транспортных расходов и расширению рынков.

Все эти достижения сохранились во время длительного периода снижения экономических темпов развития позднего Средневековья;

21

более того, они получили дальнейший импульс. Иными словами, очередной период роста в конце XV в. начался на гораздо более высоком уровне развития технологии и накопления капитала, чем

предшествующий период в середине Средних веков.

Интернационализм и регионализм

Кузнецы и колесных дел мастера, плотники и каменщики были в большинстве крупных деревень и небольших городов, но редкие специальности приходилось искать в других местах. Строители соборов и замков; искусные оружейники; ткачи, сукновалы и красильщики, изготавливавшие тонкие ткани и церковные облачения; золотых дел мастера; купцы, знающие бухгалтерию, иностранные рынки и умевшие составлять векселя; преподаватели университетов; мореходы, знавшие все о приливах и штормах атлантического побережья; военные и инженеры, способные атаковать и оборонять замки и укрепленные города, — людей подобных специальностей найти было трудно. На протяжении всего Средневековья они трудились на международном, общеевропейском уровне, нанимаясь в услужение, делали карьеру там, где для этого открывалась возможность. Они представляли собой интернациональную часть средневековой европейской цивилизации и были ее самым динамичным элементом. Благодаря этим людям росли и богатели крупные города. Благодаря их искусству возводились соборы, появлялись иллюстрированные хроники и церковная скульптура, развивалось образование и литература, т. е. создавалось то, что, очевидно, не позволяет считать Средневековье «темными веками».

Эти квалифицированные профессионалы достигли таких замечательных успехов и смогли столь значительно увеличить богатство Европы, что со временем в разных частях континента даже в небольших городах можно было найти почти всех необходимых мастеров. Поэтому разные регионы Европы все больше обретали свою специфику, развивали собственные традиции и собственный стиль. Разумеется, это отнюдь не означало, что латынью как языком общения образованных людей перестали пользоваться или прекратилась миграция квалифицированной элиты. Ее представители по-прежнему совершенствовали свою деятельность в самых разных сферах, но уже не могли соперничать с быстро развивающимися региональными культурами, а потому перестали задавать тон европейской культуре в целом. Весьма показательна судьба готического стиля в строительстве церквей. Он продолжал оставаться признанным интернациональным стилем, и в некоторых случаях соборы в разных местах строил один и тот же мастер (как

22

это было, например, в немецком Кёльне и испанском Бургосе). Однако уже к XV в. английский перпендикулярный стиль¹ начал весьма заметно отличаться от современных ему позднеготических стилей во Франции. Что касается Италии, то там к XV в. готический стиль почти совершенно исчез (если не считать единичных исключений). Интернациональная ориентированность Европы, корни которой крылись в общей экономической отсталости и существовании квалифицированной элиты, обрекла себя на гибель своим собственным успехом.

Распад феодализма

Однако обреченным оказался, если говорить точнее, лишь интернациональный элемент этой цивилизации. В большинстве прочих аспектов достижения были грандиозны, и наиболее впечатляющим примером, вероятно, могут служить великие произведения литературы на народных языках: во Франции и Германии они появились уже в XII в. и даже раньше, хотя в Италии, Испании и Англии относятся к несколько более позднему времени. Эти достижения сопровождались социальными изменениями, также связанными с ростом благосостояния. Самой важной переменной стал распад классических феодальных отношений — между сюзереном и вассалами (на уровне владетельных особ и дворянства) и между землевладельцем и крестьянами (на нижнем общественном уровне), что особенно заметно проявилось в разрушении личной зависимости. На обоих уровнях прежние личные отношения, основанные на земельном держании и службе, вытеснялись отношениями на основе денежных расчетов и контракта или патроната и клиентелы. По сравнению с традиционными феодальными новые отношения отличались большей гибкостью: они обеспечивали условия для значительно возросшей личной и социальной мобильности, которая, в свою очередь, служила основой для все более разнообразных экономических и политических изменений. Новые отношения таили в себе огромный потенциал динамичного развития и вплоть до XVIII в. оставались основным структурным элементом европейского общества.

Политическая структура Европы

Политическое единство Европы, обеспеченное Римской империей, исчезло в V в. под натиском германцев и уже никогда не восстанавливалось в прежних масштабах — хотя европейские государственные об-

23

разования продолжали оставаться достаточно крупными и временами расширялись до размеров

империй. Так, например, Каролингская империя около 800 г. занимала почти половину Западной Европы. Причины для формирования значительных политических образований были во многом те же самые, что и для экономического и культурного интернационализма Средних веков: явная нехватка квалифицированных военных и административных кадров, дававшая тем, кто обладал подобной квалификацией, огромные преимущества в господстве над неквалифицированными или менее квалифицированными (тем же самым, по сути, объясняется возникновение череды огромных степных империй, созданных в Центральной Азии воинственными племенами).

Начиная с XII-XIII вв. рост благосостояния позволил европейским монархиям консолидировать свои владения, поскольку теперь они могли найти достаточное количество квалифицированных людей внутри собственных границ, усовершенствовать механизмы управления и способы военной защиты. С этого времени политическое объединение Европы стало гораздо менее вероятным, чем когда-либо раньше. Фактически его так и не удалось достичь, если не считать непродолжительных периодов при Наполеоне и Гитлере в XIX и XX столетиях, когда это было осуществлено исключительно за счет чудовищного опустошения и колоссальных людских потерь. Политическая и культурная раздробленность является одним из главнейших различий в истории Европы и Китая. Империя династии Хань, современница Римской империи, тоже погибла под ударами варваров в IV в., но китайская империя была успешно восстановлена династиями Суй (581—617) и Тан (618-907).

Единство церкви

История христианской церкви радикально отличалась от истории светских государств в двух отношениях. Прежде всего, крушение Римской империи на Западе дало папству фактическую независимость от императора, ибо император отныне был только в Константинополе, а папы остались в Риме. За многие века папство сумело создать автономную структуру, которую поддерживала мощная идеология, призванная защитить церковь (или, во всяком случае, ее главу, папу) от вмешательства светских сил. Это было достигнуто далеко не сразу и резко отличалось от ситуации в Восточной империи (Византии), где церковь фактически зависела от императора. В России, получившей

24

христианство из рук греческой церкви, укоренились византийские традиции подчинения церкви верховному правителю. Следует также отметить, что сложившаяся на Западе ситуация неизбежно вела к жесткому противостоянию папства и возрожденной Западной Римской империи, или, в более широком смысле, церкви и государства. Борьба пап с императорами оказала глубокое влияние на ход европейской истории, ибо заставила обе стороны, папство и императора, церковь и государство, обосновывать свои претензии на господство, причем рациональными средствами, а не одними лишь экскурсами в далекое прошлое. Потребности подобной рационализации способствовали развитию теологической и политической мысли, уяснению природы и пределов политической власти, требований, предъявляемых правителем своим подданным, а также взаимодействия светской и церковной власти. Нигде в мире не было достигнуто ничего подобного. А поскольку в этом противостоянии затрагивались основополагающие аспекты человеческих взаимоотношений, методы рациональной аргументации начали проникать в другие сферы мысли и значительно ускорили развитие рационального анализа. Как раз в самый острый момент была заново открыта «Политика» Аристотеля². Этот древнегреческий философ со своим по преимуществу светским сознанием послужил источником основных понятий и определений для политической мысли, которые не потеряли значения вплоть до наших дней.

Второе принципиальное отличие истории церкви от истории светских государств проистекало из того обстоятельства, что церковь весьма удачно вписалась в схему поведения интернациональной элиты, сыгравшей столь важную роль в развитии европейской цивилизации. Она тоже предоставляла свои профессиональные услуги, которые требовались повсюду, и в своей деятельности извлекала выгоду из сложившейся ситуации: все церковные ритуалы издревле отправлялись на латыни, и на ней же были записаны все основные положения, правила и законы церкви. Понятно, что церковь стремилась поддержать статус этого международного языка. А поскольку она не была прямым объектом нападений во время варварских нашествий на Римскую империю, ей удалось сохранить, пусть и в очень ограниченных масштабах, свою действующую международную структуру.

Впоследствии на этом фундаменте папы смогли возвести величественное здание позднесредневековой церкви, духовный и административный центр которой находился в Риме. Тем не менее интернациональная церковь оказалась столь же чувствительна к процессу дезинтеграции (связанному с ростом европейского благосостояния), как и прочая профессиональная элита. Церковь могла

25

победить императоров с их универалистскими претензиями, которые не основывались на универсальной политической базе, но оказалась намного более уязвимой перед требованиями отдельных монархий, которым в процессе укрепления собственной власти удалось подчинить церковные организации в своих странах. Поэтому сохранить единство церкви таким, как оно существовало на протяжении тысячи лет Средневековья, в перспективе было, по-видимому, вряд ли возможно.

Изменения религиозных чувств

Возрождение прежнего единства становилось тем более сомнительным, что церковь не собиралась реагировать на изменение религиозных чувств. По крайней мере, в одном отношении это тоже было результатом европейского экономического процветания; в конце Средних веков появились люди, фактически отсутствовавшие на исторической сцене со времен крушения Римской империи, — образованные миряне. Вполне естественно, что появились они преимущественно в крупных городах. Эти мужчины и женщины имели совершенно иные религиозные чаяния: для них благочестие было более личным и непосредственным, возможно, более человечным понятием, нежели проповедовала Церковь с ее помпезным величием и обезличенными ритуалами. Тончайшие нюансы этих перемен помогает понять религиозная живопись итальянского Возрождения. В «Благовещениях» Фра Андже-лико и Фра Филиппе Липпи, созданных, соответственно, в первой половине и в середине XV в., облик Девы Мария все еще бесплотный, неземной, подобный облику ангела, возвещающего ей рождение Христа. Однако в конце XV и начале XVI в., особенно в работах Рафаэля, сюжет «Мадонна с младенцем» становится более популярным, чем «Благовещение», а сама Дева Мария все больше напоминает вполне земную женщину. Мистический образ сверхъестественного события заменяется романтическим изображением обычного события жизни.

Фактически эта перемена религиозных чувств была созвучна весьма старым, но все больше распространявшимся в массах антиклерикальным настроениям. Надменные прелаты, живущие во дворцах и отгороженные от простых верующих толпами слуг, шокировали естественные чувства мирян, вызывая зависть и осуждение. В произведениях Боккаччо и Чосера, в сотнях произведений менее известных писателей хрестоматийным объектом насмешек выступает жирный самодовольный монах. Достойные представители духовенства, кото-

26

рых было немало, слишком хорошо знали об этих настроениях и десятилетиями боролись за церковные реформы, но все их усилия в лучшем случае были успешны только частично. Церковь сохраняла мертвый груз привычек, традиций и корыстных интересов, копившихся веками. К 1500 г. стало ясно, что Церковь находится в состоянии глубокого кризиса (хотя мало кто осознавал его глубину), затронувшего самую основу существования интернациональной церкви. До взрыва оставалось совсем мало времени.

Смена культурных стереотипов Идея Возрождения

Изменение облика Девы Марии в живописи свидетельствует, что перемену в религиозных чувствах следует рассматривать как один из моментов более глубокой перемены восприятия культуры в целом. Петрарка и итальянские гуманисты XV в. осознанно стремились возродить то литературное совершенство, которого, по их мысли, достигли древние. Тот же самый процесс характерен для изобразительного искусства. Художник, архитектор и биограф выдающихся творцов итальянского Возрождения Джордже Вазари (1511-1574) считал, что искусство всегда проходит три периода для достижения совершенства. Так обстояло дело в искусстве древних, и то же самое происходит в его время:

Так, мы видим, что сначала, с легкой руки Чимабуэ, а затем с помощью Джотто греческая манера полностью сошла на нет и от нее родилась новая...*

Затем, согласно Вазари, последовал второй период, отмеченный работами архитектора Брунеллески (1377-1446), живописца Мазаччо (1401-1428) и других, и, наконец, — третий, когда такие мастера, как скульптор Донателло (1386-1466), создали произведения, не уступающие творениям мастеров античного мира**.

Благоговейное и восхищенное отношение к древним само по себе не было чем-то новым. На протяжении всего Средневековья люди

* Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих/Пер. А.И. Бенедиктова и А.Г. Габричевского. Т. II. М., 1993. С. 11. ** Там же. С. 16.

27

с постоянной ностальгией вглядывались в утраченный мир классических Греции и Рима. Их знания об этом мире отличались крайней скудостью и отрывочностью, что порождало страстное желание узнать как можно больше и, если возможно, научиться подражать древним. Это стремление оказалось одним

из самых динамичных и продуктивных элементов в культурной и интеллектуальной жизни Европы. Его следствием был целый ряд «возрождений» в IX и XIII вв. Первое из них относилось к эпохе Каролингов и не вышло за пределы монастырей и придворных кругов. В XII-XIII вв. оно распространилось на церковные школы и университеты. Именно тогда родилась крылатая фраза о современных карликах на плечах античных гигантов. Что касается собственно периода Возрождения (начиная с Данте, Петрарки, Джотто и до первых десятилетий XVI в.), то его отличали следующие особенности: он стал естественным продолжением великих достижений XIII в., и к тому же, развитие шло на гораздо более широкой основе (к прежним церковным и придворным центрам теперь добавились городские). Вазари очень хорошо понимал все выгоды общественной потребности в произведениях искусства и, как следствие, в большем числе мастеров:

Немногим счастливее в те времена [т. е. в начале XIV в.] была и судьба живописи, хотя по сравнению с двумя другими искусствами прогресс ее был более очевидным потому, что она благодаря набожности народа имела гораздо большее распространение и была представлена гораздо большим количеством художников*.

Идея синхронности

Однако именно по причине того, что все попытки восстановить знания и возродить дух греко-римской цивилизации на деле оказались тщетными, появились стимулы для формирования совершенно новых культурных представлений. В частности, французский ученый и экономист Никола Орем (ок. 1325—1382) сопоставлял равно обоснованные, но приводящие к противоположным выводам философские рассуждения, чтобы показать пределы человеческого понимания и вместе с тем четко сформулировать проблему. Этот метод послужил своего рода философским обоснованием для открытого им способа использования графиков для демонстрации величин, зависящих от других переменных величин.

Показательно, что Орем подвергал

* Там же. С. 11.

28

сомнению общепринятое представление о вращении Солнца и звезд вокруг неподвижной Земли, хотя ему и не удалось математически обосновать теорию движения Земли вокруг Солнца.

Решение именно этой математической задачи и оказалось великим достижением Коперника в XVI в.

Идея синхронного представления различных или переменных величин проявила себя и в других областях. Старший современник Оре-ма, французский поэт и композитор Гильом де Машо (1300-1370) в своих пространственных поэмах сопоставлял и накладывал друг на друга различные точки зрения, принадлежавшие протагонисту и наблюдателям. Такой прием позволил ему ввести в повествование сложное и многоплановое изображение человеческих переживаний, которое до него было достигнуто (хотя и несколько иным путем) лишь в классической драме, где наряду с главными действующими лицами на сцене присутствует хор, комментирующий события, но не участвующий в них. Кроме того, Машо принадлежит первая полифоническая месса для четырех голосов, в которой присутствовала не одна мелодическая линия с несколькими высокими и низкими голосами, но четыре самостоятельные музыкальные линии, создававшие нужный эффект благодаря совместному звучанию. Если историк захочет обозначить тот момент, когда европейская музыка начала принципиально отличаться от музыки других цивилизаций, он вполне может принять за точку отсчета четырехголосную «Мессу Нотр-Дам» Машо.

К XV в. композиторы стали систематически использовать технику синхронного звучания, которая одновременно доносит до слуха одну или несколько линейных прогрессий (мелодию или мелодии) и их «вертикальное» совместное звучание (гармонию). Примерно в то же самое время нотная грамота приблизилась к ее современному виду и превратилась в своего рода график или комбинацию графиков, способных одновременно отражать высоту звука, длительность ноты (а следовательно, и ритм) и гармонию*.

В то же время, а именно в XV в., итальянские мастера разработали теорию и технику линейной перспективы. В ее основе лежало стремление изображать реальность не в известных нам ее объективных параметрах, а так, как она предстает глазу в произвольно взятом и конкретном ракурсе. Если художник меняет ракурс, то соответственно меняются и очертания изображаемого предмета. Такая техника позволяла изобразить реальность контрастнее и в то же время наглядно демонстрировала ограниченность человеческого восприятия.

* Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400—1500 годы. Гл. 6.

29

Очевидно, что для философов, писателей, музыкантов и художников, воспринявших новые технические приемы, произошедшее значило нечто большее, нежели процесс (как они сами предпочитали выражаться) восстановления знания древних. Это было, скорее, фундаментальным

изменением в восприятии знаний и опыта, равно естественных и художественных, которому суждено было стать основой для достижений в этих областях в позднее Возрождение и Новое время. Без фундаментальных перемен мировосприятия, которые мы наблюдаем в конце Средних веков, был бы совершенно немыслим шекспировский «Гамлет» — этот шедевр психологической драматургии, где глубина разработки характеров базируется на принципиальной многозначности или неопределенности реальных мотивов, побуждающих героев совершать те или иные поступки. Равным образом, без этих изменений была бы немыслима разработка теории относительности и квантовой механики в XX в. Пафос открытия утраченных знаний и искусств древности вряд ли мог сохраниться до наших дней, но он безусловно господствовал в умонастроении Исаака Ньютона во второй половине XVII в. и все еще чувствовался в искусстве и архитектуре конца XVIII — начала XIX вв.

Открытие книгопечатания и его последствия

Все значение перемен, о которых мы говорили выше, раскрывается в работе Бриггса и Клейвин «История Европы в Новое время, 1789— 1980 годы», но при этом необходимо одно существенное уточнение: изменения в восприятии, проанализированные нами, вряд ли оказались бы столь продуктивными, если бы в середине XV в. не было изобретено книгопечатание. За последующие сто лет это открытие (вкуче с появившимися несколько раньше технологиями гравюры на дереве и металле, позволявшими репродуцировать изображения) приобрело масштаб настоящей информационной революции. Впервые передача знаний и идей, происходившая не путем устного сообщения, могла охватить большее количество европейцев, по сравнению с узким кругом избранных. Более того, теперь это было возможно делать с такой точностью и упорядоченностью, которые были совершенно невозможны при рукописном копировании. Писатели, художники, композиторы и ученые получили отныне доступ к более широкой интернациональной аудитории, чем это было возможно ранее. Благодаря книгопечатанию многочисленные и разнообразные европейские культурные традиции обрели такое мощнейшее средство для взаимодействия, которое неизмеримо превосходило возможности Средневековья.

30

Иными словами, книгопечатание было одной из основных причин, обусловивших весьма заметное ускорение изменений в истории современной европейской цивилизации.

Европа и внешний мир

Эти совершенно новые европейцы, по мировым стандартам уже не бедствующие, хорошо организованные, обладавшие динамичной культурой, не менее других человеческих племен воинственные и стремившиеся подчинять и эксплуатировать слабейших, — именно эти европейцы в конце XV в. вырвались во внешний мир. По сравнению со Средними веками, когда христианская Европа в основном отражала натиск арабов, турок или кочевников Центральной Азии, это знаменовало решительную перемену. Владения христианской Римской империи в Северной Африке и Западной Азии, как оказалось, были потеряны навсегда. Но на востоке Европы, т. е. на Балканском полуострове и в России, потерянное удалось вернуть, хотя восстановление заняло много времени и повлекло за собой серьезные и долговременные последствия. На Балканах христиане вплоть до XVIII и даже XIX в. оставались фактически изолированными от большинства культурных процессов в Европе.

Россия

К 1500 г. Россия уже многого добилась на пути военного и политического освобождения от монгольского ига. Но низовья великих рек, Дона и Волги, а также обширные степные территории на северных берегах Черного и Каспийского морей все еще предстояло отвоевать у государств — наследников великой евразийской монгольской империи XIII в. Хотя Россия оказалась на переднем фронте борьбы Европы и христианства против неевропейских и нехристианских захватчиков, именно эта ситуация, в свою очередь, способствовала тому, что Россия отделилась от остальной Европы, а ее история пошла по другому пути. Вовлеченные в смертельную борьбу, русские совсем не получали помощи от Европы и даже вынуждены были уступить значительные территории с русскоязычным населением своим христианским западным соседям — Польше, Литве и агрессивно настроенным военно-религиозным организациям — немецким рыцарским орденам. Если учесть, что русское христианство было греко-православ-

31

ным, а русское духовенство отвергало любые контакты с Римской католической церковью, то не удивительно, что недоверие к Западу стало доминирующим элементом русской традиции. Обширная и малонаселенная территория этой страны и часто мигрировавшее население не

позволяли развиваться автономным городам и независимым городским корпорациям, которые были характерной чертой остальной Европы. По тем же самым причинам сознание региональной солидарности оставалось на зачаточном уровне. В этих условиях великие князья московские сумели подчинить себе других князей России. Бывшие независимые княжества не сохранили самоуправления или региональной самобытности, которыми на Западе, как правило, обладали территории, присоединенные к другому государству. Сформировавшись как обширное и жестко централизованное, но малонаселенное государство с православной формой христианства, Россия в своем дальнейшем развитии стала очень мало походить на остальную Европу. Конечно, она не была закрыта для европейского культурного влияния подобно мусульманскому миру, но неизменно воспринимала это влияние с крайним подозрением. Поэтому во многом в современной истории России, может быть, и по сей день доминирует проблема того, насколько русские готовы воспринять западную культуру, в то же время поддерживая свои собственные традиции, за которые они боролись в Средние века.

Примечания

¹ Английский перпендикулярный стиль — стиль английской поздней готики третьей четверти XIV — начале XVI в., характеризующийся сложной орнаментикой сводов и огромными окнами с прямоугольными переплетами (отсюда и название).

² В раннее Средневековье знание греческого языка на Западе было практически утеряно, и труды древнегреческих авторов были известны из немногочисленных переводов или пересказов, сделанных на латыни позднеримскими авторами. Интерес к Аристотелю возник на Западе в XII в., и тогда же появились переводы его трудов на латынь с арабского (после исламских завоеваний в Сирии и Месопотамии было сделано немало переводов Аристотеля на арабский). Латинский перевод «Политики», осуществленный фламандцем Вильгельмом из Мёрбеке с греческого, появился в 1260 г.

Глава 2

Экспансия и Реформация, 1500-1600

В 1500 г. большинство европейцев по-прежнему (как и на протяжении всех Средних веков) проживало в сельской местности — на фермах, в мелких и крупных деревнях или провинциальных городах. Крестьяне, за небольшим исключением, были уже не сервами¹, а людьми лично свободными, имевшими право распоряжаться собственным имуществом и покидать родную деревню по своему желанию. Многие сельские жители больше не вели натуральное хозяйство и производили товары на продажу (шерсть, лен, оливковое масло, вино), а другие, занимаясь прядением шерсти, ткачеством или ковкой гвоздей, тратили на это все свое время, или же значительную его часть. Эти крестьяне предназначали свои изделия не только для себя и своих соседей по деревне, но и для продажи на крупных местных или иностранных рынках. Тем не менее почти по всей Европе традиционная деревенская община сохранилась в прежнем виде, а дворяне, т. е. владельцы *маноров*, *seigneurs*, *Grundherren*², продолжали пользоваться по отношению к местным крестьянам многими традиционными правами помимо обычной арендной платы. Землевладельцы устанавливали особые ренты и штрафы, трудовые повинности и заставляли оказывать личные услуги; в некоторых странах за дворянством сохранялись судебные и полицейские функции. Центральные власти пока еще редко бросали вызов влиянию местных феодалов.

Подобное положение, полное многочисленных противоречий между традициями и переменами, вряд ли могло быть стабильным. Таким оно представлялось и современникам, хотя в 1500 г. никто не мог предвидеть действительных масштабов нестабильности, ибо никто не подо-

32

33

зревал о тех могущественных новых силах, которым суждено было действовать в европейской экономике XVI столетия.

Климат

Замедление темпов экономики в XIV — начале XV в. совпало с периодом понижения средних температур. Если погодные условия ухудшались и если, например, летом было больше дождей, а зимой — меньше, это, несомненно, сказывалось на урожайности и, как следствие, на общем уровне жизни и экономическим показателях. Однако мы не имеем об этом точных сведений, а историки весьма осторожно соотносят то немногое, что известно об истории климата, с экономической историей Европы.

Начиная приблизительно с середины XV в. средние температуры стали повышаться, и это продолжалось, по-видимому, около ста лет. В этот период Темза не замерзала ни разу, тогда как после 1540 г. это случалось довольно часто.

Население

Вероятно, общее потепление и увеличение урожаев в какой-то мере способствовали росту населения. На протяжении столетия после Черной смерти 1346—1349 гг. население Европы так и не смогло восстановиться. Рождаемость практически не превышала смертность: небольшой перевес рождаемости в сельской местности почти компенсировался более высокой смертностью в городах и потерями от периодических вспышек чумы. Достаточно было небольших изменений, чтобы нарушить этот баланс. Чума возвращалась реже и, возможно, имела не столь опустошительные последствия. Девушки стали выходить замуж в более раннем возрасте и, соответственно, имели больше детей. Всему этому способствовала несомненно более сильная власть, сдерживающая местные распри и оберегающая от грабежей на больших дорогах: не столько ради спасения человеческих жизней (хотя и это происходило), сколько ради улучшения снабжения неурожайных районов и предотвращения серьезных последствий голода в провинциях. Во всяком случае, начиная с середины XV в. население Европы вновь стало расти, и этот рост, начавшись, оставался стабильным до тех пор, пока условия жизни вновь существенно не изменились.

К 1600 г. (а возможно, даже на 50 лет раньше) население Европы стало больше, чем перед Черной смертью. Рост населения имел далеко идущие последствия: несколько городов перешагнули 100-тысячный

34

рубеж, причем Париж, Неаполь и Константинополь имели население свыше 200 тыс., и к ним стал быстро приближаться Лондон. Некоторые не очень большие города росли даже быстрее — например Севилья и Лиссабон, служившие европейскими форпостами в новой заокеанской торговле, или Мадрид, который из захудалого провинциального городка с несколькими тысячами жителей превратился в столицу величайшей христианской империи. В 1600 г. большинство из 60 тыс. новых жителей Мадрида все еще ютились в жалких трущобах, разительно контрастировавших с роскошными дворцами немногочисленных грандов и придворных.

Рост цен

Последствия роста населения ощущались по всей Европе; требовалось увеличение площади обрабатываемых земель (как это было и в XIII в.). Это повлекло за собой повышения спроса на продукты питания и земельные участки. При этом повышение спроса на продукты питания (и соответственно на землю) не могло быть компенсировано повышением урожайности, которая все еще находилась на уровне сам-четыре, сам-пять (т. е. с одного посеянного зерна получали только четыре—пять зерен). Урожайность росла медленно, несмотря на то, что вокруг крупных городов стали все больше разводить овощи на продажу. Повышение спроса на землю приводило к росту ренты и освоению менее плодородных или менее доступных земель. Таким образом, налицо было сочетание повышенного спроса с инфляцией, что в конце концов проявилось в общем росте цен на продукты питания, а также на шерсть.

О росте цен мы знаем гораздо лучше, чем о росте населения, поскольку инфляция непосредственно затронула каждого. По нашим меркам она была сравнительно низкой, вероятно, 2—3% в год, но в обществе, привыкшем к стабильным ценам с незначительными сезонными колебаниями, усилилось беспокойство. В течение XVI столетия цены на зерно в Англии поднялись в пять раз, во Франции — в семь и еще больше — в Испании. Современники сетовали не на рост населения, о котором они мало что знали, а на жадность землевладельцев, поднимавших арендную плату.

О вы, лендлорды, вы, мздоимцы, вы, скажу я, лжелорды [так звучит обвинительная проповедь епископа Латимера, произнесенная перед юным королем Эдуардом VI в 1549 г.], каждый год вы полу-

35

чаете в ваше владение слишком много. Ибо то, что раньше в этой стране обходилось в двадцать или сорок фунтов в год (а это достаточная сумма, чтобы получить ее даром, во власти лорда над потом и трудом другого человека), теперь обходится в пятьдесят или сто фунтов в год. От этого «слишком много» и наступает столь чудовищный и злоеющий голод, устроенный человеком... что бедные люди, живущие трудом своим, не могут даже в поте лица заработать на жизнь, так дороги стали все продукты; ...и я истинно говорю вам, что, если такое продолжится, мы все будем вынуждены платить фунт за свинью *.

Лендлорды, вне сомнения, стремились выжать максимум из своих арендаторов, и нам известны письменные источники XVI в., объясняющие, как лучше это сделать. Однако даже если отвлечься

от того, что в своих полномочиях лендлорды были часто ограничены обычаями и мнением соседей, они бы вовсе не могли поднимать арендную плату, если бы рост населения не способствовал конкуренции в аренде.

Начиная с 1550-х годов появились люди, порицавшие ввоз серебра в Испанию с серебряных рудников Мексики и Перу. Испанцы продолжили завоевание Мексики (1519-1521) и Перу (1531-1533), захватывая золото и серебро повсюду, где могли. С 1540-х гг. испанцы начали добывать серебро промышленным образом, используя новоизобретенный процесс извлечения металла из руды. Испанская корона, следуя своему обычаю с самого начала колониальных завоеваний, брала пятую часть добытых ценностей. Эти сокровища переправлялись в Севилью, кроме того драгоценных металлы Испания получала в счет оплаты за товары для колонистов. Вплоть до конца XVI в. количество ввозимого в Испанию серебра росло (хотя и колебалось в отдельные годы).

Севилья, через которую проходила американская торговля Испании, стала процветающим городом; она привлекала к себе генуэзских и южно-немецких банкиров, а также значительное количество мигрантов со всей Испании, чьи нравы были столь живо описаны в «Назидательных новеллах» великого испанского писателя Мигеля Сервантеса, автора знаменитого романа «Дон Кихот». Для поддержания столь обширной торговли у Испании не хватало состоятельных и обладающих нужными навыками купцов и банкиров, да и сама страна не производила товаров в таком количестве, чтобы удовлетворить потребности заморских колонистов. Поэтому специалистов и товары

* *Latimer H.J. Sermons / Ed. G.E. Corne. Cambridge, 1844. P. 98ff.*

36

приходилось «вывозить» из других европейских стран. Испания могла экспортировать качественную (мериновскую) шерсть, оливковое масло и некоторые металлы; но экспорт никак не покрывал стоимости необходимых импортных товаров, и за них приходилось расплачиваться американским серебром. Значительная часть американских «сокровищ» шла напрямик через Испанию к ее торговым партнерам и оседала в банках Генуи, Аугсбурга и Антверпена. Все на то же серебро содержались испанские войска, занимавшие половину Италии и сражавшиеся в Нидерландах. Все это способствовало росту инфляции.

Последствия революции цен

Торговля и капитализм

О причинах ценовой революции спорят до сих пор, так же как и о том, каковы долгосрочные последствия этого явления. К сожалению, мы имеем лишь весьма обрывочные сведения об оплате труда; тем не менее, насколько можно судить, в целом она соответствовала уровню цен. Иными словами, жизненный уровень наемных работников снизился по сравнению с XV в., а работодатели в период роста цен и расширения рынков получали, напротив, более высокую прибыль. Эту «прибыльную инфляцию» нередко считали важным моментом в развитии капитализма. Насколько именно он был важен, определить трудно. В Испании, где не было устойчивых традиций финансового и промышленного предпринимательства, этот элемент вряд ли мог играть существенную роль; во всяком случае, наибольшую прибыль от высокодоходной атлантической торговли через Севилью получали генуэзские и южно-немецкие купцы и банкиры. Правда, затем испанские монархи выкачивали значительную часть этих денег, но тратили их преимущественно на военные действия; в сельское хозяйство и промышленность не вкладывалось почти ничего. Поэтому, несмотря на все свои американские сокровища (а по мнению некоторых испанских моралистов, именно из-за них), Испания оставалась бедной страной. «Эти королевства предпочли, по-видимому, стать государством очарованных людей, пренебрегающих естественным порядком вещей», — писал в 1600 г. испанский экономист и моралист Сел-лориго*. Он имел в виду, что испанцы привыкли считать, что людей обогащают сокровища, золото и серебро, а не упорный труд.

* *Cellorigo M.G. de. Memorial de la Poltica necessaria... a la Republica de Espana. Valladolid, 1600. P. 25.*

37

Однако в других европейских государствах растущие ожидания, частью которых, возможно, была «прибыльная инфляция», оказались величайшим побудительным мотивом к инвестициям и развитию капитализма. В значительной мере эти ожидания питали сами себя, ибо основывались на росте региональной и международной торговли. В свою очередь, этот рост был результатом расширения рынков крупных городов и усиления региональной специализации в Европе. Два самых урбанизированных региона континентальной Европы, Северная Италия и Фландрия, продолжали играть роль ступиц, в которых еще с XII в. вращалась ось европейской экономики.

Оба региона производили качественное сукно, а Италия, кроме того, стала специализироваться на шелке и других дорогих тканях. Венецианцы продлили эту ось на юго-восток, в Левант и дальше, откуда везли пряности, предметы роскоши и домашних рабов, а англичане расширили свой экспорт полуфабрикатов шерстяного сукна в северо-западные регионы. «Боковыми» ответвлениями этой оси стали рынки Франции, Испании и Португалии, а на северо-востоке — Германии и балтийских стран. Короче говоря, Европа превращалась во все более интегрированный рынок. Поэтому, когда португальцы начали возить азиатские пряности морским путем вокруг Африки, эта торговля, как и испанская торговля с Америкой, стала составной частью сложившейся общеевропейской системы.

Антверпен в Нидерландах стал богатейшим торговым городом Европы и первым крупным центром мировой торговли. Заморскую торговлю Антверпен вел через Испанию и Португалию, и к середине XVI в. она составляла пятую часть всего оборота города. На Англию, Италию и балтийский регион приходилось, соответственно, еще по пятой части, а оставшаяся пятая часть включала торговлю с Францией и Германией.

Все же главный вклад Антверпена в развитие капитализма был лишь косвенно связан с торговлей потребительскими товарами, где доходы оставались относительно невысокими — как и в мануфактурном производстве, которое в этот период не знало заметных технологических новшеств (за исключением книгопечатания). По-настоящему большие прибыли, гигантское накопление капитала были привилегией банковских и горнодобывающих монополий. Именно в горном деле технологические новшества (внедрение сложных насосов, использование новых химических методов извлечения металлов из руды) привели к возникновению наиболее крупных предприятий и потребовали самых значительных капиталов для инвестиций. Венгерская медь, добываемая немецкими предпринимателями, была источником финансирования португальских экспедиций в обе Индии и по крайней мере части испанских предприятий в Южной Америке. Наибольшего успеха добился банкирский дом Фуггеров из южно-немецкого города Аугсбург. Якоб Фуггер способствовал получению императором Карлом V огромных займов, взамен на монопольные права на добычу серебра, меди и ртути из шахт Тироля, Венгрии и Испании, а также имперскую протекцию для своей европейской сети продаж. Эта система позволяла Фуггерам год за годом получать более 50% прибыли и довести свой семейный капитал до суммы, исчислявшейся миллионами дукатов. Многие предприимчивые люди пытались подражать Фуггеру или же вкладывали свои деньги в его дело.

Таким образом, наиболее впечатляющее развитие капитализма на заре Нового времени было своего рода симбиозом власти и предпринимателей, основывавшегося (во всяком случае отчасти) на новых технологиях в горном деле. В перспективе этот союз продемонстрировал свою ненадежность: правительства западноевропейских стран неоднократно отказывались от уплаты долга и разоряли банки, которые были их кредиторами. Но на первых порах обе стороны получили настолько большую выгоду, что несколько поколений финансистов охотно давали займы государству.

Аграрное общество в Западной Европе

К середине XV в. старинная сеньориальная система земельных отношений практически исчезла вместе с серважем. Во Франции, в западной части Германии и на большей части Италии права крестьян на обрабатываемую землю защищались как обычаем, так и законом. Для королей Франции, крупных владетельных особ Германии и Италии крестьяне были важны как налогоплательщики, а в ряде случаев — как рекруты для их армий. Не будучи в состоянии лишить крестьян собственности, дворянство все еще могло навязать им целый ряд феодальных повинностей и монополий (на пивоварение, помол, выжимание винограда), а иногда и трудовых повинностей. Сомнительно, хватало ли этих дополнительных источников дохода, чтобы защитить дворянство от инфляции. Готовность, с которой низшее дворянство Франции меняло королевские и религиозные знамена во внешних и гражданских войнах, можно расценить как признак экономического неблагополучия значительной части этого многочисленного сословия. Для дворянства, особенно для младших сыновей, единственной возможностью обрести состояние оставалась военная служба, церковная карьера или должность королевского чиновника — поскольку

само же дворянство, заинтересованное в поддержании своего сословного престижа, настаивало на принципе *derogance*, т. е., на том, что дворянин, занявшийся торговлей или ремесленным трудом,

утрачивает свой благородный статус.

Принцип *derogance* подразумевал, что капиталы земельных собственников редко вкладывались в торговлю или производство (за исключением крупных торговых домов) или попадали в оборот опосредованно, через государственное налогообложение, систематически осуществлявшееся со второй половины XVII в. Как следствие, дворянский капитал не инвестировался в сельскохозяйственное производство, почти полностью сосредоточенное в руках крестьян. Рост населения побуждал многих крестьян делить свои участки между детьми; мало кто мог найти деньги для расширения производства, а прибавочный продукт крестьянского труда в основном уходил на оплату растущих государственных налогов. В неурожайные годы крестьянам приходилось занимать деньги под ростовщические проценты, чтобы расплатиться со следующего урожая. Кредиторами выступали, как правило, местные землевладельцы, иногда горожане и реже евреи. Неудивительно, что в эти времена крестьянские волнения получили достаточно широкое распространение, а число еврейских погромов начало расти. Во многих случаях власти предпочитали поощрять погромы, только бы отвлечь крестьян от более чувствительных мишеней. Наиболее напряженная ситуация сложилась в Германии. Сотни германских князей, князей-епископов и князей-аббатов³, имевших налоговые льготы, стремились увеличить свои доходы и утвердить близкий к суверенному статус в пределах Священной Римской империи. Они налагали на крестьян дополнительное налоговое бремя. По крайней мере с середины XV в. в Германии повсюду был слышен ропот и происходили открытые всплески недовольства. Обычно с ними легко справлялись, но в первые годы XVI в. это традиционное движение начало приобретать религиозную окраску. Народные проповедники предсказывали приближение тысячелетнего Царства Божия и конец существования жестоких и безбожных господ, светских и церковных. Подобные настроения распространялись все шире, вызывая все большую тревогу властей. Кульминацией стала великая крестьянская война 1524—1525 гг., которая началась в Шварцвальде, охватила почти всю центральную и южную Германию, а также альпийские районы с немецким населением. Вплоть до событий XX в. она оставалась крупнейшим потрясением в немецкой истории; посвященная ей современная литература практически необозрима и содержит прямо

40
противоположные точки зрения (достаточно, в частности, сравнить позиции марксистских историков из бывшей ГДР и большинства западных историков). Однако в изложении фактов даже идеологически противоположные работы нередко совпадают. Они рисуют сложную социальную систему, где экономические перемены и противоречащие друг другу интересы князей, рыцарей, монастырей, городского патрициата, ремесленников, свободных и зависимых крестьян порождали взрывоопасную ситуацию. Последней искрой и в то же время моральным оправданием и побуждением к восстанию послужило выступление Лютера против официальной церкви и ее доктрины. Аргументы Лютера, сами по себе теологически искусные, но часто облеченные в резкую и простонародную форму, были истолкованы крестьянами превратным образом. Одна из крестьянских грамот, перечислявшая обиды и требования, обвиняла власти в том, что они сознательно лишили простого человека истинного слова Божьего (а следовательно, и его шанса на вечную жизнь), и в том, что это совершено из-за их гордыни.

В создавшейся ситуации крестьянские движения различных регионов не смогли объединиться, и хорошо обученные войска князей разбили их по отдельности, учинив ужасающую резню. Деревни лишились многих прав самоуправления, которыми до той поры пользовались. Экономически же их положение, похоже, не ухудшилось. Между тем современникам стало ясно, что движение низших слоев населения само по себе не имеет шансов на успех в обществе, где на стороне высших слоев находятся все преимущества: образованность, привычка повелевать и твердо рассчитывать на повиновение, навыки организации и управления и, наконец, деньги, позволяющие содержать профессиональные войска. Народные движения и восстания происходили по всей Европе в течение следующих двух веков. Но повстанцы и революционеры могли надеяться на успех лишь в том случае, если среди состоятельного правящего класса происходил раскол и часть его вступала в союз с народным движением. По всей Западной Европе в подобных расколах не было недостатка.

Итак, несмотря на расширение рынков и подъем цен, положение европейского крестьянства существенно не улучшилось. Есть основания считать, что в XVII в. показатели урожайности даже понизились.

Аграрное общество в Англии

В Англии революция цен обрушилась на общество, где значительная доля крестьян не была

официально защищена от покушений на свое

41

имущество со стороны лендлордов. Благоприятная рыночная конъюнктура XVI в. побудила многих землевладельцев либо нанимать сельскохозяйственных рабочих, либо сдавать обширные угодия в краткосрочную аренду, условия которой можно было периодически корректировать вслед за ростом цен. Историки до сих пор спорят о том, насколько широко распространилось это явление и каковы точные хронологические рамки этого процесса. Однако более или менее ясно, что английские крестьяне по сравнению с континентальными странами были гораздо меньше обременены налогами — благодаря (по крайней мере отчасти) эффективному контролю парламента за налогообложением.

Вместе с тем для Англии той эпохи характерна более значительная социальная мобильность населения и капитала, чем для большинства европейских стран. В Англии не существовало принципа *derogance*, и, хотя сельский джентльмен⁴, как и в континентальной Европе, не снисходил до ручного труда, он не считал зазорным модернизировать хозяйство, которым сам же и управлял, а при случае вкладывал деньги в торговлю или промышленность. В свою очередь, деловой человек с деньгами мог стать джентльменом или даже крупным арендатором и привлечь капитал в сельское хозяйство. Все это не меняло основ общественного устройства, но быстрый подъем или упадок отдельных семейств стал повсеместным явлением и вызывал множество толков. Современники в целом воспринимали эти перемены с сожалением, но едва ли представляли себе значение не менее важного процесса перемещения капитала внутри общества. Благодаря этим особенностям общественной и экономической жизни, Англия имела в дальнейшем ряд преимуществ над континентальными соперниками в развитии сельского хозяйства, торговли и промышленности. Англия была ничуть не больше, чем континентальные страны, застрахована от социальных потрясений, но серьезно они проявили себя только в XVII в. (см. гл. 3, с. 121-124).

Аграрное общество к востоку от Эльбы

Территории к востоку от Эльбы были «колониальными» землями, которые в конце Средних веков заселили немецкие крестьяне — либо путем захватов, либо мирно сосуществуя со славянским населением*. Чтобы привлечь переселенцев, князья и землевладельцы обычно предлагали им привилегированные условия аренды; сокращение же

Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы. Гл. 5.

42

населения в XIV—XV вв. делало положение крестьян еще более выгодным. Вместе с тем, в отличие от крестьян Западной Европы, они не получили узаконенной свободы — отчасти потому, что крестьянские поселения были слишком мелкими и разрозненными, чтобы настаивать на своих правах, а отчасти, несомненно, потому, что при прочих благоприятных условиях личная правовая защищенность выглядела слишком абстрактно, чтобы за нее бороться. Как оказалось, это было серьезным упущением.

Со второй половины XVI в. урбанизированным регионам Западной Европы и Средиземноморья стало все труднее удовлетворять свои потребности в продовольствии, особенно в неурожайные годы. Соответственно, эти регионы были прекрасными рынками сбыта для владельцев крупных поместий за Эльбой, с их зерном, древесиной, мехами и другой продукцией — при условии, что они найдут дешевую рабочую силу для своих имений. Для этого они использовали свои сохранившиеся феодальные права, позволяющие им привязывать крестьян к земле и обязывать их и членов их семей выполнять трудовые повинности. В конце XVI и на протяжении XVII в. этот «новый серваж» постепенно набирал силу при помощи драконовского законодательства, закреплявшего за землевладельцами феодальные и полицейские права, и неизбежной долговой зависимости мелких арендаторов от их соседей — крупных землевладельцев.

Курфюрсты Бранденбурга, герцоги Мекленбурга, Померании и Пруссии, равно как и короли Польши, были слишком слабы, чтобы защитить крестьян. Кроме того, они сами были крупными землевладельцами, и в этом отношении их интересы совпадали с интересами дворянства, от которого они зависели при голосовании по финансовым вопросам на сословных собраниях. Даже там, где они впоследствии получили абсолютную власть (как Гогенцоллерны в Бранденбурге-Пруссии), положение не изменилось, ибо подобный абсолютизм, как известно, не распространялся на имения благородного сословия. Владельцы поместий старались объехать местные города, чтобы продать товар непосредственно голландским купцам в Гданьске (Данциге), которые везли товары в Амстердам, а оттуда развозили по всей Европе. В силу этого города Пруссии, Польши и Бранденбурга, лишенные наиболее прибыльной торговли, окруженные землями с бедным и зависимым крестьянским населением, оставались небогатыми и не имели политического веса.

Таким образом, урбанизация и развитие промышленности в Западной Европе были тесно связаны с триумфом нового коммерческого «феодализма» к востоку от Эльбы. Эти же процессы имели

43
следствием поражение в правах некогда сравнительно свободных крестьян и упадок восточно-немецких и польских городов — точно так же, как и работорговлю и плантации с рабским трудом в Новом Свете. Неудивительно, что лишь трансформация экономики и общества Западной Европы под воздействием промышленных и политических революций XVIII—XIX вв. в конце концов поставила крепостническую Восточную Европу и рабовладельческую Америку перед болезненной необходимостью — приспособиться к политическим и экономическим требованиям промышленного капитализма.

«Новые монархии» и система патроната

Во второй половине XV в. большинство западноевропейских монархий переживало кризис. Больше ста лет английские бароны сражались за власть над Францией (или ее значительной частью). К середине XV в. они были окончательно разбиты и вытеснены. От некогда обширных владений Англии в западной Франции оставался только порт Кале, расположенный прямо напротив Дувра через Ла-Манш. Когда Англия, которой правил слабый и временами являвший признаки умственного расстройства Генрих VI, утратила всякие надежды на успех во Франции, английские бароны обратили оружие друг против друга. Они сражались за местное влияние и власть, но группировались вокруг соперничавших претендентов на корону, двух ответвлений от правящей династии Плантагенетов, домов Ланкастеров и Йорков. Романтично названная, Война Роз не была борьбой за принципиально различные позиции. В национальной памяти Ланкастеры и Йорки остались в основном благодаря колоритным и беспощадным личностям их лидеров. Более всего известен лидер партии йоркистов Ричард III (1483—1485), которого даже недавние попытки (включая усилия «Общества друзей Ричарда III») не в состоянии освободить от вины за убийство в Тауэре двух мальчиков, его племянников-принцев.

Во Франции против короля Людовика XI (1461—1483) выступили под предводительством правителя Нидерландов герцога Бургундского великие герцоги и принцы королевского дома. Свой союз они называли «Лигой общественного блага» — по древнему и тогда еще не забытому обычаю тех, кто отождествляет личные корыстные интересы с интересами государства.

В Каталонии трехсторонний конфликт между королем, дворянством и Барселоной привел к патовой ситуации. Однако в Кастилии часть высшей знати, поддержавшая сомнительные с юридической

44

точки зрения притязания сестры короля Изабеллы, вступила в конфликт с другой группой знати, которая поддерживала дочь короля и ее мужа, короля Португалии. Выиграли Гражданскую войну сторонники Изабеллы и ее мужа Фердинанда Арагонского.

В Нидерландах после смерти в 1477 г. герцога Карла Смелого началась настоящая революция, в ходе которой Генеральные штаты на некоторое время взяли управление страной, а отдельные провинции подтвердили свои привилегии по отношению к центральному правительству.

Так или иначе, к концу XV в. монархии повсюду одержали победы в гражданских войнах. Успех был достигнут отчасти потому, что на сцене появились способные и решительные правители. В Нидерландах — Максимилиан Австрийский (из дома Габсбургов), взявший в жены наследницу Карла Смелого, в Англии — йоркист Эдуард IV, которого (после недолгого и кровавого правления Ричарда III) сменил хладнокровный и расчетливый Генрих VII из новой династии Тюдоров, в Испании — по-макиавеллиевски настроенные Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская, «католические короли»⁵, чей брачный союз создал новую великую европейскую державу. Ни Людовик XI Французский (предпочитавший окольные пути, но отличавшийся упорством, за что и получил прозвище «король-паук»), ни его ближайшие преемники не были личностями такого масштаба, как правители Англии или Испании. Но французская монархия как властная структура уже обрела такую устойчивость, что могла успешно бороться с оппозицией «всемогущих подданных».

Однако главная причина триумфа монархий заключалась в тех социальных переменах, которые европейское общество переживало в эпоху позднего Средневековья. Разложение старинных феодальных отношений между сюзеренами и вассалами*, а также возможности, предоставляемые все шире распространявшимися кредитно-денежными структурами, позволили монархиям значительно укрепить свою власть и авторитет среди своих подданных. Традиционные армии рыцарей и подвластных им простолюдинов оказались не в силах противостоять новой

высокопрофессиональной пехоте, которая появилась в Швейцарии, а в Испании получила дальнейшее развитие. Старинные феодальные замки не выдерживали огня новой осадной артиллерии. Между тем в развертывании и применении этого нового оружия короли получили огромное преимущество даже перед самыми могущественными вассалами.

Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы. Гл. 5.

45

Высшая знать западной и южной Европы вынуждена была сделать выводы из этого значительного смещения центра силы. Им пришлось оставить попытки сохранить независимость или автономию от короля и сосредоточиться на получении контроля или хотя бы обретении влияния на монархию и ее институты. Хотя немало проблем оставалось между монархией и высшей знатью, и в разные периоды в разных странах их отношения заметно менялись, абсолютизм конца XVI—XVIII в. был в основном результатом их союза.

Король уже не стоял на вершине феодальной пирамиды; скорее, он напоминал паука, сидящего в центре общегосударственной паутины отношений патрон-клиент*, ибо эти отношения работали на каждом уровне общества. В основе новой системы лежала неспособность европейских правительств эффективно действовать на локальном уровне. Все монархии, какие бы они ни были сильные и абсолютные, нуждались в сотрудничестве с теми, кто осуществлял властные полномочия непосредственно, — с местным дворянством, городскими корпорациями, судебными инстанциями, церковными капитулами или провинциальными сословными собраниями.

Учитывая универсальность и повсеместность отношений патрон-клиент, не приходится удивляться тому, что они породили систему своеобразного маклерства: тот, кто был способен или притязал на способность, сводил потенциального клиента с патроном. Для королевских секретарей, государственных министров, губернаторов провинций или городов, командующих войсками это был наилучший способ распределения королевского патроната. Некоторые короли стремились лично контролировать отношения патроната: как заявлял Филипп II Испанский (1555-1598), «все должно зависеть от меня». На практике же ни один король, даже столь прилежный, как Филипп II, не смог бы разобраться с горой бумаг с просьбами о покровительстве, громоздившейся на его столе. Ему приходилось переключать эту работу на министров и секретарей. Если король был слаб или неумел, такая ситуация предоставляла министру возможность приобрести значительное влияние. Во многих случаях такая видимость доступа к патронату оказывалась едва ли не важнее, чем реальный контроль, ибо как раз эта видимость и создавала репутацию личности — ключевое понятие политики раннего Нового времени. Таким образом, патронат был настолько же «связями с общественностью», насколько и реальными отношениями в обществе.

* Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400—1500 годы. С. 282.

46

Отношения патроната считались вполне естественными и необязательно воспринимались как коррупция. Однако по сути своей они именно такими и были, поскольку подразумевали плату или услуги для патрона или маклера. Предосудительность поведения последних зависела, разумеется, от позиции наблюдателя. Назначенный императором Карлом V наместник провинции Голландия совершенно ясно обрисовал позицию патрона. Сетую на то, что голландские штаты делали «подарки» членам центрального правительства, а не ему лично, он заявил:

Яне такой глупый, каким вы меня считаете. Если кто-то сделает для меня столько хорошего (и он указал на ладонь), я сделаю для него столько хорошего (и он указал на предплечье). Но равно если кто сделает мне столько плохого, я отвечу ему тем же или учиню столько же препятствий (и он указал на то же самое)*.

Голландские штаты, в которых наибольшим влиянием обладали города с их буржуазным менталитетом, воспринимали создавшееся положение несколько иначе. Было решено, как они кратко заявили, что

если кто-то из великих господ или других людей окажет нам поддержку, они должны быть вознаграждены взятками или незаконными услугами**.

Лишь в конце XVIII в. этот буржуазный взгляд на подношение как на взятку возобладал в европейском обществе, и с тех пор от чиновников (по крайней мере в теории) ожидали исполнения их функций в общественных интересах только за установленный оклад и возможное продвижение по службе.

В то время как патронат служил своеобразным «смазочным средством» общественных связей, он вместе с тем представлял собой консервативную силу, поскольку закреплял существовавшую социальную иерархию. Хотя он допускал социальную мобильность, по крайней мере для отдельных личностей, и всегда мог быть использован для укрепления той или иной оппозиции или

революционных движений, — когда высшее дворянство, городские корпорации или революционные партии могли применить его, дабы заручиться поддержкой.

* *Koenigsberger H.G. Estates and Revolutions: Essays in Early Modern European History. Cornell University Press, 1971. P. 174. ** Ibid. P. 171.*

47

Это происходило довольно часто на протяжении ста лет — с середины XVI до середины XVII в. В то же время отношения патроната были движущим элементом развития государства и королевской власти. Чем большими ресурсами располагал король, тем шире он мог распределить патронат и тем легче заставить своих подданных служить ему. Следовательно, короли должны были стремиться к увеличению своих ресурсов. Это можно было сделать тремя основными способами: внутренним — путем увеличения королевской казны и контроля над местной администрацией; внешним — через увеличение королевских владений путем наследования или войны; и третьим способом, в отношениях церкви и государства — усилением контроля за назначением духовных лиц и ограничением вмешательства пап, насколько это возможно. Эта схема, реализованная полностью или частично в большинстве государств Европы, служила главной движущей силой в их политической истории на протяжении нескольких столетий.

Реорганизация центральной власти

Модернизация органов центральной власти оказалась делом относительно несложным. Пример подали «католические короли» Испании, создав королевские советы, наделенные полномочиями по «делам государства» (т. е. во внешней политике), военному делу, финансам, новооткрытым Индиям, итальянским владениям Испании, рыцарским орденам и т. д. В эти советы входили правовики, профессиональные администраторы и представители знати. Важнейшие политические решения (наряду, впрочем, с массой мелочей, включая различные назначения и прочие патронатные дела) оставались на усмотрение короля. В таких условиях осуществление королевской власти превратилось в занятие, которое требовало профессионализма и занимало почти все время. Поэтому слишком ленивые, недалекие или неуверенные в себе правители считали за лучшее передать бразды правления главному министру. Франция и Англия последовали испанскому примеру. Своеобразным историографическим парадоксом является то, что, хотя мы лучше знаем о том, как это происходило в Англии, спорным остается вопрос, благодаря кому были сделаны самые важные нововведения: Эдуарду IV (1461-1483), Генриху VII (1485-1509) или же первому министру Генриха VIII Томасу Кромвелю, предпринявшему реформы в 1530-х годах.

Королевским судам также было нетрудно взять на себя юрисдикцию местных и сеньориальных судов. Королевские судьи все больше

48

и больше опирались на римское право, которое закрепляло неограниченную власть суверена, позволяющую ему произвольно издавать законы и даже ставить себя над законом. Лишь в Англии, где традиционное германское право еще в начале Средних веков было систематизировано в «общее право» для всего королевства, римскому праву не удалось существенно развиваться. Показательно, что именно сторонники общего права выступали в XVII в. главными защитниками прав англичан против попыток королевской власти подражать континентальному абсолютизму.

Местные власти и королевские чиновники

Реорганизовать власть в центре оказалось значительно легче, чем добиться исполнения королевской воли в провинциях. Можно было, конечно, пойти путем увеличения количества королевских чиновников и расширения их полномочий; но по сравнению с современной бюрократией их число все равно оставалось крайне незначительным. Во Франции и Италии подданные покупали должности у короны ради прибыли и престижа и рассматривали их как свою частную собственность. Доход от таких должностей, состоявшийся из комиссионных, подарков и прямых взяток, многократно превышал официальные выплаты; к числу прочих преимуществ относилось освобождение от некоторых налогов, а иногда и от юрисдикции обычных судов. В Англии самые важные местные чиновники, мировые судьи, назначались короной, но не получали официального жалованья; вместе с тем социальный престиж такого поста был весьма высок. И в Англии, и на континенте для центральной власти оказалось весьма нелегким делом контролировать отдельных чиновников и заставлять их действовать в рамках закона, и было практически невозможно эффективно реализовывать политику, противоречащую интересам королевского чиновничества или соответствовавшего ему сословия. Испанская монархия издала фолиант великолепных законов, защищавших индейцев от произвола испанских поселенцев в Центральной и Южной Америке. Эти законы в основном так и не применялись. Английское

правительство побуждало парламент принимать акт за актом против огораживаний общественных земель алчными землевладельцами. Эти акты фактически почти не имели силы. Во Франции чиновники часто действовали как местные властные группы, которые плели интриги и боролись с другими такими же группами, не способствуя, по существу, укреплению королевской власти в провинциях. Когда в 1560-х гг. французское правительство попробовало провести законы,

49

дававшие ограниченные религиозные свободы протестантам, его собственные чиновники в массе своей саботировали эту политику, чем в известной мере спровоцировало тридцать лет

Гражданской войны.

Королевские финансы и парламенты

Усиление королевской власти и вместе с тем ее пределы наиболее четко проявились в сфере финансов. Военная мощь, а следовательно, в конечном счете и общее положение монархий зависели от денег. «Деньги — станова жила войны», — не уставали твердить друг другу короли, министры и генералы, будто они не знали этого раньше. У них были серьезные основания для такой одержимости. Только наличностью можно было заплатить за орудия, корабли и возведение укреплений, без которых успешные войны стали уже немыслимы. Солдаты, которым не платили звонкой монетой, в лучшем случае грабили подданных своих хозяев, а в худшем переходили на сторону противника или просто действовали на свой страх и риск — как поступили в 1527 г. имперские войска, захватившие Рим, или в 1576 г. испанские солдаты, взявшие штурмом и разграбившие Антверпен.

Между тем традиционные источники доходов короны — королевская собственность и некоторые монопольные права — совсем не соответствовали возросшим и продолжавшим расти затратам на управление государством и особенно на военные нужды в период роста цен. Все больше и больше власти прибегали к займам у банкиров Антверпена, Лиона и прочих финансовых центров. В отдаленной перспективе займы в конце концов нужно было возвращать, и это могло произойти только путем увеличения фискальных налогов. В большинстве стран Европы, по старинному правилу, суверен для поднятия налогов нуждался в согласии подданных, получаемом от представительных собраний. Лишь короли Франции да некоторые итальянские правители могли вводить налоги без такого согласия.

В этом была суть конфликта, ведь финансовые потребности королей столкнулись с нежеланием подданных платить. Проблема финансов и налогообложения неизбежно стала одной из центральных проблем в отношениях монархий и парламентов. Эта проблема была тесно связана с другими конфликтами между королем и его подданными. По мнению последних, традиционные права и привилегии прелатов, дворян, городов и провинций были поставлены под угрозу королевской политикой централизации. Стабильность, достигнутая монархиями в результате побед в гражданских войнах XV в., была скорее видимой, чем реальной, и не могла сохраняться долго.

50

Агрессия и империализм

Итальянские войны

Этос европейского дворянства, как мы увидели, был воинственным. Трансформация феодализма ничем не изменила этот факт. Укрепление монархий во внутривластном отношении вкупе с их стремлением усилить отношения патроната были еще более серьезными причинами того, что короли искали возможности расширить свои владения.

Поэтому естественно, что как только крупнейшие монархи Западной Европы навели порядок у себя дома, они сразу же набросились на Италию. Италия была наиболее экономически развитым и богатым регионом Европы, французский и испанский королевские дома имели законные притязания на некоторые итальянские государства и, что самое важное, итальянцы не могли защитить себя. Они ненавидели иноземных «варваров», французов, испанцев, швейцарцев и немцев, которые вторглись в их страну. Итальянцы рассуждали о союзах против захватчиков или, как Макиавелли в последней главе «Государя», грезил о национальном герое, который освободит их. Однако, когда доходило до дела, Рим, Венеция, Флоренция, Милан, Феррара и другие итальянские государства предпочитали совместному сопротивлению собственную сиюминутную выгоду.

Начиная с 1494 г., когда французские войска впервые дошли до Неаполя, и вплоть до 1559 г., когда Като-Камбрезийский договор закрепил победу Испании над Францией, судьба итальянских государств все меньше зависела от них самих. Все это время иностранные армии, в каждой из которых служили итальянские наемники, бесчинствовали в городах Италии, подвергали

опустошению целые области и уничтожали материальные основы Возрождения. Сто пятьдесят лет, до начала XVIII в., Испания, захватившая Сицилию, Неаполь, Сардинию и герцогство Миланское, подавляла любые проявления итальянской политической жизни.

Сложносоставные государства

Это не была эпоха национализма, и европейские монархии, вопреки распространенному мнению, не были национальными государствами. Почти все тогдашние монархии представляли собой сложносоставные образования — как в этническом, так и в политическом отношении. Короли и королевы Англии носили также титулы принцев

51

Уэльских и правителей Ирландии. Временами они обращали свои взоры на Шотландию и упорно держались за Кале — последний осколок некогда обширной Анжуйской империи⁶, а когда в 1558 г. Кале окончательно отошел к Франции, они вплоть до конца века пытались его вернуть. Короли Франции правили кельтоязычной Бретанью, удерживали часть Каталонии и имели претензии на Неаполь и Милан. Короли Дании были одновременно королями Норвегии и Швеции, а также правителями герцогства Финляндии. Короли Польши правили немецкоязычной «королевской Пруссией» и Великим княжеством Литовским, занимавшим обширную и этнически неоднородную территорию. Королевство Чехия включало Силезию и Лаузиц с немецким населением, а венгерские короли были обладателями трех корон⁷ и правили территориями еще более этнически разнородными, чем польские владения. Самым сложносоставным политическим образованием была Священная Римская империя. Ее сердцем было королевство Германия, которое объединяло не все немецкоязычные территории, но зато включало Чехию и Моравию с чешскоговорящим населением. В состав империи входили также Нидерланды, Лотарингия и Франш-Конте, швейцарские кантоны и значительная часть Северной Италии, включая Милан. Императора избирали семь курфюрстов: архиепископы Майнца, Кёльна и Трира, пфальцграф (Пфальц, или Палатинат, был богатым и занимавшим стратегически важную территорию княжеством на среднем Рейне), герцог Саксонии, маркграф Бранденбурга и король Чехии. В XVII в. в число избирателей вошла Бавария, а в XVIII в. — Ганновер. С 1438 г. вплоть до упразднения Священной Римской империи в 1806 г., курфюрсты неизменно (за единичным исключением в середине XVIII в.) выбирали императором австрийских герцогов из дома Габсбургов. Однако император даже в Германии обладал весьма относительной властью за пределами собственных унаследованных владений, а на периферии его власть почти не ощущалась.

Некоторые из этих союзов, сложившихся на добровольной основе или путем наследования сопредельных земель, со временем обрели чувство национального единства или, по крайней мере, традицию совместной жизни, не основанной на этническом или языковом единстве. Кое-где это произошло сравнительно быстро — например, в герцогствах и графствах Нидерландов с их четырьмя языками (французским, голландско-фламандским, фризским и немецким) или в Швейцарской конфедерации, где население говорило на немецком, французском, итальянском и многих романских диалектах. Значительно медленнее этот процесс развивался в Кастилии и Арагоне,

52

несмотря на языковую близость; еще медленнее сближались Англия и Ирландия, хотя гэльский язык постепенно вытеснялся английским, и уж совсем никак не сближались Дания и Швеция (опять же несмотря на близость языков). Однако очень непохожие шведы и финны быстро поладили, при том что шведы были правящим классом. Там, где свои наследственные претензии правителю приходилось отстаивать с помощью оружия, было почти неизбежно, что население присоединенной территории полностью попадет под власть соотечественников правителя. Это положение очень точно выразил один испанский чиновник в своей резолюции на официальной депеше из Милана:

Хотя итальянцы и не индейцы, но обращаться с ними нужно так же, дабы они поняли, что не они управляют нами, а мы — ими*.

Империя Карла V

Итак, для рассматриваемой нами эпохи были типичны скорее слож-носоставные, чем национальные государства. Одно из них заметно выделялось огромными размерами и в силу этого обстоятельства создавало беспрецедентные проблемы для Европы. В 1516 г. Карл Габсбург (1500—1558) унаследовал от своих дедов и бабок, Максимилиана Австрийского (Габсбурга) и Марии Бургундской (т. е. Нидерландской), с одной стороны, Фердинанда и Изабеллы, правивших Арагоном и Кастилией, — с другой, австрийские герцогства, Нидерланды с Франш-Конте

(остатком Бургундии) и Испанию с итальянскими владениями и быстро растущей заморской империей в Центральной и Южной Америке.

В 1519 г. в остром соперничестве с Франциском I Французским Карл добился избрания императором Священной Римской империи под именем Карла V. В немалой степени этому успеху способствовал расчетливый подкуп немецких выборщиков и их советников, на который пошли крупные суммы, занятые у банкирского дома Фуггеров. В 1526 г. последний независимый король Венгрии погиб в кровавой битве с турками при Мохаче, и его владения унаследовал младший брат Карла, Фердинанд, тем самым укрепив владения Габсбургов сильными позициями в Центральной Европе.

Однако ни современники Карла V, ни современные историки так и не смогли прийти к согласию относительно подлинной природы этой империи или конечных целей Карла. Сам он нисколько не сомневался,

* Koenigsberger H.G. The Practice of Empire. Cornell University Press, 1969. P. 48.

53

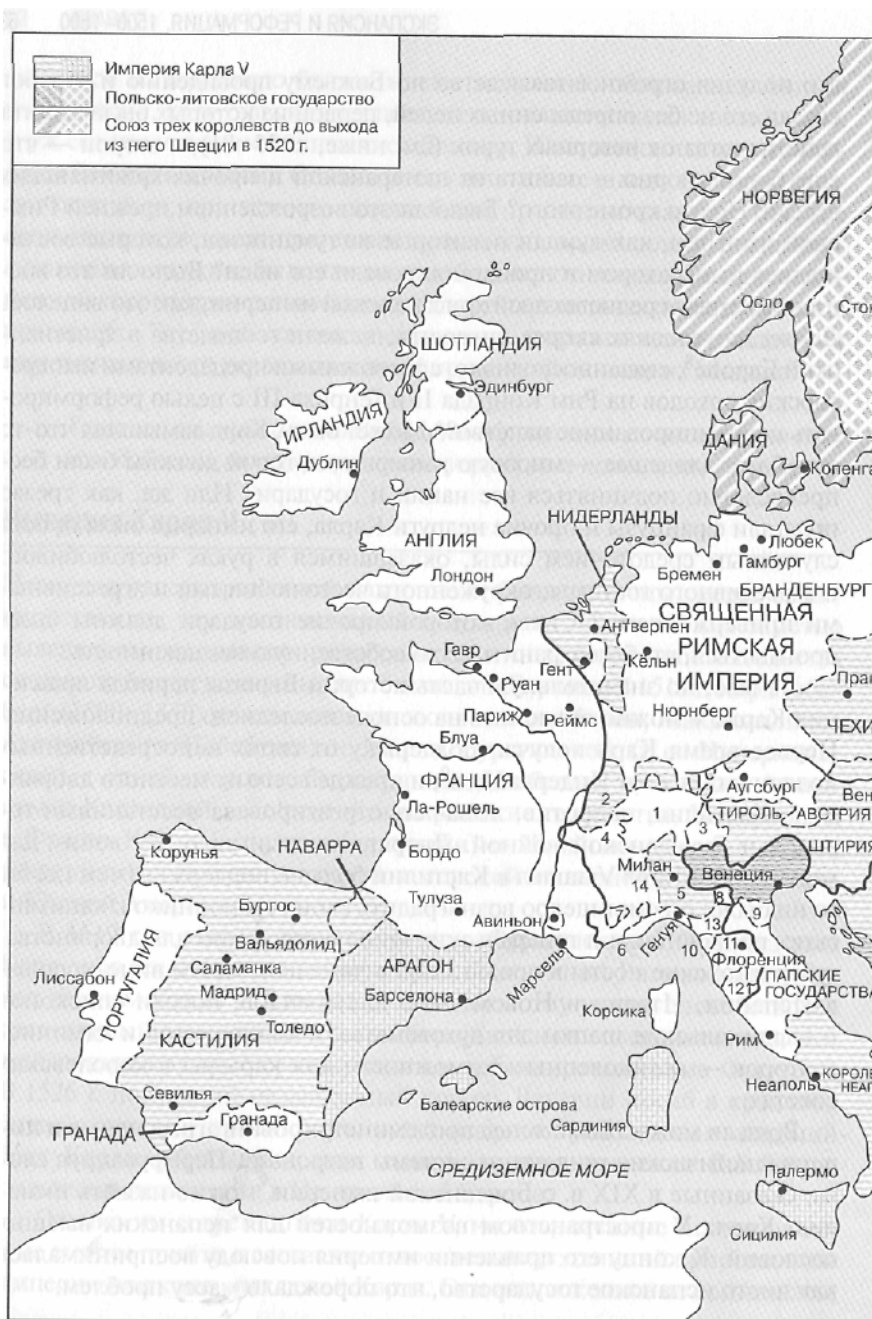
что получил огромное наследство по Божьему провидению и что Бог создал его не без определенных целей, первой из которых была защита христианства от неверных турок (см. ниже, с. 75—81), а второй — что еще более спорно — защита от лютеранской и прочих христианских ересей. Но что кроме этого? Было ли это возрождением прежней Римской империи, как думали некоторые из гуманистов, которые восхищались императором и пропагандировали его идеи? Было ли это восстановлением средневековой христианской империи, как это виделось Данте: на условиях скорее лидерства, нежели господства в христианской Европе⁸, связанное, однако, с тревожными прецедентами императорских походов на Рим Конрада II и Генриха III с целью реформировать коррумпированное папство?^{*} Может быть, Карл замыслил что-то еще более зловещее — мировую империю, которой должны были беспрекословно подчиняться все нации и государи? Или же, как трезво полагали французы и прочие недруги Карла, его империя была просто случайным средоточием силы, оказавшимся в руках честолюбивого и агрессивного государя, окруженного честолюбивыми и агрессивными приверженцами? Силы, которой прочие государи должны были противиться, чтобы сохранить свою собственную независимость?

Не всю, но значительную часть истории Европы периода правления Карла V можно объяснить на основе последнего предположения. Первое время Карл получал поддержку от своих непосредственных подданных, т. е. от Нидерландов⁹, и прежде всего от местного дворянства. Кастилия, напротив, поначалу отреагировала восстаниями городов и Гражданской войной.

Дворянство выиграло эту войну для монархии, и Карл V нашел в Кастилии больше поддержки, чем где бы то ни было; он смог щедро вознаградить своих сторонников: капитанские, полковничьи и генеральские чины в его армии для дворянства, губернаторские посты в провинциях и даже должности вице-королей в Испании, Италии и Новом свете для грандов, посохи епископов и кардинальские шапки для духовенства, а для юристов и администраторов — великолепные возможности для карьеры в королевских советах.

Вряд ли можно было яснее продемонстрировать агрессивные и империалистические тенденции системы патроната. Перефразируя слова, сказанные в XIX в. о Британской империи, можно назвать империю Карла V пространством возможностей для испанских высших сословий. К концу его правления империя повсюду воспринималась как чисто испанское государство, что порождало массу проблем.

¹ Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы. С. 170-172.

Карта 2.1. Европа в XVI в.

56

Остальная Европа, и особенно французы, сопротивлялась императору как могла, и этому способствовали масштабы империи и рассредоточенность ее властных центров. Чтобы справиться с военными конфликтами в той или иной части Европы, Карлу раз за разом приходилось отменять обещанные походы против турок, идти на компромисс с немецкими протестантами и позволять папе откладывать главный церковный собор. Можно ли считать его правление неудачным? И в этом вопросе ни современники тех событий, ни историки позднего периода не пришли к согласию. Карлу не удалось подчинить немецких протестантов и пришлось против воли согласиться с тем, что его наследником на императорском троне будет брат Фердинанд, а не сын Филипп. В итоге ему не удалось одержать победу ни над турками, ни над Францией, хотя в какой-то момент Франциск I находился у него в плену. В 1555—1556 гг. Карл, когда его здоровье было уже подорвано, отрекся от престола и удалился в свое поместье близ одного испанского монастыря. Однако он укрепил испанские позиции в Италии, задержал турецкую экспансию в Средиземноморье и Венгрию, заставил папу Павла III созвать первую сессию Тридентского собора и, незадолго до отречения, устроил брак своего сына Филиппа с королевой Англии. Этот последний ход имел самые впечатляющие и далеко идущие последствия. Карл не мог знать, что королева Мария Тюдор умрет бездетной в один год с ним.

Упадок городов-государств Италия

В эпоху сложносоставных монархий и многонациональных империй, с их огромными военными ресурсами, независимое существование городов-государств становилось все более проблематичным. Флорентийские историки, писавшие в период последней реставрации Медичи (1530), вероятно, переоценили внутреннюю нестабильность как причину падения республики. Во всяком случае в XVI в. Медичи, в противоположность своим успехам в XV в., сохраняли власть только благодаря значительной поддержке извне. В случае же Венеции нет сомнения, что прежнее свое влияние она утратила почти исключительно в результате внешней агрессии.

Венеция, удачно расположенная на островах в морской лагуне и ставшая практически независимой даже раньше, чем другие итальянские городские коммуны, на раннем этапе уравнила в правах и воз-

57

можностях свою высшую знать, что позволило избежать кровавых семейных распрей, типичных для прочих итальянских городов. Ее государственное устройство — пожизненно избиравшийся дож и сенат, состоящий исключительно из представителей самых влиятельных семейств — было консервативным, устойчивым и аристократическим. С 1381 по 1646 г. венецианский патрициат не допускал чужаков на свои должности; такой опыт не повторился ни в одной европейской державе. При всей своей экономической активности, правящий класс Венеции не был буржуазным. Монополизировав левантийскую торговлю пряностями и их продажу в Центральной и Западной Европе, венецианская аристократия разбогатела, а простые венецианцы, хотя и не имели политических прав, были довольны своим положением. «Это самый великолепный город, какой я только видел, там самый большой почет оказывают послам и иностранцам, самое мудрое управление и торжественней всего служат Богу», — так резюмировал свои впечатления бургундско-французский военачальник, политик и писатель Филипп де Комин*.

Такие успехи и политика усиленной экспансии Венецианской республики вызывали зависть и тревогу. В 1509 г. папа Юлий II, уроженец Генуи — главного соперника Венеции, организовал антивенецианскую лигу, в которую вошли почти все крупные европейские и большинство второстепенных итальянских держав. Венеции нечего было противопоставить — во всяком случае, пока такой союз был в силе; но к счастью для города, после первых ее крупных побед лига распалась. Венеция выжила как независимая городская республика — и не в последнюю очередь благодаря превосходно организованной регулярной армии и флоту. С их помощью она смогла сохранить свои владения в Адриатике, на Крите (Кандии) и Кипре, но утратила роль великой державы.

Это, в свою очередь, означало фактический конец итальянской независимости. В 1495 г., когда итальянские государства единственный раз объединились против иноземного вторжения, их возглавила Венеция. Но затем союзники повернули против нее и предпочли общей политике собственные тактические преимущества. А когда Венеция утратила свое ведущее положение, им в лучшем случае оставалось приглашать одну иностранную армию, чтобы выдворить другую. Финал был столь же предсказуем, как и покорение враждовавших греческих городов македонцами во второй половине IV в. до н. э.: итальянский полуостров неизбежно переходил под власть одной из великих италей-

* *Комин Филипп де*. Мемуары / Пер. Ю.П. Малинина. М., 1986. С. 306.

58

янских держав. Победа Испании отнюдь не была предопределена и стала очевидной лишь после упорной борьбы с Францией, которая длилась (с перерывами) более 50 лет. Когда в 1559 г. наконец наступил мир, Испания получила герцогство Миланское, Неаполь, Сицилию, Сардинию и ряд крепостей в Тоскане. Прочие территории и небольшие итальянские государства стали испанскими сателлитами, хотя некоторые из них время от времени переживали неудержимые приступы франко-филии. Реальную независимость сохранили только папство и Венеция, хотя некоторых пап второй половины XVI в. не без основания называли «капелланами испанских королей». Испанское господство в Италии прекратилось только в начале XVIII в.

Германия

В Германии лишь Любек со своими союзниками и сателлитами Ганзейского союза мог претендовать на ту роль, которую Венеция играла в Средиземноморье. Любек контролировал практически всю балтийскую торговлю со странами Европы: зерно, древесину и меха везли на запад и на юг, а соль и ткани — на восток, в Балтийский регион. В культурной жизни Любек соответствовал своему экономическому статусу, выполняя роль своеобразного интеллектуального и художественного центра и распространяя голландскую и французскую культуру. Голландцы, главные соперники Ганзы, стремились обходить Любек, проплывая в Балтийское море через

пролив Зунд, между Копенгагеном и континентальной Швецией, в то время находившейся под политическим контролем Дании. Их отношения были далеко не прочными. В 1522—1523 гг. флот Любека поддержал шведского короля Густава Вазу в его борьбе против датского владычества, а затем помог герцогу Гольштейна свергнуть с датского трона их общего заклятого врага Христиана II.

Казалось, что в 1520-х гг. этот северный город добился успеха там, где Венеция потерпела крах. Однако союзники Любека были недовольны ценой, которую им пришлось заплатить, — предоставлением больших льгот для любекских купцов. Голландцы были возмущены успехами соперников. В конце концов все соседи Любека объединились против него, а в самом городе над старинной патрицианской олигархией возобладали более популярная народная партия, которая ввела лютеранство. Терзаемому внутренними противоречиями, под напором многократно превосходящих сил Швеции, Дании и нескольких северонемецких княжеств, Любеку пришлось пережить гибель флота, свержение народного правления¹⁰ и конец своей балтийской

59

гегемонии (Гамбургский мир, 1536). Однако протестантизм сохранил прежнее влияние, и Любек, подобно Венеции, остался процветающим торговым центром. Как и Венеция, он сохранил независимость, но утратил доминирующее влияние на Балтике. Как и Венеция, в экономическом отношении он все больше и больше страдал от конкуренции с голландскими и английскими купцами, более энергичными и обладавшими поддержкой своих государств. В исторической борьбе с монархиями городские республики проиграли, поскольку бремя длительного противостояния оказалось для них непосильным. Иной исход (если только можно представить себе нечто подобное) радикально изменил бы все развитие европейской истории, ибо тогда в самом сердце Европы возник бы обширный регион с иными традициями и этосом, весьма отличным от милитаристских аристократических монархий, которые возобладали на этих территориях, — этосом, фактически сохранившимся в Швейцарии.

Успешные города

Если одни независимые или автономные города позднего Средневековья были неспособны к длительному сопротивлению экономическим и военным ресурсам государств, то другие города выигрывали именно за счет связей с такими государствами. Эти города могли процветать в качестве столиц, поскольку из-за усложнявшейся системы управления государи предпочитали иметь своей резиденцией какой-нибудь один город, нежели путешествовать с места на место, как их средневековые предшественники. Таковыми городами были Мадрид, столица великой испанской монархии, и Рим, местопребывание пап, средоточие вселенской церкви и место постоянного притяжения для паломников и туристов со всей Европы.

Через тысячу лет после своего падения Рим, казалось, возродился вновь как центр католического мира. Конечно, он и был им на протяжении всего Средневековья, но долгое время оставался маленьким городом с двадцатью с небольшим тысячами жителей. Да, разумеется, Рим — город пап (хотя на протяжении почти всего XIV в. их присутствие там не отмечено), но для большинства христиан за пределами Италии он был не более чем символом. К концу XVI в. планировка Рима стала весьма близко напоминать современную, расчищенный Римский форум служил археологической достопримечательностью, а население города превысило 100 тыс. человек. В юбилейный 1600 г. Рим принял больше полумиллиона приезжих и разместил их в 360 гос-

60

тиницах и постоянных дворах, не считая множества меблированных комнат и домов, сданных внаем. В 1527 г. оставшиеся без жалованья солдаты императора Карла V в Италии, взбунтовавшись, захватили и разграбили Рим. Это был самый ужасный удар, который претерпела Италия эпохи Возрождения. Но после этой катастрофы войны и грабежи, по счастью, обходили Рим стороной. Последующие папы, их кардиналы, главы и представители монашеских орденов в Риме, а также крупнейшие аристократические фамилии города заполучили в свое владение большую часть богатств и произведений искусств Италии и Европы. Они с радостью тратили огромные средства на строительство помпезных и роскошных барочных церквей и дворцов, которые стали хранилищем произведений искусства. Хотя прежнее единство католической Европы было уничтожено Реформацией, Рим еще 150 лет оставался для европейцев таким же признанным религиозным и культурным центром, каким он был в прошлом.

Другие города, подобно Севилье или Антверпену, получали прибыль от новых преимуществ международной торговли, появившихся в результате географических открытий, или же от сотрудничества с одной из великих монархий, даже если оставались вне ее границ. Подобная

политика обогатила генуэзских и аугсбургских банкиров. Самым выгодным оказалось совмещение этих функций — как это было в случае с Лиссабоном, Лондоном и в первую очередь Парижем. Париж с его знаменитым университетом, парламентом, высшим судом, юрисдикция которого распространялась на большую часть Франции, был не просто резиденцией центральной власти, но и лидером, задававшим ритм политической жизни всему королевству. С конца XIV в. Париж играл эту роль совершенно сознательно и добровольно. Часто он исполнял ее в ходе городских волнений, причем подобное после императорского Рима и средневекового Константинополя не происходило ни в одном европейском городе. Политическая и культурная история Франции, этого величайшего королевства христианской Европы, в значительной мере определялась историей Парижа. Родившийся в XIX в. остроумный афоризм «Когда Париж чихает, Франция простужается» к тому времени был верен уже несколько столетий.

Крушение основ единой церкви

Как мы уже отмечали, «новые монархии» стремились усилить свое положение в трех направлениях: во внутренней администрации и финансах, внешней экспансии и в отношениях между церковью и госу-

61

дарством. Само по себе давление на церковь не было чем-то новым, поскольку монархи последовательно проводили такую политику со времен конфликта Филиппа IV с папой Бонифацием VIII; да и сами короли на рубеже XV—XVI столетий были далеки от мысли, что происходящее — нечто новое и необычное. Тем не менее по сравнению с 1300 г. обстановка радикально изменилась.

За многие века жители Европы привыкли отождествлять единство христианства с единством церкви. Однако, как мы видели, в основе этого организационного единства лежали весьма специфические условия — нищета населения и дефицит профессиональных навыков в средневековой Европе вплоть до XII в.* Когда эти условия утратили свое значение, т. е. когда европейское общество разбогатело и профессионалы встречались намного чаще, пропала и функциональная основа единой церкви и особого положения папства. Церковь, возможно, имела шанс приспособиться к новым условиям через соборное движение", которое, с его принципом представительства, могло бы дать новое чувство единства духовенству разных стран. Тем не менее папство подавило это движение и после своей победы сосредоточило все свои интересы и усилия на внутренней политике Италии эпохи Возрождения. Во всяком случае такое впечатление сложилось в большинстве просвещенных политических кругов Европы.

В 1508 г. Фердинанд Арагонский серьезно угрожал вывести свои королевства (Испанию, Сицилию, Неаполь и Сардинию) из-под папской юрисдикции, если папа будет настаивать на булле об отлучении в Неаполитанском королевстве Фердинанда. Конфликт был исчерпан в результате полного отказа папы от своих намерений, но послужил очень важным прецедентом, ибо наглядно показал, что в определенных обстоятельствах «католический король» не считал пренебрежение волей папства, а следовательно, и единством церкви ущербом для католической религии. Точно так же смотрел на вещи и Генрих VIII Английский (1509—1547), когда при активной поддержке парламента и большинства английского духовенства отрекся от подчинения папе, который не позволил королю разводиться и тем самым лишил его шанса произвести на свет законного наследника (1529—1534). Опираясь на парламентский акт, Генрих провозгласил себя «верховным главой» английской церкви, полагая, что этим он нисколько не противоречит христианской вере. В том же духе он действовал и дальше, распустив все английские монастыри и конфисковав их имущество.

Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400—1500 годы. С. 152—154.

62

Еще раньше, в 1525 г., великий магистр Тевтонского ордена в Восточной Пруссии сложил с себя духовный сан и вышел из подчинения папству, чтобы стать герцогом Пруссии и вассалом польского короля. Ни новоиспеченный герцог, ни английский король не потрудились посоветоваться с папой, права которого были грубо ущемлены. Два года спустя новый шведский король Густав Ваза (1523-1560) убедил шведский парламент одобрить конфискацию и передачу короне всей собственности шведской церкви, запретить отсылать церковные доходы в Рим, отказаться от папского одобрения при назначении епископов. Подобно Генриху VIII, Густав Ваза действовал при полной поддержке представительного собрания страны — *риксдага*.

Все эти действия позволяют сделать вывод, что один за другим европейские правители находили вполне возможным по политическим соображениям пренебрегать волей папы, чтобы усилить или

установить полный контроль над церковью в своем государстве и присвоить себе значительную часть ее имущества. Поэтому можно с высокой степенью вероятности, если не с полной очевидностью, утверждать, что средневековое единство церкви было обречено даже и без проповедей и учений реформаторов.

Изменения в религиозном сознании

Это крушение, по всей вероятности неизбежное крушение единства средневековой церкви представляло собой только одну из сторон Реформации. В то же время в религиозном сознании происходили глубокие изменения не только в сфере религиозных верований, но и в интеллектуальной, культурной и, по всей видимости, экономической и общественной жизни почти половины Европы и большей части Северной Америки.

Несмотря на пышные ритуалы, величественные соборы и неустанную работу в области образования и благотворительности, католическая церковь давно перестала соответствовать религиозным чаяниям многих простых людей. Отчасти это объяснялось очевидной коррумпированностью высших слоев духовенства, отчасти — тем неодобрением, которое папство заслужило своим поведением во время великой схизмы и погруженностью во внутреннюю итальянскую политику. Но главный недостаток церкви заключался, несомненно, в недостатках ее пастырской деятельности в большей части Европы: даже там, где она велась на должном уровне, она, по всей видимости, не могла удовлетворить потребности в более непосредственном общении с Богом.

63

Со времен св. Франциска существовали движения, ставившие своей целью удовлетворить это страстное желание*. Подобные движения продолжали множиться после 1500 г., появившись на всех образовательных уровнях общества. Находившиеся среди интеллектуальной элиты «христианские гуманисты» призывали вернуться к чистому учению ранней церкви и порицали преданную земным благам церковную иерархию, невежественных суеверных монахов и членов религиозных орденов, сухость схоластической теологии. Величайшим из них был нидерландец Эразм Роттердамский (1466—1536). Основываясь на разработанных гуманистами принципах критической филологии, Эразм заново перевел с греческого Новый Завет, многие сочинения отцов церкви раннехристианского периода и стал автором бесчисленного количества посланий и трактатов, призывая иногда в осторожной, а иногда в резко-сатирической форме к реформе церкви, личных нравственных принципов и благочестия. В двух самых известных своих произведениях, «Похвала глупости» и «Разговоры запросто», Эразм утверждал, что основополагающий мотив человеческого поведения — стремление к почету и славе — движет именно глупцами, ибо глупость есть руководящий принцип падшего мира, а церковь возникла, чтобы принимать участие в его падении.

В противоположном конце образовательного диапазона находились простые люди, озабоченные, как всегда, неурожаем и эпидемиями. Теперь к последним добавился еще и новый, особенно страшный бич — сифилис. Эти люди все больше и больше прислушивались к речам проповедников и пророков, громогласно возвещающих о необходимости покаяться и совершить паломничество к святым местам, о скором наступлении Тысячелетнего Царства Божия и обязанности всячески ему содействовать. Астрологи имели популярность как среди просвещенной публики, так и среди простого люда. Наибольшей известностью в то время пользовался Иоганн Лихтенбергер. Его «Предзнаменования» (1488) выдержали множество изданий и были на устах у людей из всех слоев общества, включая самого Лютера. Лихтенбергер предрекал миру великие потрясения в результате сближения Сатурна и Юпитера; они уже привели к эпидемии сифилиса, а в дальнейшем должны были вызвать войны и восстания. Церковь погрязла в пороке, а потому «глава церкви, подобно бесплодному дереву, покинет этот мир». Но и для Лихтенбергера существовала надежда — золотой век, новая империя и всеобщий мир должны последовать за нынешним веком смятения.

* Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы. С. 240-242.

64

Микстура из обличения существующих пороков, веры в астрологическую предопределенность и надежд на благополучный исход представляла собой сильнодействующее лекарство. Его воздействие на простые умы еще больше усиливали любимые народом представления на религиозные темы, которые повсюду разыгрывались бродячими актерами. Во многих таких пьесах, особенно в неизменно популярной и старинной «Возвышение и падение Антихриста», духовенство и церковь порицались как погрязшие в грехе и допустившие Антихриста в свое сердце. В конце концов Бог торжествует над Антихристом, но для христиан это оборачивается

долгой и трудной борьбой. Все это не оставляло места для традиционной церкви, даже когда критика не была непосредственно обращена против нее. Многие современники с тревогой смотрели на растущую пропасть между закоснелой церковью и динамичными народно-религиозными движениями, которые становились все менее управляемыми.

Мартин Лютер (1483-1546)

Многие были исполнены тревожных предчувствий, но никто не мог предсказать, каким будет исход — в том числе и человек, непосредственно ответственный за него. В 1517 г. Мартин Лютер, монах-августинец и уважаемый профессор нового Саксонского университета в Виттенберге, выступил против продажи индульгенций. Первоначально индульгенция представляла собой документ, выдававшийся будущим участникам крестовых походов и освобождавший их от церковных наказаний за грехи. Постепенно индульгенция стала считаться освобождением от Божьей кары, например продолжительного пребывания в чистилище. Действенность подобного обещания подтверждалась церковной «властью ключей»¹², а сам документ можно было приобрести за деньги. Торговля индульгенциями была, несомненно, открыта для множества злоупотреблений, а деньги, собранные в Германии в 1517 г. за счет эксплуатации людского страха перед Божьей карой, переправлялись в Рим для оплаты строительства собора св. Петра. Лютер выступил, впрочем, не столько против аморальности индульгенций, сколько против их теологической обоснованности. По мере того как в последующих дискуссиях выяснялись все нюансы позиции Лютера, и ему самому, и защитникам ортодоксии вскоре стали ясны подлинные масштабы разногласий. Речь шла, не больше не меньше, как о том, что спасение достигается одной только верой, а не добрыми делами; это, в свою очередь, означало, что ни церковь, ни папство как посредники между человеком и Богом более не нужны.

65

В обычных условиях папство отреагировало бы быстро и решительно, но политические условия имперских выборов 1519 г. (см. выше, с. 52), на которых папа поддерживал Франциска I, стали препятствием для слишком открытого вмешательства папства в дела Германии. Тем временем Лютер стал героем пестрого религиозного, антиклерикального и ксенофобского движения. Благодаря проповедям, письменным трудам и обращению оно охватило всю Германию и распространилось за ее пределы; это был первый случай в истории, когда печатный пресс сыграл важнейшую роль в воздействии на общественное сознание и фактически в формировании общественного мнения.

Двадцатого апреля 1521 г. на имперском собрании (рейхстаге) в Вормсе Лютер, наконец, бросил вызов папе и императору, не пожелав отречься от своих взглядов: «На этом я стою и не могу иначе. Да поможет мне Бог. Аминь». Эти или, быть может, примерно такие же слова в протестантской традиции ознаменовали один из величайших переломных моментов в истории человеческого разума. Но что они означали на самом деле? Была ли это декларация свободы разума перед лицом почтенной, но выродившейся в тиранию традиции, или же это было просто выражением личной стойкости, ошибочно поднявшимся до высот универсалий, благодаря театральности обстановки и политической безучастности аудитории.

Почти для всех католиков тогда и после описываемых событий (а католиками были и остаются большинство европейцев) Лютер и прочие деятели Реформации были просто еретиками. Различия между их учениями были крайне незначительны, и становиться еретиком просто не имело смысла. Но со временем личные убеждения Лютера и его непревзойденные способности выражать их нашли отклик у многих из тех, кто остался равнодушным к аргументам Эразма и христианских гуманистов. В некоторых районах Германии, в Дании и Швеции возникли протестантские церкви, которые развивались затем как церкви по преимуществу «лютеранские» — несмотря на то, что они заметно отличались друг от друга, а Лютер вообще не желал видеть себя в качестве основателя и организатора новых церквей.

Распространение Реформации

Лютер более не занимал на сцене центральную позицию. После 1521 г. его самыми яркими достижениями стали перевод Библии и — тем самым — фактическое создание современного немецкого литературного языка, разработка собственного религиозного учения и включение музыки в основу церковного богослужения. Многие из тех, кто

66

был склонен принять его учение, не хотели рассматривать это как непоправимый разрыв с Римом. К подобной позиции с пониманием относились некоторые представители католического лагеря (включая, в течение многих лет, и самого императора Карла V), которые ради воссоединения

Церкви готовы были пойти хотя бы на некоторые уступки лютеранам.

С самого начала, однако, распространение Реформации было тесно связано с политическими и экономическими интересами. Многим немецким князьям и городам оно давало возможность разорвать отношения с Римом, чтобы присвоить церковную собственность или восторжествовать над политическими оппонентами. В 1524—1525 гг. крестьяне южной и центральной Германии оправдывали свои действия учением Лютера о христианской свободе. Реформатор ужаснулся, увидев, как его взгляды искажаются в чисто мирских целях, и призвал князей к подавлению их мятежных подданных. Именно так князья и поступали; но кто мог бы призвать принцев или крупные укрепленные города к выполнению их католического долга?

Император был слишком занят войнами с французами в Италии и на границе с Нидерландами. В перерывах между этими кампаниями он пытался вести войну против турок в Средиземноморье, чтобы вернуть хотя бы некоторые христианские твердыни, уступленные мусульманам.

Император оставил своего брата Фердинанда ответственным за императорскую власть в Германии, но Фердинанд в это время воевал в Венгрии с турками и своими соперниками, претендующими на венгерскую корону. Эту корону Фердинанд считал своей после того, как его шурин Лайош II, последний независимый венгерский король, погиб в битве при Мохаче.

Чтобы вести все эти войны, братья Габсбурги нуждались в немецких деньгах, немецких войсках и, что было не менее важно, в мирной Германии. Поэтому всякий раз, как необходимость мира перевешивала прочие соображения, они шли на компромисс с немецкими городами и князьями по поводу протестантской религии. Но в 1529 г., когда, наконец, был заключен мир с Францией (который, подобно многим прочим, продлился недолго), а с Вены сняли первую турецкую осаду, Карл решил привести в действие прежние эдикты против лютеран. На имперском собрании (рейхстаге) в Шпейере лютеранские князья подали протест, и это дало название «протестантизм» всему реформаторскому движению. Однако даже в таких благоприятных условиях рейхстаг принял компромиссное решение, согласно которому «в делах, касающихся почитания Бога, спасения и вечной жизни наших душ, каждый должен действовать и отвечать перед Богом самостоятельно».

67

Однако в следующем 1530 г. соглашение, фактически заключенное между императорскими теологами и некоторыми лютеранами, было нарушено Лютером и папой, отстаивавшими свои прежние теологические позиции. Последующие шаги были жестокими и логичными: протестантские князья и города объединились в военный союз, Шмалькальденскую лигу, а Карл V, четверть века мирившийся с немецкими еретиками, на сей раз решил покончить с этой проблемой при помощи силы. В 1546—1547 гг. он разбил Шмалькальденскую лигу и захватил ее вождей — курфюрста Саксонского и ландграфа Гессенского.

Шмалькальденская война оказалась первой пробой той политики, которую христианской Европе предстояло проводить в течение последующих ста лет. Военные восторжествовали над дипломатами. Политические и религиозные дебаты перетекали в гражданские войны, а последние слились с внешними войнами между великими державами. Противоречия в этих войнах никогда не определялись строго религиозными критериями. Самым полезным союзником Карла V в Германии оказался протестант, герцог Мориц Саксонский, завидовавший титулу курфюрста, которым обладал его кузен. В награду он получил и титул кузена, и половину его земель, а через несколько лет выступил против императора. Еще раньше, в середине войны, папа, другой союзник Карла, вывел свои войска из Германии, и вскоре папские и имперские войска стояли в Италии друг против друга, поскольку императора никак не устраивало желание папы присвоить для своей семьи, рода Фарнезе, небольшие герцогства Парма и Пья-ченца.

В Германии война в конце концов закончилась компромиссом. Брат Карла, Фердинанд, которому предстояло занять имперский трон, вынужден был принять условия Аугсбургского религиозного мира (1555): отныне немецкие князья могли по своему усмотрению выбирать между католицизмом и протестантизмом и навязывать свой выбор собственным подданным. Свобода совести, означавшая для Лютера истинность христианской веры, оставалась только для князей. Монархи, порвавшие с Римом преимущественно по политическим соображениям (например, король Швеции и новый герцог Пруссии), с радостью разрешали лютеранским проповедникам и богословам обращать своих подданных в новую веру и создавать церкви, которые гораздо больше зависели от светских властей, чем католическая. Даже Генрих VIII Английский, питавший неприязнь к протестантам, никак не мог противодействовать распространению протестантских идей и образа жизни в условиях разрыва с Римом.

Радикальные протестанты

Именно Лютер нашел в себе мужество — моральное, интеллектуальное и физическое — бросить вызов сильному миру сего, хорошо зная на примерах Гуса, Савонаролы и других, насколько печально заканчивались подобные попытки в прошлом. Но стоило ему добиться успеха, как по его пути пошли многочисленные подражатели. Десятки людей, выдававших себя за религиозных реформаторов, наперебой заявляли, что именно им открыт истинный путь к спасению. Сторонники находились у всех — и каждый предлагал собственное объяснение того, каким же образом человек может обрести спасение. Однако само стремление большого количества людей следовать за многочисленными и непохожими религиозными лидерами свидетельствует, что их учения с теологической точки зрения не были способны дать ясного представления о том, каков истинный путь к спасению.

Для многих людей призывы более радикальных реформаторов, различных баптистских и анабаптистских проповедников, имели в равной мере социальное и религиозное значение. Новые секты — воинствующие или мирные, революционные или пассивные — встречали со стороны католических и протестантских властей одинаково резкое неприятие, опасения и преследования. Ведь разве не они в северонемецком епископском городе Мюнстере с ужасающей наглядностью показали уважаемым приверженцам традиций из числа католиков и лютеран, во что может вылиться религиозная и социальная революция? В 1534 г. городской совет Мюнстера перешел под контроль местных религиозных радикалов и анабаптистов, бежавших от преследований в Голландии. Совместными усилиями они организовали нечто вроде коммунистического общества, которое впоследствии дополнили еще и полигамией. Трудно сказать, что шокировало современников больше. Когда епископ Мюнстера осадил город, радикалы учредили революционный режим, во главе которого встал голландский портной Ян из Лейдена, провозгласивший себя именем Христа царем Мюнстера и всего мира. Подобно многим революционным режимам в условиях давления со стороны, режим Яна Лейденского поддерживался террором — хотя при этом, по всей вероятности, пользовался симпатиями горожан: войска епископа смогли взять Мюнстер лишь благодаря измене некоторых его защитников. Ответный террор властей, сообразно обычаям эпохи, оказался даже более кровавым, чем бесчинства анабаптистов.

Мюнстерский пример был очередным и еще более печальным свидетельством того, что революционные движения, состоявшие исклю-

69

чительно из представителей низших сословий, не имели шансов на успех. Хотя после этой катастрофы анабаптисты и отказались от насилия, именно им приходилось опасаться костров, которые начинали разгораться по всей Европе. Некоторое время, пока Контрреформация еще не набрала силу, некоторым из них удавалось находить убежища на востоке Центральной Европы — в Трансильвании, этом пограничном между католичеством, православием и исламом районе, в Моравии или во владениях симпатизировавших им польских вельмож. В Англии при Кромвеле, в середине XVII в., они еще раз попытались пробиться к власти, но неудачно (см. гл. 3, с. 123). В конце концов, окончательно утратив свой революционный пыл, однако не обязательно отказавшись от утопических идей, они обрели более безопасную новую жизнь в Северной Америке.

Ульрих Цвингли (1484-1530)

Хотя Цвингли и Кальвин были знакомы с трудами Лютера, они всегда заявляли, что порвали отношения с Римом совершенно независимо. Действительно, если личные отношения человека с Богом занимали мысль Лютера в такой мере, что он неизменно отказывался от участия в церковно-организационной деятельности, то Цвингли и Кальвин с самого начала выступали как организаторы новых христианских сообществ. Здесь, несомненно, решающим образом сказались традиции швейцарских городов-государств. Цвингли провел свою реформацию в Цюрихе при содействии городских властей (1520—1525). Таким образом, церковь и государство соединились в одном обществе, которое, в соответствии с лучшими гуманистическими принципами эпохи, позволяло человеку раскрыть свои дарования через жизнь, исполненную религиозного и нравственного совершенства. Весьма показательно, что Цвингли суждено было погибнуть в локальном конфликте между Цюрихом и несколькими другими кантонами, которые предпочли прежнюю религию и воспротивились попыткам Цюриха экспортировать цвинглианство.

Жан Кальвин (1509-1564)

Подобно Цвингли, в Женеве Жан Кальвин, выходец из Франции, тоже стремился слить церковь и

государство в единое политико-религиозное общество. Ибо пока царство Христово и мирской порядок разделены, государство должно взять под свою защиту проповедь слова Божьего, чтобы, как писал Кальвин, «идолопоклонство, поругание имени Божь-

70

его, хула на Божью истину и прочие нечестия в делах веры не могли проявляться открыто». Многочисленными изданиями своего главного труда «Наставления в христианской вере», проповедями, богословскими комментариями и письмами, а также пользуясь своим прямым влиянием на городской совет Женевы, Кальвин пытался создать подробные интеллектуальные и практические основы подлинного христианского сообщества. Однако, в отличие от оптимистического христианского гуманизма Цвингли, учение Кальвина исходило из изначальной греховности человека перед лицом устрашающего Божьего могущества. Ангелы, святые, все посредники и прочие звенья классической великой цепи бытия исчезли в этом грозном противостоянии человека и Бога, оставив человеку надежду только на искупительную жертву Христа, «ибо все, что остается в людях несовершенным, заслоняется чистотой Христовой и поэтому не обращается против них». В подобной ситуации личные усилия человека не имеют значения. Как считал и Лютер, каждый человек изначально предопределен Богом к спасению или к гибели. Вместе с тем предопределенность отнюдь не приводила к пассивности; напротив, она воспринималась как призыв сражаться за торжество дела Божьего как в себе самом, так и в мире. Так Кальвин разработал строгое и действенное религиозное учение, которое имело все возможности стать подлинно революционным и фактически стало таким, несмотря на политический консерватизм самого Кальвина. Его распространяли в Западной Европе и донесли вплоть до Польши многочисленные проповедники, подготовленные в его теологической школе, Коллегии пасторов, которую Кальвин учредил в Женеве. Кальвинизм привлекал образованных людей как последовательная система убеждений, которая сочетала отчасти утопические надежды с твердой уверенностью в конечном успехе и превозносила пуританский аскетизм как признак избранных Божьих, не отрицая (в отличие от многих анабаптистов) основополагающих принципов традиционной структуры общества. И просвещенным, и необразованным людям учение Кальвина проясняло их личные страхи перед гневом Божьим и обнадеживало ощущением принадлежности к избранным.

Кальвинизм также отличался нетерпимостью — и это не удивительно. Подобно почти всем религиозным лидерам эпохи, Кальвин был абсолютно убежден в собственной правоте, неправоте оппонентов и необходимости препятствовать распространению их пагубных учений. Чтобы четко обозначить эту позицию, он вынудил власти Женевы осудить и предать костру выдающегося испанского медика и теолога Мигеля Сервета за его еретические суждения о Троице. Про-

71

цесс над Серветом оказался потрясением для протестантских кругов Европы: впервые прозвучали голоса, осуждающие преследования по религиозным мотивам и требующие соблюдения хотя бы минимального уровня религиозной терпимости.

Французский гуманист Кастеллио опубликовал трактат о несправедливости сожжения еретиков; сказанное в нем ужасающе верно даже в отношении политических преследований нашего времени:

Когда я думаю о жизни и учении Христа, который, Сам будучи невиновным, всегда прощал виновных перед Ним и нас учил прощать даже до семижды семидесяти раз, я не вижу, как мы можем сохранить имя христиан, если не будем следовать Его примеру доброты и милосердия... Эта царящая ныне повсюду судебная вседозволенность, заливающая нас кровью, заставляет меня... приложить все силы, чтобы остановить пролитие крови, особенно той крови, что проливается с вопиющей несправедливостью — я имею в виду кровь тех, кого мы называем еретиками, именем, ставшим ныне столь презренным, нечестивым и ужасным, что нет лучшего способа избавиться от врага, чем обвинить его в ереси. Само это слово наводит такой страх, что услышавшие его остаются глухи к оправданиям подсудимого и яростно преследуют не только самого этого человека, но и всех, кто осмеливается открыть рот в его защиту..*

Однако в то время слова Кастеллио и подобных ему людей оставались гласом вопиющего в пустыне, и в течение следующего века религиозным воззрениям абсолютистских режимов было суждено выступить друг против друга.

Католическая реформа до Лютера

Немало добрых католиков осознавало необходимость серьезных церковных реформ задолго до Лютера. Количество приходских священников не успевало за ростом населения, многие среди них были слишком плохо образованы и бедны, чтобы уделять достаточно времени и сил своим

пастырским обязанностям. Для высшего духовенства проблему составляло скорее богатство, чем нищета. Люди благородного происхождения, занимавшие должности соборных каноников

* Цит. по: *Castellio S. Concerning Heretics*, trans. Ronald H. Bainton. New York, 1935. P. 125-126.

72

или епископов, тратили свое время преимущественно на административные и прочие мирские дела. Некоторые энергичные церковные деятели пытались навести порядок хотя бы в своих епархиях; однако им было чрезвычайно трудно преодолеть многовековую инерцию, а иногда и открытое неповиновение. Когда великий Николай Кузан-ский решил исправить положение в своем диоцезе Бриксен в Альпах, его дом в один прекрасный день осадил разъяренный местный дворянин со своими приближенными. Кардинал Хименес де Сиснерос (1436—1517), примас Испании и губернатор Кастилии, принялся за преобразование испанских монашеских орденов, но столкнулся с тем, что почти 400 монахов предпочли бежать к мусульманам в Северную Африку, лишь бы не расставаться со своими «женами».

Наибольших успехов достигала совместная личная инициатива мирян и местного духовенства, которые объединялись в религиозные братства, чтобы вести более праведную жизнь. Самыми важными из них были «оратории»¹³, получившие распространение в Италии с конца XV в. Они наследовали богатые традиции средневековых благотворительных учреждений Италии и соединяли религиозную службу с работой в госпиталях или заботой о бедных.

Милленаристские движения

Обширные европейские территории остались не затронутыми подобными инициативами, равно как и интеллектуальной критикой христианских гуманистов в адрес духовенства. Эту нишу частично заполняли странствующие члены религиозных орденов, выступавшие с эмоциональными проповедями в деревнях и небольших городах, а также продавцы индульгенций, на которых столь яростно ополчился Лютер. Просвещенное духовенство осуждало таких людей, но ничего не могло с ними поделать. Хуже всех, с точки зрения церкви, вели себя «пророки», провозглашавшие близость наступления Тысячелетнего Царства Божьего, устраивавшие еврейские погромы и даже выступавшие против священников и собиравшие тысячи последователей. Как и во многих других случаях, религиозные элементы переплетались с социальным недовольством. Окрашенные милленаристскими настроениями, крестьянские движения рубежа XV—XVI вв., особенно в Центральной Европе, напоминают некоторым историкам религиозно-социальные явления середины XX в., вроде карго-культов¹⁴ в Новой Гвинее и прочих подобных движений, которые возникли в результате разрушения традиционных обществ под воздействием западной технологической цивилизации в некоторых районах Африки или на южно-тихоокеанских островах.

73

В начале XVI в. милленаристские движения вызывали крайнюю озабоченность у церковных и светских властей и укрепили многих в их антиреформистских позициях. Сам Лютер был потрясен высказываниями «пророков» и выступал с их осуждением.

Контрреформация

Протестантское движение полностью изменило проблему католической реформации, и это произошло в трех сферах. Прежде всего, стала очевидной острая потребность нравственных изменений среди духовенства и его пастырской деятельности, которую прежде почти никто не осознавал. Было основано несколько новых орденов, как мужских, так и женских, которые задали новый тон в строгом соблюдении правил религиозной жизни. Более эффективными по-прежнему были те из новых орденов, которые специализировались на проповеднической деятельности. Подобно тому, как печатный пресс сыграл неоценимую роль в распространении идей Реформации, искусство проповеди стало основой успеха новых католических орденов среди простых людей. Капуцины, члены основанной в Италии в 1525 г. самостоятельной конгрегации францисканского ордена, не уступали протестантам по степени воздействия на народные массы. Еще более заметным явлением стали иезуиты. «Общество Иисуса» поначалу было основано бывшим испанским военным Игнатием Лойолой (1491—1556) для обращения язычников за пределами Европы. В 1534 г. орден переместился в Рим и с тех пор фактически выступал как интеллектуальный защитник католической церкви в борьбе с протестантами. Связанные беспрекословным повиновением папе, подчиненные военной дисциплине, тщательно обученные свободным искусствам¹⁵ и теологии, иезуиты становились советниками пап, профессорами католических университетов, духовниками государей и, возможно с еще большей пользой, государынь. Из них же выходили самые бесстрашные и инициативные миссионеры в колониях.

Концепция образования, в значительной мере заимствованная иезуитами у Эразма и других христианских гуманистов, претворялась в жизнь достаточно авторитарными способами в школах по всей католической Европе и имела влияние (редко, впрочем, признаваемое) даже в протестантских странах.

Второе изменение, привнесенное Реформацией, заключалось в активном привлечении европейских государств к участию в церковных реформах. После собора в Констанце (1414—1418) монархии в течение ста лет мало интересовались реформами, наоборот, они изо всех сил старались усилить свой контроль над местными церквями —

74

часто, как мы выяснили, в ущерб папскому авторитету. Однако теперь именно те монархии, которые добились наибольших успехов в антипапской политике (Испания, Франция и некоторые германские князья, прежде всего эрцгерцоги Австрии и герцоги Баварии) выступили на защиту традиционной церкви. Добившись желаемого, они предпочитали не давать воли внешне не управляемым социальным, интеллектуальным и эмоциональным силам, которые были высвобождены Лютером и другими реформаторами. Эти государства все больше настаивали на реформе церкви «сверху донизу». Именно благодаря неустанному нажиму Карла V, а затем и Франции, папство неохотно согласилось созвать преобразовавший церковь Тридент-ский собор (1545-1547, 1551-1552, 1562-1563).

Третьим изменением, привнесенным Реформацией, был тщательный пересмотр целого ряда основополагающих католических доктрин. Этот пересмотр был признанием того, что реформационное движение было не просто ересью отдельного человека. Почти тридцать лет многие католические и протестантские богословы надеялись, что общий церковный собор найдет компромисс, приемлемый для всех христиан, кроме разве что особо нетрадиционных пророков. Три сессии Тридент-ского собора положили конец этим надеждам. Папский авторитет был в очередной раз подтвержден; равным образом была подтверждена и окончательно установлена католическая концепция спасения верой и делами (в противоположность протестантской позиции о спасении только верой). Незыблемыми остались семь таинств (крещение, конфирмация, покаяние, евхаристия, таинство брака, священство и миропомазание), догмат пресуществления (реального превращения хлеба и вина в тело и кровь Христовы во время евхаристии), недопущение к чаше мирян во время евхаристии. Наконец, католическая церковь подтверждала свое исключительное право на истолкование слова Божьего. Авторитет папы в рамках церкви остался непрерываем.

Все это собор подкрепил решениями о поднятии образовательного уровня духовенства, подтвердил обязанности епископов жить в своих диоцезах а также рядом других административных и нравственных реформ. Уже в 1542 г. папская инквизиция, созданная во время «крестового похода» против альбигойцев, подверглась реорганизации и вновь была введена во многих частях Европы, где она к тому времени практически не существовала*. После закрытия собора была создана специальная комиссия, следившая за выполнением его решений. В 1574 г. с санкции папства появился первый список запре-

¹ Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400—1500 годы. С. 244.

75

щенных книг. С этого времени ни один добрый католик не мог без специального разрешения читать труды Макиавелли, Лютера и других протестантов и вообще все, что признавалось вредным для спасения души.

Католическая церковная реформация во многих отношениях приняла совсем не ту направленность, о которой помышляли реформаторы-католики на рубеже XVI в. Под давлением обстоятельств католическая Реформация превратилась в Контрреформацию, т. е. стала более ограниченным и фанатичным движением. Однако вне всякого сомнения, она не только спасла католическую церковь от падения, но и позволила вернуть многие позиции, утерянные в борьбе с протестантами. Под знаком этой великой борьбы прошло целое столетие после Тридентского собора.

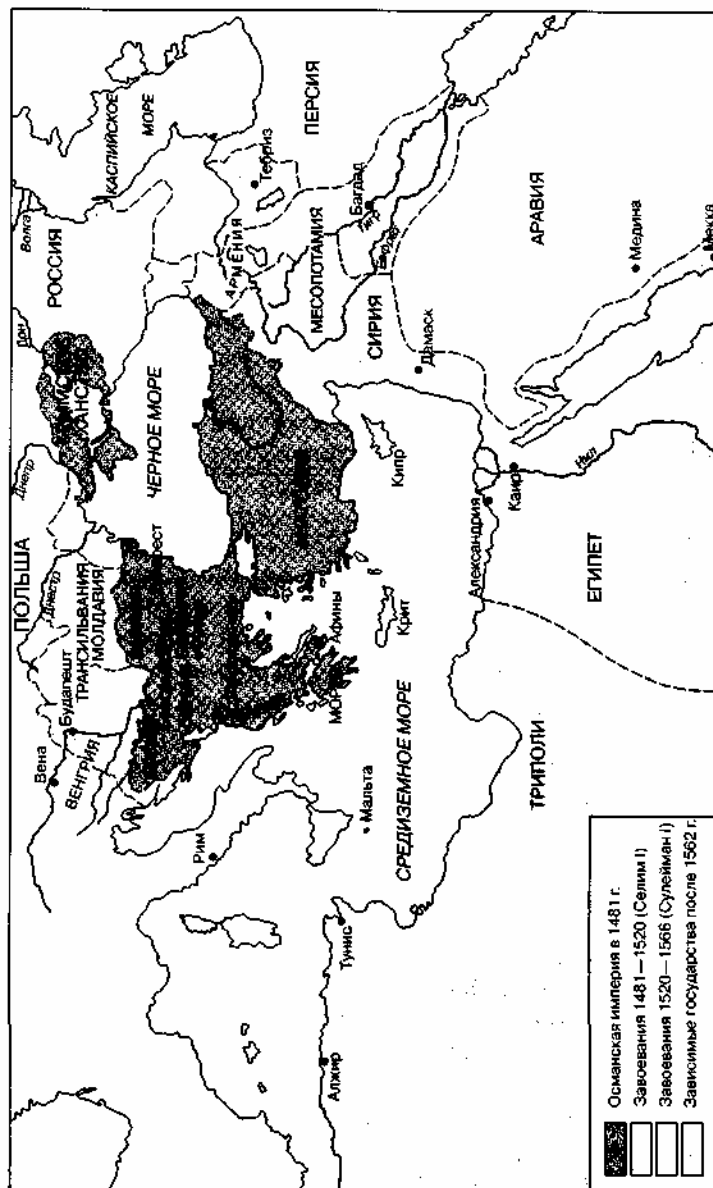
Османская империя

Константинополь

Турки, взявшие Константинополь в 1453 г., по-видимому, не сомневались, что им наконец-то удалось осуществить семисотлетние чаяния ислама — покорение своего заклятого врага, Византии. И разве Коран не предписывал распространение ислама силой оружия и не говорил правоверным: «Не думайте, что павшие за дело Аллаха мертвы. Они живы и окружены заботой

Аллаха»?^{*} Завоевание Константинополя тут же сделало султана Мехмеда II главным борцом ислама против христиан. Правда, новое положение еще не означало непрерываемого лидерства в исламском мире. Однако и сам Мехмед, и его преемники ставили себе такую цель и последовательно шли к ней, предполагая распространить свою власть на все христианские страны. Именно из-за таких амбиций султаны мнили себя фактическими наследниками византийских императоров и сознательно пытались возродить некоторые византийские традиции. Важнее всего, на их взгляд, было вернуть Константинополю (который за последние сто лет византийского владычества стал бледной тенью прежнего города) размах и величие, достойные имперской столицы. Мехмед собрал в город мастеров, чтобы отремонтировать здания, улицы, мосты, водопровод и канализацию, а также возвести для себя роскошный дворец Топкапи. Поскольку желаемое покорение мира исламом не

^{*} The Koran, trans. H.J. Dawood. Penguin Classics, Harmondsworth, 1956. P. 409.

Карта 2.2. Средиземноморье и Османская империя в XVI в.

О 77

подразумевало насильственного обращения неверных, турки проявляли большую религиозную терпимость, чем христиане. Они вполне удовлетворялись тем, что евреи и христиане платили налог, от которого были освобождены мусульмане, а балканские христианские деревни облагались еще и «налогом крови», *девширме*¹⁶ — так назывался принудительный набор христианских мальчиков для последующего воспитания и службы в турецкой армии и администрации*. В остальном все было как прежде: евреи посещали своих раввинов, а патриарх православной церкви продолжал служить в Константинополе. Позднее, в XVI в., английский и испанский послы при султанском дворе пользовались большей свободой исповедания, чем их коллеги в Лондоне и

Мадриде. Христианские подданные именовали султана *баси-левсам*, титулом византийских императоров; казалось, Восточная Римская империя возродилась. В XVI в. по размеру и по размаху деловой активности Константинополь превосходил любой христианский и мусульманский город.

Организация

Великим империям, созданным кочевниками или народами, которые в прошлом вели кочевую жизнь, неизменно приходилось сталкиваться с двойной фундаментальной проблемой: как сохранить империалистический настрой в войсках и вместе с тем не позволить ссорам между претендентами на главенство освободить присущие подобным империям естественные центробежные силы — стремление отдельных территорий и их правящих классов вновь обрести независимость.

Первая задача была более сложной. Правители Османской империи начинали как предводители свободных турецких воинов. С течением времени под влиянием турецких теологов, а отчасти и византийских традиций они стали считать свою власть фактически неограниченной. Султан, как и все мусульмане, подчинялся святому закону ислама. Он не обладал законодательной властью, в отличие от римских императоров, и единственное, что мог сделать Мехмед в данной области, это начать кодификацию существовавшего турецкого права. Ситуация, таким образом, определялась не столько теорией абсолютизма, сколько эффективностью, с которой исполнялась воля султана. Поэтому Мехмед создал армию и учредил гражданскую службу из числа своих личных рабов.

¹ Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы. С. 325.

78

В этом отношении турецкое рабство заметно отличалось от рабства в христианской Европе или заморских европейских колониях. Пешие янычары и конные спаги, набравшиеся с помощью *девширме*, повиновались султану как рабы; им даже запрещалось жениться, чтобы семьи не отвлекали их от воинских обязанностей. Положение таких людей считалось весьма почетным. Они имели возможность дослужиться до генерала, адмирала или наместника провинции, могли приобрести богатство и занять должность великого визиря, правившего всей империей от имени султана; они могли даже претендовать на руку сестры или дочери султана. Поскольку султанский гарем состоял из рабынь, каждый султан не без гордости называл себя «сыном раба».

Янычары и спаги составляли элиту войск султана. Прочие подразделения формировались из держателей наделов, которые, в отличие от западноевропейских феодалов, не переходили по наследству, а предоставлялись за военную службу. И элитные войска, и класс держателей были жизненно заинтересованы в дальнейшем расширении империи, которое сулило все больше и больше владений. Вторую часть проблемы, вопрос престолонаследия, Мехмед и его преемники решали просто и радикально: после вступления на престол они убивали своих братьев, а затем и их сыновей. Европейцы, которым довелось наблюдать османскую государственную систему в XVI в., испытывали смешанное чувство любопытства, удивления и отвращения. Социальная мобильность, которая превосходила все, что было известно на Западе, вызывала неприязнь, но реальная военная мощь была пугающей. Гислен де Бусбек, фламандский гуманист и имперский посланник в Константинополе, писал в 1560 г.:

На их стороне ресурсы могучей империи... опыт и практика военных действий... привычка побеждать, выносливость к тяготам, единство, порядок, дисциплина, неприспособленность и бдительность. С нашей стороны — нищета народа, роскошь для избранных... надломленный дух, нехватка упорства и выучки... Разве мы можем сомневаться в том, каков будет результат !*

В течение столетия турки добились действительно впечатляющих результатов. В Греции они ликвидировали последние византийские владения. В Эгейском море турецкий флот, укомплектованный ле-вантийцами, греками и итальянцами, захватывал остров за островом

* Busbecq G. de. The Turkish Letters, trans. E.S. Forster. Oxford University Press, 1927. Letter III. P. 112.

79

и в 1480 г. — к ужасу всего христианского мира — захватил Отранто на «каблуке» Италии; впрочем, турки там не удержались. На Балканах они подчинили себе Сербию и Болгарию. В 1521 г. турки взяли Белград на Дунае, а в 1526 г. наголову разбили венгерскую армию при Мохаче. С тех пор некогда могущественное Венгерское королевство почти два столетия оставалось разделенным на три части: самая крупная центральная часть перешла под контроль турок, северо-восточная область, Трансильвания, пребывала в состоянии вассальной зависимости от султана, а широкая полоса земель на западе, простиравшаяся с юга на север, контролировалась австрийскими Габсбургами. В 1529 г. турки в первый раз осадили Вену. Они не смогли взять город, но южнее, совсем неподалеку, захватили провинцию Босния. Обосновавшиеся там с давних пор богамилы (христианская секта, преследуемая католической церковью) предпочли турок христианам и вскоре перешли в ислам. Еще более впечатляющими оказались достижения турок в мусульманских областях Азии и Африки.

Персия, управляемая новой шиитской династией Сефевидов, оспаривала у суннитской Турции восточную Анатолию. Селим I (1512—1520), самый образованный из всех османских султанов на тот момент (он знал персидский язык и писал на нем стихи), в 1514 г. захватил Тебриз. Селим считал себя новым Александром Македонским, о котором он знал по персидским источникам. Но повторить историю Александра ему не удалось: Сефевид-ская Персия отстояла свою независимость. Зато в 1516—1517 гг. Селим подчинил Сирию и Египет, опрокинув задолго до того ослабевшую власть мамлюков. Сын Селима Сулейман I (1520—1566) в 1534 г. захватил Багдад и Месопотамию и примерно в то же самое время был признан сюзереном мусульманского пиратского королевства в Алжире.

К середине XVI в. Османская империя почти сравнялась с Византией времен Юстиниана; разумеется, в ней не было христианства и греческого этоса, но управлялась она по-прежнему из Константинополя. Вплоть до XIX и даже до начала XX в. она сохраняла свои прежние владения, за исключением потери Венгрии в начале XVIII в. Центральная Европа и европейское Средиземноморье долгое время боялись дальнейших завоеваний турок. Османская империя достигла предела своей стратегической и политической экспансии. В 1565 г. госпитальеры выдержали на Мальте осаду всего турецкого флота. В 1571 г. в сражении при Лепанто, у греческого побережья, объединенный флот испанских, венецианских и папских кораблей впервые разгромил турецкий флот в открытом сражении. Последняя венгерская кампания Сулеймана роковым образом была сорвана задержкой у небольшой крепости.

80

Османские войска испытывали острые проблемы со снабжением (как и в северной Персии) и не могли продвинуться дальше.

Однако самое важное обстоятельство заключалось в том, что иссякали движущие ресурсы империи. Система передаваемых наделов неумолимо приближалась к исчерпанию своих возможностей, поскольку в отсутствие новых завоеваний держатели наделов старались, все более успешно, сохранить наделы за собой и превратить их в наследственные. Чтобы и дальше содержать армию, нужно было собирать все больше налогов с несчастного крестьянского населения. Притеснения и коррупция турок вошли в пословицу: «Там, куда ступит турецкая лошадь, трава больше не вырастет». На первых порах угнетенные христианские крестьяне нередко даже приветствовали приход турок; но западноевропейские путешественники, посещавшие Балканы во второй половине XVI в., отмечали вопиющую нищету, вымирание населения и мрачную покорность режиму угнетателей.

В самом центре, в Константинополе, все династические и административные устои, призванные обеспечивать непрерывное и эффективное лидерство, пришли в такой же упадок. Чтобы сделать приятное любимой жене, Сулейман, как говорили, провозгласил наследником ее бездарного сына, будущего Селима II, убив своего одаренного и популярного в народе сына от другой жены. За Селимом II последовала череда еще более (за редкими исключениями) бездарных правителей. Янычары вытребовали право жениться и в то же время совершенно замкнулись в своей рутинной военной тренировке. Подразделения, бывшие когда-то на передовом уровне военного искусства, постепенно стали героями поговорок из-за своего неискоренимого консерватизма. Подобно преторианской гвардии слабых римских или византийских императоров, они все больше диктовали свою волю султанам, требовали казни министров, а в 1622 г. фактически убили правящего султана. Рабы стали господами. Вместе с тем Османская империя деградировала медленно. По стандартам тех времен, она все еще обладала большими человеческими и материальными ресурсами. Энергичный визирь все еще мог при необходимости мобилизовать их. В 1683 г. турецкие войска вновь осадили Вену и были уже близки к успеху, но на помощь Вене подоспела многонациональная христианская армия под командованием польского короля Яна Собеского. С этого момента турки перешли к обороне. Учреждения и традиции, выработанные для поддержки агрессивной экспансионистской политики, оказались совершенно непригодными в ситуации, когда империи пришлось существовать в строгих пределах быстро изменяющегося мира. Военный консерватизм янычар служил лишь отражением общего консерватизма турецкого общества. Претен-

81

зии султанов на мировое господство и лидерство в мусульманском мире обернулись ограниченным турецким национализмом — особенно после того, как шиитская схизма в так и не завоеванной Персии отрезала суннитскую Турцию от ее культурных и религиозных корней в Центральной Азии. Арабско-египетская традиция, к тому времени тоже почти угасшая, была чуждой и неприемлемой. К XVIII в. Османская империя, преемница былого величия Византии, некогда наводившая ужас на христианскую Европу, сама стала объектом силовой политики европейских монархий, а своей долговечностью была обязана скорее соперничеству этих держав, чем собственным способностям к защите.

Европа и внешний мир

Тысячу лет после падения Римской империи на Западе католическая Европа пребывала в состоянии замкнутости, отсталости и бедности. Крестовые походы, эта крупнейшая военная вылазка Европы, провалились. Правда, контакт с внешним миром никогда не прерывался полностью. Европейцы

покупали шелк, пряности, золото и рабов в азиатских и африканских странах. Философы изучали труды персидского медика Авиценны (980—1037), знатока греческой философии мавританского мыслителя Аверроэса (1126—1198) и испано-еврейского философа и юриста Маймонида (1135—1204)*. Тем не менее это были узкие бойницы крепости, которая психологически была замкнута на себе и обитатели которой взирали на внешний мир с враждебностью и небеспочвенными опасениями. Однако в конце XV в. европейцы внезапно вырвались из своей крепости. За последующие четыре века они подчинили своему правлению обширные территории и стали доминировать экономически и психологически. Затем, в середине XX в., мировое политическое господство европейцев и европейских обитателей Северной Америки пришло к концу — гораздо быстрее, чем было обречено. Все еще сохраняющееся экономическое господство Европы и Америки в последнее время тоже стало по меньшей мере проблематичным. Однако в конечном счете европейцам удалось добиться, пожалуй, самого важного: мир вынужден был принять европейско-американскую технологию, европейские идеологии и системы ценностей — будь то фашизм, либеральный капитализм или социализм. Почему же стали возможны эти мировые исторические перемены?

* Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы. С. 207-208.

82

Причины европейской экспансии

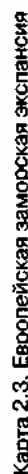
Викторианцы отвечали просто: причина заключается в изначальном расовом превосходстве европейцев, особенно англичан. Однако сейчас, когда во всяком случае мировое политическое господство европейцев осталось в прошлом, достаточно легко понять абсурдность (помимо вульгарности с этической точки зрения) этого взгляда, равно как и его более сложной версии — теории изначальной предназначенности белой расы к господству над другими. Поэтому европейскую экспансию, как и любое историческое явление ограниченной продолжительности, нужно объяснять соответствующими историческими обстоятельствами и конкретными действиями человека. Современному историку, представляющему себе общую мировую панораму XV-XVI вв., сразу же бросается в глаза одно примечательное обстоятельство: это была эпоха строительства империй и империализма. В течение позднего Средневековья арабские торговцы-мусульмане распространили свою культуру и свою религию по берегам Индийского океана — от Восточной Африки до Индонезии. В первые десятилетия XV в. китайские императоры из династии Мин завоевали значительную часть Аннама (Вьетнама) и послали семь морских экспедиций на запад — к Индии, Цейлону, Аравии и Восточной Африке. В первой четверти XVI в. Бабур, мусульманский преемник Чингисхана, правивший в Туркестане, завоевал северную Индию и основал там династию Великих Моголов. В XV—XVI вв. турки-османы, как мы уже видели, расширяли свои владения за пределы Малой Азии, в конце концов захватив весь Балканский полуостров, Сирию, Египет, а все побережье Черного и североафриканское побережье Средиземного моря превратили в вассальные территории. Даже ацтеки в Америке создавали свою великую империю в Мексике всего за сто лет до прихода испанцев; почти то же самое можно сказать об империи инков на западных склонах Анд. Во второй половине XVI в. русские продвинулись по Волге вплоть до Каспийского моря и начали великий поход через Сибирь к Тихому океану. Несомненно, это был мир, в котором сильные покоряли слабых, эксплуатировали их экономически, многими тысячами обращали в рабство, а остальных подчиняли своим обычаям и религии. Результаты, географический масштаб и сущность подобных завоеваний зависели от природных условий, ресурсов, численности победителей и побежденных, а нередко и от личных качеств их лидеров. Как бы то ни было, испанцы и португальцы не врывались в ничего не подозревающий мир, спокойно занимающийся собственными делами.

83

Заморские империи Португалии и Испании

Эта ситуация ставит перед историком три проблемы: какова была реальная хронология европейской экспансии, почему в первых ее рядах стояли сравнительно отсталые в технико-экономическом отношении португальцы, испанцы и русские (а скажем, не итальянцы, французы или англичане) и в чем заключались причины окончательного торжества европейцев над соперниками. Все три эти проблемы взаимосвязаны. Ко второй половине XV в. население Европы восстановилось после столетия эпидемий. Молодежь, имевшая мало шансов на обеспеченную жизнь в родных краях, вновь начала посматривать за пределы Европы в поисках добычи, карьеры и лучшего положения в обществе так же, как это происходило в XII в. И точно так же, как во времена крестовых походов, церковь благословляла эти инициативы, если они были совместимы с ее религиозными стремлениями. Теперь, впрочем, речь шла скорее о распространении Евангелия, чем об отвоевании Гроба Господня. Кроме того, именно во второй половине XV в. монархии укрепили свою власть и ресурсы и были способны использовать свои возможности вовне. Для французов это означало вторжение в Италию; но у Португалии в Европе не было подобного варианта, и поэтому вполне естественно, что интересы этой монархии сосредоточились на традиционных районах португальской торговли, т. е., на западном

Обитатели Иберийского полуострова, как и русские, получили дополнительные возможности отнюдь не благодаря техническому пре-

европейцы в конечном счете получили превосходство над всеми своими соперниками. На первых порах, в конце XV-XVI вв., это объяснялось чисто военным преимуществом перед индейскими империями в Америке и арабами на море. Победы в Мексике и Перу были впечатляющими, но принимая во внимание уровень ацтекской и инкской цивилизации и природу их политических систем, вероятно, не слишком неожиданными. Гораздо более удивительным оказалось торжество португальцев в Индийском океане. Но и здесь превосходство объяснялось в первую очередь лучшей навигацией и маневренностью португальских каррак, а также уровнем португальской артиллерии, которой арабы ничего не могли противопоставить.

Преимущество на море было подкреплено соответствующим политическим и организационным мастерством. Постфеодальная политическая структура Европы допускала сочетание автономного статуса и контроля со стороны Португалии и Испании, который позволял защитить новые империи от быстрого развала. Когда Эрнан Кортес высадился в 1519 г. на побережье Мексики вопреки указаниям своего непосредственного начальства, он тут же убедил соратников учредить подобие старинной испанской (и общеевропейской) самоуправляющейся городской общины. Граждане нового города немедленно избрали его губернатором и главнокомандующим, а испанская корона признала легитимность этой процедуры, что позволяло ей подтвердить свою власть и обеспечить себе щедрую долю во всех приобретениях Кортеса, но в то же время оставить руководство в руках этого талантливейшего строителя империи. Кроме того, на стороне европейцев были торговые и финансовые навыки, гарантированные растущие рынки в метрополиях и изобилие наличных денег (испанское серебро из Мексики и Перу); все это давало им большие преимущества над их конкурентами в Индийском океане.

Участниками великой европейской экспансии были, конечно, не только испанцы или португальцы. Правительства Португалии и Испании официально предоставляли право торговать с колониями лишь людям их национальности, а в Испании под ними понимались, прежде всего, уроженцы Кастилии. Однако применить подобные ограничения на практике оказалось невозможно. Христофор Колумб

(Кристо-

86

форо Колумбо) был генуэзцем, а среди ученых, морского персонала, финансистов, солдат и строителей империи с самого начала изобиловали итальянцы, немцы, голландцы и евреи, а также *converses*¹¹ — задолго до того, как французы, англичане, голландцы, а также датчане стали снаряжать собственные экспедиции. Поэтому заморская экспансия Испании и Португалии была общеевропейским предприятием, в котором находили применение разнообразные навыки всех европейцев — морские, военные, финансовые и организаторские. Весьма сомнительно, что и русским удалось бы завоевать в XVI—XVII столетиях всю Сибирь, если бы они не сумели воспользоваться познаниями тогдашних иммигрантов из Германии, Голландии, Швеции и Италии.

Темпы и пределы экспансии

В 1500 г. преимущества европейцев над соперниками не были так очевидны. Ни в Африке, ни в Азии португальцы не отважились, да и не могли, сделать больше, чем укрепить несколько стратегических гаваней и факторий, которые позволяли им заключить относительно выгодные торговые соглашения с местными властями. Поэтому титул португальского короля Мануэла I «Повелитель завоеванных земель, мореплавания и торговли в Эфиопии, Индии, Аравии и Персии» подразумевал существенные преувеличения. В мире политики великих азиатских держав европейцы около двух столетий присутствовали лишь в качестве еще одного, вовсе не самого сильного участника.

Однако Европа уже шла вперед такими темпами, которых не знала ни одна великая мировая цивилизация; те движущие элементы, о которых мы говорили в предыдущих главах, все больше и больше заявляли о себе. Да и географические открытия в значительной степени способствовали техническим новшествам в таких областях, как судостроение, навигация, артиллерийское дело, организация политического управления и торговля. Но лишь в XVIII в. техническое преимущество европейцев над Азией стало настолько значительным, что позволило им подчинить или контролировать почти всю Индию и другие обширные области в Юго-Восточной Азии.

Результаты заморской экспансии

Последствия экономические

Самое большое воздействие морские экспедиции и завоевания европейцев оказали на экономику.

Когда в 1499 г. корабли Васко да Гамы,

87

завершив первую португальскую экспедицию в Индию, вернулись в Лиссабон, это разрушило арабо-венецианскую монополию на поставку пряностей из Индии в Европу. Удар был очень сильным, но опытные венецианцы, их арабские партнеры на востоке и немецкие на севере были далеки от финансового краха. К середине XVI в. венецианцы вновь обошли португальцев по годовому обороту, а в 1585 г. сенат Венеции имел удовольствие отклонить предложение принять под свое управление и

финансовое обеспечение уже обанкротившуюся португальскую торговлю пряностями. Только в начале XVII в., когда в Индийский океан начали проникать английские и голландские торговцы, венецианская торговля пряностями была необратимо подорвана.

К совершенно другим последствиям привело открытие Америки. Сама Испания не могла снабдить своих колонистов всеми необходимыми товарами, а потому была вынуждена импортировать их из других стран Европы. Оплачивались они в основном тем серебром, которое Испания получала из Нового Света. Таким образом, испано-американская торговля стимулировала торговлю и производство в большей части Западной Европы. На организации этой торговли, спекуляции импортом американских богатств и, что самое главное, на субсидировании испанской короны аугсбургские и генуэзские банкиры сделали огромные состояния. Как мы уже видели, американские богатства сыграли роль и в революции цен XVI в.

Совместно и неспешно эти экономические сдвиги переместили центр тяжести европейской экономики со Средиземного моря на атлантическое побережье. Еще медленнее происходила, но оказалась более значительной интеграция европейской экономики с экономикой других частей света — процесс, который все еще не завершился и в наши дни.

Последствия психологические и интеллектуальные

Со времен сотворения мира величайшее событие (за исключением воплощения и смерти Создателя) — это открытие Индии.

Так писал испанский историк в середине XVI в., и его слова лишь отражали общее мнение, которое сложилось среди европейских интеллектуалов. Оно заключало в себе и основной европоцентристский взгляд на мир, который до сих пор сохраняет прочные позиции. Однако, несмотря на то, что значение великих открытий было оценено почти сразу же, потребовалось немало времени, чтобы европейцы полностью осознали существование Нового Света — как и наши современники лишь постепенно прониклись всем значением высадки человека на Луне. В XVI в. европейцы издали вчетверо больше книг о турках и Азии, чем об Америке.

Для португальцев, стремившихся к успехам в торговле и к обращению неверных, опыт освоения новых территорий и построения империи подразумевал традиционные психологические проблемы, пусть и поднятые на новый, героический уровень. Португальцы столкнулись с высокоразвитыми государствами и глубокими религиозными верованиями, и существование подобных верований для европейцев не было в новинку. Было вполне законно сражаться с неверными, эксплуатировать их и, возможно, даже обращать в христианство, как это происходило во времена крестовых походов и реконкисты (отвоевания Иберийского полуострова у мусульман). Сомнения, если таковые существовали, были устранены папой-испанцем Александром VI (Борджа), издавшим в 1493 г. важные буллы. Они разделили еще не открытый мир на восточный и западный, между коронами Португалии и Испании. Это был своего рода «Константинов дар наоборот»¹⁸, который, естественно, никогда не признавался остальной Европой*. «Я, — заметил Франциск I, — очень не прочь был бы увидеть тот пункт завещания Адама, который лишил меня доли при разделе мира». Эта реплика относилась, разумеется, только к распределению добычи и никак не ставила под сомнение право европейцев распоряжаться судьбой других народов.

Испанцы ничуть не меньше португальцев желали воспользоваться папским даром, но перед ними стояли более сложные проблемы: они имели дело не со старыми врагами — мусульманами, а с неизвестными язычниками с их совершенно чуждым социальным и политическим устройством и обычаями. Следовало ли считать американских индейцев невинными первобытными племенами, как предпочитали думать люди, никогда с ними не сталкивавшиеся, или же правда, как заметил участник одной из экспедиций Колумба, что «жестокостью они превосходят любого известного зверя»? В 1537 г. папа объявил, что «индейцы — такие же люди». Но давало ли это христианам право поработить индейцев и захватить их земли?

К несомненной чести испанцев, они пылко и вдумчиво обсуждали эти проблемы — как ни одна европейская нация вплоть до XVIII в. По иронии судьбы, усилия тех людей, которые защищали права индейцев и сурово осуждали действия испанских конкистадоров и колонистов, сделались одним из источников «черной легенды», использо-

* Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400—1500 годы. Гл. 2.

вавшейся для антииспанской пропаганды нациями, чьи колониальные «подвиги» были несколько не лучше, чем у испанцев. Прислушиваясь к полемике теологов и колонистов, испанские короли один за другим издавали законы в защиту индейцев. Однако политическая обстановка того времени характерна тем, что законы, противоречившие интересам их исполнителей, часто оставались только на бумаге. Тем не менее если законы исполнялись хотя бы sporadически, что,

несомненно, бывало, они хотя бы немного облегчали людские страдания.

Заключение

Время с 1450 по 1600 г. было эрой экспансии. Рост населения и цен вынуждал людей переселяться в города или соглашаться на рискованный статус заморских колонистов. Если в Западной Европе эти условия способствовали развитию капитализма (пусть нередко и за счет снижения уровня жизни наемных работников), то на востоке Центральной Европы они породили совсем иную социальную систему — капиталистически ориентированный феодализм, при котором некогда относительно независимое крестьянство было обращено в новый серваж.

Монархии, за единичными исключениями, выиграли в новых обстоятельствах и смогли увеличить свои ресурсы, которые по традиции использовали для территориального расширения. Однако католическая церковь, которая уже долгое время не могла приспособиться к новым условиям, исчерпала себя как единая международная организация. Поскольку реформаторы подвергли сомнению не только саму организацию, но и основополагающие религиозные постулаты, на которых католическая церковь базировалась предыдущую тысячу лет, Европа погрузилась в глубочайший со времен христианизации Римской империи интеллектуальный и духовный кризис. Именно решительные ответные действия католической церкви, которые помогли ей выжить хотя бы с потерей своей исконной монопольной позиции, а также результаты дискуссий, борьбы и в конце концов военных действий задавали тон всей европейской истории последующие сто лет. Это была та самая разрозненная, беспокойная, кровавая, но чрезвычайно подвижная и созидаящая Европа, которая вырвалась во внешний мир, бывший не менее разрозненным, беспокойным и кровавым, но как, оказалось, менее подвижным. Именно момент их столкновения стал определяющим для мировой истории вплоть до наших дней.

90

Примечания

¹ В средневековой Западной Европе существовали две разновидности зависимых крестьян (в разных регионах они назывались по-разному, в современной науке приняты термины, заимствованные из обычного права Северной Франции) — вилланы и сервы. Первые — лично свободные, но зависимые поземельно (они были обязаны платить различные поборы, подчиняться административно-полицейской и судебной власти землевладельца, но могли покинуть его — условия выхода в разных частях Европы были различными); вторые — сервы (это слово — англ. и фр. *serf* — образовано от лат. *servus* — «раб», но рабами в античном смысле они не были) — лично зависимые, прикрепленные к земле. К концу Средневековья серваж практически исчез (пережитки его кое-где сохранялись на церковных землях), но крестьянские повинности существовали в Западной Европе до конца XVIII — начала XIX в.

² Манор — феодальная вотчина в средневековой Англии. *Seigneur* (фр.) — здесь: феодальный владетель. *Grundherr* (нем.) — землевладелец, помещик.

³ В Германии более, чем в других государствах Западной Европы, была развита и долее всего сохранялась система духовных княжеств. В таких княжествах духовный глава епархии (или лицо, приравненное к нему, — так, некоторые аббаты наиболее крупных монастырей обладали епископскими полномочиями на землях аббатства) был одновременно светским правителем этой территории.

⁴ У слова и понятия «джентльмен» достаточно длинная история. Возникнув в XIII в., оно означало лицо благородного происхождения, но с конца XIV в. и особенно с конца XVII в. стало прилагаться к человеку, ведущему благородный образ жизни, не занимающемуся физическим трудом и — главное — следующему в жизни кодексу рыцарственной (не обязательно рыцарской в узком смысле) чести, притом уже независимо от сословной принадлежности. Как говорилось в одном словаре XVIII в., «слово Джентльмен следует относить не столько к Обстоятельствам Человека, сколько к поведению его в этих Обстоятельствах».

⁵ Именно так — *Los Reyes Catholicos* — именовались Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская. Титула «католические» они добились от папы, дабы уравнивать себя с французскими монархами, которые еще с XIII в. носили титул «христианнейшие». Именование же их в мужском роде — «короли», а не «король и королева» — должно было подчеркнуть, что Изабелла является монархом Кастилии по наследственному праву, а не в качестве супруги государя.

⁶ Анжуйская империя — принятое историками XIX в. название владений английской короны во Франции (иногда сама Англия включается в эту «империю», иногда — нет). Еще в 1066 г. подвассальный французской короне герцог Нормандский захватил английский престол и стал тем самым одновременно незави-

91

смым монархом Англии. В 1154 г. после длительной междоусобицы английский трон занял граф Анжуйский, Туреньский и Мэнский Генрих Плантагенет, с 1153 г. женатый на герцогине Аквитанской. Именно с этого времени историки и считают возможным говорить об Анжуйской империи. (Ср.: *Кёнигсбергер Г.Г. Средневековая Европа 400—1500 годы*. М., 2001. С. 176.) Большая часть обширных владений Плантагенетов отошла к французской короне в 1202—1217 гг., многие из них были снова захвачены англичанами во время Столетней войны, но в конечном счете утеряны. Следует отметить, что Кале как раз не принадлежал, в собственном смысле, к Анжуйской империи; Англия завладела им лишь в 1347 г., и он оставался в ее владениях и после изгнания англичан из Франции в 1453 г., и после заключения мира в 1471 г.

⁷ В 1471 г. сын короля Польского и великого князя Литовского из династии Ягеллонов, Казимира IV, Владислав был избран королем Чехии, а в 1490 г. — и Венгрии, монарх которой еще с 1102 г. носил корону Хорватии. Столицей объединенных владений стала столица Венгрии — Буда, и так продолжалось и при сыне Владислава, короле Венгрии, Хорватии и Чехии Людовике (Лайоше) II. В Польско-Литовском государстве эта ветвь Ягеллонов не царствовала. После

поражения венгерской армии в битве при Мохаче в 1526 г. и гибели Людовика II большую часть Венгрии и почти всю Хорватию захватили турки, а часть Венгрии и Чехию унаследовал Фердинанд Габсбург.

⁸ Здесь имеются в виду идеи Данте, высказанные им в трактатах «Пир» (между 1304 и 1307 гг.) и особенно «Монархия» (ок. 1312 г.). Идеал Данте — универсальное общеевропейское (предел мечтаний — всемирное) государство, некая совершенная христианская Римская империя, которую возглавляет (но именно возглавляет, а не безраздельно властвует в ней) император. Как настаивает Данте, «для устранения междоусобных войн и их причин необходимо, чтобы вся земля и чтобы все, чем дано владеть человеческому роду, было Монархией, т. е. единым государством, и имело одного государя, который, владея всем и не будучи в состоянии желать большего, удерживал бы отдельных государей в пределах их владений, чтобы между ними царил мир, которым наслаждались бы города, где любили бы друг друга соседи, в любви же этой каждый дом получал в меру своих потребностей и чтобы, удовлетворив их, каждый человек жил счастливо, ибо он рожден для счастья» («Пир», IV, IV, 4). Подобное устройство не исключает существования отдельных государств внутри этой Монархии, а император является верховным арбитром и гарантом мира, законности и благополучия. В такой идеальной империи (этому посвящено немало страниц «Монархии») папам должна принадлежать высшая духовная, но никак не политическая власть.

⁹ После гибели герцога Бургундского Карла Смелого и распада его владений Нидерланды достались его дочери, Марии Бургундской (см.: *Кёнигсбергер Г.Г.* Указ, соч. С. 301-302), от которой эти земли, с титулом герцога Бургундского, уна-

следовал ее сын, эрцгерцог Австрийский Филипп, а после его смерти — его сын Карл, будущий император Карл V. Он родился в Генте, считал себя прирожденным фламандцем (его родным языком был язык его кормилицы-фламандки). Именно нидерландские подданные первыми присягнули ему на верность по достижении совершеннолетия (Нидерланды он унаследовал в 6 лет, совершеннолетним был объявлен в 15 лет) в 1515 г., т. е. за год до того, как он стал королем Испании, и за четыре — до избрания императором.

¹⁰ В 1528 г. в Любеке, свободном имперском городе, управляемом узким кругом городских патрициев, вспыхнуло восстание, участники которого принадлежали к радикальным сторонникам Реформации в основном из городских низов. В результате восстания в городе было установлено так называемое «народное правление», т. е. система, при которой городские власти избирались достаточно широкими слоями населения. В 1538 г. была восстановлена олигархическая система управления и одновременно утвердилась Реформация в относительно умеренных, лютеранских формах.

" Соборное движение, развернувшееся в конце XIV — середине XV в., в рядах духовенства — движение за созыв Вселенского Собора католической Церкви с целью прекращения Великой схизмы — одновременного существования нескольких пап. Члены соборного движения выступали с требованиями реформы Церкви и настаивали на верховенстве Соборов над папами. В 1417 г. раскол был преодолен, начаты некоторые реформы (в частности, был установлен периодический характер созыва Соборов, т. е. Собор должен был превратиться в некий церковный парламент), но довольно быстро — к середине XV в. — папы добились восстановления своего авторитета и успешно отвергли претензии Соборов на руководство Церковью. Подробнее см.: *Кёнигсбергер Г.Г.* Указ. соч. С. 314—317. «Власть ключей» — формула католической Церкви, основанная на фразе из Писания. Иисус говорит апостолу Петру: «И дам тебе ключи Царства Небесного; а что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Матф. 16, 19). Из этого делался вывод, что папы, как преемники апостола, имеют власть отпускать любые грехи. ¹³ Ораторий (от лат. *omtorium* — «молельня») — первоначально (приблизительно с начала XIV в.) небольшая, часто семейная часовня в храме, предназначенная в основном для индивидуальной молитвы. В конце XV в. так стали называться объединения мирян и лиц духовного звания, собиравшихся для совместной молитвы и дел благочестия. В 1558 г. итальянский богослов Филиппо де Нери основал в Риме предназначенное для подобных же дел, но состоящее только из духовных лиц Общество ораторианцев Иисуса Христа. Реформировал это общество и превратил его в орден ораторианцев французский кардинал Пьер де Берюль в 1611 г. Заседания ораторианцев должны были быть посвящены чтению и толкованию Священного Писания, дабы, по выражению Берюля, «особо любить и почитать душевно Господа нашего Иисуса Христа».

12

93

¹⁴ Карго-культы (от англ. *cargo* — «судовой груз») — в собственном смысле религиозные движения, возникшие в конце и после Второй мировой войны на целом ряде островов Меланезии — Новой Гвинее, архипелаге Бисмарка, Новых Гебридах, Соломоновых островах и др. Причиной возникновения их было появление большого количества товаров европейского и американского производства, которые привезли с собой американские войска, высадившиеся в Меланезии для борьбы с японцами. После возвращения издействий европейского производства. Корабли должны были быть не американскими, а британскими, голландскими, португальскими и немецкими. Обязательно произойдет воскрешение мертвых, причем некоторые пророки этих ранних учений настаивали, что воскресшие придут на тех же кораблях. Для ускорения их прибытия надо отказаться возделывать землю, необходимо потребить все припасы и отменить любые запреты — пищевые, сексуальные и т. п.

¹⁵ В раннее Средневековье формулируется восходящая еще к античности классификация знаний и умений. Науки (*scientiae*) — виды познавательной деятельности, требующие исследований и размышлений. Искусства (*artes*) — никак не художественная деятельность, как ныне, а занятия, требующие определенных навыков. Искусства делились на свободные, требовавшие активности ума, и механические, являвшиеся ручными занятиями (в последние входило и то, что мы сегодня называем искусствами — живопись, ваяние, игра на музыкальных инструментах и т. п., и то, что мы ныне именуем ремеслами, — кузнечное дело, ткачество, строительство и т. п.). В число первых (их было семь)

включались тривиум (букв. лат. «троепутье»): грамматика, риторика и диалектика (так тогда именовалась логика), и квадриум (букв. лат. «четверопутье»): арифметика, геометрия, астрономия (неотделимая от астрологии) и музыка (как учение о музыкальной гармонии). Изучение свободных искусств в средневековых университетах считалось подготовительной ступенью к занятиям собственно науками: теологией, правом, медициной и (в позднее Средневековье) «физикой» (так именовалось некое нерасчлененное естествознание).¹⁶ *Девширме* — введенная в Османской империи в 20-е годы XV в. система набора в войско и придворные службы по так называемому «налогу крови». Раз в не-

94

сколько лет в населенных христианами районах отбирали мальчиков лет семи—восьми (были случаи, когда забирали и 20-летних, но редко), которых обращали в ислам и воспитывали при дворе; физически годных записывали в янычары, остальные становились придворными рабами. К середине XVI в. набранные по этой системе образовали военную и придворную аристократию, оттеснив старую знать. Однако уже к концу столетия они сами разделились на соперничающие придворные партии, весьма и весьма коррумпированные; «налог крови» стали заменять денежными взносами, хотя полностью эта система была отменена лишь в XIX в.

¹⁷ *Converses* (исп. «обращенные») в Испании называли евреев, принявших христианство. В 1492 г. появился королевский указ, в соответствии с которым все евреи должны были креститься или покинуть страну. Впрочем, крещенные евреи (иначе — марраны) постоянно подвергались преследованиям как ввиду обвинений (не всегда обосновательных) в тайной приверженности к прежней религии, так и потому, что с середины XV в. в Испании принимались законы (последний из таких — 1536 г.) о «чистоте крови», в соответствии с которыми евреи и арабы, а также лица смешанного происхождения все более и более ограничивались в правах; это происходило одновременно с гонениями на марранов как «криптоиудеев» (т. е. тайных иудеев). К 1570—1575 гг. в Испании евреев практически не осталось.

¹⁸ «Константинов дар» — составленная в VIII в. в папской курии фальшивка, поддельный указ императора Константина I Великопостольного. Якобы, император, в знак благодарности за исцеление от проказы, которое свершил Господь по молитве святого папы Сильвестра I, подарил папе и его преемникам западную часть Римской империи с центром в Риме, а сам удалился на Восток и основал Новый Рим — Константинополь. Таким образом, в Западной Европе папа являлся монархом над монархами, подлинным императором Запада. Подложность «Константинова дара» была доказана лишь в XV в. (См.: *Кёнигсбергер Г.Г.* Указ. соч. С. 134.) Буллу Александра VI Кёнигсбергер называет «Константиновым даром наоборот» потому, что император, якобы, разделил империю на две части и одну из них отдал папе Сильвестру, а папа Александр делит весь новооткрытый и еще не открытый мир надвое и дает по половине светским монархам.

Глава 3

Контрреформация и кризис, 1560-1660

Экономическая жизнь: от экспансии к кризису Климат

О климате этого времени мы знаем гораздо лучше, поскольку геологические данные о движении альпийских и исландских ледников дополняются наблюдениями современников. Картина достаточно ясна: с середины XVI в. средние температуры падали, зимы становились длиннее, а летние месяцы, по всей вероятности, были прохладнее. Около 1600 г. похолодание достигло первой низкой точки. Альпийские ледники двинулись вниз по долинам и начали накрывать небольшие деревушки. Темза в течение нескольких зим полностью замерзала, и лондонцы, обычно боявшиеся ступить на хрупкий лед, изредка использовали ее как ярмарочную площадь. Случались такие холодные зимы, что замерзала даже стремительная Рона в южной Франции.

Снова возникает искушение объяснить этим «малым ледниковым периодом» замедление экономического роста в XVII в., однако лучше проявить осторожность. Как мы уже подчеркивали, климат и средние температуры — отнюдь не то же самое, что погода. А ведь на урожай самым непосредственным образом воздействует именно погода, и в разных регионах это проявляется по-разному. В Средиземноморье главной опасностью для зерновых будет засушливая погода, а в Англии, Франции или Германии, напротив, чрезмерно дождливая. Кроме того, если исходить из понижения средних температур, этот «малый ледниковый период» длился примерно до 1850 г., а к этому времени

95

96

Европа уже более ста лет переживала беспрецедентный экономический подъем.

Население

В климатических и демографических процессах можно отметить определенную взаимосвязь, если допустить между ними временной разрыв сроком около 50 лет. О населении этой эпохи нам также известно значительно больше по сравнению с предыдущими периодами. Кроме данных налоговой, военной и земельной статистики предыдущих столетий, которыми мы располагали в некоторых случаях, по данному периоду нам доступны приходские книги, число которых постоянно возрастало, с регистрацией браков, рождений и смертей. На основе этих материалов историки смогли воссоздать гораздо более подробную картину демографических процессов, а также жизни в семьях.

В Западной Европе средний возраст замужества вырос почти до 24—25 лет (на востоке Европы и в Средиземноморье положение было несколько иным). Причины этой тенденции не вполне ясны, хотя, возможно, одной из таких причин была слишком активная эксплуатация земель возросшим числом

населения. Среднее число детей тем самым сокращалось до четырех-пяти, из которых почти половина не доживала до юношеского возраста. Иными словами, до больших среднестатистических семей XIX в. было еще очень далеко. Первый брак продолжался обычно 10—15 лет (до смерти одного из супругов). Приблизительно треть всех браков приходилась на вдовцов или вдов; сюжет волшебных сказок и прочей народной литературы, в котором большая роль отводилась отчимам и мачехам, имел вполне реальные основания. В некоторых регионах голод и сопутствовавшие ему болезни все еще оставались причинами массовой смертности. Еще более опустошительный эффект производили периодические вспышки чумы — в 1575 г., на рубеже XVII в., в 1630 г. и в 1664-1665 гг.

Сэмюэль Пепис, самый известный из всех англичан, которые писали дневники, жил в Лондоне во время последней вспышки чумы. Его непредвзятый рассказ об особенно печальной неделе в августе 1665 г. просто потрясает. Свои размышления он подкрепляет официальной статистикой смертности, предоставленной городскими властями (приверженность точной статистике характерно для второй половины XVII в.):

...Чума сильно распространилась на этой неделе, даже усилилась сверх всяких ожиданий, одолев еще почти 2000 человек, всего же

97

получается почти 7000 (плюс-минус 100) и из них чумных более 6000. Итак, месяц этот заканчивается к большой печали для народа почти по всему королевству, ибо так ужасающ этот недуг. День ото дня новости все хуже и хуже. В Сити на этой неделе умерло 7496 человек, и 6102 из них от чумы. Но есть опасения, что истинное число умерших на этой неделе приближается к десяти тысячам... *

Возможно, еще более важным обстоятельством была неспособность европейских земледельцев повысить урожайность. В XVII в. урожайность во многих частях Западной Европы возвратилась к более низким показателям, хотя это опять же предмет спора среди историков.

В совокупности эти факторы привели к заметному снижению роста численности населения в XVII в. В некоторых опустошенных войнами областях (в Германии и, частично, во Франции) количество жителей уменьшилось. И, тем не менее, население Европы уже никогда не сокращалось до того уровня, который существовал через сто лет после Черной смерти.

Перемены в экономике Европы

Поскольку численность населения отныне оставалась относительно стабильной, она уже не могла играть роль того всемогущего двигателя экономики, каким была в XVI в. Цены, следовательно, стали стабилизироваться: приток американского серебра в Испанию не смог удержать их на высоком уровне; этот приток достиг пика в первом десятилетии XVII в., а затем стал уменьшаться, поначалу медленно, а после 1620 г. довольно быстро. Эпоха свободной экспансии осталась позади.

То, что последовало затем, было не столько движением вспять, сколько стабильностью, но это продолжалось долго. В сознании живших тогда людей на первое место вышли кратковременные колебания: локальные эпидемии, войны, неурожай или обесценивание валют, которые, естественно, сильнее затрагивали тех, кто их непосредственно переживал. Так как города уже не росли такими темпами, как в XVI в. (хотя некоторые, особенно столицы, все еще продолжали расти), а рынки более не расширялись, то борьба за стабильные или даже сокращающиеся рынки должна была стать даже более жестокой. Но рынки не просто сокращались, они также и изменялись или мог-

* Mynors Bright (ed.). The Diary of Samuel Pepys. Everyman's Library. London, 1953. Vol. II. Entry for 31 August 1665. P. 157.

98

ли быть изменены новыми способами производства. Растущее пристрастие к более легким и дешевым шерстяным тканям было результатом внедрения новых технологий в текстильной промышленности, примененных впервые в Нидерландах в XVI в. В 1620—1630 гг. это совершенно подорвало спрос на высококачественные, но теперь уже старомодные и гораздо более дорогие плотные ткани, традиционно производившиеся в Италии и Англии. Ремесленные гильдии пытались настаивать на прежних стандартах качества, правилах ученичества и ограничении количества подмастерьев. Власти, боясь восстаний безработных ткачей, поддерживали гильдии изданием актов ограничений, но долго они не могли сопротивляться рыночным тенденциям.

Предприниматели устремились в сельские районы, где рабочую силу можно было найти дешевле и где не существовало гильдейских ограничений. Города, издавна славившиеся ткацким производством, начали приходить в упадок, а прежние вольные ткачи оказались на сдельной работе у коммерсантов, которые снабжали их сырьем, продавали готовую продукцию и, естественно, пожинали плоды непосредственного доступа на рынок. Эта система производства была более эффективна, поскольку она подразумевала более узкую специализацию и, как подчеркивал Адам Смит, более четкое разделение труда, а следовательно, она способствовала росту благосостояния в силу увеличения производительности. Она также увеличила пропасть между хозяевами и работниками — пусть даже этот работник по-прежнему выглядел как мастер-

ремесленник прежних времен.

Однако переменами были затронуты пока только некоторые части Европы: Англия, Голландия, Фландрия и некоторые города, например Лион во Франции. Они часто использовали новые технологии, но еще не были готовы к массовому применению более сложных производств и механизмов, требующих значительных капиталовложений.

Технологические изменения

Эти механизмы, как бы то ни было, стали обычным явлением. Вероятно, самые значительные перемены произошли в металлургической промышленности; во всяком случае, прочим отраслям в будущем суждено было зависеть от этих перемен. Прогрессу в горном деле теперь сопутствовало быстрое распространение технологии доменной выплавки железа. Она была изобретена в средневековой Испании и с середины XVI в. все шире применялась в Западной Европе, особенно в Англии. В результате все железные и стальные изделия — от

99

гвоздей до молотков, от штыков до мечей и от подков до пушек и ядер — стали сравнительно дешевы и широко доступны.

В доменных печах горел древесный уголь, и они пожирали это топливо в таких количествах, что вскоре последовали жалобы по поводу уничтожения лесов. В порядке хотя бы частичного решения этой проблемы проводились эксперименты по замене древесного угля каменным. Хотя в области черной металлургии каменный уголь окончательно утвердился только в начале XVIII в., уже в течение XVII в. он стал с успехом применяться в таких процессах, как обжиг кирпича, рафинирование сахара, выпаривание соли, изготовление медных сплавов, пивоварение, винокурение, изготовление квасцов, закрепляющих краску на ткани, производстве оконного и бутылочного стекла и в целом ряде других промышленных производств. В основном это происходило в Англии. Но использование каменного угля требовало дорогостоящего оборудования и, в конечном счете, участия состоятельного предпринимателя. Хотя новые технологии нередко ухудшали качество продукции, они в большинстве случаев снижали ее стоимость. Стеклоплатные окна стали в Англии привычными даже для бедняков гораздо раньше, чем на континенте. Это еще не было промышленной революцией, как заявляют некоторые историки, поскольку затронуло лишь некоторые виды продукции и никак не повлияло на огромный контингент европейской рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, строительстве и текстильном производстве. Но это было началом новой тенденции в промышленном развитии: отказа от доселе почти повсеместной заботы о качестве в пользу количества, дешевизны и доступности для массовых рынков. Такой поворот подразумевал развитие профессиональных технических знаний, складывания традиций предпринимательства, а также готовность состоятельных людей вкладывать средства в промышленное производство. Таковы были традиции, основываясь на которых английская промышленная революция XVIII—XIX вв. добилась столь впечатляющих результатов.

Изменения в характере европейской торговли

Технологический прогресс в северо-западной Европе привел к переменам в характере международной торговли. В Средние века и в период Возрождения вся торговля вращалась вокруг двух основных очагов европейской экономической жизни — северной Италии и Фландрии*.

^{*} Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400—1500 годы. С. 215.

100

Но после заморских открытий и освоения путей по Атлантическому и Индийскому океанам центр европейской торговой деятельности стал все больше смещаться в сторону атлантического побережья. Кроме того, с начала XVII в. на ведущую роль в этой торговле неизменно претендовали голландцы и (в несколько меньшей мере) англичане. Их «флейты» были более быстрыми, дешевыми и лучше вооруженными кораблями, чем португальские карраки; у них были также более дешевые ткани и металлические изделия, а также огромные кредитные возможности, которые помогли голландцам монополизировать значительную часть европейских торговых перевозок (в частности, поставку балтийского зерна на запад и юг Европы). Более того, в сфере морской торговли они превзошли венецианцев в Средиземном море, а португальцев и арабов — в Индийском океане и Китайском море. Так как Антверпен был (по крайней мере частично) разорен грабежами, осадами и блокадами, крупнейшим коммерческим и банковским центром Европы XVII в. стал Амстердам.

Государство и экономика

Европейские правители издавна активно вмешивались в экономику, но обычно их интересы

ограничивались собственной выгодой. Купцов можно было заставить платить налоги или убедить давать займы. Соответственно, купцов нужно было защищать. Торговля приносила деньги через налогообложение экспорта (как, например, английская торговля шерстью в Средние века), через таможенные сборы и акцизы — как было с торговлей вином, пивом и, вообще говоря, почти со всеми товарами повседневного спроса. Еще большие прибыли приносили государству монополии, способные выжать из рынка все, что он может дать, и даже сверх того, а также обеспечить правителю значительные комиссионные в обмен на защиту от недовольства клиентов и соперников. В первую очередь европейские государи старались установить монополии на добычу полезных ископаемых, таких, как соль и квасцы или добыча меди и ртути, которую осуществляли Фуггеры в Венгрии и Испании.

Типичным методом ведения заморской торговли была организация торговых компаний; некоторые из них возникли еще в Средние века. Такие объединения, как «English Staplers» (экспортеры шерсти) или «Merchant Adventurers» (экспортеры тканей-полуфабрикатов, проходивших «доводку» в Нидерландах), пока еще представляли собой простые ассоциации независимых купцов. Но уже и в этой ситуации возникали блестящие возможности для установления монопо-

101

лий, которые, например, «Merchant Adventurers» реализовала в Антверпене и позже в устье Эльбы. Кроме того, купцы учреждали компании с общим балансом — наподобие итальянских и немецких семейных фирм (вроде Медичи или Фуггеров), появлявшихся с XV в. и даже раньше. Эти компании также стремились получить монопольные концессии от правительств, падких на займы. В компаниях этого типа участники получали прибыль пропорционально вложенному капиталу или величине приобретенного пая. Такая форма организации, как выяснилось, была совершенно необходима в тех случаях, когда коммерсанты нуждались в поддержке не только своего собственного, но и иностранных правительств, или там, где торговля велась во враждебных или потенциально враждебных странах и требовала предварительного вложения крупных сумм в портовые сооружения и оборону. Самыми известными и успешными среди подобных акционерных компаний были голландская и позже британская Ост-Индские компании. В дальнейшем, в XVIII—XIX вв., политическая сторона их деятельности стала превалировать над коммерческой, и в конце концов обе эти компании стали фактически управлять огромными империями в Индии и Индонезии.

Вместе с тем значительная часть внешней торговли европейских стран, включая даже заморскую торговлю, все еще оставалась неупорядоченной; эту торговлю вели независимые коммерсанты или компании, не имевшие привилегий пользовавшихся поддержкой государства монополий. Власти все же получали свое через экспортно-импортные налоги или пошлины на транзит по определенным дорогам, рекам или морским маршрутам. Датское правительство облагало пошлинами все суда и товары, проходившие через Зунд — узкий морской проход между Копенгагеном и шведским побережьем, находившимся под датским контролем. Зундские пошлинные реестры представляют собой бесценный (хотя и не во всех случаях надежный) источник для историков, изучающих торговлю между Западной Европой и Балтийским регионом. К началу XVII в. основные интересы и устремления большинства европейских стран в основе своей не менялись. К новым факторам добавились лишь возросшие административные и юридические возможности властей, а также методика обеспечения государственных нужд. Существовало мнение, что производство, рынки и, следовательно, объем торговли были ограничены. Оно выглядело вполне обоснованным, если принять во внимание прекращение роста населения, незначительность технологических новаций и отсутствие сколько-

102

нибудь заметного повышения производительности. В подобных условиях самым лучшим решением был захват как можно большего количества производств и рынков. Это, в свою очередь, достигалось с помощью положительного торгового баланса, т. е., преобладания стоимости экспорта над стоимостью импорта. Положительный торговый баланс увеличивал богатство страны как в форме реальных «ценностей» — золотой и серебряной монеты, так и в форме капитала, привлекаемого для инвестирования под низкую процентную ставку. Это, в свою очередь, обеспечивало работой простой народ. Наоборот, отрицательный торговый баланс неминуемо ослаблял страну.

Эффективность меркантилизма

Очевидно, что подобные рассуждения, часто называемые меркантилистскими, полностью

отвечали традициям силовой политики европейских государств. Военный аспект составлял неизменную подоплеку этой позиции, даже если не обсуждался открыто: необходимость в капитале ощущалась только тогда, когда государство нуждалось в солдатах и пушках. Показательно, что менее всего меркантилистские идеи были приняты в Соединенных Провинциях Нидерландов, единственном крупном государстве XVII в., управление которым велось в интересах коммерсантов и банкиров. Но при этом Соединенные Провинции располагали лучшими в Европе по организации, оснащению и эффективности регулярной армией и флотом. Соперники, со своей стороны, упрекали голландцев в том, что те добились коммерческого превосходства за счет других стран.

На практике политика меркантилизма редко бывала последовательной. Правителям, всегда остро нуждавшимся в наличных деньгах и вынужденным покупать политическую поддержку влиятельных лиц или групп, приходилось манипулировать экономикой страны точно так же, как и своими возможностями патроната: давали монополии одним, налоговые льготы — другим и не слишком заботились о последовательности экономической политики. Обладатели монополий, в свою очередь, преследовали собственные интересы, которые далеко не всегда совпадали с государственными. Так вели себя крупнейшие компании, в частности голландская и британская Ост-Индские компании. Приблизительно так же действовали и государственные чиновники, заботившиеся в первую очередь о расширении своих личных империй. В существовавших условиях, когда должности покупались, наследовались или добывались по протекции, а огромные расстояния и плохие коммуникации создавали дополнитель-

103

ные затруднения для надежного контроля из центра, коррупция стала образом жизни.

Начиная с Адама Смита и до недавнего времени большинство историков было возмущено мнимыми ошибками меркантилистских экономических теорий. Сейчас мы понимаем, что в условиях XVII в. эти теории были отнюдь не столь ошибочными или нелогичными, как представлялось; более того, сейчас мы гораздо лучше знаем, как катастрофические искажения в общественных условиях XVII в. сопутствовали реализации этих теорий.

Несмотря на повсеместное превознесение новой науки — статистики, несмотря на нередко самоотверженную работу одаренных министров, меркантилизм на практике оказывался в лучшем случае попыткой государственного планирования всей экономики без последовательного планирования. Такое планирование было пока еще совершенно немыслимо ни в экономическом, ни в статистическом, ни в политико-административном отношении. В худшем же случае, что чаще всего и происходило, меркантилизм превращался в гигантскую систему разрешенного вымогательства в пользу государства, его учреждений и привилегированных корпораций.

Государство: позитивная роль?

Можно ли в таком случае утверждать, что на заре развития новой европейской экономики государство сыграло исключительно негативную роль? Ответить на этот вопрос нелегко. С одной стороны, государства заключали соглашения, которые служили основой международного права, регулировавшего коммерческую деятельность. С другой стороны, компании при необходимости и сами были вполне способны отстаивать свои интересы, заключать нужные им соглашения и даже вести войны (как европейцы и поступали в Азии). Но, вступив однажды на такой путь, торговые компании начинали приобретать политическое измерение и все больше походили на государства. Именно так вели себя в XVIII в. голландская и британская Ост-Индские компании.

Гораздо значительнее была роль государства как потребителя, инвестора капитала и работодателя. Дворцы, крепости, корабли, оружие и в первую очередь жалование чиновникам и солдатам растущих армий — все это требовало расходов на таком уровне, который людям XV в. показался бы астрономическим. Возросшие расходы часто ложились невыносимым бременем на рядовых налогоплательщиков и нередко провоцировали массовые волнения (особенно во Франции

104

XVII в.). Однако они необычайно стимулировали развитие международного банковского дела, способствовали концентрации производства (прежде всего в судостроительной и оружейной промышленности) и создавали места для многих тысяч рабочих и десятков тысяч солдат. Иными словами, активность роли государства в эту эпоху не ставится под сомнение, но обязательно ли ему было придерживаться милитаристских порядков? В Риме в XVI в. построили 54 церкви, включая собор св. Петра, около 60 дворцов, три акведука и 35 общественных фонтанов, которые давали больше воды на душу населения, чем потреблялось в Чикаго в 1950-х гг. Значительную часть расходов (но, конечно, далеко не все) оплатили правившие Римом папы; лишь

небольшая часть денег пошла на военные расходы. Несомненно, что милитаристско-меркантилистские государства XVII в. играли значительную роль в экономическом развитии Европы в начале Нового времени. Однако пример Рима свидетельствует о том, что такое же или подобное экономическое развитие было вполне возможно при совсем других условиях.

Като-Камбрезийский договор

К середине XVI в., после 50 лет несомненного триумфа (см. гл. 2, с. 42—45), внутренняя нестабильность европейских монархий вновь дала о себе знать. Однако в возобновлении кризиса монархии были в первую очередь виноваты сами. Ослепленные экономическим процветанием, преисполненные уверенности в том, что могут и впредь получить любые займы на валютных рынках Антверпена и Лиона, император и французский король затевали одну войну за другой. Тем не менее неурожай 1555—1556 гг. и необходимость ввоза значительного количества зерна из Балтийского региона вызвали резкую нехватку наличности на валютных рынках. Это, в свою очередь, привело сражающиеся стороны к банкротству (1557): французское и испанское правительства, оказавшиеся не в состоянии вернуть займы и даже заплатить по ним проценты, в конце концов заключили мир (Като-Камбрезийский договор 1559 г.). Тем не менее приемлемый силовой баланс между великими христианскими монархиями так и не был установлен: Франция искала возможности вернуть утраченные позиции в Италии, а Англия не хотела смириться с уступкой Кале Франции. И у Франции, и у Испании были союзники и сателлиты среди итальянских и немецких князей, а также лидеров швейцарских кантонов; дипломаты соперников проявляли активность даже в таких отдален-

105

ных столицах, как Стокгольм и Варшава. Обе стороны с нетерпением ожидали возможности извлечь выгоду из нестабильной ситуации между Англией и Шотландией.

Внутренние проблемы

Банкротство заставило великие державы хотя бы на время заняться внутренними делами. И здесь кризис возник (во всяком случае отчасти) по вине монархий, поскольку именно они представляли собой самый динамичный элемент как в политической, так и в экономической жизни Европы. Монархии расширяли юрисдикцию королевских судов за счет провинций, городов и дворянства. Свои финансовые проблемы они пытались решить путем введения новых налогов или повышения старых. Кроме того, они стремились сохранить конфессиональное единство государства, руководствуясь почти повсеместно признанной аксиомой, которую четко сформулировал французский канцлер: *«un roi, une loi, une foi»* («один король, один закон, одна вера»). Лишь единство этих слагаемых, как считалось, могло обеспечить стабильность.

Однако меры, которые, по мнению королей, были необходимы для достижения этой цели, не имели поддержки у значительной части населения. Вмешательство королевских судов и королевских чиновников в местные дела вызывало протест, а постоянные склоки между этими судами и чиновниками по поводу полномочий ничуть не облегчали сложившуюся ситуацию. Представительные собрания, когда у них требовали оплатить постоянно увеличивающиеся счета правительства, пользовались случаем ответить на это резкими замечаниями в адрес королевской политики, делали нелестные намеки по поводу королевских браков, категорически отказывали в субсидиях и обставляли все таким образом, что правительство не могло принять эти субсидии, не потеряв лица и авторитета.

В Нидерландах правительство Филиппа II вынуждено было разрешить Генеральным штатам полностью распоряжаться налоговой политикой в течение девяти лет. Король крайне отрицательно отнесся к такому умалению своей власти и с тех пор был против дальнейших собраний Генеральных штатов — в результате созыв каждого очередного собрания звучал как сигнал к объединению всех недовольных религиозной или административной политикой Филиппа II.

Во Франции в 1560 г. созванные по инициативе правительства Генеральные штаты (не собиравшиеся с 1484 г.) завершились тем, что различные религиозные партии использовали их в качестве арены для

106

пропаганды своих воззрений, но провалили голосование по денежным суммам, жизненно необходимым правительству для поддержания своего пошатнувшегося авторитета. Хуже того, представители третьего сословия потребовали допустить их не только к выработке религиозной политики, но и к формированию правительства при 15-летнем короле Франциске II.

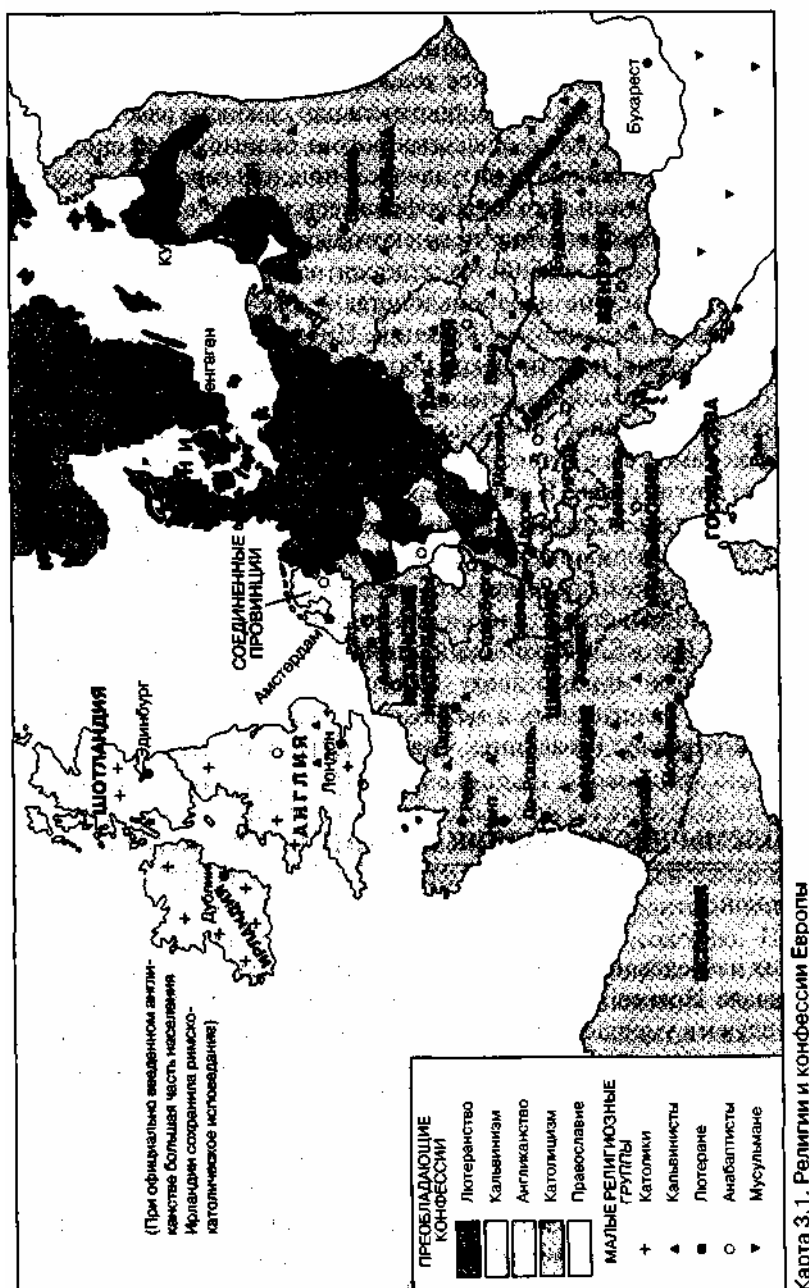
Значение религии

Самой проблематичной из всех задач оказалось поддержание единства веры. Реформация и Контрреформация впервые вовлекли в политический процесс значительную часть населения Европы. Народные волнения случались, конечно, во все времена. Хлебные бунты в городах, насилие по отношению к землевладельцам и сборщикам налогов в сельских местностях, еврейские погромы — все это были старинные, привычные и даже допустимые действия. Они редко выходили за пределы определенной местности, и обычно властям удавалось быстро восстановить контроль над ситуацией, предприняв карательные меры, которые, по их мнению, были уместны и целесообразны. Случались, правда, и исключения, — когда народные движения приобретали религиозную окраску и захватывали более обширную территорию. Так развивались события во время крестьянского восстания 1381 г. в Англии, в XV в. во время гуситских войн, немецких крестьянских восстаний первой четверти XVI в. Однако с середины XVI в. религия стала неременной составляющей всех социальных и политических конфликтов.

По-другому и не могло быть: в условиях, когда все действия людей имеют религиозное значение, а большая часть надежд и страхов выражается религиозным языком, четко разделить религиозный и политический аспект невозможно. Протестантские и католические проповедники боролись за последователей, причем из всех социальных классов. Стоило им привлечь на свою сторону несколько значительных групп, как тут же все политические течения страны начинали поляризоваться по религиозным направлениям. Люди, чьи цели не выходили за рамки их класса или местности, стали объединяться в поддерживаемые религией сообщества национального масштаба.

Тем самым все экономические, социальные и политические проблемы настолько обострились, что становились почти неразрешимыми. Лидеры движений, привлекая союзников, также нашли себе оправдание в сознании того, что они защищают истинную церковь против ереси или, как избранные Божьи, защищают истинное слово

Карта 3.1. Религии и конфессии Европы

108

Божье от идолопоклонства. Поэтому католики Парижа и других французских городов без колебаний перебили тысячи протестантов в бойне, которая имела двойное значение: во-первых, как борьба за правопорядок перед лицом непростительной слабости властей по отношению к возмутителям общественного и религиозного спокойствия, а во-вторых, как почти ритуальное очищение города от скверны, принесенной врагами церкви (Варфоломеевская ночь, 23—24 августа 1572 г.). Что до протестантов, то в некоторых случаях они тоже совершали квазиритуальные убийства оппонентов, но обычно занимались разрушением объектов идолопоклонства — распятий, алтарей, церковных статуй и витражей во Франции, Нидерландах и Англии.

Таким образом, политическое противостояние начинало перерастать в гражданские войны, а гражданские войны провоцировали иностранную интервенцию, поскольку обе стороны, сражаясь (как им казалось) за самое свое существование, призывали на помощь единоверцев из других стран. В свою очередь, иностранные державы имели все основания вмешаться в подобный конфликт, чтобы не только воспрепятствовать торжеству враждебной конфессии в соседней стране, но для того, чтобы предотвратить обретение соперником дополнительной мощи или стратегически опасных позиций.

Поэтому Като-Камбрезийский договор, с которым связывали надежды на новую мирную эпоху, возвестил о начале самых ужасных гражданских, религиозных и международных войн, о «железном веке», как его назовут охваченные ужасом современники.

Проблемы наследования и гражданские войны

Шотландия

Момент наследования неизменно был самым тревожным для монархий начала Нового времени. Подсчеты показывают, что всего лишь в 50% случаев умершего правителя мог сменить бесспорно законный совершеннолетний наследник мужского пола. Якову V Шотландскому в 1542 г. наследовала его маленькая дочь Мария Стюарт. В 1559 г. против ее матери-регентши, католической принцессы из Лотарингии, выступила группа лордов-протестантов. Англия и Франция отправили войска на помощь противоборствующим сторонам. Англо-протестантская коалиция взяла верх, шотландский парламент отменил папскую юрисдикцию над местной церковью, а французы вывели свои войска (главным образом, по внутривластным соображениям).

109

В 1561 г. Мария, став вдовой после смерти мужа, французского короля-мальчика Франциска II, вернулась в Шотландию. Будучи католичкой, она вскоре испортила отношения с правящим сословием нации, которая в большинстве своем была обращена в протестантизм усилиями Джона Нокса (политически самого одаренного ученика Кальвина). В 1567 г. второй муж Марии, граф Дарилли, был убит — вероятно, кем-то из своих многочисленных знатных недругов. Но ни Мария, ни ее защитники в тот момент и впоследствии не были способны представить неоспоримые доказательства того, что она не замешана в этом убийстве. В 1568 г. Мария бежала в Англию; там она в течение последующих 18 лет содержалась под стражей, оказавшись — только отчасти вопреки своей воле — в центре целого ряда католических заговоров против своей кузины Елизаветы I.

Англия

Генрих VIII разорвал отношения с папой главным образом ради того, чтобы произвести на свет законного наследника. Эдуард VI (1547—1553) был маленьким мальчиком, и за тревожный период регентства страна пережила крестьянские восстания, неудачные заграничные операции и такой быстрый переход к протестантизму, на какой не рассчитывал и Генрих VIII. В правление старшей сестры Эдуарда, Марии I (1553—1558), наступила еще более острая католическая реакция. Мария, дочь Генриха VIII от Екатерины Арагонской (с которой он развелся), выйдя замуж за своего кузена Филиппа II Испанского, стремилась вернуть своих подданных в католичество, хотя бы это и подразумевало сожжение около 300 человек по обвинению в ереси. В число казненных входили три епископа, а также архиепископ Кентерберийский Томас Кранмер, основной автор Англиканского молитвенника и 42 (позже 39) Статей, определявших англиканскую теологию. Прочие в большинстве своем были лавочниками, ремесленниками или рабочими — людьми, по определению, «незначительными». Те же, кто имел значение, т. е. лидеры протестантов, сумели затаиться или бежать на континент. В Женеве, Страсбурге и Франкфурте они выпустили множество памфлетов и трактатов против «тиранши»-королевы или, как был озаглавлен один из памфлетов Нокса, «трубных гласов против чудовищного владычества женщины». Внутри Англии быстро росла политическая и религиозная оппозиция, и вполне вероятно, что ранняя смерть Марии избавила Англию от Гражданской войны. Английскую «политическую нацию», т. е. тех, кто имел значение и был представлен в парламенте, нужно было заверить, что никто не покусится на

110

земли, которые они дешево купили после роспуска монастырей при Генрихе VIII. Не дав им гарантий, Мария вряд ли могла бы провести через парламент свои законы против ереси. Англичане не одобряли войну с Францией, которая велась исключительно в интересах испанского супруга королевы. Если бы война оказалась победоносной, это недовольство, возможно, затопило бы патриотическое ликование. Однако в результате Англия потеряла Кале, а Филипп II, как считали (хотя и ошибочно), на мирных переговорах с французами даже не поднимал вопроса о его возвращении Англии.

Сестра Марии Елизавета I сделала в этой ситуации правильный вывод: спасти страну от Гражданской войны может только религиозный компромисс, но с перевесом в сторону протестантизма. Эта политика сработала лучше, чем можно было ожидать. Протестантские радикалы в англиканской церкви, стоявшие в оппозиции к церковной иерархии, не смогли ни занять важные посты в церкви, ни создать столь же эффективную собственную организацию, как кальвинисты во Франции. Католики, которые были окончательно скомпрометированы испанскими связями Марии I и вызвавшими всеобщее отвращение казнями на кострах, лишились поддержки в стране. Спокойная позиция англиканской церкви год от года получала все большее распространение и признание. Англия теперь оказалась той редкой страной Западной Европы, где хотя еще и не было настоящей религиозной терпимости, но еретиков не сжигали по распоряжению властей и не отдавали на растерзание толпам фанатиков. Иезуитов и других католиков, которые строили заговоры с целью свержения Елизаветы или англиканской церкви, по-прежнему казнили за измену. Но по поводу личных религиозных убеждений королева заметила, что не желает

«открывать окна в души людей».

Несмотря на все успехи, Елизавета и ее советники остро чувствовали непрочность положения английской монархии как внутри страны, так и в международных отношениях. Они ясно понимали, что не может быть и речи о решительной политике усиления королевской власти, которую проводили континентальные правители. Поэтому к религиозному примирению добавилась политика сотрудничества с парламентом, и без его согласия королева никогда не повышала налоги и не вводила законы. В этой сфере одобрение парламента можно было обеспечить тщательной работой с палатой общин. Значительно труднее оказалось ограничить вмешательство парламента во внешнюю политику. Протестантские подданные королевы плохо понимали, не говоря уже об одобрении, ее политику лавирования между великими державами с целью предотвратить совместную атаку на Англию. В дан-

111

ном случае Англии очень повезло, поскольку около двадцати пяти лет Франция и Испания весьма эффективно, даже если и не всегда осознанно, блокировали попытки друг друга вторгнуться в Англию. Когда, наконец, в 1588 г. Испания послала свою Армаду против Англии, страна была едина в своем сопротивлении.

Елизавета оставила своему наследнику, Якову I (1603—1625), мирную страну, но также и монархию, которая не смогла упрочить свою власть по континентальному образцу и в которой представлявший все королевство парламента стал сильным и уважаемым учреждением, претендующим на полномочия короля.

Франция

Генрих II Французский случайно погиб на турнире в честь заключения Като-Камбрезийского мира. После себя он оставил целый выводок малолетних детей, вдову-полуиностранку Екатерину Медичи, пытавшуюся править за них, и Францию, в которой несколько знатных фамилий соперничали за регентство, а растущее сообщество кальвинистов боролось за выживание под гнетом государственных преследований. Эти кальвинисты, или *гугеноты* (возможно, от *Eidgenossen*¹ — так немцы называли швейцарцев), были организованы в местные религиозные конгрегации, иначе говоря, тайные религиозные собрания, во главе с пасторами, а иерархию составляли региональные, провинциальные и даже национальные синоды. Провинциальные дворяне нередко покровительствовали кальвинистским общинам, и вскоре наряду с синодальной иерархией возникла военно-дворянская организация. Ее возглавляли члены дома Бурбонов — правителей небольшого пиренейского королевства Наварра, состоявших в отдаленном родстве с правящим французским домом Валуа. В лице военно-религиозной организации гугенотов Бурбоны нашли такую партию союзников, какую ни один средневековый барон не был способен возглавить против своего короля. Гугеноты распространились по большей части Франции, а в некоторых провинциях обладали реальной властью; они проникали в королевскую администрацию и в то же время создавали альтернативную структуру управления. Религиозные убеждения кальвинистов, даже поддерживаемые в самой разной степени религиозного пыла, допускали взаимодействие практически всех сословий — от ремесленников Лиона и Ла-Рошели до принцев крови из дома Бурбонов. Гугеноты, неизменно оставаясь меньшинством, за 35 лет сумели спровоцировать восемь гражданских войн и выйти из них непобежденными.

112

После третьей Гражданской войны они получили значительное влияние в правительстве, поскольку их вождь, адмирал Колиньи, стал членом королевского совета, а сам король — молодой и непостоянный Карл IX (1560—1574) — вел переговоры с нидерландскими протестантами и английской королевой о совместных действиях против Испании. Королева-мать, Екатерина Медичи, и бескомпромиссные католики в королевском совете, пытавшиеся воспрепятствовать этой политике, решили убить Колиньи. Когда замысел не удался, а страсти обеих партий накалились до предела, Екатерина убедила короля санкционировать убийство гугенотских лидеров в Париже. Мы уже не узнаем, как ей удалось добиться согласия короля, но с этого момента события вышли из-под контроля Екатерины Медичи: парижане, подстрекаемые и направляемые лидерами католической партии, превратили выборочное убийство в общую резню гугенотов. В Париже погибло несколько тысяч человек, и аналогичные массовые убийства произошли во многих провинциальных городах Франции.

Резня в канун дня св. Варфоломея примечательна не только ужасными личными трагедиями — ее подлинное историческое значение состоит в демонстрации той мощи, с которой сектантские страсти сметаю́т всякие нормы цивилизованности, совместного существования и традиционной

морали. Это было нечто иное, нежели массовое истребление мусульман и евреев в Иерусалиме, взятом после всех тягот крестовых походов*, или сознательные акты устрашения, которые предпринимались полуварварскими завоевателями (например, бойня, устроенная Тимуром в отношении жителей Дели**). В данном случае одни христиане убивали других христиан, своих соседей, с которыми они и их предки жили в едином христианском сообществе и под одной властью более тысячи лет. В Мадриде и Риме парижские события были встречены праздничными мессами как сокрушение врагов Божьих, но много было и таких, кто по обе стороны религиозных баррикад был потрясен. Как следствие, стали возникать сомнения в правомерности верований, способных приводить к подобным катастрофам, а в конечной перспективе религиозные войны эпохи способствовали умалению чисто религиозного элемента и постепенной секуляризации всей европейской жизни. Однако понадобилось гораздо больше времени для осознания того, что исчезновение одного из эмоциональных стимулов само по себе никак не устранило способ-

* Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400—1500 годы. С. 196. ** Там же. С. 326.

113

ность людей выплескивать свои предрассудки и раздражение на собратьев.

Организованность и решимость гугенотов оказались достаточно сильны, чтобы пережить Варфоломеевскую ночь, и гражданские войны продолжались. В ходе этих войн гугеноты разработали новые теории, в которых обосновывалось право сопротивления несправедливой власти. Само по себе это «право сопротивления» (*jus resistendi*), имело почтенное средневековое прошлое в виде сугубо феодального права крупных баронов, ныне преобразованного гугенотами-теоретиками в основополагающее право со специфическим религиозным оттенком. Это право не рассматривалось как демократическая прерогатива масс, ибо как раз массы и проявили прискорбную склонность к истреблению гугенотов; им должны были наделяться нижестоящие властные субъекты: титулованная аристократия, городские советы, а в первую очередь провинциальные или генеральные сословные собрания.

Вполне естественно, что католики не замедлили с ответной реакцией и создали свою партию, Священную лигу. В организационном отношении католики мало чем отличались от гугенотов, а их политическая программа, с момента появления в ней недоверия к возможностям существующей монархии, зеркально отражала позицию оппонентов. Однако было и отличие: учитывая показную прокатолическую настроенность простонародья в Париже, Бордо и Тулузе, Лига, к немалому беспокойству ее знатных предводителей, придала своей программе более демократическое звучание.

Обе стороны обращались за помощью к иностранным единоверцам. Немецкие протестанты отправили на помощь гугенотам свою конницу, а Елизавета I послала военную экспедицию в Бретань. На стороне католиков выступили папа, Испания и герцог Пьемонта-Савойи. Все действующие лица имели собственные скрытые интересы.

Когда в 1589 г. был убит последний представитель династии Валуа Генрих III, Франция, казалось, была на волоске от раскола. Но во Франции набирала вес новая партия — «политики», которые были католиками, ставившими существование государства выше полной победы своей религии². Они сплотились вокруг нового короля из династии Бурбонов — Генриха IV Наваррского (1589—1610); он публично отрекся от протестантизма (так и неясно, были ли у него вообще какие-нибудь личные убеждения), предоставил гугенотам свободу вероисповедания (Нантский эдикт 1598 г.), урегулировал отношения с лидерами Священной лиги и вытеснил иностранные армии из Франции.

114

Филипп II и революция в Нидерландах

Из всех великих монархий Западной Европы только Испания в эту эпоху не пострадала от несовершеннолетия монархов и споров относительно наследования. Поэтому Филипп II (1555—1598) с полным основанием продолжил политику своего отца, Карла V, на упрочение монархии. Его власть теперь стала действительно абсолютной — по крайней мере в Кастилии, где он приручил кортесы для введения все более и более высоких налогов. Кроме того, в 1580 г. Филипп доказал основательность своих наследственных претензий на португальский престол, поглотив не только это последнее независимое иберийское королевство, но и его обширную заморскую империю.

В Нидерландах Филипп был вынужден оставить регентшей свою единокровную сестру Маргариту Пармскую, которая вскоре столкнулась с приблизительно теми же проблемами, что и Екатерина Медичи. Амбиции высшей знати, нежелание городов поддерживать политику короля по искоренению ереси, распространение еретических учений и формирование полурелигиозной, полуполитической оппозиционной партии — все это было только вариацией на тему, которая преобладала в большей части

Западной Европы.

В отличие от французских и английских монархов, Филипп II с самого начала был полон решимости поддерживать как полноту своей власти, так и католическую религию. «Я скорее согласился бы потерять сто жизней, если бы имел их, чем управлять еретиками», — уверял он папу. Однако повстанцы, во главе с принцем Вильгельмом Оранским из дома Нассау, были полны такой же решимости отстоять равно привилегии и протестантскую религию своей страны. В 1581 г. они официально отказались от вассальной зависимости от Филиппа II, указав, что «люди не были созданы Господом рабами своих владык, не для того, чтобы исполнять их приказы, каковы бы они ни были, но владыки были созданы ради блага своих подданных».

Гражданская война в Нидерландах продолжалась 80 лет, ибо лишь внук Филиппа в 1648 г. окончательно признал независимость Соединенных Провинций, т. е. северных Нидерландов. Ситуация в Нидерландах провоцировала иностранную интервенцию даже больше, чем войны во Франции. Филипп II столь серьезно воспринимал английскую угрозу, что в 1588 г. послал на завоевание Англии огромный флот, знаменитую «Непобедимую Армаду». Успех этого предприятия, равно как и полномасштабное испанское вмешательство во французские

115

гражданские войны двумя годами позже, могли бы привести к безоговорочному доминированию Испании в Европе и, по крайней мере, к значительному откату протестантизма. Но флот Англии и войска Генриха IV отразили эти угрозы, и Европа осталась разделенной и политически, и религиозно.

Соединенные Провинции Нидерландов

Поражение Испании в Ла-Манше и во Франции успешно обеспечило независимость голландцев. Бельгия, южная провинция Нидерландов, предпочла вернуться под владычество испанского короля, поскольку высшее дворянство и духовенство этих областей нуждались в его поддержке против революционно настроенных кальвинистов — бюргеров Гента и других бельгийских городов. На севере реальная власть осталась в руках влиятельных горожан, которые избрали дом Нассау как функциональный заменитель монархии, осуществлявший исполнительную власть с санкции штатов. Удивительно, но этот суррогат монархии вскоре настроил против себя штаты в той же мере, что и традиционные монархии по отношению к своим сословным собраниям. Однако, несмотря на ряд кризисных моментов, дом Нассау даже и в мыслях не имел устанавливать абсолютизм французского толка.

Придворной аристократической Европе новая и очень успешная республика представлялась чем-то одновременно завораживающим и отталкивающим. Как выразился один французский остроумец, «это страна, где царствует демон золота, коронованный табачными листьями и восседающий на троне из сыра». Однако в этой стране по крайней мере состоятельные люди могли чувствовать себя значительно более комфортно и свободно, чем жители любого европейского государства XVII в. Под защитой почти неприступных новых крепостей, мощной профессиональной армии и флота, который легко можно было усилить многочисленными торговыми кораблями, даже простые люди вели достаточно безмятежное существование, как мы по-прежнему можем видеть на множестве изображений голландских улиц и дворов этого периода.

Тридцатилетняя война

Двадцать третьего мая 1618 г. несколько чешских дворян-протестантов выкинули из окна пражского дворца Градчаны двух имперских наместников — они упали на мусорную кучу и остались живы. И современни-

116

ки, и позднейшие историки считали этот трагикомический инцидент началом самой опустошительной и ужасной войны в европейской истории до начала XX в.

Восстание чешской знати, поднятое как по политическим, так и по религиозным причинам, было классическим примером реакции привилегированной группы населения на агрессивное поведение централизованной монархии. В отличие от гугенотов и голландских кальвинистов, чешские дворяне не могли обеспечить себе народную поддержку: чешские города оставались сравнительно небольшими, а чешское и австрийское крестьянство имело свою традицию социально-религиозных движений, страшившую дворян не меньше, чем короля. Однако чехи могли призвать на помощь других протестантских государей. Они обратились к князю Трансильвании, который при поощрении своего сюзерена, турецкого султана, претендовал на венгерскую корону, и курфюрсту Фридриху Пфальцскому, главе Протестантской унии, союза немецких протестантских князей. В свою очередь, католический король Чехии император Фердинанд II обратился к своим кузенам-католикам, испанскому королю из династии Габсбургов, и к герцогу Баварии, возглавлявшему союз немецких католических князей.

Для немцев конфликт обернулся Гражданской войной, которая велась на двух уровнях: первый уровень составляло восстание чешских дворян против центральной монархии, а второй (спровоцированный первым) — борьба между императором и сословиями Священной Римской империи³. Эта последняя была сопряжена с гораздо более сложными проблемами, поскольку представителями сословий являлись полунезависимые князья и поскольку религиозные противоречия пересекались с основополагающими принципами государственного устройства. Наконец, война имела и третий уровень, так как она неизбежно переплеталась с международными конфликтами эпохи — с возобновившейся войной между Испанией и Соединенными Провинциями, со старинной борьбой между Испанией и Францией, с соперничеством за Балтику между Швецией, Данией и Польшей и, наконец, с восстанием каталонцев и португальцев против испанской короны.

Обстановка в каждом случае была сложной и изменчивой; соответственно изменялся и состав противоборствующих коалиций. Одна за другой европейские страны решали вступить в войну из опасения, что реальный или потенциальный оппонент может выиграть и получить слишком большое преимущество. «Эффект домино» и преувеличение потенциальных угроз побуждали напасть на соседа ради собственной

117

безопасности; об этих соображениях, впрочем, быстро забывали после первой успешной кампании, ибо динамика военных действий диктовала свою логику. Шведский король Густав Адольф убедил свой парламент, *риксдаг*, что военные успехи императора в борьбе с князьями-протестантами и их союзником, королем Дании, создают угрозу для безопасности Швеции, а потому шведская интервенция Германии жизненно необходима. Одержав несколько крупных побед (1630—1632), Густав Адольф стал думать о радикальном перекрое всей политической карты Европы: защитная реакция обернулась новым империализмом. После гибели короля в сражении (1632) шведское правительство отказалось от его самых смелых планов, но продолжало воевать за «компенсацию» и экономический и политический контроль над устьями крупнейших балтийских рек. Однако даже такая операция выходила далеко за рамки скромной интервенции в оборонных целях, и, хотя она в конце концов завершилась успешно, малонаселенная Швеция понесла такие потери в мужском населении, что во второй половине XVII в. оказалась решительно не в состоянии играть ту роль великой державы, которую замыслили для нее Густав Адольф и его министры.

Основной доминантой общеевропейского конфликта по-прежнему оставался антагонизм между католиками и протестантами. Тем не менее он не был всепроникающим, поскольку в армии набирали и протестантов, и католиков безо всякой дискриминации. Военачальники нередко преследовали собственные честолюбивые цели и порой настолько пренебрегали волей своих правительств, что отдельные полки и даже целые армии переходили на сторону врага. Фердинанд II, например, вынужден был организовать убийство своего самого успешного полководца, Валленштейна (1634). Франция вступила в войну позже, в 1635 г., так как после убийства Генриха IV (1610) страной правили регенты при малолетнем короле и центральная власть была слабой почти двадцать лет. Честолюбивые вельможи и решительные гугеноты, опасавшиеся за свою жизнь, спровоцировали еще несколько гражданских войн. Авторитет королевской власти был восстановлен в первую очередь благодаря усилиям кардинала Ришелье, главного министра при Людовике XIII. Этому наиболее дальновидному представителю доктрины «государственных интересов» удалось окончательно ликвидировать военные силы гугенотов и большинства крупных вельмож. После этого Ришелье решительно вступил в войну на стороне кальвинистских Соединенных Провинций и лютеранской Швеции против своих единоверцев — испанских и австрийских Габсбургов.

118 ГЛАВА 3

Мирные договоры и кризис

Постепенно в войну вступили почти все европейские страны. Они заключали самые разнообразные союзы с дружественными друг другу государствами, но порой и с враждебными. Бавария, например, была союзником императора, но при этом и союзником Франции. Неудивительно, что война продолжалась тридцать лет. Военные действия велись попеременно почти по всей Европе; кроме того, на морях, в обеих Индиях и Южной Америке шла борьба между голландцами, испанцами и португальцами. От сепаратного мира участников удерживали опасения, что прежний союзник, будучи предан, может объединиться с остальными врагами. Наконец, Испания, измученная восстаниями в Каталонии и Португалии (1640), а затем в Неаполе и Сицилии

(1647), решила закончить войну с голландцами, длившуюся 80 лет. С начала XVII в. испанцы уже не помышляли о восстановлении своей власти над Голландией и продолжали войну лишь ради лучших условий мира. Погоня за эфемерной надеждой повести переговоры с позиции силы или заставить противника почувствовать себя проигравшей стороной (которой он на самом деле не является) — верный рецепт сделать войны и конфликты бесконечными. Но как только Испания и Голландия заключили мир, большинство других стран смогли последовать их примеру. Процесс мирного урегулирования пошел значительно быстрее, когда стало ясно, что делегаты двух параллельных и тесно сотрудничавших мирных конгрессов (католического в Мюнстере и протестантского в Оснабрюке) могут быть привлечены соответствующими взятками (предоставленными в первую очередь Испанией) к улаживанию, на первый взгляд, неразрешимых проблем.

Вестфальский мир 1648 г. подтверждал фактическую независимость немецких князей от императора и их право самим определять свое вероисповедание. Швеция утвердилась как господствующая сила на Балтике (хотя ее далеко идущие амбиции сдерживались морским могуществом голландцев). Франция и Испания продолжали воевать до 1659 г., когда доминирование Франции в Западной Европе стало свершившимся фактом, а португальцы (но не каталонцы) утвердили свою независимость от Испании. Было ясно, что религиозные мотивы отныне перестают быть движущей силой международной политики, поскольку и Франция, и Испания были католическими державами.

Простой народ Европы заплатил ужасающую цену за гордыню церкви и амбиции князей и генералов. Изобретатель воздушного на-

119

саса физик Отто фон Герике, в то время член городского совета Магдебурга, стал свидетелем штурма своего города имперскими войсками:

Не было ничего, кроме убийств, поджогов, грабежей, истязаний и избиений. Каждый вражеский солдат жаждал добычи. И в этой неистовой страсти... тысячи невинных людей, женщин и детей, были убиты и замучены с такой жестокостью, что этого нельзя описать словами... Это бедствие длилось немногим более двух часов... ибо затем поднялся ветер и огонь набрал такую силу, что в 10 часов утра все было объято пламенем, а к 10 часам вечера весь город с его прекрасной ратушей, церквями и монастырями представлял собой груды пепла и камней*.

Однако гораздо более пагубное воздействие, чем все битвы, осады и пожары, оказали болезни, разнесенные войсками. Некоторые районы Германии, особенно сельские, многочисленные деревни и мелкие города потеряли около 50% населения, хотя точных данных почти нет, а оценки весьма противоречивы.

Война закончилась, как и начиналась, среди восстаний и переворотов по всей Европе на западе и на юге. Военные действия совпали по времени с длительной экономической депрессией, которая заставила правительства усилить административный контроль и увеличить налоги. Если чисто логически эти два метода дополняли друг друга, то в политическом отношении они оказались несовместимыми. Бюрократические механизмы, необходимые для расширения королевской власти, или вообще отсутствовали, или оставались неэффективными. В результате и правящие группы, привилегии которых были затронуты, и простой народ, несущий бремя непомерных налогов, решались на восстания.

Сценарии этих противостояний всякий раз определялись местными обстоятельствами. В Португалии и Каталонии правящие классы воспользовались массовым недовольством против мадридского правительства, чтобы попытаться обрести независимость (1640). В Неаполе и Сицилии народ взбунтовался и против правительства, и против знати (1647). Во Франции старые правительственные корпорации ополчились против новых, высшая знать соревновалась из-за контроля над очередным регентским правительством, и все эти партии стремились использовать народное недовольство в своих интересах (1648—1653)⁴. Соединенные Провинции переживали один из своих

* Der Dreissigjährige Krieg in Augenzeugenberichten / Ed. H. Lessen. Düsseldorf, 1963. S. 263.

Карта 3.2. Балтийский регион в XVII — начале XVIII в.

обычных политических кризисов - между голландскими Штатами и домом Нассау, который на два десятилетия (1650-1672) лишился своего квазимонархического статуса. Шведская монархия с трудом сохраняла позиции в противоборстве с парламентом, а в Дании где правительство почти полностью контролировалось высшей знатью король в союзе с городскими властями Копенгагена, низшим двором

121

ством и духовенством провел успешную кампанию против высшей знати? что позволило ему превратить свою монархию в наследственную и абсолютную (1660—1665). Даже швейцарские кантоны, державшиеся в стороне от военных действий, пережили крестьянские восстания и войну между кантонами, которая велась под запоздалыми религиозными лозунгами (1656).

Гражданская война в Англии

Англия вышла из Тридцатилетней войны после первого же десятилетия. Карл I, обнаружив, что парламент все больше и больше вмешивается в его прерогативы и становится почти неуправляемым, решил обойтись вообще без парламента. Историки спорили, пытался ли Карл таким образом ввести абсолютизм по континентальному образцу или же это было сделано из чисто практических соображений, и еще жарче были споры о той оппозиции, которую Карл, несомненно, пробудил. Спровоцировала ли эту оппозицию растущая сила джентри, мелкого сельского дворянства, которое поднималось на волне экономического процветания и пыталось вырвать власть у слабеющей аристократии и короны? Или, напротив, джентри слабело и пыталось отстоять свои непрочные позиции от покушений имеющей слишком много чиновников и слишком дорогостоящей монархии, объединившейся с ненавистными денежными воротилами лондонского Сити? Или же, как, по-видимому, принято считать теперь на основе многочисленных и детальных специальных исследований, оппозиция была порождением всей совокупности экономических, политических и религиозных проблем, а также исключительно местных и личных интересов, амбиций и антагонизмов?

Нет сомнений, что обострению кризиса способствовало очередное восстание в сопредельной Шотландии, традиционно сопротивлявшейся политике административной централизации и религиозной унификации. На сей раз инициативу проявили шотландские пресвитериане, которые отвергали англиканский молитвенник и противились попыткам возвращения в казну земель церкви, захваченных шотландской знатью. Не имея ни профессиональной армии, ни достаточных для ее набора денег, Карл I был вынужден вновь созвать парламент; тем временем шотландские войска заняли Ньюкасл (1640).

Обнаружив, что правительство парализовано отсутствием денег и грозным призраком шотландской армии, парламент выразил почти единогласное недоверие первому министру короля и настоял на отмене институтов абсолютной монархии — королевского суда Звездной

122

палаты и церковного суда Верховной комиссии. Специальный акт гарантировал, что парламент будет собираться регулярно, даже без санкции короля, а король не имеет права распускать парламент без согласия последнего. После этих уступок в парламенте стала расти партия, выступавшая в поддержку короля и против своих радикальных собратьев. Показательно, что окончательный раскол произошел по вопросу о верховной власти, т. е. о контроле над армией, которая должна была подавить восстание в Ирландии.

Последовавшая Гражданская война (1642—1646) объединила под знаменами парламента противников королевского абсолютизма, радикалов-пуритан, видевших в англиканской епископальной церкви подобие католической, а также всех, кто имел экономические или социальные претензии к монархии. При поддержке шотландцев парламент выиграл войну. К счастью для Англии, в это время ее континентальные соседи были слишком заняты войнами между собой, чтобы вмешаться в английские дела. Даже казнь Карла I (1649), обвиненного в том, что он намеренно развязал вторую Гражданскую войну, вызвала лишь запоздалые сетования придворной Европы.

Республика и протекторат Кромвеля

За войной последовали оживленные дебаты о том, какую политику и какой режим правления предпочитают англичане.

Самый ничтожный из живущих в Англии, как и самый великий, и таким образом... каждый, кто живет под властью, должен сперва сам согласиться поставить себя под эту власть.

Так рассуждал один офицер парламентской армии. Другие предлагали избирать парламент более демократическим путем, отделить исполнительную власть от законодательной и даже предоставить права женщинам. На левом крыле сосредоточился и весь спектр небольших религиозно-политических групп, пропагандировавших разного рода коммунистические и миллениаристские сообщества. Всем им противостояли «гранды» — старшие армейские офицеры, особенно их самый успешный генерал Оливер Кромвель (1599-1658). Эти последние опасались, что политическая демократия может привести к отмене собственности.

Теперь высшая власть находилась в руках армейских офицеров. Монархия, палата лордов и епископат были упразднены; Великобритания стала «содружеством», республикой. Палата общин сперва под-

123

верглась чистке, а затем роспуску (1653). С этого момента страной правил Кромвель. Его сторонники принадлежали к разным конфессиям, а потому религиозная терпимость оказалась неизбежной реальностью; тем не менее пуританский образ жизни страна принимала с неохотой. Чтобы узаконить свое правление, Кромвель созвал три сессии парламента, но не нашел в нем поддержки, как и Стюарты до него.

После смерти Кромвеля разношерстная коалиция политических групп и религиозных сект, поддерживавших республику, развалилась, и в 1660 г. страна фактически единодушно приветствовала реставрацию монархии Стюартов в лице Карла II (1649/60—1685), сына казненного Карла I.

Историческое значение периода Гражданской войны и республики

Итак, монархия вернулась, но в ограниченной форме, без прежнего аппарата абсолютизма; вернулись парламент с палатой лордов и англиканская церковь со своим епископатом. Однако насильственно созданное Кромвелем объединение трех королевств Англии, Шотландии и Ирландии не сохранилось, а поведение войск Кромвеля в Ирландии стало одной из многих печальных вех в трагических англо-ирландских отношениях. Еще одним наследием этого периода были общественные дискуссии и стремление к обоснованию политической демократии и религиозной терпимости, которое стало традицией. Об этой традиции не забывали больше никогда, хотя со временем она и вышла из моды. То же самое произошло с сочинениями величайшего политического философа эпохи Томаса Гоббса (1588—1679), который стремился соединить политическую мысль с естественными науками. Жизнь человека в естественном состоянии (т. е. до образования общества) была «одиноким, бедным, непристойным, жестокой и короткой». Поэтому, рассуждал Гоббс, индивид должен полностью

подчиниться государству, причем неважно, что оно собой представляет — монархию или республику, христианскую или языческую. Для роялистов, республиканцев и всех христиан эта теория была почти настолько же неприемлемой, как доктрина Макиавелли, и ее столь же невозможно было игнорировать.

Кризис середины XVII столетия

Как причины, так и последствия Гражданской войны в Англии до сих пор остаются предметом дискуссий среди историков; то же самое

124

касается причин и значения всех неурядиц середины XVII в. Некоторые историки сомневаются, можно ли вообще с определенностью говорить о таком феномене, как кризис XVII в. Многие люди, жившие в те времена, действительно считали, что наступил кризис, охвативший многие европейские страны и, как стали думать несколько позже, почти весь мир. Однако, если можно спорить об общей концепции такого кризиса или создании его общей модели, то существование некоторых тенденций, пусть не всегда однозначных, достаточно очевидно. Это, конечно, экономические проблемы, затронувшие многие части Европы и вызванные, возможно, но не безусловно, падением средних температур; смещение центров текстильного производства и резкий упадок испанской атлантической торговли, затронувший, вероятно, экономику большинства европейских государств помимо Испании. На политическом уровне монархии продолжали расширять свою власть за счет могущественных индивидуумов, местных корпораций и удаленных подконтрольных территорий, составлявших типичное сложносоставное государство той эпохи. Возникавшее напряжение, особенно связанное с религиозными и сектантскими конфликтами, было взрывоопасным. В то же самое время монархии стремились увеличить налоги, чтобы добыть деньги на военные расходы; эти налоги напрямую ухудшали положение населения в целом и косвенно выкачивали большое количество ресурсов, которые могли бы быть вложены в развитие экономики. Более быстрый рост экономик Голландии и Англии по сравнению с прочими странами Европы позволяет предположить, что отсутствие сильной военизированной монархии и придворного общества оказалось, как минимум, преимуществом в экономическом отношении. Однако и оно не могло служить гарантией от политических кризисов и, в случае Англии, от продолжительной Гражданской войны.

Россия Империализм

Если политические идеалы и силовая политика императора Карла V казались его западноевропейским современникам или Божьей волей, или злым умыслом — в зависимости от того, на чьей стороне были его современники, то на население Восточной Европы столь же противоречивое впечатление производили намерения и силовая политика великих князей Московских. Для русской церкви промысел Божий

125

был совершенно ясен: Римская империя пала под натиском варваров из-за ереси пап (заявление, конечно, совершенно фантастическое). Второй Рим, Византия, попал под власть турок, поскольку предал истинную веру, пойдя на унию с Римской церковью*. Таким образом, единственной истинной христианской церковью оставалась Русская Православная Церковь с центром в Москве, где, как утверждалось, скончалась Святая Дева Мария, а царь являлся единственным законным правителем всех христиан, ибо, согласно книгам пророков, «два Рима пали, третий (Москва) стоит, а четвертому не бывать». Подобно Риму и Константинополю, Москва — тоже Град Божий, но, в отличие от двух своих предшественников, она венчает необратимый ход событий, а потому никогда не должна пасть. Современные западные, но, естественно, не советские историки отмечали поразительное сходство между этим убеждением и наиболее крайними убеждениями некоторых современных русских марксистов, которые считали Москву единственным центром марксистской ортодоксии и коммунистической революции, реализовавшим цели необратимого исторического развития. Однако реальная политика правителей Русского государства точно так же, как и теперь, была гораздо более трезвой и практичной, хотя и представлялась их противникам весьма зловещей. Иван III (1462—1505), первый великий князь, ставший именовать себя царем (от лат. *caesar*)⁵, оправдывал свой поход против Новгорода защитой веры его православных обитателей от правления католического короля Польши. Однако суровый разгром захваченного города не имел никакого отношения к православным доктринам**. Иван IV, известный как Грозный (1533—1584), покорил Казанское и Астраханское ханства (1552 и 1556) — слабых преемников монгольской Золотой Орды — и тем самым подчинил себе весь обширный бассейн Волги вплоть до Каспийского моря. Эти завоевания были представлены всему миру как великие победы христианства. Они также позволили русским контролировать торговые пути в Центральную Азию (которые вскоре стали использоваться в том числе и купцами английской Русской компании) и открыли путь русской экспансии в Сибирь. К концу XVII в. русские первопроходцы достигли Тихого океана. Несколько столетий над русскими властвовали татары; теперь русские стали их преемниками. В великом движении с запада на восток русские воссоздали северную степную часть монгольской евразийской империи, но уже не как империю

кочевников, а как империю крестьян, охотников, купцов и, позднее, русских правительственных чиновников.

На южном направлении экспансия встретила с гораздо более серьезными трудностями. Крымские татары приняли своими сюзеренами османских султанов Константинополя, и Москва пока еще не могла бросить вызов этим объединенным силам. Лежавшие дальше на запад обширные степные пространства между Доном и Карпатскими горами были во власти казаков (этнически неоднородного населения пограничных областей) — независимых конных воинов, сочетавших примитивное земледелие, скотоводство и рыболовство с набегами на сопредельные оседлые сообщества. Казаки считались злейшими недругами как русских бояр, так и польских шляхтичей; часто они бывали беглыми крепостными и особенно охотно грабили имения прежних господ. Вместо того чтобы захватывать столь малоперспективные территории, цари предпочитали следовать примеру польских королей и нанимать отряды казаков в качестве вспомогательных войск — храбрых, хотя и не всегда надежных.

Прямая агрессия в западном направлении, против грозных рыцарских армий польско-литовского королевства, тоже выглядела малообещающей. Поэтому Иван IV решил напасть на слабый Тевтонский орден, военизированную организацию немецких рыцарей и землевладельцев, который подчинил себе Ливонию на южном побережье Балтийского моря. Успех этой кампании открыл бы для России возможность выхода на Балтику со всеми сопутствующими выгодами — экономическими и культурными контактами с Западной Европой через собственный балтийский порт. Свое нападение Иван Грозный обосновал тем, что немцы и литовцы Ливонии не были христианами (каковыми он считал только православных). В 1558—1582 гг. русские с переменным успехом воевали в Ливонии, иногда имея своими союзниками, но чаще всего противниками основные балтийские силы — Польско-Литовское королевство, Швецию, Данию и Ганзейский союз северо-немецких городов. В конце концов, понеся большие потери и в значительной мере исчерпав свои ресурсы, русские отступили перед все еще превосходящей военной организацией и морской мощью балтийских государств.

Служилое дворянство и поражение бояр

За отсутствием достаточных средств русские цари, в отличие от западных правителей XVI в., не могли нанимать для своих войн профессиональных солдат. А крупные землевладельцы, бояре, обладали

слишком большой независимостью, чтобы на них можно было полагаться. Поэтому цари создали средний класс землевладельцев, служилого дворянства, которое несло военную службу в соответствии с размерами своих поместий. Служилое дворянство стало стержнем захватнических войн, которые оно всегда приветствовало в качестве возможности приобретения новых земель. Не менее важен для землевладельцев был крестьянский труд в их поместьях, учитывая тот факт, что русские земли не являлись густо заселенными. В соперничестве за трудовые ресурсы богатые бояре имели значительные преимущества перед служилым дворянством, которое, вполне естественно, видело в царе единственную силу, способную помочь им в экономическом противостоянии с боярством. В этой ситуации цари отказались от прежней защиты свободного крестьянства и поддержали землевладельцев в распространении крепостной зависимости на крестьян. Благодаря такой политике цари обеспечили верность служилого дворянства и укрепили основы своей единоличной власти.

Понятно, сколь серьезные причины вызвали антагонизм монархии и бояр. У Ивана IV, кроме того, были и личные основания ненавидеть бояр. Во время своего долгого несовершеннолетия (1533—1547) он видел, как его родственники боролись с боярами за власть и как эта борьба расшатывала страну/Поэтому Иван пребывал в твердом убеждении, что царская власть должна быть абсолютной и, как он написал своему боярину, бежавшему в Литву, подданный должен подчиняться не только благочестивому владыке, но и несправедливому: «Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня... пострадать и заслужить венец вечной жизни?»*. Некоторые историки недавно высказали сомнения в подлинности этого знаменитого письма, но Иван Грозный действительно предоставил своим подданным богатые возможности заслужить венцы вечной жизни. В 1565 г. он превратил северную половину страны в огромное личное владение — опричнину, где предоставил имения почти шести тысячам своих самых верных сподвижников. Прежние владельцы, преимущественно бояре, либо получали земли в удаленных районах, либо просто выселялись, нередко самым жестоким образом. Сила бояр была решительно

подорвана. В свою очередь, падение бояр значительно ускорило разложение свободных крестьянских общин, поскольку новые собственники конфискованных поместий нуждались в работниках и закрепощали крестьян еще сильнее, чем когда-либо.

' Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 124.

128

Смутное время

Политика Ивана Грозного показала, насколько Русское государство все еще зависело от личности ее правителя. Когда Иван IV умер в 1584 г., страна, по словам английского посланника, «была наполнена злобой и смертельной ненавистью». Ко всем неурядицам прибавилась еще проблема спорного наследования. Два самозванца один за другим объявили себя сыном Ивана IV, Дмитрием, который умер при весьма загадочных обстоятельствах. К 1600 г. страна была близка к Гражданской войне между воинствующими дворцовыми кругами и боярскими группировками. Казаки, поляки и шведы не упустили возможности вмешаться и выдвинуть своих претендентов на русский престол. Польские войска заняли Москву, и царем был провозглашен сын польского короля. В 1613 г. наиболее влиятельные русские и казацкие группировки сошлись, наконец, на кандидатуре нового русского царя — Михаила из княжеского рода Романовых. Они изгнали поляков и позволили царю Михаилу восстановить единоличную власть, которая большинству русских теперь казалась единственным спасением от бедствий Смутного времени. Династия Романовых правила в России вплоть до революции 1917 г.

В XVI в. русским не удалось пробиться к Балтике и приобрести положение великой державы в глазах западных монархий. На протяжении почти всего XVII в. оно занимало оборонительные позиции, но вместе с тем, при традиционной недоверии русских ко всему иностранному, начало постепенно поворачиваться к Западу. Уже Иван III построил свой дворец и соборы внутри Кремля в стиле итальянского Возрождения (при последующих реставрациях постройки были «русифицированы»). Специфическим русским явлением оставались мессианские идеи, воплощенные в монументализме Кремля. Преемник Ивана Грозного Борис Годунов замыслил превратить его в «Новый Иерусалим», но смерть Бориса и наступившее Смутное время помешали осуществлению этих планов. Специфическим русским явлением были и архитектурные формы, вызывающие в памяти очертания палаток кочевников; примером может служить московский собор Василия Блаженного, построенный в честь взятия Казани. Однако «современные» западные орудия, которые помогли взять Казань, были внедрены в русскую армию немецкими и скандинавскими мастерами. В то же самое время английские, голландские и итальянские торговцы способствовали развитию внешней торговли России. Почти до начала XX в. иностранный, т. е. западно-

129

европейский, «эксперт» оставался типичным элементом русской жизни. По крайней мере ближайших соседей России немало тревожили последствия ее «вестернизации». Польский король писал Елизавете I, протестуя против расширения английской торговли с Россией:

Мы знаем и точно уверены, что московиты, враги всей свободы на земле, день ото дня становятся сильнее... ибо не только повседневные товары, но и доселе неизвестное им оружие, мастера-ремесленники и умения притекают к ним. С их помощью они набирают силу, чтобы покорить прочих... Поэтому мы, зная их лучше и имея с ними общую границу, предостерегаем других христианских владык, чтобы они не поступали своим достоинством, своей свободой и жизнью и своими подданными в пользу самого варварского и жестокого врага...*

Прошло немало времени, прежде чем Европа начала соглашаться с польским королем.

Религия: святые, мученики и преследователи

В XVI — начале XVII в. христианство пережило свою последнюю героическую эпоху. Многие люди все еще пребывали в уверенности, что царство Божье можно построить на земле — и если не в своем отечестве, то во всяком случае за океаном, в Новом Свете, для которого Бог предназначил своих «избранных». Пуритане массами отплывали в Новую Англию; за ними последовали многие поколения мужчин и женщин из Англии и с континента, которые не видели противоречия в сочетании религиозных убеждений с экономическими возможностями.

Не меньшим доверием к зову Божественного провидения обладали те (преимущественно католики), кто отправился в заморские страны ради обращения язычников. Всех этих людей (включая оставшихся в Европе) объединяла твердость убеждений, которая внушала им готовность умереть за свою веру. Во всяком случае именно так описывают их составители обширных протестантских мартирологии и агиографы доминиканских, францисканских и иезуитских святых-миссионеров.

* Толстой Ю.В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553—1593. СПб., 1875. С. 30.

130

В религиозном героизме была, правда, и своя темная сторона — рвение к преследованиям во имя Господне. Католики, лютеране и кальвинисты преследовали не только друг друга, провоцируя, как

мы видели, ужасные гражданские войны; если представлялся случай, они совместно преследовали анабаптистов, социниан (унитарная)⁶ и любые религиозные меньшинства, какие только встречались. Если жертва не находилась, ее можно было создать.

Великая охота на ведьм

Разумеется, сама практика колдовства не была изобретением гонителей. На уровне деревни она, надо думать, существовала со времен первых оседлых поселений. В эпоху Возрождения многие утонченные умы (включая и некоторых пап) верили в естественную магию и практиковали ее. Эта магия понималась как умение повелевать силами природы, особенно звездами и планетами; некоторые ее адепты вызывали ангелов и демонов, но заботились главным образом о том, чтобы их не путали с обычными ведьмами. Таких магов, как правило, оставляли в покое. Замысел церкви состоял в другом: объявить традиционное колдовство ересью, а ведьм — пособницами дьявола во всемирном заговоре против христианской веры и христианского общества. Во второй половине XV в. специалисты-теологи систематизировали подробные описания представлений о сборищах и шабашах ведьм. Инквизиционное судопроизводство, без колебаний полагавшееся на доносы и применение к подозреваемым пыток, почти всегда добивалось признаний вины. Это подтверждало сложившееся стереотипное представление о ведьмах и худшие опасения как властей, так и просто народа. Факт объективного существования ведовского заговора, которое, как считалось, основывалось на пережитках дохристианских религий среди европейского крестьянства, в настоящее время отвергнуто.

Нет ничего удивительного, что охота на ведьм развернулась именно в то время, когда беспокойство росло, а религиозные страсти достигли высшего накала, т. е. в XVI в. Не везде, впрочем, она велась с равной интенсивностью. Православному христианству эта идея вообще была чужда; в Испании она тоже не пользовалась популярностью — потому, вероятно, что само представление о ереси там прочно ассоциировалось с морисками и *converses* (крещеными маврами и евреями)⁷. В Англии ведьм выявляли не слишком рьяно (во многом благодаря тому, что английский судебный процесс не включал в себя пытки). Хуже всего обстояли дела во Франции, Швейцарии, Германии и Шотландии. Общего числа мы не знаем, но, например, только в од-

ном южнонемецком городе за один год сожгли 63 женщины, а в швейцарском кантоне Во между 1591 и 1680 гг. подвергли пыткам и казнили 3371 предполагаемую ведьму.

Если довольно неожиданное распространение одержимости ведовством и последующей охоты на ведьм до сих пор остается явлением весьма загадочным, то столь же странным выглядит их внезапное исчезновение к концу XVII в. В обоих случаях, надо думать, многое зависело от местных властных структур и судов, полномочных инициировать и прекращать охоту на ведьм. Поскольку в этих институтах были образованные люди, логично предположить, что изменение отношения к религии с позиции века разума значило больше, чем трансформация народных религиозных верований (см. гл. 5).

Цыгане

В те времена, когда так боялись и ненавидели иноверцев и чужеземцев, трудно было ожидать благодушного отношения к цыганам. Цыгане были последним азиатским кочевым племенем, которое проникло в Европу, но, в отличие от предшественников, не как завоеватели.

Происходившие, скорее всего, из Индии (в европейских источниках они упоминаются с XV в.⁸), уже тогда они были известны своими характерными занятиями лудильщиков, торговцев лошадьми, гадалщиков и — как считалось — воров, в том числе похитителей детей. В 1530-х гг. Генрих VIII и английский парламент выпустили ряд законов против цыган, следуя примеру континентальных правителей.

Преследуемые почти столь же сильно, как и евреи, цыгане столь же упорно хранили свою этническую индивидуальность и свои традиции. Однако, в отличие от евреев, они никогда не стремились воспринять культуру тех стран, в которых жили. Лишь в XVIII столетии скептическое отношение к религии и определенное романтическое отношение к цыганам и их музыке позволили, по крайней мере какой-то части населения, смотреть на цыган не только со страхом или неприязнью.

Высокое Возрождение

Эта книга не претендует на детальное освещение творчества великих мастеров Возрождения; ее задача — оценить их деятельность как один из аспектов истории европейской цивилизации. На рубеже XVI в. в работах Леонардо да Винчи (1452-1519), Рафаэля (1483-1520),

Микеланджело (1475—1564) и многих других мастеров искусство Возрождения, несомненно, достигло своей вершины, и это признавалось по всей Европе.

По мнению Вазари, мастера этого периода достигли того, к чему стремились и чего лишь частично добивались их предшественники. Вазари выделил пять признаков совершенства эпохи, которую современные историки называют Высоким Возрождением: **правило**, под которым Вазари имел в виду базирование современных проектов на планах и пропорциях античных строений; **строй**, который заключался в четком разделении типов колонн на дорический, ионический и коринфский стили; **меру**, которая заключалась в правильных пропорциях частей скульптуры или картины; **рисунок**, который означал стремление повторить самое прекрасное, что есть в природе, и это «*достигается рукой и умом, которые должны обладать величайшей верностью и точностью при переносе всего, что видит глаз, на плоскость...*»; и, наконец, **манеру**, объединяющую два последних правила, т. е. умение скопировать самое прекрасное в природе в совершенстве пропорций*.

Зачинателем «новой манеры» (т. е. Высокого Возрождения) стал Леонардо да Винчи. Сила и ясность его графических работ сочетались с тщательным и точнейшим воспроизведением каждой детали. В своих работах он продемонстрировал правило, превосходное понимание строя и меры, совершенный рисунок и вдохновенное изящество. Художник с глубокой проницательностью, великим мастерством и неисчислимыми творческими возможностями, Леонардо создавал скульптуры, которые, казалось, двигались и дышали**.

До нас не дошла ни одна скульптура Леонардо; сохранились не все его немногочисленные полотна. Для своей знаменитой миланской фрески «Тайная вечеря» он изобрел особую технику письма; она больше подходила к его неспешной манере, чем традиционная, при которой краска накладывалась на сырую штукатурку до ее высыхания. К несчастью, со временем краски Леонардо сильно потускнели. Будучи, вероятно, самым великим «универсалом» Возрождения, Леонардо прекрасно чертил, размышлял над проблемами естествознания и был изобретателем и инженером (по крайней мере, сохранились его чертежи летательных аппаратов, подводных лодок и множества разнообразных механических устройств). Сотни вели-

* Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих / Пер. А.И. Бенедиктова и А.Г. Габричевского. Т. III. М., 1994. С. 6. ** Там же. С. 8.

133

колепных рисунков из его записных книжек — лица и фигуры людей, животные, растения, здания, механизмы — прекрасно воспроизведены в современных изданиях и легко доступны для ознакомления.

Сказав несколько слов о других мастерах этого периода, Вазари замечает, что наибольшую прелесть в свои картины явил

грациознейший Рафаэль Урбинский, который, изучая труды старых и новых мастеров, у всех заимствовал лучшее и, собрав все это воедино, обогатил искусство живописи тем полным совершенством, каким в древности отличались фигуры Аппеллеса и Зевксиса [не сохранились], и даже, можно сказать, более того, если бы только можно было показать их произведения для сравнения с ним. Поэтому природа и осталась побежденной его красками, выдумка же в нем была настолько легкой и меткой, насколько может судить об этом всякий, кто видел его истории, которые подобны письменным повествованиям... не говоря уже о присущем ему даре придавать обаяние молодым, старым и женским лицам, соблюдая скромность для скромных и любострастие для любострастных и сообщая младенцам то лукавство в глазах, то резвость в повадках. Таковы же изображаемые им одежды, складки которых и не слишком просты, и не слишком сложны, но таковы, что кажутся настоящими*.

О художественных ценностях Возрождения вряд ли когда-нибудь писали лучше, чем Вазари. Рафаэлю, художнику, который не уступал древним и даже превосходил их, равно как и саму природу, тоже вряд ли можно воздать большую хвалу. И все же не он был главным героем для Вазари:

Но если кто-нибудь из числа умерших и живых и заслужил пальму первенства, превзошедши и перекрыв всех остальных, так это божественный Микеланджело Буонаротти, который главенствует не только в одном из этих искусств, но и сразу во всех трех [т. е. живописи, скульптуре и архитектуре. — Авт.]. Он превосходит и побеждает не только всех тех, кто почти что победил природу, но и самых знаменитейших древних мастеров, которые безо всякого сомнения столь похвально ее превзошли. [В области архитектуры и скульптуры реальное сравнение оставалось вполне возможным, поскольку многие произведения искусства (за исключением живописных полотен) были известны в Италии эпохи Возрождения. — Авт.]

Он один торжествует победу над этими, над теми и над самой природой, ибо стоит только ей замыслить что-нибудь новое, и сколько бы странным и трудным оно ни было, как он тотчас же далеко ее обгоняет силой своего божественного таланта и при помощи прилежания, рисунка, искусства, рассуждения и грации*.

Живопись Микеланджело, в частности знаменитые фрески на потолке Сикстинской капеллы в Ватиканском дворце, можно, пожалуй, оценить даже в репродукциях. Со скульптурой дело обстоит гораздо сложнее. Самые лучшие фотографии не в силах передать ее настоящие объемы и тончайшую изменчивость трехмерных форм. Вазари писал еще при жизни Микеланджело, но ни словом не упомянул о его сонетах и других стихотворениях, относящихся в большинстве своем уже к последним годам. А между тем некоторые стихотворения Микеланджело, отточенные по форме и проникновенные, принадлежат к лучшим образцам поэзии всего Возрождения. Лишь совсем немного было опубликовано при жизни Микеланджело. И хотя прочие его стихи были известны, полностью они были опубликованы только в 1960 г.

Конец классического искусства Возрождения

Искусство Ренессанса, подобно ренессансному гуманизму и литературе, имело глубокие корни в свободных традициях городов-государств — будь то республики или гражданские деспотии⁹. Однако такие города-государства начинали исчезать. Иноземные вторжения и непрерывные войны наложили на них печать опустошения — как физического, так и психологического. Даже Рим в 1527 г. был захвачен не получившими вовремя жалования солдатами Карла V. Народные религиозные движения и массовые всплески нетерпимости, грозно заявившие о себе уже в возвышении Савонаролы, подрывали ренессансный идеал гармонии. Наступившие времена отвечали скорее духу «Государя» Макиавелли, чем облику прекрасных безмятежных мадонн, царящих в своем величественном покое над разумным и упорядоченным миром. Самой серьезной причиной послужило, вероятно, политическое засилье испанцев и испанского этикета, сильно исказившее придворную жизнь Италии. Художники, писатели или политические мыслители отныне были уже не свободными гражданами городских республик,

* Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. С. 10-11.

а подданными третьеразрядных княжеств. Психологический эффект был удушающим, и с середины XVI в. он усугублялся ограничениями интеллектуальной свободы — действиями папской инквизиции и введением списка запрещенных книг (см. гл. 2, с. 74).

Маньеризм

Первой реакцией итальянских мастеров, и в первую очередь самых талантливых, стал отказ от стиля классического Возрождения и лежавших в его основе философских принципов. Приблизительно с 1520 г. они стали практиковать новый стиль, впоследствии названный «маньеризмом», поскольку в его основе, как считалось, лежала «манера» поздних работ Микеланджело. Новый стиль был намеренно антиклассическим, часто искаженным, иногда открыто уродливым, но с исключительной ритмической выразительностью и эмоциональностью, которые по духу оказались гораздо ближе нашему веку, чем нескольким векам, ему предшествовавшим. В изменившихся политических, социальных и психологических условиях Италии, в которой все определяла придворная жизнь, творческий импульс нового стиля не продлился долго и маньеризм довольно быстро выродился в сухие застывшие формы, своеобразный маньеристский академизм.

Искусство Венеции

Лишь Венеция выпадает из общей картины художественных процессов ренессансной Италии, которые мы попытались рассмотреть. Имея давние торговые и культурные связи с Византией, Венеция восприняла художественные принципы искусства Возрождения сравнительно поздно, лишь в конце XV в., но привнесла в них нечто свое — несравненную передачу цвета: на местных художников влияло необычайное освещение города отраженным светом лагуны (точно так же голландские художники в XVII в. и английские в XIX в. в своих странах попадали под чары отражавшихся в воде небес и деревьев). В XVI столетии Венеция оставалась единственным городом Италии, который успешно и сознательно поддерживал свой образ независимого города-государства, где художники продолжали оставаться свободными гражданами. Кризис итальянского искусства почти не коснулся Венеции: венецианцы, восприняв стиль маньеризма, обогатили и трансформировали его. С середины XVI в. (когда Микеланджело создал свою последнюю фреску) в Италии не оставалось мастеров, равных Тициану-

ну (ок. 1490-1576), Тинторетто (1518-1594), Веронезе (1528-1588) или обучавшемуся в Венеции и творившему в Толедо греческому мастеру Эль Греко (1541-1614).

В то же самое время работавший в Венеции Палладио (1508—1580) и его ученики создали элегантный и гармоничный классический архитектурный стиль, особенно привлекавший тех представителей европейской аристократии, которые по идейным или эмоциональным мотивам не принимали римскую барочную архитектуру. Венецианский патрициат, эта наиболее закрытая и самодостаточная группа европейской аристократии, сохранил способность управлять, не восприняв испанской дворцовой моды, не подпав под влияние инквизиции или иезуитского университета. По проектам Палладио венецианцы строили загородные виллы, предназначенные для особого стиля жизни — утонченного, аристократичного, но не придворного. Именно этому стилю предстояло возродиться во вкусах и привычках английской аристократии XVIII в. В XVI в. Венеция представляла собой разительный контраст с остальной Италией, в жизни которой к 1600 г. доминировали придворные вкусы и клерикальные настроения.

Эпоха барокко

Сто лет, прошедшие от середины XVI до середины XVII в., изобилуют религиозными и социальными конфликтами, преследованиями, гражданскими войнами и внешними вторжениями. Разумеется, эти события отнюдь не были той целью, к которой стремились люди; напротив, они вели войны, сжигали еретиков и ведьм с совершенно противоположным намерением — сохранить или восстановить порядок и гармонию, злонамеренно нарушенные другими. По крайней мере в одной сфере — сфере интеллектуальных и художественных исканий — к порядку и гармонии можно было стремиться, не вызывая тех ужасных побочных эффектов, которыми личные интересы и людская извращенность чреваты в общественной политике или религиозной полемике. Поисками гармонии крупнейшие творческие умы занимались в самых разных областях — в исследовании управляющих мирозданием законов (об этом см. ниже, гл. 5), в музыке, литературе, изобразительных искусствах либо же (что весьма характерно для эпохи) в сочетании некоторых или даже всех областей знания и творчества. Это стремление, пожалуй, в наибольшей степени сформировало неповторимый стиль эпохи барокко.

137

Международное право

Ни в одной сфере поиска порядка и гармонии не проявились с такой отчетливостью, как в разработке международного права. Сама его концепция, как и многие другие достижения европейской культуры, восходит к греческим и римским моделям. Показательно, что обсуждать этот предмет с современных позиций начали во времена позднего Средневековья и Возрождения итальянские правоведы, ибо именно в Италии проблемы взаимоотношений между светскими государствами и их подданными впервые побудили правительства к созданию рациональной системы дипломатических отношений*.

Столь же показательно, что крупнейшим систематизатором всех разработок в области международного права стал воспитанный на идеях гуманизма поэт, юрист и политик из самого коммерчески развитого государства XVII в. — Голландии.

Многие пытались заниматься толкованием... гражданского права Рима или своих собственных государств. Но мало кто касался того права, которое регулирует отношения между народами или между правителями и народами...

Так Гуго Гроций (Хейг де Гроот, 1583-1645) начал свой знаменитый трактат «О праве войны и мира» (1625). Международное право, по мысли Гроция, основано на естественном праве, т. е. на системе права, которая, как считалось со времен античности, была общей для всего человечества. Хотя философы и расходились в оценке отдельных аспектов естественного права, они единодушно считали, что естественное право установлено Богом и покоится на таких фундаментальных устоях, как рациональность человеческой природы, потребность и необходимость жить в обществе, создавать семью и добиваться личного благополучия. Гроций признавал суверенитет самостоятельных государств Европы, но считал войны явлением неизбежным, хотя и бесплодным. Тем не менее, полагал он, отношения войны нужно ограничить и рационализировать — точно так же, как и мирные отношения между государствами и их гражданами должны строиться на рациональных основах.

Учение Гроция и других авторов работ по международному праву отвечали интересам общества, которое было расколото Реформацией

^{*} Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы. С. 340.

и Контрреформацией по конфессиональному признаку и утратило последние остатки никогда не бывшего особенно сильным средневекового чувства общности христианского мира, *communitas Christianiae*. Оно прекрасно подходило тем правителям и политикам, которые разделяли мнение французского юриста Жана Бодена (1530-1596) о неограниченном суверенитете государства, но испытывали заметное беспокойство по поводу моральных принципов и безопасности сосуществования в международных «джунглях». Преимущество международного права состояло в том, что оно обеспечивало европейские государства по большей части светским моральным кодексом, не препятствуя им в то же время преследовать цели силовой политики.

Римское барокко

Если разработка международного права отвечала насущным политическим и эмоциональным потребностям эпохи, то новый стиль барокко в такой же мере отвечал потребностям художественно-эмоциональным. Барокко появилось в Риме в последней четверти XVI в. Как стиль архитектуры, живописи и скульптуры, барокко, подобно маньеризму, формально считается наследником стиля классического Возрождения рубежа XVI в. Однако барокко обладало другим эмоциональным импульсом, ибо сумело добиться того, на что не был способен маньеризм, — создать художественными средствами мост над пропастью, разделявшей владык и подданных, церковную иерархию и христианские общины, аристократию и буржуазию. Однако если в эпоху Возрождения отношения искусство—художник—общество воспринимались для наблюдателя, по крайней мере в идеале, как соучастие, то во времена барокко это отношение трансформировалось в представление, наподобие представления пьесы перед публикой в театре. Это был стиль для виртуозов, открывавший исключительные возможности для объединения всех зрительно постигаемых искусств — архитектуры, скульптуры и живописи — в едином художественном целом. Барокко стремилось к созданию драматических эффектов и зрительных иллюзий — вроде небес с Богом, ангелами и святыми, плывущих по церковному своду. Такие иллюзии, *trompe l'oeil*¹⁰, были не просто игрой. Они заключали в себе более глубокий, символический смысл, подчеркивая иллюзорность земной жизни в отличие от истинной божественной реальности. Барокко очень скоро приобрело огромную популярность и проникло из Рима на север — в Германию, Швецию и Польшу и на запад — в Испанию, Португа-

139
лию, а затем и в Латинскую Америку. В католическом мире оформленные в стиле барокко церкви, монастыри, дворцы и городские площади прославляли величие государей, аристократии и церкви в глазах восхищенной простонародной аудитории. Даже в протестантских странах важнейшие элементы барокко формировали архитектурный облик столичных городов и королевских резиденций. Лишь Франция и, в меньшей степени, Англия и Голландия сохраняли перед лицом победного шествия барокко собственные, более строгие классические художественные традиции.

Рим в XVII столетии

Рим продолжал оставаться центром нового стиля. Начиная с 1580-х гг. до середины XVII в. папы прилагали значительные усилия, чтобы придать внешнюю художественную выразительность Риму как духовному центру контрреформационной церкви — той церкви, которая, благодаря усилиям ее заморских миссионеров и мучеников и несмотря на Реформацию, становилась все более вселенской, охватывающей весь мир. К ресурсам весьма расточительного папского двора прибавились деньги римской аристократии и средства религиозных орденов, поступавшие в Рим со всей католической Европы. Собор Св. Петра и величественную площадь перед ним удалось наконец-то закончить благодаря труду и таланту величайшего архитектора и скульптора эпохи барокко — Джан-Лоренцо Бернини (1598-1680). Десятки соборов, дворцов, площадей и фонтанов, построенных в этот период, придали всему Риму барочный облик, который он сохраняет по сей день. Художники со всей Италии и даже Европы стремились в Рим, рассчитывая на хорошие деньги за алтарные и потолочные росписи, которые были существенным элементом грандиозной строительной активности, но главным образом — из-за растущего рынка коммерческого искусства. В прежние времена приватное наслаждение произведениями искусства оставалось привилегией государей и очень богатых людей. Теперь подобное удовольствие стало гораздо более доступным и соответствующим разным материальным возможностям населения. Последний раз в своей долгой и блестящей истории творческий Рим был величайшим центром европейского искусства.

Такого положения Рим добился в значительной мере за счет остальной Италии. Великие герцоги Тосканы из рода Медичи и прочие итальянские князья желали привлекать художников для своих дворов не меньше, чем их предшественники в эпоху Возрождения; но их дворы, подчинявшиеся требованиям испанской формальности и испан-

ского этикета, приобрели совершенно провинциальный статус, а их финансовые возможности и близко не могли сравниться с возможностями Рима. В Италии, конечно, помимо Рима строились великолепные сооружения и создавались превосходные картины; но прежняя

мультицентрированная итальянская культура эпохи Возрождения ушла в прошлое.

Упадок немецкого искусства

В Германии положение искусства было еще хуже. В конце XV и в первые три-четыре десятилетия XVI в. южная Германия пережила такой расцвет изобразительных искусств, который уступал только итальянскому Возрождению. Княжеские дворы, кафедральные капитулы и имперские города соперничали в покровительстве над художниками и скульпторами. Многие из них, и в первую очередь самый знаменитый — Альбрехт Дюрер (1471—1528), пытались совместить стиль итальянского Высокого Возрождения с позднеготическими традициями североальпийской Европы.

Однако великие мастера немецкого Возрождения не имели последователей сравнимого масштаба. В 1670 г. один немецкий автор, написавший биографии немецких и голландских художников, почувствовал себя обязанным извиниться за то, что не написал вместо этого о великих полководцах.

О причинах такого упадка спорят до сих пор. Несомненно, что Тридцатилетняя война в значительной мере подорвала финансовую основу искусства, и в первую очередь архитектуры, хотя упадок начался двумя поколениями раньше. Более значительную роль сыграл протестантизм. Лютеране, в отличие от кальвинистов, не были активно враждебны по отношению к религиозным изображениям, но в то же время и не поощряли религиозное искусство, как поступали католики. Что до Дюрера, то он, поначалу симпатизируя, даже с энтузиазмом, учению Лютера, в последние годы своей жизни, по-видимому, отвернулся от религиозных реформаторов — прежде всего из-за их явной или скрытой враждебности к искусству.

Вероятно, не менее важным явлением оказалась деградация немецкой придворной культуры. Небольшие немецкие дворы, как и итальянские, попадали под власть этикета, становились провинциальными и, подобно экономически слабеющим имперским городам, не могли больше покровительствовать искусствам по чисто финансовым обстоятельствам.

141

Голландское искусство

В разительном контрасте с Германией, голландская живопись в XVII в. переживала расцвет. Голландский патрициат и состоятельные бюргеры, уверенные в своем будущем и своих возможностях, заказывали и приобретали картины для ратуш, гильдий и частных домов. Произведения искусства в Голландии выступали как ходовой товар в значительно большей мере, чем в Риме, поскольку в Голландии не было ни двора, ни церковной иерархии, ни богатой аристократии, которые могли бы покровительствовать художникам.

Поэтому голландская школа живописи, которая, конечно же, твердо придерживалась позднесредневековых нидерландских традиций, сосредоточилась на портретах, ландшафтах, городских и морских пейзажах, интерьерах и сценах повседневной жизни. Величайший голландский мастер Рембрандт (1606—1669) был едва ли не единственным, кто писал полотна на религиозные и мифологические сюжеты.

Дворы и столицы

За пределами Голландии и Рима люди искусства все еще в значительной мере зависели от покровительства дворов, аристократии и церкви. Уроженцы южных Нидерландов Рубенс (1577-1640) и Ван Дейк (1599-1641) охотно работали по заказам придворных и аристократических кругов Брюсселя и Лондона, Парижа, Рима, Генуи и Мадрида. Большая часть того, что мы знаем о внешнем облике двора Карла I и о том, как предпочитали себя видеть английские аристократы-роялисты, известна нам благодаря портретам работы Ван Дейка. Деятельность Рубенса была более многогранной. Будучи дипломатом на службе у Габсбургов и неустанно трудясь ради сохранения мира, Рубенс оставался виртуозом, который свободно чувствовал себя в любом жанре и выработал собственный неповторимый стиль, соединив элементы итальянской и голландской художественных традиций. Рубенса можно считать образцовым мастером барокко: он стремился создать и сохранить гармонию — гармонию между государями и их государствами и в своих исполненных драматизма «Распятиях» и «Снятиях с креста» гармонию между богом и человеком. Крупные мастера эпохи барокко, как правило, нередко переезжали с места на место (по крайней мере в определенные периоды своей жизни), и уже одно это обстоятельство достаточно хорошо объясняет, почему стиль распространялся так быстро. Бывало, впрочем, что ху-

142

дожники приносили свою собственную манеру в Рим — что удалось великому французскому классицисту Никола Пуссену (1594—1665). Немало путешествовал и Диего Веласкес (1599—

1660), по портретам которого мы можем представить себе мадридский двор Филиппа IV столь же хорошо, как двор Карла I по работам Ван Дейка. Даже в тех редких случаях, когда художник не покидал своей страны, он мог изучать итальянские и голландские шедевры в королевских собраниях, как это делал другой крупный испанский мастер этой эпохи — Мурильо (1618–1682).

Становилось ясно, что художественные собрания и художественные академии столь же важны для обучения и работы художника, как его собственная мастерская или студия. Однако еще более важным было то, где работает художник. В то время как художники все еще зависели от покровительства дворов и аристократии, постоянная художественная школа могла успешно развиваться только в крупном городе.

Сочетание двора и большого города встречалось только в столицах великих монархий — в Мадриде, Риме, Лондоне и Париже. Крупнейшим столицам старались подражать более мелкие: Прага при полусумасшедшем императоре Рудольфе II (1576—1611), Брюссель в первые три десятилетия XVII в. и Копенгаген в первые годы правления Христиана IV (1598—1648), который затем неудачно ввязался в Тридцатилетнюю войну. Однако успехи более мелких столиц были, как правило, кратковременными и заканчивались со смертью или провалом политики государя-покровителя. Даже Лондону после казни Карла I уже не удалось вернуть художественный уровень эпохи Рубенса и Ван Дейка, но Лондон еще мог возродиться как культурный центр, а Прага — нет.

Драматургия и театр

Важная особенность эпохи — придворное покровительство и жадные до зрелищ жители больших городов — ярко проявилась в развитии театра. Так было в Мадриде, Лондоне и (несколько позже) в Париже. Пьесы испанских драматургов Лопе де Беги (1562—1638), Тирсо де Молины (1571—1648) и Кальдерона (1600—1681) и по стилю, и по содержанию отличались от сочинений Марло (1563—1593), Шекспира (1564—1616) и Вебстера (ок. 1580—1625), которые, в свою очередь, не были похожи на пьесы великих французских драматургов — Корне-ля (1606–1684), Мольера (1622–1673) и Расина (1639–1699). Однако всех их объединяло умение приспособить классические приемы греческой и римской трагедии и комедии к восприятию своих современни-

143

ков. Используя религиозные и мифологические сюжеты или реальные события недавнего времени, драматурги этой эпохи смогли адресовать свои произведения самым разным слоям публики — от классически образованного придворного общества и его подражателей до полуграмотных городских масс. Даже в Амстердаме голландский драматург Вондел (1587—1679) сумел добиться того же эффекта безо всякой поддержки двора. Однако в замкнутых придворных обществах, удаленных от крупных городов, такое было бы невозможно.

В Италии и Германии, где дворы по большей части располагались в небольших городах, не было почти никакой возможности установить связи между двором и коммерческим городским театром. Поэтому здесь действовали придворные театры, которые по-прежнему оставались явлением скорее любительским и слишком тесно связанным с классическими формами, чтобы допустить в свой репертуар живительный дух современности. Лучшим достижением такого театра стала пастораль — весьма ограниченный и формалистический жанр, пронизанный временами трогательной ностальгией по утраченному «золотому веку».

Италия тем не менее стала родиной блестящего жанра народной комедии, *commedia del'arte*, уходящего корнями в средневековые карнавальные пьесы и мистерии, римскую комедию и эллинистические традиции мимических представлений, дошедшие посредством византийских и даже турецких пьес, а также в риторические ренессансные состязания, проводившиеся в недавно открытых академиях. Такие пьесы, отличавшиеся реалистичностью, злободневностью и комизмом узнаваемых жизненных ситуаций, профессиональные актеры могли разыгрывать как на рыночных площадях, так и во дворцах. Будучи исключительно гибким и разнообразным жанром, комедия дель арте тем не менее тоже создала набор основных сюжетов и типичных характеров (Арлекин, Коломбина, Панталоне и т. д.), которые заняли прочное место в драматургии, опере (а теперь и в кино). Разумеется, при всех своих достоинствах комедия дель арте не была способна воспроизвести психологическую глубину комедий Лопе де Беги, Шекспира или Мольера.

Литература

Недраматургическая литература периода отличается огромным разнообразием. Грамотность и образованность, ставшие теперь достоянием значительных слоев мирского городского населения Европы,

создали рынок для обширно распространявшейся печатной продукции. Конечно, по стандартам XX в. книги были все еще баснословно дорогими, а тиражи небольшими. Авторские права не охранялись, что создавало простор для литературного пиратства. В этих условиях авторы нередко прибегали к покровительству богатых и влиятельных патронов, которым сочиняли льстивые посвящения. Но само количество и разнообразие названий по сравнению с допечатными временами знаменовало важную перемену. Книги стали первым товаром массового производства. Последующую индустриализацию Европы трудно представить без этой предварительной промышленно-интел-лектуальной революции.

Одним из последствий этой революции стало фактическое вытеснение латыни как литературного языка (за исключением таких академических областей, как теология, философия, юриспруденция и естественные науки). И хотя в средних школах латынь продолжала занимать столь же почетное место, что и в Средние века, поэзия и проза отныне звучала на народных европейских языках. Эта литература была поистине необъятной, и в нашей книге мы можем упомянуть лишь один-два из ее жанров.

Испания: плутовской роман и converses

Испанский плутовской роман представлял собой своего рода нетеатральный вариант комедии дель арте. Главный персонаж этого романа, *picaro*, выводился в облике антигероя даже более сознательно, чем персонажи итальянской комедии: как правило, это мальчик или молодой человек, который известен всяческими проделками в маргинальной сфере общества, испытывает мало уважения к морали и еще меньше — к закону, но не опускается до откровенных преступлений или сознательного подрыва общественных устоев. Жанр плутовского романа как разновидность социальной сатиры вскоре утвердился в большинстве европейских стран. Величайший испанский писатель эпохи Мигель де Сервантес (1547-1616) писал плутовские рассказы и использовал мотивы плутовского романа в самом известном своем произведении, «Дон Кихоте» — первом, возможно, самом знаменитом и, бесспорно, одном из самых значительных европейских романов Нового времени.

В отличие от Сервантеса, испанские авторы плутовских романов в большинстве своем были *converses* — крещеными евреями или их потомками. Когда «католические короли» Фердинанд и Изабелла в 1492 г. изгнали евреев, около 300 000 *converses* смогли остаться в Испании.

145

Составляя значительную часть все еще сравнительно малочисленного образованного городского слоя, они заняли в культурной жизни такое положение, которое далеко не соответствовало их доле в населении Испании. Историки лишь совсем недавно осознали, что многие знаменитые представители испанского «золотого века» — *converses*: писатели и юристы, политики и чиновники, теологи и миссионеры, по меньшей мере двое святых и даже второй генерал ордена иезуитов. Правда (что вполне соответствовало иудейским традициям), среди них не было ни одного великого художника. «Старые христиане»¹¹ Испании относились к ним с неизменной враждебностью. Существовали законы, требовавшие от кандидатов на официальные должности «чистоты крови», т. е. отсутствия еврейских предков. Естественно, эти законы можно было применить далеко не в каждом случае, ибо многие гранды (включая даже членов королевской фамилии) в то или иное время женились на девушках из семей *converses*. Как бы то ни было, не удивительно, что жанр плутовского романа родился среди людей, которые жили в обществе, но в некотором отношении не считались полноправными его членами. Несомненно также, что нигде больше (за исключением Вены конца XIX — начала XX в. и Америки с 1930-х гг.) евреи и крещеные евреи не играли уже такой серьезной роли в культурной жизни христианской страны, как *converses* в Испании ее «золотого века».

Последний взлет эпоса

Популярность комедии дель арте и плутовского романа сама по себе свидетельствовала об определенных литературных предпочтениях массовой аудитории. Разумеется, они не исключали тяги к героическим произведениям, которые (особенно в своих трагических формах) воплощались теперь главным образом с помощью виртуозных и лаконичных сценических средств. Тем не менее эпос еще продолжал жить как поэтический жанр. Из многочисленных эпических произведений этой эпохи по крайней мере пять по-прежнему читаются с удовольствием. «Неистовый Роланд», поэма итальянского поэта Лудовико Ариосто (1474—1533), в изысканном куртуазном стиле повествует о Роланде, паладине Карла Великого, о его битвах с неверными и о любви к прекрасной даме Анджелике. Помимо эпоса, Ариосто сочинял легкие пьесы в духе римского комедиографа Плавта (ок. 254—184 до н. э.), но не отваживался писать трагедии. Не писал их и

Торквато Тассо (1544-1595), автор пасторалей, пользовавшийся (как и Ариосто) покровительством двора Феррары. В основу своей знаменитой эпической поэмы «Освобожденный Иерусалим» Тассо положил повество-

146

вание о борьбе христиан с мусульманами, перенесенной на сей раз со времен Карла Великого в XII в., в эпоху крестовых походов. В «Лу-зиадах» португальского поэта Луиш ди Камозэнса (ок. 1524—1580) и сюжет (последние заморские завоевания Португалии), и время действия были максимально приближены к современности. Еще ближе к своему времени стоит в этом отношении «Королева фей» Эдмунда Спенсера (ок. 1552—1599). Хотя Спенсер рисовал приключения персонифицированных пороков и добродетелей в волшебной стране, не имеющей временных характеристик, и писал в стиле, чересчур архаичном даже с точки зрения его современников, подлинный его замысел на самом деле — грандиозная попытка передать с помощью многоплановой символики стремление человеческой души к божественности и рассказать о борьбе протестантской Англии против католической Испании, которая многим сторонникам Елизаветы представлялась противостоянием между добром и злом.

Если Камозэнс и Спенсер писали в те времена, когда великая эпоха иберийской и английской драмы только начиналась, то Джон Мильтон (1608—1674) создавал свои эпические поэмы, когда взлет английской драматургии остался позади. Он начал сочинять «Потерянный рай» всего через несколько лет после того, как Вондел опубликовал в Амстердаме великолепную трагедию на практически тот же самый сюжет — падение Люцифера. Но республиканское правительство Англии закрыло все театры как безбожные заведения, а когда при восстановленной монархии они открылись вновь, лондонская публика была настроена скорее на легкую комедию, чем на высокую трагедию.

Несомненно, что отсутствие сценических возможностей для постановки драм послужило основанием или по крайней мере одним из побуждающих обстоятельств появления трех последних эпических шедевров европейской литературы.

Заключение

Период с 1560 по 1660 г. стал одним из самых противоречивых периодов в истории Европы.

Экономическая экспансия вылилась в кризис; рост населения замедлился или вообще прекратился, но крупные города, в первую очередь великие западные столицы, продолжали расширяться. Испано-американская торговля в XVII в. пришла в упадок, а самый значительный центральноевропейский рынок заморских товаров и английской шерсти был совершенно развален благодаря Тридцатилетней войне. Однако в этих обстоятельствах голландцы

147

смогли расширить свою европейскую и заморскую торговлю и достичь невиданного процветания.

Религиозные конфликты времен Реформации и Контрреформации стали более непримиримыми, чем когда бы то ни было, из-за теологических позиций второго поколения лютеран, из-за Кальвина и кальвинистов и, с католической стороны, Тридентского собора. Поскольку конфликты оказались неразрешимыми на интеллектуальном уровне, они все больше приобретали социальную, политическую и военную окраску, непредсказуемым образом сплетаясь как с внутренней политикой европейских государств, так и с их силовой политикой на международном уровне.

Результатом этого противостояния была череда самых ужасных на Западе, со времен падения Римской империи, внешних и гражданских войн. В Тридцатилетнюю войну, в силу ряда двусторонних, многосторонних и даже внутренне противоречивых альянсов, оказались вовлечены почти все европейские государства. В ходе войны религиозный мотив постепенно затухал из-за причиненных религиозными конфликтами бедствий и все более популярной доктрины «государственных интересов». Современник Тридцатилетней войны немецкий писатель Фридрих фон Логау говорил с едким сарказмом в 1650 г.:

Лютеране, паписты, кальвинисты — всего этого у нас уже в достатке; неясно только, где же настоящее христианство*.

Христианское сообщество Средних веков, *Communitas Christiana*, превращалось в новоевропейскую систему государств, в рамках которой правительства отдельных стран откровенно проводили силовую политику, прикрываясь лишь легким флером правовых традиций и цитат из «Прав войны и мира» Гуго Гроция.

По мере того как затухали религиозные страсти, сходили на нет и те внутренние социальные и политические движения, которые столь часто были связаны с ними. Если в результате вопрос об изменениях стоял, то касался патрицианской формы правления, а не основ классовой структуры общества, которая в действительности лишь укрепилась. Привилегированные слои сохранили позиции, но внутри этой весьма обширной группы возникла значительная дифференциация. Франция, Испания и вновь независимая Португалия подтвердили привер-

* Zeeden E.W. Deutschland von der Mitte des 15-Jahrhunderts bis zum Westfälischen Frieden (1648) / Handbuch der Europäischen Geschichte, ed. Th. Schieder. Stuttgart, 1979. Vol. 3. S. 579.

женность монархическому абсолютизму, католической церкви в общественной и интеллектуальной жизни, а также, в различной степени, сохранению преимущественных прав дворянства. В лютеранской Дании монархия стала абсолютной благодаря *coup d'etat* — силовому перевороту, но в большей части католической Польше магнаты низвели короля до роли избираемого главы своей аристократической республики. На противоположном полюсе социально-политического спектра оказались Англия и Соединенные Провинции Нидерландов, или Голландская Республика. Эти две страны выработали компромиссные решения: смешанное государственное устройство, освобождение интеллектуальной жизни от контроля церкви и развитие социальных структур — открытых, гибких и все же в высшей степени разнообразных. Этому разнообразию предстояло определять европейскую историю в течение последующих ста пятидесяти лет.

Столь же противоречивым и разнообразным было культурное развитие Европы. По мере того как истощился тот запас творческой активности, который историки называли Итальянским Возрождением, на его основе возникали новые художественные стили и интеллектуальные направления — они были как прямым следствием Возрождения, так и реакцией на него. Изобразительное искусство, архитектура, литература и гуманитарные науки, небывалое великолепие театральных и музыкальных постановок, наконец, развитие естественных наук (об этом ниже, см. гл. 5) — все это позволяло рассматривать эпоху барокко как общеевропейское явление, вполне способное выдержать сравнение даже с Возрождением.

Примечания

¹ *Eidgenossen* — букв. нем. «соприсяжники», «давшие совместную клятву». Существует две гипотезы происхождения этого названия. По одной — оно означает полноправных членов городской коммуны, которые должны были присягать на верность городу. По другой — название появилось в 1291 г., когда три лесных кантона Швейцарии заключили «Вечный союз» для поддержания мира, законов и с целью взаимной помощи (см.: Кёнигсбергер Г.Г. Указ. соч. С. 343—344). В немецко-швейцарской диалектной форме это слово звучит — *Eidgenoten*, что и дало французское *Huguenots* — гугеноты. В любом случае, слово это явно пришло из Швейцарии, родины кальвинизма (Кальвин жил в городе-коммуне Женеве), которого придерживались и французские протестанты.

² «Политики» — название группировки католиков, в основном близких двору, которые ставили государственное единство выше торжества той или иной рели-

149

гии и лавировали между Католической лигой и Протестантской унией. «Политики» не имели жесткой структуры, к ним примыкали и те, кто выступал за свободу совести (например, канцлер Франции Мишель Л'Опиталь), и те, кого не волновало ничего, кроме собственной власти (например, королева Екатерина Медичи). Генрих IV по убеждениям был близок к «политикам», хотя формально к ним не принадлежал.

³ В Священной Римской империи сословная структура отличалась от современных ей подобных структур в других государствах Западной Европы и даже королевствах и княжествах, эту Империю образующих. Распространенным было следующее трехчленное деление: духовенство, дворянство и так называемое третье сословие, т. е. формально все свободное неблагородное население страны, а фактически — городская верхушка. Имперскими же сословиями были: курфюрсты (семь высших светских и духовных князей, имевших право выбора императора), имперские князья (опять же и светские, и духовные) и свободные имперские города.

⁴ Автор имеет в виду так называемую Фронду — широкое антиабсолютистское движение с элементами Гражданской войны в 1648-1653 гг., направленное против централизаторской политики регентши Анны Австрийской и, главное, первого министра кардинала Мазарини. Городские коммуны, отстаивавшие свои вольности, судейское сословие, недовольное ограничением его полномочий, особенно в финансовой сфере, высшая аристократия, возмущенная отстранением ее от власти, совместно выступили против всесильного министра и созданной еще его предшественником — кардиналом Ришелье — новой, подчиненной только правительству бюрократии. В конечном счете правительство подавило Фронду. Указанное движение получило название из уст одного из сторонников правительства; он заявил, что противники Анны Австрийской и Мазарини похожи на детей, бросающих камни из пращи (фр. *lafmnde*) и разбегающихся при виде взрослых. Отсюда разговорное значение слова «фронда»: несерьезная оппозиция, ограничивающаяся некими демонстративными выступлениями и не помышляющая о серьезной борьбе.

⁵ История титула «царь» в России такова. Это слово, происходящее от «цезарь», понималось у нас как императорский титул, но впервые на Руси оно появилось в X в., когда византийский титул «кесарь», что означало одно из высших званий Империи, но не ее главу, получил Владимир Красное Солнышко как муж сестры императоров. С XIII в. царем на Руси именовали хана Золотой Орды. Иван III не принимал царского титула, но именовался царем в церковных проповедях и посланиях (первое упоминание - 1492 г.) после того, как в 1480 г. перестал признавать зависимость от Орды. Венчался царской короной лишь его внук, Иван Грозный в 1547 г., и, по мнению ряда историков, это был политический акт, предвещающий завоевание наследника Золотой Орды, Казанского царства, в 1552 г.

150

⁶ Социниане — возникшее в середине XVI в. течение в протестантизме, основателями которого были итальянцы, дядя и племянник Лелио и Фаусто Социни, в 1579 г. бежавшие в Польшу и уже там основавшие собственную секту. Социниане примыкали к так называемым антитринитариям, или унитариям, направлению (но не отдельной секте) в протестантизме, приверженцы которого отрицали Троицу, считали Христа обыкновенным, хотя и совершенным, человеком. Последователи социнианства также верили в скорое наступление Тысячелетнего Царства, но приближать его призывали путем мирной проповеди и распространения просвещения. В конце XVII в. собственно социниане

практически исчезли, растворившись среди других унитарных сект, существующих доныне.

⁷ Во время обратного отвоевания христианами Пиренейского полуострова, так называемой Реконкисты, на отвоеванных территориях оставалось немало мусульман, имевших право сохранять свою веру; те же из арабов, что переходили в христианство, — мориски — полностью уравнивались с остальным христианским населением. Однако с конца XIV в. начинается ущемление прав не только нехристиан — мусульман и иудеев, но и арабов и евреев, т. е. по расовому, а не религиозному признаку. После завоевания Гранады в 1492 г. оставшемуся исламскому населению было предоставлено право свободно исповедовать свою веру. С 1499 г., однако, началось принуждение мавров к крещению. В 1500 г. в результате этого вспыхнуло продолжавшееся до 1501 г. восстание арабов. В ответ испанские власти предложили мусульманам Гранады креститься либо уехать из страны. По отношению к мусульманскому населению остальной Испании это было сделано в 1525—1526 гг. Большинство предпочло креститься, и тем умножилось число морисков, многие из которых втайне продолжали придерживаться веры отцов. Испанское правительство продолжало давление на них, и гранадские мориски восстали в 1569 г., но в 1571 г. это восстание было подавлено. Наконец, в 1609 г. был издан указ о полном выселении всех морисков из Испании, причем с момента объявления декрета в той или иной местности морискам давалось три дня, чтобы сесть на корабль, имея с собой лишь то, что можно унести в руках. В ряде местностей это вызвало возмущение, и кое-где выселение продолжалось до 1614 г.

⁸ Цыгане, выходцы из северо-западной Индии, покинули родину в конце VII в., видимо, из-за арабских вторжений, проникли в Переднюю Азию и Египет (отсюда английское название цыган — *gypsies*, т. е. «египтяне», венгерское — *pharao pereke*, т. е. «фараоново племя»), в XI—XII вв. переселились на Балканский полуостров, оттуда в конце XIV в. — в Центральную Европу (отсюда французское название цыган — *Bohemiens*, «богемцы», т. е. выходцы из Чехии), а в начале XV в. — и в Западную.

⁹ Гражданские деспотии — так Г. Г. Кёнигсбергер называет распространенное в Италии со времен Позднего Средневековья государственное устройство городов-

151

коммун, которое современники обычно именовали тиранией, или синьорией (современные отечественные историки предпочитают первый термин). Тирания (тогда это слово не всегда носило одиозный оттенок) — власть одного человека (тирана, или синьора), полученная нелегитимным путем, не обязательно насильственным: возможно инспирированное всенародное голосование. Эти тираны первоначально не носили каких-либо монархических титулов, нередко сохранялись республиканские институты, потерявшие, впрочем, реальное значение.

¹⁰ *Trompe l'oeil* — «обманка» (фр.), прием живописи (иногда — картина в целом, иногда часть ее или фрески), когда некое изображение выполняется так, чтобы создать иллюзию подлинного предмета: например, выписанная с абсолютной точностью муха, якобы сидящая на картине, дверь в стене, на которой написана фреска, рама изображения, как бы обратная сторона холста картины и т. п.

¹¹ Строго говоря, «старинными» (или «старыми») христианами в Испании именовались не просто те, кто не имел среди предков арабов или евреев, пусть даже и обращенных в христианство (хотя такое словоупотребление тоже существовало), но потомков тех испанцев, которые никогда не были подвластны арабам, т. е. жителей тех весьма небольших районов Пиренейского полуострова, что не подверглись мусульманскому завоеванию. Потомки христианского населения мавританских государств в число «старинных» христиан обычно не включались (несмотря на их претензии).

Глава 4

Эпоха Людовика XIV и баланс сил, 1660-1750

Климат

С середины XVI в. климат Европы становился все более суровым; этот «малый ледниковый период» продолжался в течение всего XVIII в. Альпийские ледники не отступали, и продолжали двигаться дальше. Быстрые реки зимой по-прежнему покрывались льдом, а жители ирландского графства Дублин в 1742 г. утверждали, что даже рыба замерзала в реках. Зима 1709 г. выдалась исключительно холодной во Франции и других странах Западной Европы. Ей предшествовало несколько очень влажных летних сезонов к северу от Альп и столько же чрезвычайно сухих в Средиземноморье. Результатом стал голод, один из последних случаев настоящего голода в Европе. Пока еще экономика Европы зависела от того, каким будет урожай. И тут, словно неурожай было недостаточно, между 1709 и 1713 г. в Европе случился падеж скота, вызванный эпидемией, пришедшей из Азии. Неурожай и высокие цены привели к катастрофическому падению спроса на промышленные товары, поскольку население в большинстве своем тратило все деньги на продукты питания. Относительно стабильной в подобных обстоятельствах оставалась лишь торговля предметами роскоши, рассчитанная на богатых покупателей. Когда случались хорошие урожаи, даже люди среднего достатка могли покупать не только товары первой необходимости. Однако слишком низкие цены подрывали благосостояние фермеров, производивших продукцию, главным образом, для рынка.

152

153

Последствия климатических изменений оставались тем не менее краткосрочными и локальными, важными (возможно, даже жизненно важными) для тех, кто непосредственно переживал эти явления. Они не смогли оказать долговременный эффект на развитие европейской экономики в целом.

Население

В этот период, с 1660 по 1750 г., были осуществлены первые переписи населения в масштабах целых стран. Многие мелкие итальянские государства проводили их с XVI в., но из крупных стран, как ни удивительно, первую перепись населения в 1678 г. провела Россия, дополнив ее еще более тщательной «подушной переписью» в 1718 г. Примерно в то же самое время первые переписи провели Испания и Швеция; Англия и Франция здесь значительно отставали. В течение этого периода могли быть установлены только средние показатели, основанные на военных и налоговых регистрационных записях. Это неизбежно подразумевало значительную погрешность в цифрах, хотя, несомненно, являлось значительным достижением в методике подсчета населения. Тем не менее на базе этих данных, так же как и на данных недавних исследований уровней рождаемости, смертности и заключений браков, проведенных на основе приходских книг, современные историки в состоянии составить достаточно точное представление о населении Европы этого периода

Из всех крупных государств Европы наиболее густо была населена Франция, где на квадратную милю почти по всей территории приходилось около ста человек. Этому показателю плотности соответствовали лишь Юго-Восточная Англия и Ирландия, широкая долина Нижнего Рейна в Нидерландах, долина верхнего Дуная в Южной Германии и Австрии, Северная Италия, Тоскана и частично королевство Неаполя и Сицилии. По количеству населения Франция тоже была впереди: ее население в конце XVII в. оценивается в пределах от 16 до 20 млн человек. В Англии было от пяти до шести, в Испании — от шести до восьми, а во всех землях австрийских Габсбургов — около восьми миллионов человек.

Постепенно, но неуклонно население Европы в середине XVII в. начало расти. Последняя серьезная эпидемия бубонной чумы началась в Турции в 1661 г. и достигла Лондона в 1665 г. Франция и Испания испытали ее вспышки в 1690-х, а между 1708 и 1717 гг. чума опустошила крупные территории в Польше, Скандинавии и Германии.

154

Это были последние действительно крупные вспышки эпидемии чумы. Сохранялось еще только несколько очагов в некоторых средиземноморских портах, но дальше чума не распространялась. Причины отступления эпидемии до сих пор не ясны. Может быть, причиной оказалась победа популяции бурой крысы над черной. Бурые крысы тоже были захватчиками из Азии, однако для зараженных блох они были менее гостеприимными перевозчиками. Может быть, свою роль сыграл переход от дерева к кирпичу в строительстве; правда, это происходило прежде всего в Англии и в меньшей степени затронуло Скандинавию и Центральную Европу. Точно так же нет никаких оснований полагать, что санитарные условия жизни беднейшего населения (а оно составляло большинство) заметно улучшились. Прочие эпидемические болезни — тиф, оспа, дифтерит, малярия — тоже оставались чрезвычайно опасными, медицинская наука того времени практически не имела средств для борьбы с ними, но все же они не были такими опустошительными, как бубонная чума.

В 1720-х гг. леди Мэри Уортли Монтегю (1689—1762), путешественница, писательница и феминистка, ввела в Англии прививки от оспы. Леди Мэри наблюдала эту практику в Турции, где здоровые люди приобретали иммунитет, вводя себе «препарат» от человека, болеющего оспой в слабой форме. Этот метод нередко давал хорошие результаты, но был достаточно опасен и иногда приводил к смертельному исходу. Тем не менее это была первая исторически зафиксированная попытка предотвратить распространение инфекции клиническими методами. Лишь в конце XVIII в. Эдвард Дженнер (1749—1823) открыл более эффективный и безопасный метод, с использованием коровьей вакцины.

Сельское хозяйство, промышленность и торговля

Северо-Западная Европа

В большинстве своем европейцы все еще продолжали жить сельским хозяйством или торговлей, привязанной к сельскому хозяйству. Во многих регионах сельскохозяйственная техника и методы почти не менялись и оставались примерно такими же, как и в эпоху позднего Средневековья. Но в Северо-Западной Европе, в Англии, Голландии, Бельгии, Нормандии и на западе Германии постепенно стали использоваться новые методы обработки земель. Состояли они главным образом в более систематической ротации разных зерновых на одном

Ю 155

поле. Более высокие урожаи злаковых позволяли сажать больше кормовых и технических культур, что, в свою очередь, давало возможность содержать больше животных в зимний период и целенаправленно заниматься выведением новых пород крупного рогатого скота, овец и лошадей.

Для землевладельцев, не боявшихся трудностей и не жалевших денег для улучшения обработки своей

земли, сельское хозяйство могло стать очень доходным делом. Это подразумевало разрушение старинных сельских традиций и обнесение изгородами полей, так называемое «огораживание». Нередко это делалось за счет ограничения «общинных прав» селян пасти свой немногочисленный скот на общем пастбище. Если собственники земель не управляли хозяйством лично, они по частям сдавали его в аренду фермерам. Шаг за шагом Англия превращалась в страну, где члены сравнительно немногочисленного класса крупных землевладельцев предоставляли свои владения арендаторам и жили на ренту, но при этом были готовы вкладывать средства в развитие сельского хозяйства. Такая система работала достаточно эффективно: впервые со времен Средних веков (и последний раз в своей истории) Англия вывозила больше продуктов питания, чем ввозила.

Такое положение во многом способствовало политическому могуществу аристократических родов, которые определяли английскую политику в конце XVII и в XVIII в. Крупные аристократы были, помимо прочего, тесно связаны с ведущими коммерсантами и банкирами Лондона, Норвича и Бристоля, благосостояние которых в значительной степени зависело от торговли сельскохозяйственными товарами.

Капиталистические и инвестиционные традиции, достаточно развитые уже в предшествовавшую эпоху, в Англии приобрели еще больший импульс. Это позволяло легко перейти на следующую ступень и начать инвестировать в горное дело и промышленное производство — что, как выяснилось, стало важнейшим условием продолжительного экономического роста времен промышленной революции. Если все последствия промышленной революции в полной мере проявились лишь во второй половине XVIII — начале XIX в., то ее основы были заложены в предшествовавшие сто лет.

Западная и Южная Европа

Почти по всей Франции, в Испании и Италии такого прогресса не наблюдалось. В лучшем случае там развивалось виноградарство и выращивание оливковых, цитрусовых, тутовых деревьев (питательной среды для шелковичных червей) в тех местах, где это позволял климат.

156

Стало интенсивнее развиваться огородничество, особенно вблизи больших городов. Но во многих районах по-прежнему преобладали зерновые, и состояние сельского хозяйства почти никак не улучшалось. Континентальная знать пользовалась традиционными привилегиями и освобождением от налогов. Ее представители, приобретшие преимущественно военные навыки, были готовы с оружием в руках отстаивать свои политические права у сильных монархий, которые ограничивали их и пытались (по крайней мере, так казалось) лишить знать аристократических привилегий. Естественно, знать была вдвойне озабочена сохранением своего статуса и тех правил, которые запрещали дворянам заниматься порочащими их достоинство торговлей и производством. В результате сельское хозяйство многих стран континентальной Европы, в отличие от английского и голландского, испытывало частую нехватку средств и (что не менее важно) квалифицированного управления. Управляющие и посредники, никем не контролируемые, эксплуатировали крестьян ради сиюминутных выгод, а крестьяне, платившие за наделы деньгами или урожаем, почти повсеместно находились в капкане нищеты. Не имея средств и образования, часто недоедая, они почти ничего не могли сделать для улучшения своей земли и повышения уровня жизни.

Восток Центральной Европы

К востоку от Эльбы существовала своя специфика. Здесь, как мы уже видели (см. гл. 2, с. 41-43), землевладельцы обрабатывали обширные поместья, используя крепостной труд, чтобы экспортировать зерно в Западную и Южную Европу. Следуя деловой практике английских и голландских землевладельцев и являясь приверженцами военных традиций французского дворянства, прусские и польские *юнкеры* оставались традиционалистами в области сельского хозяйства, ибо располагали дешевой рабочей силой для обработки больших площадей и не чувствовали необходимости вкладывать деньги в повышение продуктивности хозяйства. Эта была не та часть Европы, которая могла бы стать передовой в области экономических нововведений. Напротив, землевладельцы были заинтересованы скорее в укреплении своей монополии на торговлю сельскохозяйственной продукцией. Эта монополия не позволяла крестьянам продать даже несколько мешков ржи или ячменя непосредственно экспортерам. Помещики или их доверенные лица стояли непреодолимой стеной между держателями земли и рынком, а во многих случаях заводили в своих поместьях мастерские, чтобы снабжать деревенское население необ-

157

ходимыми изделиями. По меркам Западной Европы подобная практика замедляла рациональное разделение труда, развитие городов и городской торговли.

Прибыль польских землевладельцев от продажи зерна голландским купцам в Данциге шла не на развитие производства, а на оплату ввозимых в страну предметов роскоши (драгоценного шитья, пряностей, тонких тканей) или оружия и обмундирования собственных военных отрядов, которые

у польских магнатов XVII-XVIII вв. играли роль средневековой челяди (в Пруссии это не привилось). С конца XVI в. у молодых польских дворян вошло в обычай совершать путешествия по Западной Европе или отправляться на учебу в западные университеты. Даже при небольшом количестве слуг это обходилось в крупные суммы, ибо за два с половиной года пребывания, скажем, в Мюнхене молодой шляхтич тратил около пяти тысяч злотых — доход примерно с десяти средних деревень.

Промышленное производство

Техника промышленного производства в этот период отмечена сравнительно немногими новшествами. Важнее всего, насколько можно судить, оказалось изобретение (после многих неудачных попыток) плавки железа на каменном угле (коксе) в Англии в начале XVIII в. Правда, для этого подходили только некоторые сорта железной руды, и объемы производства такого железа даже отдаленно не соответствовали спросу. Поэтому вплоть до конца века Англия зависела от импорта железа из Швеции и России, где необъятные леса предоставляли огромное количество древесного угля — традиционного топлива в черной металлургии.

История парового двигателя развивалась по аналогичному сценарию. Паровые механизмы изобретались как в Англии, так и во Франции. Английские машины использовались прежде всего для откачивания воды из шахт, преимущественно в самой Англии, а также в Бельгии. Часто сила пара обеспечивала действие фонтанов: в парке Потсдама, летней резиденции прусских королей, паровая машина была хитроумно замаскирована под мечеть, где пар выходил из минарета. Нет нужды говорить, что экономический эффект единых механизмов был ничтожен. Европейская промышленность все еще зависела от силы ветра, воды и, в первую очередь, от мускульной силы людей и животных.

Более существенные перемены были связаны с распространением и совершенствованием отдельных ремесел, которые, как правило,

158

в первую очередь обслуживали строго ограниченный и лишь едва заметно растущий рынок предметов роскоши. Шелковые мануфактуры неизменно пользовались особым расположением властей, которые рассчитывали удовлетворить нужды местного придворного общества и его провинциальных подражателей, при этом не расходуя средства на импорт. Многие такие мануфактуры канули в Лету, не выдержав конкуренции со стороны более старых и опытных производителей Италии и Франции, ибо в этой отрасли качество было гораздо важнее цен. Лучше обстояло дело с новыми мануфактурами по производству кружев, стекла, модной мебели или, например, таких характерных изделий XVIII в., как восхитительных фарфоровых статуэтки из Челси, фарфор из Севра, Нимфенбурга и Мейсена в Саксонии, под Дрезденом (по этой причине этот фарфор иногда ошибочно назывался «дрезденским»).

Труд

Отрасли ручного производств все больше и больше приобретали капиталистическую организацию — не только ради удобства снабжения сырьем и сбыта готовой продукции, но и для упорядочения всего процесса производства*. При такой системе основная часть прибыли доставалась предпринимателю; риски же он делил с рабочими, которые в случае краха оказывались на краю гибели.

Конкуренция в сфере трудоустройства была весьма серьезной и по мере роста численности населения становилась все острее. Люди преодолевали большие расстояния, только бы найти работу. Ирландец отправлялся в Лондон, бельгийский крестьянин из Арденн — в Амстердам или даже в Венгрию. Почти повсеместно население горных районов устремлялось в долины, по крайней мере на определенное время года.

Труд редко хорошо оплачивался. Ситуация и не могла быть иной при острой конкуренции и практическом отсутствии профсоюзов. Взрослый человек с трудом мог прокормить свою семью, особенно если в ней было больше двух детей; поэтому детей отдавали в работу с самого раннего возраста. Они пасли скот, помогали чесать шерсть или трепать хлопок; маленькие мальчики-трубочисты карабкались по печным трубам зажиточных домов, а маленьких девочек заставляли освоить вредное для зрения ремесло — плетение кружев. Детский труд отнюдь не был нововведением фабричной системы; для бедных слоев

* Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы. С. 224.

159

населения он всегда оставался вполне обычным явлением и в этот период не представлял собой ничего нового. Родителям такая ситуация казалась неизбежной в тех условиях. Единственным

новшеством эпохи был хор моралистов и экономистов, оправдывающий детский труд, и правительств, которые намеренно способствовали ему. Они утверждали, что труд приучал детей к соответствующей дисциплине и отучал от безделья, в то же время помогая держать цену рабочей силы на низком уровне и тем самым поддерживать конкурентоспособность товаров своей страны на международном рынке.

Даниель Дефо, автор романа «Робинзон Крузо», в котором прославляются неаристократические достоинства — практические знания и способности делать все своими руками, с большим удовлетворением описывал полезную и дисциплинированную жизнь в своем «Путешествии по Англии и Уэльсу» (1724). В Йоркшире, весьма «удаленной» для лондонца части Англии, а к тому же не совсем пригодной для сельского хозяйства, Дефо отметил, что производство сукна под-
держивало

бесчисленное количество домиков или хижин, где обитали занятые на производстве рабочие, их жены и дети, причем каждый человек постоянно работал — чесал, пряд и т. д., так что никто не оставался без дела, и все, от стариков до детей, могли заработать себе на хлеб. Кажется, на что способно существо четырех с небольшим лет? И вот, оказывается, его руки тоже на что-то годятся*.

В этой картине Дефо был вполне готов увидеть Божье провидение, изобильно снабдившее эту часть страны каменным углем и водой для производства и щедро вознаграждающее усердие работников.

...Эти люди все заняты делом. Тут не увидишь ни попрошайки, ни бездельника... И примечательно, что здешний народ, столь много работающий, доживает обычно до преклонных лет — явное свидетельство добродетельности и благотворности этого края... здоровье людей здесь не только не подрывается, но, напротив, укрепляется и поддерживается непрерывной занятостью и тяжелой, на наш взгляд, работой. Поэтому от своего неустанного труда они получают двойную выгоду**.

* Defoe D. A Tour through England and Wales. Everyman's Library: London, 1959, Vol. II. P. 193-195. ** Ibid. 160

Очевидно, что попытки меркантилистов сделать свои страны богаче и сильнее зависели от сохранения низкого уровня заработной платы на трудоемких производствах, т. е. там, где значительную часть расходов составляла оплата труда. До промышленной революции такое положение было характерно почти во всех отраслях. Что современники не могли полностью осознать, так это то, что их жесткие взгляды на рабочую бедноту привели к появлению рабочей силы, безразличной к работе, дисциплине и квалификации, без которой промышленная революция вряд ли вообще могла бы состояться.

Попрошайки, преступники и благотворительность

Далеко не все бедняки были согласны на низко оплачиваемый труд. Не все из них находили себе место, даже если хотели работать. Дефо, как и большинство прочих моралистов, нимало не задумывался о том, что испытывают счастливые йоркширские сукновалы во время периодических спадов в своей отрасли, когда в одночасье остаются без работы. Прекращение голода и эпидемий чумы отодвинуло на задний план перспективу голодной смерти, но никак не устранило нищету и прочие традиционные человеческие невзгоды. Быстро растущие города наполнялись попрошайками, ворами и головорезами. Неприглядная картина Лондона, которую рисует Дефо в плутовском романе «Молли Флендерс» (1721), не преувеличена, хотя несомненно, что Дефо испытывал некоторую симпатию к отчаявшимся, которых он столь мастерски описал. Париж в этом отношении мало чем отличался от Лондона, а в Неаполе, вероятно, ситуация была еще хуже. Сельские дороги оставались небезопасными из-за разбойников, а прибрежные районы и устья рек — из-за контрабандистов. Разумеется, эти злодеи вели себя столь же жестоко, как и прежде, и лишь в последующие, более стабильные и благополучные годы, они смогли приобрести романтический ореол — тогда как современникам они неизменно представлялись страшными и отталкивающими.

Если подобных преступников ловили, их обычно ждала виселица. Нищие же, которые не совершали преступлений, представляли проблему другого рода: их существование, как считалось, было санкционировано свыше. Разве Господь не сказал: «Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете» (Матф. 26, 11)? С самых ранних времен католическая церковь рассматривала заботу о бедных как одну из величайших христианских добродетелей и одну из главных задач церкви как организации. По мере того как города росли и проблема приобретала неведомые дотоле масштабы, становилось очевидно, что случайная

161

частная благотворительность, будучи достойной всяческих похвал, сама по себе недостаточна. Поэтому церковь занялась организацией госпиталей и приютов, одновременно побуждая знатных

господ основывать и содержать подобные учреждения. В течение XVI в. в католических странах появились серьезные богословские труды по теории и практике благотворительности. В Нидерландах и Венеции, например, считалось, что, хотя вся благотворительность осуществляется исключительно на добровольной основе, власть обязана надзирать за ней и следить, чтобы ни один бедняк не был отвергнут.

В странах Реформации власти поняли, что с имуществом церкви они получили в наследство и ее социальные обязательства. В результате они восприняли католические теории обязанностей властей перед нищими и больными и приспособили их к новым условиям. В большинстве протестантских стран начала возникать система общественных приютов для бедных; в некоторых случаях для этой цели вводились особые налоги. Голландцы объявили, что вообще избавились от попрошайек, и многие (хотя и не все) люди, посещавшие Голландию, верили этому. В Англии в 1601 г. был принят закон, в значительной степени систематизировавший предшествующее законодательство, обязывая отдельные приходы заботиться о своих бедняках и наделяя их правом взимать налог на строительство работных домов, где бродягам и сиротам предоставляли работу. Работные дома принимали людей, находившихся уже в предельно жалком положении. Однако эти учреждения заслужили довольно мрачную репутацию. Парламентское расследование середины XVIII в. выявило, что из сотни детей, рождавшихся у незамужних женщин в работных домах, выживало только семь; страшная статистика смертности отчасти объяснялась некачественным медицинским обслуживанием и вскармливанием младенцев в антисанитарных условиях. В североитальянских приютах для подкидышей, где держали собственных кормилиц, детская смертность была гораздо ниже, чем в английских приютах и работных домах.

В основе отношений и католиков, и протестантов к благотворительности лежало убеждение, что благотворительности (частной или общественной) заслуживают сироты, престарелые и больные, но никак не здоровые трудоспособные люди. Существование безработицы, разумеется, признавалось; но она считалась временной ситуацией, которую безработные должны преодолевать сами. В обществе, которое в основе своей было аграрным, подобное отношение было естественным и, возможно, небезосновательным. По мере роста населения сельские безработные стремились перебираться в города. В городах же хроническая

162

безработица стала проблемой, к решению которой общество еще не было готово ни организационно, ни интеллектуально, ни морально. Именно эта неподготовленность в значительной мере способствовала городским революционным движениям в конце XVIII — начале XIX в.

Торговля и власть

Самый значительный экономический рост в эту эпоху был связан с торговлей, и особую важность ему придавало развитие региональной специализации. Власти поощряли торговлю, ибо коммерсанты внушали им, что торговля дает стране богатство и рабочие места. Этот сам по себе убедительный аргумент подкреплялся очевидной способностью торговли выдерживать налоговое бремя и тем самым увеличивать доходы государства. Проблема, однако, заключалась в том, что пошлины традиционно собирали не только центральные правительства, но и местные власти, города, провинции и даже отдельные землевладельцы. Прекратить эту практику было чрезвычайно трудно, поскольку во многих случаях права на взимание пошлин считались частной собственностью. Если центральная власть переводила местные сборы в свое ведение или упраздняла их, так как их было слишком много на крупнейших водных и сухопутных маршрутах, ей приходилось платить компенсацию прежним владельцам этих сборов, о чем она редко заботилась и что редко могла себе позволить.

В конце XVII — начале XVIII в. власти сумели упорядочить традиционную систему налогообложения и воздвигнуть таможенные барьеры вокруг целых королевств — не только для повышения доходов, но и для защиты национального производства от иностранной конкуренции. Однако даже столь сильным властным структурам, как во Франции или Бранденбурге-Пруссии, оказалось трудно контролировать свои таможенные сборы и налоговых чиновников.

Жан Батист Кольбер, министр финансов и экономики при Людовике XIV, в 1664 и 1667 гг. ввел два национальных таможенных тарифа; первый был направлен против голландской торговли, второй — против английской. В основе подобных мер лежало убеждение, что общий объем торговли и рынков сбыта является величиной стабильной и не поддающейся изменениям. Эту точку зрения Кольбер весьма ясно изложил королю в 1669 г. Вся торговля Европы, писал он, движима приблизительно 20 тыс. кораблей всех размеров; большая часть их построена голландцами и им же принадлежит. Мы можем исключить

163

вероятность появления новых рынков и торговых путей. Таким образом, утверждал Кольбер, становится ясно, что

торговля и в военное, и в мирное время порождает вечный конфликт между европейскими народами — теми, на которых приходится большая ее часть. Действующими лицами в этом конфликте являются голландцы, англичане и французы*.

В действительности рынки расширились, но этот рост не был очевиден в коротком промежутке времени, который попадал в поле зрения большинства политиков и экономистов. Кроме того, в отсутствие серьезного технологического прогресса, способного затронуть не только отдельные уголки национальных экономик, мало кто мог представить себе рост производительности труда и, соответственно, расширение рынков. Поэтому в те времена безраздельно господствовала точка зрения Кольбера, которую можно считать основой экономических теорий, или предубеждений XVII в., которые позднейшими историками экономики были названы меркантилизмом. Несомненно, что именно взгляды Кольбера помогли убедить Людовика XIV начать в 1672 г. неудачную в итоге войну с Голландией.

Правительства поощряли торговлю непосредственным образом: строили и ремонтировали мосты, пытались (хотя и без особых успехов) улучшить состояние дорог. Еще эффективнее было развитие речной навигации, строительство каналов и портов. Курфюрст Бранден-бурга построил канал Одер—Шпрее, соединивший Бреслау (ныне Вроцлав) и Штеттин (ныне Щецин) на Одере с Берлином на Шпрее и тем самым с Эльбой и Гамбургом. Кольбер имел более амбициозные планы и начал строительство четырех морских портов и «канала двух морей» (1661—1681), который обеспечивал Франции устойчивое водное сообщение между Средиземным морем и Атлантикой.

Все это были превосходные начинания, заслужившие одобрение даже тех историков, которые были сторонниками концепции *laissez-faire*¹, т. е. свободного капиталистического предпринимательства, не ограниченного контролем со стороны властей. Однако эти авторы не одобряли далеко не все, а именно — попытки основания, организации и финансирования торговых компаний. Правительства — основатели подобных предприятий — обычно вдохновлялись успехами Голландской и Английской торговых компаний. Как всегда, Кольбер был самым энергичным и последовательным из тех, кто проводил в жизнь эту разно-

¹ *Clement P.* (ed.), *Lettres, Instructions et Memoires de Colbert*. Paris, 1861. Vol. VI. P. 266.

164

видность экономической политики. В 1664 г. он основал Ост- и Вест-Индскую компании, а в последующие годы — еще несколько предприятий, призванных упрочить французскую торговлю на Балтике, в Леванте и Африке. Несколько таких компаний обанкротилось; подобный конец ожидал, рано или поздно, многие торговые предприятия с государственным капиталом во Франции, Испании, Бранденбурге и Австрии. Впрочем, далеко не все они исчезли, тогда как и многие частные компании в Англии и Голландии тоже обнаружили свою несостоятельность. В целом ситуация была такова: пока дворянство (самый богатый класс во всех странах) пренебрегало инвестициями в торговлю — что было типично для Франции, Германии и Испании — власти не имели иного выхода, как самим изыскивать недостающие средства.

Мировая торговля

Новые товары

Торговлю этого периода все еще составляли преимущественно местные, региональные и общеевропейские связи. В 1700 г. весь английский импорт, например, составлял 359 тыс. тонн, причем из Северной Европы поступало 208 тыс., из которых 178 тыс. приходилось на древесину, преимущественно корабельную; в то же самое время импорт из Ост-Индии составлял всего 5 тыс. тонн. Английский экспорт на европейский континент достигал 182 тыс. тонн и более чем наполовину состоял из угля; на втором месте с большим отставанием шла мануфактура. Разумеется, статистика объемов ничего не говорит о ценах; тем не менее океанская торговля выделялась как раз своим стоимостным выражением: именно на ней делались самые внушительные состояния. Эта торговля зависела от огромного и постоянно возрастающего спроса на товары из тропических и субтропических регионов. Первое место в структуре спроса уже много столетий занимали перец и пряности из Индии и индонезийских островов. Однако теперь к ним добавились новые товары, приобретающие популярность у европейцев. Маис (кукурузу), помидоры и картофель научились выращивать и в самой Европе (как ранее шелковичных червей). В XVIII в. картофель стал в Ирландии основным продуктом питания, и в итоге это привело к катастрофическим последствиям². Даже сорта курительного, жевательного и нюхательного табака удалось акклиматизировать, в особенности на Балканах, хотя Западная Европа по-прежнему предпочитала вест-индские и, позднее, виргинские сорта табака. Но кофейные деревья и чайные кустарники в Европе не росли. Кофе импортировали че-

рез Левант и Средиземноморье, а чай привозили непосредственно из Китая на голландских и английских судах. Первые кофейни и чайные открылись в Лондоне при Кромвеле, в 1650-х гг., и привычка пить кофе и чай стала стремительно распространяться. Столь же быстро росли объемы чайного импорта. К середине XVIII в. обычай чаепития утвердился даже в беднейших слоях английского общества. В отличие от Англии, на континенте (за исключением Голландии) чай стоил значительно дороже кофе, и, хотя последний тоже был недешев, большинство европейцев стало предпочитать именно его. Лишь Россия предпочла чай. Североамериканские колонисты следовали, разумеется, английским традициям — до хорошо известных событий американской революции, которая сделала чаепитие непатриотичным³.

Не менее важным, чем чай и кофе, был сахар. Именно европейцы заложили сахарные плантации в Вест-Индии и Бразилии, и вскоре сахар начали производить и импортировать в таких количествах, что впервые за всю историю он стал относительно недорогим товаром повседневного спроса.

Экономика и организация

С самого начала было ясно, что этот тип заморской торговли требует значительных капиталовложений. Чтобы добраться до Ост-Индии и вернуться с ценным грузом, кораблю требовалось по меньшей мере два года; риск частичной или полной потери товара (от кораблекрушений, нападений пиратов или враждебных действий африканских и азиатских государств) оставался очень большим. Поэтому купцы объединялись в компании и стремились получить у своих правительств монополию на определенную торговлю. Наибольшего успеха на этом поприще добились голландская и английская Ост-Индские компании, прекратившие монополию, которой в течение XVI в. обладали португальцы в Индийском океане (см. гл. 3).

Но что они могли дать Востоку в обмен на его товары? Европейские изделия (за исключением кораблей и некоторых видов оружия) были не дешевле и не лучше тех, что производились в Индии или Китае. Даже хлопковые ткани, сравнительно недорогие, удобные в ношении, стирке и все более популярные в Европе, у индийских ткачей выходили дешевле.

Поэтому у ост-индских коммерсантов оставался только один выход: отдавать свою продукцию за тот единственный товар, который на Востоке вызывал такую же алчность, как и на Западе: драгоценные металлы. Значительная часть серебра, попавшего из Нового Света в Испа-

166

нию, была таким образом реэкспортирована в Индии. А когда этот источник иссяк (приблизительно после 1620 г.), европейцы захватили региональную торговлю в Индийском океане и Китайском море и за счет прибыли от нее оплачивали экспорт азиатских товаров в Европу. Ситуация начала улучшаться в конце XVII в., когда вновь заработали испанские серебряные рудники в Америке, а португальцы нашли золото в Бразилии. Но при этом европейцы сохранили свои коммерческие позиции на Востоке, приобретенные в течение XVII в.

Вплоть до конца XVIII в. в европейской и мировой торговле доминировали голландцы. Амстердамская товарная биржа формировала цены на пространстве от Нагасаки, голландской (и единственной европейской) фактории в Японии, до Явы, Цейлона и Европы. Впервые в истории возникла система, которую можно назвать мировой экономикой или по крайней мере ее зачатком. Амстердам был таким же мозговым центром этой системы, каким в XIX в. стал Лондон, а в XX — Нью-Йорк. Современники в полной мере оценили данное обстоятельство. «Весь мир в торговле, — писал английский обозреватель в конце XVII в., — это как одна нация или народ, и внутри нее настоящие нации представляют собой отдельных людей».

Работоторговля

С самого начала существования испанских поселений в Америке рабочая сила была наиболее насущной проблемой для колонистов. В начале XVI в. испанцы начали вывозить чернокожих рабов из Западной Африки, которые в конце концов совершенно заменили рабочую силу из местных индейцев, плохо работавших и погибавших от жестокого обращения и европейских болезней. С развитием сахарных, табачных и (несколько позже) хлопковых плантаций работоторговля превратилась в крупный бизнес. В нем участвовали не только испанцы и португальцы, но и французы, голландцы, англичане, датчане и вообще все, кто имел хоть какую-то возможность, даже бран-денбуржцы. Из европейских портов выходили экспедиции с грузом дешевых тканей, оружия, зеркал и прочих безделушек; в Западной Африке они закупали рабов у африканских работоторговцев или прямо у местных вождей, которые брали пленных в удаленных от берега племенах или селениях. Затем начиналось долгое и изнурительное плавание в Америку; если погода благоприятствовала, то во время перехода погибало не более 20% рабов. Но даже и при

более высокой смертности конечная продажная цена позволяла получить крупную прибыль. Выгодность всей операции была еще больше, потому что на

167

обратном пути в Европу невольничьи суда везли груз сахара, табака или хлопка.

В этой торговле, естественно, царило самое жесткое соперничество, и развитые морские державы не терпели вмешательства жителей колоний. Так, в 1660 г. голландцы напали на небольшую шведскую колонию в Западной Африке и заставили ее несчастного коменданта плясать и петь нагишом перед толпой туземцев, «к великому позору и бесчестью для шведской короны и Шведской Африканской компании»*. Между великими колониальными державами, Испанией и Францией, а несколько позднее Англией и Голландией, случались военные стычки в заморских землях. Это происходило периодически и полностью не прекращалось. Колонисты, коммерсанты, а в значительной мере и правительства молчаливо признавали, что европейские мирные договоры не действуют в Америке, Африке и Азии.

Общий объем импорта рабов, ввезенных только в британские колонии между 1680 и 1786 гг., по некоторым оценкам, превышал два миллиона человек, в то время как совокупный ввоз чернокожих африканцев в Западное полушарие составил, вероятно, не менее 15 млн. В мировой истории это было, пожалуй, самым массовым перемещением населения (во всяком случае до XIX в., когда волна европейцев устремилась в Америку), которое к тому же полностью происходило под принуждением.

До середины XVIII в. в Европе почти никто не протестовал против рабства; впрочем, в этом отношении европейская цивилизация ничем не отличалась от других. Рабство было житейским явлением во всех культурах, и то же относилось к работорговле. Теологи, философы и юристы воспринимали институт рабства с большим или меньшим сожалением, а в некоторых, довольно частых случаях даже с одобрением. В сознании европейцев прочно укоренились классические и библейские примеры рабства. Даже последователи Эразма, который в XVI в. героически ратовал за лучшее обращение с гребцами на галерах, не слишком решительно осуждали рабство как таковое. Да и рядовые европейцы, если вообще имели дело с рабами, воспринимали их скорее как домашних слуг в богатых домах. Несомненно, так же их воспринимал и Рубенс, когда писал великолепные портреты чаще всего радостных чернокожих лиц. Кроме того, не все рабы в Европе были черными. Иными словами, в глазах стороннего наблюдателя положение таких

* *Nils Runeby. «Barberei oder Zivilitat? Zur Entwicklung einer organisierten Gesellschaft in Schweden im 17-Jahrhundert» / Goran Rystad, ed., Europe and Scandinavia: Aspects of the Processor Integration in the 17th Century// Lund Studies in International History. Lund University Press, 1983. P. 208.*

168

людей немногим отличалось от положения слуг. Следует учитывать, что значительная часть лично свободных европейцев вела крайне тяжелую жизнь, а миллионы крепостных в Центральной и Восточной Европе не пользовались даже и такой свободой, хотя и не считались рабами. Жизнь рабов на вест-индских и бразильских плантациях европейцы представляли себе, в лучшем случае, по милым романтическим гравюрам. Об ужасах океанских транспортировок, о безысходных мучениях на плантациях и разделенных семьях они не знали и — пока в конце XVIII в. не выработалось другое отношение — не хотели ничего знать.

Банки и финансы

Примерно с XII в. международная торговля в Европе зависела от кредитов, поскольку купцы редко располагали наличностью, достаточной для оплаты всех операций. Церковь относилась к ссудам, а особенно к взиманию процентов неодобрительно, памятуя о том, что Аристотель называл деньги «бесплодными». Многие поколения теологов осуждали проценты как форму воровства. Но все попытки благочестивых властей запретить кредитные операции (и, соответственно, получение процентов) неизменно приводили к коллапсу торговли. Коммерсанты, разумеется, знали немало способов замаскировать взимание процентов; например, они объясняли процентные выплаты разницей между курсом валюты в разных странах. Но все же чаще всего проценты по кредитам взимались совершенно открыто, даже если это были финансовые операции самих пап.

Депозитные банки в средиземноморских странах тоже существовали с XII столетия. К XVII в. банковское дело превратилось в весьма сложный бизнес. Лучше всего он был развит в Нидерландах. Обменный банк Амстердама, основанный в 1609 г., гарантировал стопроцентное обеспечение своих векселей золотом и серебром. Поэтому купцы доверяли ему и охотно хранили в нем деньги; по всей Европе и даже в Азии векселя, выписанные на банк Амстердама, считались надежными. Таким образом Амстердамский банк стал центром обширной сети кредитных операций, проводившихся купцами на Балтике, в Средиземноморье, в Индийском океане и

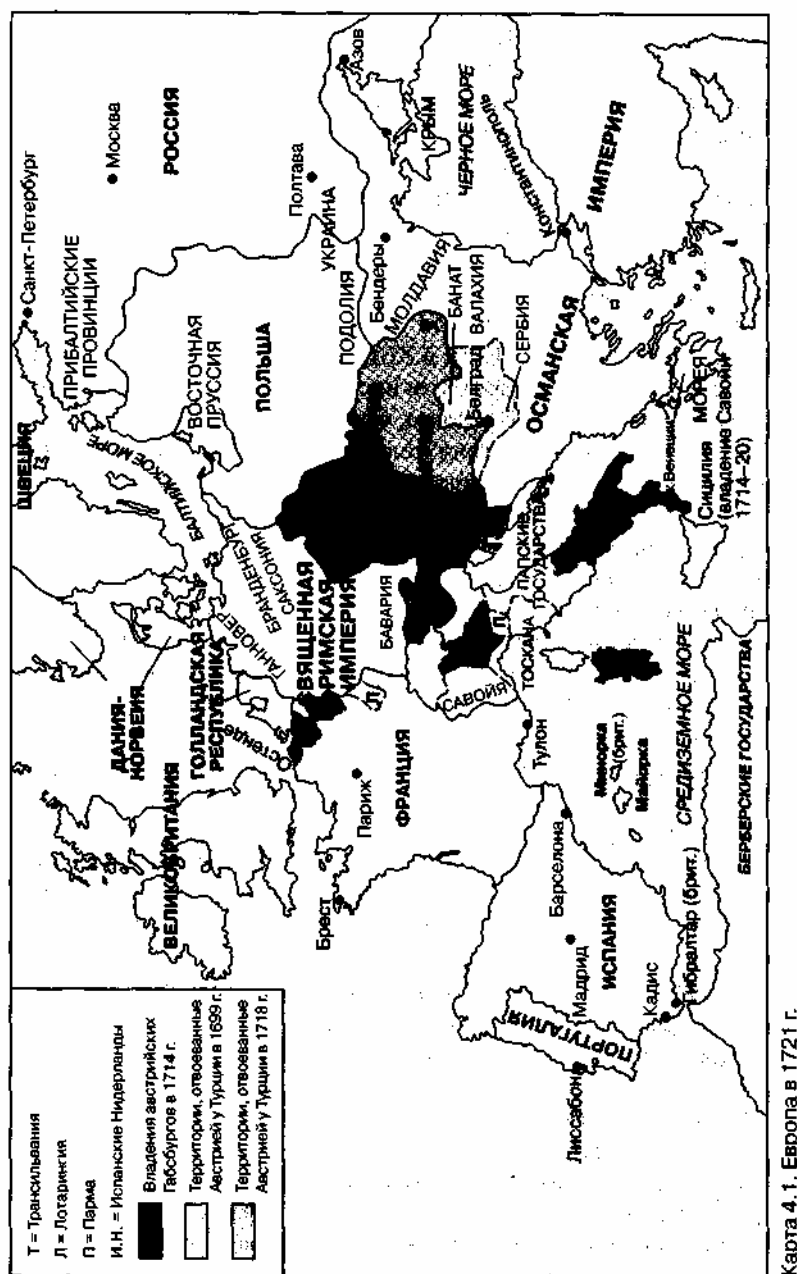

Китайском море. Это и было необходимым условием, которое обеспечило голландским коммерсантам главную роль в европейской и мировой торговле XVII—XVIII столетий. Естественно, что в других городах и странах появлялись собственные «национальные» банки, но ни один из них не мог сравниться с банком Амстердама, пока в 1694 г. не был основан Английский банк с акционерным капиталом. Этому банку удавалось выпускать кредит-
169

ные билеты сверх имевшегося у него запаса драгоценных металлов, и постепенно, в течение XVIII в., он начал оспаривать у Амстердамского банка роль международного финансового центра. Помимо банков, опиравшихся на правительственную поддержку, существовали десятки частных коммерческих банков. Они принимали вклады, получали прибыль на разнице курсов валют, но, в отличие от Амстердамского банка, выдавали ссуды. Частные банки были необходимым, но вместе с тем весьма уязвимым элементом великой коммерческой экспансии. В такой же мере необходимыми и уязвимыми были акционерные компании. Они, подобно банкам, не были чем-то новым, но в течение XVII в. стали основной формой организации коммерческих предприятий. Если в Антверпене XVI в. купцы спекулировали на курсах валют, стоимости восточных пряностей и (от случая к случаю) других товаров, скажем, меди или зерна, то в Амстердаме XVII в. биржевики и банкиры получали прибыль еще и на игре с акциями. Современные брокеры с Уолл-стрит мало чему могли бы научить дельцов Амстердамской биржи или, с начала XVIII в., Лондонских фондовой и товарной бирж.

Но эта практика таила в себе и немало опасностей. Уже в 1630-е гг. Амстердам захватила волна спекуляций на луковицах тюльпанов. Когда дело завершилось неизбежным крахом, многие чересчур доверчивые инвесторы потеряли все. Гораздо более сильные потрясения испытали Франция и Англия в 1720 г. В обеих странах были учреждены компании для торговли с Индиями, и эти же компании в то же время предназначались для реструктуризации государственных долгов путем замены правительственных облигаций на акции новоучрежденных торговых предприятий. Оба предприятия — Компания Южного моря в Лондоне и Компания Миссисипи в Париже — поначалу развивались хорошо, даже слишком хорошо. Биржевики поднимали цены акций до заоблачных величин. Параллельно создавались другие компании подобного типа. Спекулятивная лихорадка затронула Амстердам и прочие финансовые центры.

Первые «пузыри» лопнули во Франции, а паника захлестнула Лондон и распространилась дальше. Произошел первый международный биржевой крах, последствия которого в масштабах экономики начала XVIII в. были столь же разрушительны, как и последствия великого краха на Уолл-стрит в 1929 г. Во Франции банковское и кредитное дело остановилось в развитии на несколько десятилетий, что помешало учреждению национального банка. Поэтому в XVIII в. значительную часть французских финансовых операций осуществляли швейцарские банкиры. Англия пришла в себя значительно быстрее — отчасти потому, что Английский банк почти не участвовал в авантюре 1720 г.

Карта 4.1. Европа в 1721 г.

171

Именно это восстановление и последующее развитие английских финансовых институтов послужило важнейшим условием для промышленной революции в Англии.

Абсолютные монархии

После Тридцатилетней войны, социальных и политических кризисов середины XVII в., по всей Европе люди желали иметь сильные и стабильные правительства, способные обеспечить мир и процветание. На этом психологическом фундаменте монархии большинства европейских стран были способны добиться осуществления или завершения своих политических устремлений столетней давности, т. е. устранения всех своих внутренних соперников раз и навсегда. В большинстве монархических государств результаты победы не подвергались сомнению по крайней мере сотню лет. Это и был тот век, социальное устройство которого обобщенно (хотя на самом деле довольно неточно) называли *ancien regime*, «старый режим», — век относительной стабильности, общественной и политической. На этом основании многие историки ошибочно видели в нем обычное состояние европейского общества со времен Средневековья. Однако в действительности европейское общество всегда было и остается динамичным и нестабильным. На самом же деле, европейские правительства смогли создать административные механизмы, способные действовать с большой эффективностью при отсутствии вмешательства соперничавших властей; так, по крайней мере, считали многие современники. Реальное положение вещей

тем не менее было не таким простым. Это не должно удивлять историка; ведь структура и политическое устройство европейского общества к тому времени уже давно были достаточно сложными. Подробнее мы остановимся только на двух примерах абсолютных монархий, которые при всем несходстве своего развития стали моделями для остальной Европы — Франции и Бранденбург-Пруссии.

Франция

Абсолютизм Людовика XIV

Короли Франции претендовали на абсолютную власть по крайней мере с конца XV в. Под абсолютизмом они подразумевали лишь право вводить налоги без одобрения представительного собрания и то, что в оп-

172

ределейных пределах они могут издавать законы. Это, разумеется, отнюдь не было тождественно осуществлению фактического контроля над администрацией Франции; этот контроль, как мы уже видели (гл. 2), был поделен между высшей знатью, с их огромными поместьями и сотнями покровительствуемых из числа низшего дворянства и простолюдин, и бесчисленными привилегированными корпорациями — от масштабов провинций до гильдий местного значения. Более того, во время царствования несовершеннолетних монархов центральное правительство оказывалось на грани краха, и монархия каждый раз, когда это случалось, снова теряла большую часть своего авторитета.

Последним таким периодом было несовершеннолетие Людовика XIV. В 1661 г., когда умер его первый министр и наставник кардинал Мазарини, молодой Людовик решил, наконец, править сам и подчинить своей власти абсолютно всех во Франции. Более 50 лет Людовик успешно управлял страной; он был государем, одаренным интеллектом чуть выше среднего (в конце концов, ведь он был внуком блистательного Генриха IV и принцессы из рода Медичи) и при этом исключительно решительным и работоспособным (работоспособность была, вероятно, унаследована им от Габсбургов по материнской линии).

Считается, что Людовик XIV как-то сказал: «*L'etat c'est moi*» («Государство — это я»). Тем самым король хотел сказать, что он, как король, воплощает государственную власть во всех ее аспектах. Он активно пользовался своим правом вводить новые налоги и законы; важнейшие государственные дела он вершил вместе с небольшой группой министров, которым доверял в течение всей жизни каждого из них. Министры организовали государственные департаменты, заведовавшие королевскими финансами, армией, флотом, а также иностранными делами и дипломатическими службами. Провинциальные власти контролировались через интендантов — высших чиновников юстиции, которые назначались на сравнительно короткий срок в определенную провинцию и могли лишь осуществлять надзор за ведением дел, но не располагали исполнительными полномочиями.

Ни чиновники, ни методы управления не были чем-то новым. Все это досталось в наследство от прежнего короля. Однако теперь они стали использоваться более эффективно, а на их основе стало развиваться корпоративное самосознание государственного чиновничества, воспринимавшего себя через королевскую службу. Король был «государем, следующим не советам, а голосу разума... собираться и выражать громкий протест было действительно странно... следует уважать величие королей». С такими словами один из королевских

173

министров обратился к собранию в парижской ратуше, которое протестовало против погашения государственных облигаций по очень низкой процентной ставке.

Иными словами, королевская власть воспринималась одновременно и как рациональный институт, и как нечто божественное, что в принципе не допускало никакой оппозиции. Крупной знати не позволялось отныне концентрировать в своих руках власть, пожизненно занимая должности губернаторов провинций; не могла она более рассчитывать и на поддержку центральных властей только в силу своего происхождения и положения. Парламенты Парижа и провинций, высшие суды различных регионов Франции более не могли вмешиваться в центральную политику и пользоваться правом вето по отношению к королевскому законодательству. Армия, естественно, превратилась в армию короля, перестав быть частной собственностью полковников и генералов, легко менявших стороны в политических конфликтах, как это происходило во время Гражданской войны Фронды 1648—1653 гг.

Монархии и регулярные армии

Значительная, возможно большая, часть государственных усилий и, несомненно, львиная доля

расходов короля приходились на военные нужды. Реорганизация королевских финансов, создание продуманной сухопутной и морской военной администрации и (не в последнюю очередь) строительство новых дорог позволили Франции содержать гораздо более многочисленную армию. При Людовике XIV армия мирного времени составляла 120—150 тыс. человек, а в военное время (особенно в конце XVII в.) могла превышать 400 тыс. — по сравнению с приблизительно 50 тыс., которыми располагал Франциск I против Карла V в первой половине XVI в., и 150 тыс. времен Тридцатилетней войны.

Часто утверждается, что европейские абсолютные монархии были построены с помощью регулярных армий; английский и американский опыт и сложившиеся традиции свидетельствуют в пользу такой точки зрения. Непосредственным поводом Гражданской войны в Англии в 1642 г. (см. с. 121—122) послужило соперничество за контроль над армией; именно этот контроль парламент зарезервировал за собой после революции 1688 г. (см. с. 187). Американские колонии защищали свою свободу против британской профессиональной армии. Однако на континенте первые регулярные армии были созданы отнюдь не монархиями, а двумя великими республиками — Венецией и Соединенными Провинциями Нидерландов. Великие монархии могли содержать крупную постоянную армию лишь тогда, когда им удавалось

174

наладить эффективную финансовую и административную систему, т. е. лишь после — и никак не прежде — установления абсолютизма. Для последнего регулярная армия была серьезным источником силы, ибо с ее помощью короли могли подавлять или пресекать в зародыше любую внутреннюю оппозицию. Это обстоятельство во многом объясняет относительную стабильность европейских правительств в течение ста лет после 1660 г., — стабильность, за которую, однако, пришлось заплатить дорогую цену. Нужды регулярной армии неизбежно становились доминирующими (в большей или меньшей степени) в управлении и политике европейских монархий. Как следствие, эпоха внутренней стабильности обернулась чередой почти не прекращавшихся международных войн.

Пределы абсолютизма

Политическая теория

Людовик XIV был убежден, что он призван Богом для высшего служения. Подобно другим королям и царствующим королевам этой эпохи, он все так же исцелял больных золотухой со словами: «Король прикасается к тебе, Бог исцеляет тебя»*. Находясь выше всех в королевстве, он держал ответ непосредственно перед Богом. Все это было традиционно, но Людовик XIV обосновал свое положение еще и рациональными доводами. В так называемых «Памятных заметках» (на самом деле это были *Наставления Дофину*, его сыну, составленные секретарями Людовика из его записей в 1666—1667 гг.). Людовик доказывает, что положение наследственного правителя позволяет ему быть выше обычных человеческих пристрастий и сохранять более широкий и объективный взгляд на вещи. Король не обязательно должен иметь способности или ум, превосходящие обычный средний уровень, но ему нужно серьезно заниматься делами, не сводя свою жизнь только к соблюдению церемоний. В 1661 г. Людовик XIV в конце концов принял обдуманное решение более не полагаться на всемогущего министра, каким был его наставник кардинал Мазарини, но самому действовать в качестве собственного первого министра. Свое убеждение король выразил в следующем афоризме: «Тот, кто заботится о государстве, заботится о себе. Его слава — благо государства». Из этих слов, вполне возможно, и родилось знаменитое высказывание: «Государ-

* Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы. С. 160.

175

ство — это я». Иначе говоря, Людовик суммировал те взгляды на обязанности короля, которых в разное время придерживались все крупнейшие абсолютные монархи — от Филиппа II Испанского до Фридриха II Прусского (1740-1786). Все они были неустанными тружениками, и все они оставили после себя такие традиции королевской власти, которые их преемники не имели возможности соблюсти. Последние подорвали самые основы той абсолютной власти, которую стремились укрепить.

Религиозному аспекту королевской власти, божественному праву, все еще отводилось первостепенное значение в понимании Людовиком XIV своей роли. Естественно, Людовика не могла привлекать лишенная религиозной подоплеки (как многие говорили, атеистическая) теория Томаса Гоббса об абсолютном государстве, основанном на общественном договоре, который заключают между собой его граждане. Взглядам короля более всего соответствовали убеждения

епископа Боссюэ (1627—1704), который, подобно самому Людовику, изложил свои идеи в сугубо практическом контексте наставлений дофину, учителем которого он являлся. Боссюэ выводил абсолютную монархию из Библии, но использовал библейские примеры и аргументы преимущественно для подкрепления исторических и рациональных доказательств превосходства единоличной формы власти. Королевская власть установлена Богом, но по этой же причине подразумевает и обязательства. Боссюэ проводит резкую грань между абсолютной властью и произволом. Абсолютная власть подразумевает господство права и неприкосновенность собственности, в то время как управление по произволу — это тирания, которую единодушно осуждают как Библия, так и все уважаемые классические авторы. По сути, это форма беззакония или, в терминологии Гоббса, «естественное состояние». Как выяснилось, Боссюэ в некоторых своих позициях был гораздо ближе к Гоббсу, чем сам признавал. Однако в целом абсолютистские теории XVII в. все еще были ближе к средневековым представлениям о королевской власти, чем к любым тоталитаристским теориям XX в.

Трудность состояла в том, что разницу между абсолютистской властью и произволом было трудно как ощутить самому королю, так и заставить публику не забывать о ней. При дворе Людовика XIV находилось немало людей, которые считали, что король действительно является собственником королевства и имущества своих подданных, и что знаменитый королевский афоризм должен был бы звучать «*L'état c'est moi*» («Государство — это мое»). Эта позиция так никогда и не обрела однозначный смысл. Как следовало оценивать некоторые действия короля? В 1685 г. он отменил Нантский эдикт — закон,

176

изданный в 1598 г. такой же королевской властью и положивший конец религиозным войнам и гарантировавший гугенотам достаточную степень свободы вероисповедания. Уже в течение XVII в. многие политические и военные гарантии у гугенотов были отняты, но на уровне прав личности этот эдикт оставался в силе. Тем временем папа и вся французская церковь единодушно настаивали на его отмене, к вящей Божьей и королевской славе. Стареющий король, попавший к тому же под влияние набожной фаворитки, уступил доводам церкви и соображениям государственной пользы. В конце концов, разве подчинение меньшинства большинству не отвечало рациональным интересам государства и, стало быть, всех его подданных? Однако гугеноты оценивали ситуацию по-другому; многие оказали неповиновение, и вскоре исполненный благих намерений и, по-видимому, рациональный шаг вылился в преследования и насилие. В конце концов около 200 тыс. протестантов покинули Францию и переехали в Англию, Северную Ирландию, Голландию, Бранденбург, в некоторые другие германские государства, а также в Новую Англию. Принявшие их страны высоко оценили экономическую, военную и интеллектуальную квалификацию своих новых подданных и в большинстве случаев ассимилировали пришельцев. Что касается Людовика XIV, то в глазах всех протестантов и даже многих просвещенных французских католиков он приобрел репутацию тирана, а французская монархия стала считаться (впрочем, не только за этот единичный акт) образцом именно того произвольного правления, которое осуждал Боссюэ. Впрочем, к тому времени критика французской монархии стала намного более основательной, чем мог предположить Боссюэ.

Административное правление

Еще более существенно ограничивали абсолютизм чисто практические аспекты управления. «Старый режим» представлял собой общество, в котором почти каждый класс и группа населения, от высшей знати и духовенства до ремесленника гильдии, обладал специфическими правами и привилегиями. Некоторые французские провинции, особенно южные, все еще имели собственные сословные собрания, контролировавшие налогообложение и большинство местных чиновников. В других провинциях мэры городов и городские советы все еще имели огромные полномочия. Министрам Людовика XIV приходилось вести непрерывную борьбу с подобной местной администрацией, не без основания считая ее действующей только во благо собственных интересов и коррумпированной. Постепенно центральная

177

власть усилила свой контроль, и к концу XVII в. король, по крайней мере в теории, приобрел право назначать мэров всех крупных и мелких городов; показательно то, что, когда возникала сильная нужда в деньгах, это право продавалось за наличные.

В этом и заключалась основная дилемма абсолютной монархии: король не мог в открытую предпринять что-либо против существенно ограничивавших его власть прав и привилегий своих подданных, так чтобы не разрушить саму структуру общества. Сами инструменты, при помощи

которых абсолютный монарх мог проводить свою политику, в условиях «старого режима» были испорчены тем, что повсюду статус государственного чиновника смешивался с привилегиями и частными интересами. Король назначал министров, интендантов и командующих армией, но почти все прочие королевские должности — от местных налоговых инспекторов до судей парижского парламента — можно было купить или получить по наследству. Подобная практика восходила по крайней мере к XVI в. Люди приобретали должности в качестве вложения капитала, рассчитывая на получение дохода в виде жалования, вознаграждений и взяток, связанных с должностью. Должностные выгоды они также могли употребить для продвижения на более высокий пост — вплоть до такого, который, подобно должности парламентского советника, приносил обладателю дворянский титул. Изначально королевские должности отходили короне со смертью владельца; однако держатели должностей были заинтересованы в том, чтобы передать свои капиталовложения наследникам, и, соответственно, покупали еще и право такой передачи. К началу XVII в. эта практика распространилась настолько, что корона ввела налог на должности (так называемые *paulette*), выплата которого гарантировала наследование.

Всякий раз, как французское правительство испытывало финансовые затруднения, оно возвращалось к продаже должностей, нередко создавая новые должности для конкретного случая. Кардинал Ришелье, главный поборник государственного авторитета, сам же его и подрывал, причем достаточно злобно. Он оправдывал наследование должностей, заявляя, что оно предотвращало еще худшую коррупцию, поскольку все назначения производились — должны были производиться — на основании рекомендаций. Фактически это означало, что высшая знать использовала свое могущество в области патроната для продвижения клиентов на государственные посты. Как вожди гугенотов, так и вожди Священной лиги, партии радикальных католиков, пользовались подобной возможностью во время гражданских войн предшествующего столетия и к большому ущербу для королев-

178

ской власти. Покупатель должности официально отвечал уже не перед патроном, а перед королем. Этот благовидный предлог тем не менее, был не совсем убедительным. Люди в то время не питали никаких иллюзий по поводу недостатков такой системы, но большинству наблюдателей и политиков-практиков подобная ситуация казалась неизбежной. Ни одно правительство даже и близко не располагало средствами, чтобы выкупить проданные должности, и при каждом финансовом кризисе, особенно в военное время, стремилось, напротив, продать как можно больше новых.

Финансы

Королевские чиновники, таким образом, сохраняли значительную независимость от правительства. Чиновников было практически невозможно уволить, и, если директивы правительства противоречили их интересам или интересам их друзей, они всегда могли положить их под сукно.

Реорганизация финансов в начале правления Людовика XIV не затронула привилегий и налоговых льгот дворянства, духовенства и влиятельных корпораций — она не смогла даже ликвидировать систему сбора налогов частными лицами. Эта система находилась в руках крупных финансистов, которые давали правительству денежные ссуды, взамен получая право взимать налоги и иметь, таким образом, крупные прибыли за счет налогоплательщиков. Разные налоги проходили по отдельным счетам и, соответственно, расходным статьям королевского бюджета. Поэтому во Франции, строго говоря, не было единого казначейства, а генеральный контролер королевских финансов в лучшем случае обладал лишь функциями надзора и разработки общей политики.

Приблизительно в той же ситуации пребывала финансовая организация австрийской и большинства прочих континентальных монархий. Лишь в Англии казначейству удалось упразднить систему налоговых откупов и произвести эффективную централизацию и «национализацию» правительственных финансов. Английская налоговая система вкупе с контролем за большинством кредитных операций со стороны Английского банка дала Великобритании неизмеримые финансовые преимущества перед континентальными соперниками и во многом помогла ей сыграть центральную роль в XVIII в. В то же время неэффективная финансовая политика французской монархии привела последнюю к банкротству, приблизившему Французскую революцию (см. гл. 6).

179

Франция в XVIII веке

В последние годы правления Людовика XIV, когда казавшиеся нескончаемыми войны, холодные зимы, голод и эпидемии сделали жизнь простых французов почти невыносимой, оппозиция правительственной системе престарелого короля усилилась вновь. Представители высшей знати, в частности, сетовали на то, что их исключили из правительства и администрации, предпочитая им министров и чиновников из буржуазии. Некоторые историки принимали эти жалобы за чистую монету,

хотя на самом деле подобная практика носила далеко не всеобщий характер. На армейских должностях, на дипломатической службе и на многих постах в провинциальной иерархии король нуждался в знати и использовал именно ее. Все главные королевские министры и интенданты были дворянами, хотя в большинстве своем они происходили не из старинной феодальной знати, *noblesse d'epée* (дворянства меча), а из служилого сословия *noblesse du robe* (дворянства мантии), юристов и администраторов.

Представители этих двух ветвей дворянства иногда вступали в брак, и в XVIII в. такая практика стала более распространенной. При режиме абсолютизма интересы «дворянства меча» и «дворянства мантии» часто совпадали в защите своих привилегий, а в данном отношении их интересы совпадали и с интересами других привилегированных групп. Однако пока знать воздвигала все новые барьеры против чужаков ради сохранения своей монополии на высшие военные, гражданские и церковные посты, сама концепция существования знатного сословия все чаще подвергалась сомнению. В самом деле, кем следовало считать того или иного человека? Простолюдин мог получить дворянский статус в силу имущественных прав на купленное поместье; в то же время дворянин мог владеть собственностью, за которую он мог быть обложен налогом, подобно простолюдину. Фактически любой человек с деньгами был способен купить себе привилегии и дворянский титул, а искусство «обнаружения» благородных предков и забытых гербов было очень хорошо развито.

Все же худшим, с точки зрения дворян, было то, что понятие дворянства стало неопределенным. Были ли это военный, т. е. феодальный класс, как считалось в Средние века? В это с трудом верилось в условиях того образа жизни, который вело общество XVIII в., когда даже дуэли по большей части утратили популярность, столь высокую еще в начале XVII в. Или же дворяне принадлежали к расе, отличавшейся от других особыми качествами крови? Многие в это верили, но подоб-

ная позиция была столь же уязвима для рациональной критики, как и любая другая форма расизма, и такая критика вызывала неприязнь у наиболее разумных и честных представителей аристократии. Или же это просто собственнический класс землевладельцев, наделенных юридическими и финансовыми привилегиями? В период экономического подъема и роста благосостояния французское дворянство, несомненно, развивалось именно в этом направлении. В сложившейся ситуации ему было не просто защищать свой статус.

К середине XVIII в. противоречия и слабости структуры французского общества стали очевидны для внимательных наблюдателей и смутно тревожили большинство дворян, кредо которых звучало так: «Нет дворянства — нет и короля». Судьи парижского парламента стали главными защитниками всех дворянских привилегий, опасаясь, что рационализаторская политика, проводимая королевскими министрами, откроет шлюзы стихийному недовольству. Находясь между противоречивых целей и устремлений монархии, аристократии и прочих привилегированных групп, с одной стороны, и непривилегированных или обладавших незначительными привилегиями крестьян и горожан — с другой, французская монархия и весь «старый режим» потерпели крах.

Бранденбург-Пруссия

Франция была древним королевством со славной тысячелетней историей, с высокоразвитой и уникальной культурой, которую сами французы и жители многих других стран считали прекраснейшим образцом для подражания во всей Европе. Бранденбург-Пруссия не имела ничего из указанного выше; она представляла собой совершенно искусственное государственное образование, три основных блока которого протянулись по северной Германии и Польше. Бранденбургские курфюрсты из династии Гогенцоллернов собрали их воедино, узурпировав Восточную Пруссию на основании довольно сомнительных наследственных прав и присоединив путем столь же сомнительных махинаций ряд территорий на Среднем Рейне. Географический состав этого государства вкупе с отсутствием общих традиций делал его весьма уязвимым, ибо соседи Гогенцоллернов при удобном случае могли повести себя столь же неразборчиво. Поэтому Гогенцоллерны решили, что наилучшая защита — нападение, и использовали любую возможность усилить свое государство за счет захватов новых территорий.

181

Первым правителем, который в полной мере пожал плоды этой политики, был Фридрих Вильгельм I (1640-1688), которого иногда называют «великим курфюрстом». Умело лавируя между великими державами на последних стадиях Тридцатилетней войны, он оказался в числе немногих победителей и получил Магдебург, а также восточную Померанию. С тех пор Фридрих Вильгельм не отступал от своей политики умелого лавирования; однако он нуждался в сильной армии — значительно более сильной, чем та, которая до сих пор считалась достаточной для этого

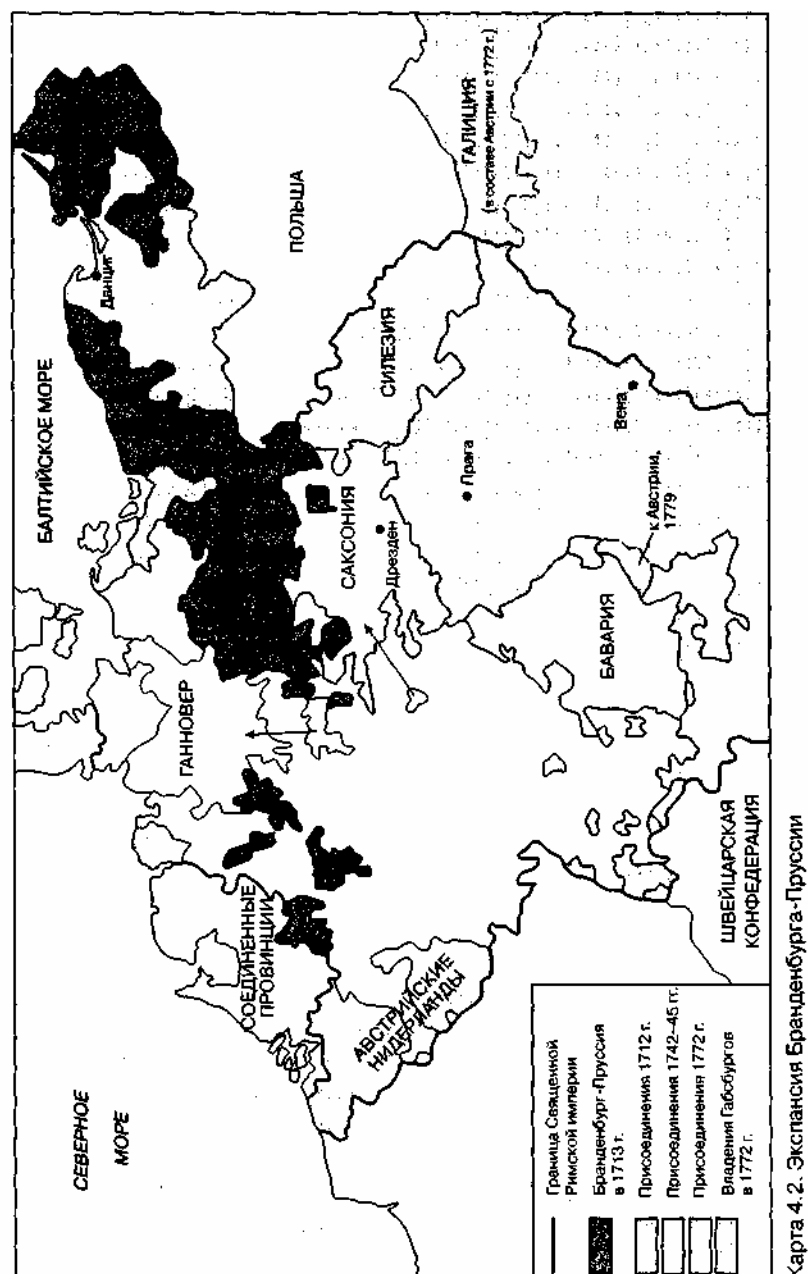
сравнительно небольшого и небогатого государства. Это достигалось постепенным преодолением сопротивления сословий Бранденбурга путем союза с земельным дворянством (юнкерами) против городов. Когда доходы курфюрста освободились от контроля сословий, он начал создавать регулярную армию и развитую централизованную администрацию.

Централизованная администрация Бранденбурга-Пруссии еще больше, чем французская, была ориентирована на армию. Юнкеры становились ее офицерами а также, все чаще и чаще, занимали важные гражданские посты. В ответ государство молчаливо отказалось от любого вмешательства на уровне деревни и в отношении поместий юнкеров, а гораздо более открыто стало поддерживать дворян в их экономическом противостоянии с городами. При «великом курфюрсте» и его преемниках прусская административная система окончательно сформировалась и стала более эффективной, чем в любой другой европейской стране (за исключением, возможно, Швеции). Вероятно, это была первая ситуация, позволявшая употреблять слово «бюрократия» в собственном смысле.

Короли Пруссии (королевский титул был введен в 1701 г.) управляли государством, которое на деле представляло собой военную машину с откровенно милитаристским этосом. Последний формировался постепенно. В XVII в. он питался преимущественно нестоической философией, которая пришла в Бранденбург из Нидерландов. Согласно греческому стоицизму (возникшему в III в. до н. э.) мир есть нечто разумное, а эмоции отвлекают человека от понимания его разумности. Стоики считали, что человек должен играть активную роль в повседневных делах, уподобляясь миропорядку в спокойствии и разумности: никакие волнения не могут отвлечь настоящего стоика от надлежащего образа жизни. Стоицизм, подобно другим философским учениям, был воспринят первыми отцами Церкви и стал составной частью христианской мысли; по этой причине (подкрепленной также продолжительной популярностью «Утешения философией» Боэция*)

* Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы. С. 64.

183

христианский стоицизм благополучно существовал в Средние века. В конце XVI в., особенно во Франции, он снова проявился в качестве неостоицизма. Эта доктрина обещала своим адептам рациональный взгляд на вещи, позволявший им со стоическим спокойствием переносить суровые невзгоды гражданских и религиозных войн. Стоические идеалы восхищали даже тех, кто (подобно шекспировскому Гамлету) сам не был образцом стоической добродетели. Тем не менее Гамлет явно рассчитывал, что его аудитория — лондонская театральная публика — разделяет подобные взгляды:

...ты человек,

Который и в страданиях не страждет

Неравной благодарностью приемлет

Гнев и дары судьбы; благословен,

Чьи кровь и разум так отрадно слиты,

Что он не дудка в пальцах у Фортуны,

На нем играющей. Будь человек

Не раб страстей, — ияего замкну

В середине сердца, в самом сердце сердца,

Как и тебя...*

Вероятно, самым читаемым и влиятельным из нестоиков был бельгийский филолог Юстус Липсиус (1547-1606). Своим образом жизни Липсиус демонстрировал чисто стоическое неприятие всякой сектантской узости и последовательно возглавлял кафедры в лютеранском университете Йены, католическом университете Лувена и кальвинистском университете Лейдена (после чего вновь

вернулся в Лувен). В своих книгах Липсиус подчеркивал потребность в постоянстве, стойкости, терпении и дисциплине. Тот, кто стремится к обладанию такими добродетелями, способен, в христианском смысле, вынести любые жизненные испытания. Как знаток античности, Липсиус видел воплощение этих добродетелей в римлянах и их армиях и пытался с помощью своих научных изысканий познакомить современников с римским военным делом.

Мир был вполне готов усвоить практическую философию Липсиуса. В начале XVII в. по крайней мере некоторые католические и протестантские правительства начали дистанцироваться от крайностей религиозной политики прежних поколений. Генералы, со своей стороны, оценили психологическое и практическое значение

* *Шекспир В. Гамлет, принц Датский. Акт III, Сцена 2 / Пер. М. Лозинского*

184

неостоических добродетелей. В частности, труды Липсиуса читал и публично заявлял об их ценности граф Мориц Нассауский, военный лидер Соединенных Провинций Нидерландов, основатель голландской регулярной армии и пример для подражания для всех стремящихся к военной службе молодых дворян-протестантов половины стран Европы. В университетах Центральной Европы и Скандинавии профессора философии рекомендовали студентам читать Липсиуса. Постепенно его неостоические заповеди (особенно дисциплина) стали проникать в гражданскую жизнь и, в частности, в формирующийся этос растущего числа чиновников европейских государств.

Это «нидерландское движение», как его стали называть, проникло в Бранденбург-Пруссию, когда правящий дом Гогенцоллернов перешел из лютеранства в кальвинизм (1613) и вступил в политические и династические связи с нидерландским домом Оранских-Нассау. В начале XVIII в. Липсиуса уже не читали, и неостоическое происхождение традиции общественной дисциплинированности было забыто. Но сама традиция продолжала существовать, а в Бранденбурге-Пруссии еще более укрепились в конце XVIII в. благодаря пиетизму — лютеранскому реформаторскому движению, которое придавало особое значение личному благочестию в жизни, направленной непосредственно на практические труды. Сочетание традиций неостоицизма и пиетизма оказалось для небогатого, но хорошо организованного и амбициозного милитаристского государства очень эффективным, причем даже тогда, когда исчезли изначальные философские и религиозные идеи, вдохновившие эти традиции.

Прусские короли обладали такой же властью, как и другие абсолютные монархи того времени; соответственно, они тоже сталкивались с ограничениями. В частности, неспособность короля вмешиваться в дела благородных сословий препятствовала освобождению крепостных, которое Фридрих II Великий считал безусловно полезным для государства, но смог осуществить только в королевских имениях. Еще более существенное противодействие королю могла оказать прусская бюрократия с ее корпоративной солидарностью и профессиональной гордостью. Фридрих Великий был волен принимать политические решения; время от времени он вмешивался в действия отдельных чиновников и даже контролировал некоторые судебные дела. Однако, как свидетельствует его переписка, чиновники имели возможность блокировать приказы короля, когда они считали нужным, — по примеру своих французских коллег — при том, что, в отличие от последних, они не покупали свои должности, а получали их

185

от короля. В XVIII в. прусская гражданская служба начала демонстрировать свойство, характерное для всех современных бюрократий, — фактическую деперсонализацию власти.

Ограниченные монархии и республики

Не все европейские государства стали абсолютными монархиями. В Италии свое независимое республиканское устройство все еще сохраняла Венеция; того же устройства придерживались швейцарские кантоны, объединенные в сложную Гельветическую конфедерацию. В Польше, которая была в то время более чем когда-либо аристократической республикой, господствовали невероятно богатые дворянские фамилии, избиравшие практически беспомощного короля. Для сохранения своей «золотой свободы» они выработали практику *«liberum veto»* в абсолютно аристократическом по составу польском сейме, каждый делегат которого мог наложить вето не только на любое предложение, но и на все законы, уже принятые на данной сессии, и тем самым распустить последнюю. В результате Польша стала практически неуправляемой страной; ее политика зависела от интриг и взяток соседних государств, а ее земли стали полем битвы иностранных армий.

Швеция колебалась между парламентской и абсолютной монархией, а в Соединенных Провинциях квазимонархия дома Нассау была сильно ограничена Генеральными штатами и особенно Штатами богатой и урбанизированной провинции Голландия.

Англия

Тем не менее самое интересное развитие ограничений монархической власти имело место в Англии. После реставрации Карла II (1660) парламент был также восстановлен в том виде, какой он имел до

Гражданской войны. «Это привилегия... и прерогатива народа Англии в том, чтобы быть представленным величайшими, самыми сведущими, богатейшими и мудрейшими людьми, каких только можно выбрать из всей нации», - говорил лорд Кларендон (1609-1674), первый министр короля и автор классического исторического труда «История восстания и гражданских войн в Англии». Таким образом, палата общин в полной мере представляла интересы городских корпораций и сельского дворянства, т. е., что называется, «интересы имущих», но при этом тщательно дистанцировалась от мелких торговцев, ремесленников и тому подобных представителей низших

186

классов, а также от религиозных диссентеров (различных протестантских сект) — иными словами, от всех, кто играл столь значительную роль в период Республики.

Карл II (1660—1685), сознавая, что он не может себе позволить прямую конфронтацию с парламентом, предпочитал манипулировать его членами в своих целях и мудро отступал всякий раз, когда не мог обеспечить себе нужную поддержку; поэтому, несмотря на значительную оппозицию, он сумел мирно передать власть своему брату Якову II (1685—1688), убежденному католику. В период этого политического маневрирования сложилась партия сторонников короля (высшее духовенство и англикане-джентри), которых стали называть «тори». Оппоненты короля, представлявшие широкий спектр социально-политических интересов (от пэров до богатых городских купцов и диссентеров), стали называться «вигами».

Опрометчиво рассчитывая на роялизм тори, Яков II попытался полностью подчинить парламент монархии и восстановить право короля отменять законы, ограничивавшие права римских католиков и диссентеров. Эта политика подавалась под видом введения веротерпимости, которую король насаждал своей властью и против воли парламента. Однако в обществе она неизбежно воспринималась как закулисная попытка повторного введения в Англии католичества. Показательно вместе с тем, что непосредственным поводом для кризиса стало намерение короля организовать регулярную армию под командованием католика-ирландца. Виги и тори объединили усилия и обратились к дочери Якова Марии (протестантке по вероисповеданию) и ее мужу, штатгальтеру Голландии Вильгельму Оранскому, с просьбой взять Англию под свою власть. Лишенный всякой поддержки, Яков бежал во Францию, а срочно созванный парламент объявил Вильгельма III и Марию совместно правящими монархами (1688—1689).

Победа парламента

Революция 1688 г. ознаменовала решительную победу парламента в его долгих взаимоотношениях с монархией. Она утвердила свободные выборы членов парламента, и, хотя избирательное право ограничивалось имущественным цензом и предоставлялось, конечно же, только мужчинам, право голоса в первой половине XVIII в. охватывало намного больше граждан, чем принято считать. Парламент созывался не реже, чем каждые три года, дискуссии велись свободно, а о королевском праве вето (которым несколько раз удалось воспользоваться Вильгельму III) было забыто.

Основой реальной власти парламента являлся

187

теперь практически полный контроль за правительственными финансами. Неудивительно, что функции реального главы королевского правительства, т. е. первого министра, сосредоточились отныне в руках Первого лорда казначейства.

Помимо политических побед, революция утвердила важнейшие гражданские права для англичан — отмена цензуры, право *habeas corpus* (максимально быстрая передача дела в суд после ареста), запрещение «жестоких и необычных наказаний» (концепция, часто пересматриваемая последующими поколениями) и, наконец, несменяемость судей (кроме как по постановлению парламента).

Ирландия и Шотландия

И сама революция, и ее итоги отражали, кроме того, стремление английских правящих слоев к стабильности. Установившееся положение совершенно логично подразумевало возобновление правовых ограничений для католиков и диссентеров. Гражданские конфликты в Ирландии, где католическое большинство поддерживало попытки Якова II вернуть себе трон, еще более усугубили недоверие английских протестантов к католикам. Вильгельм III разбил Якова и его ирландских сторонников при Бойне (1690), и последующее соглашение закрепило господство класса землевладельцев-протестантов в Ирландии.

В Шотландии признавалось господствующее положение пресвитерианской церкви. В 1707 г. Актом об объединении парламенты Англии и Шотландии были слиты в единый Британский парламент, который с того момента находился в Вестминстере. Однако именно в Шотландии

Стюарты предприняли последние попытки вернуть себе корону. В 1715 г. сыну Якова II, а в 1745 г. его внуку удалось поднять все еще по большей части католические шотландские горные области и одержать несколько блестящих побед, прежде чем восставшие потерпели катастрофическое поражение в силу огромного превосходства правительственных войск и собственной некомпетентности.

Англия в XVIII веке

В 1714 г. королеву Анну (1702—1714), последнюю представительницу династии Стюартов, сменил Георг I (1714—1727) из Ганноверской династии, происходивший по материнской линии от Якова I. Вступление на престол иностранца еще более осложнило и без того непростую политическую ситуацию, ибо, хотя парламент и обеспечил себе устойчивое положение в политической системе, принципы его отно-

шений с королем и правительством до сих пор не были ясны. Правительство по-прежнему оставалось правительством короля: он сам назначал министров, которые, однако, отчитывались перед парламентом. Этот любопытный дуализм на практике работал, поскольку королевские министры были также и членами той или другой палаты парламента. Такая ситуация была явно противоречивой, и уже в то время ее часто неправильно понимали, особенно за пределами Англии; ее отвергли и создатели Американской Конституции, которые предпочитали полное разделение властей на исполнительную, законодательную и судебную.

Поскольку первые два короля из Ганноверской династии не были способны проводить сколько-нибудь самостоятельную политику, реальная власть сосредоточилась в руках их министров, представленных исключительно вигами, ибо тори оказались скомпрометированы симпатией (во всяком случае, предполагаемой) к Стюартам. К 1760 г., когда умер Георг II, английская политическая жизнь выродилась в интриги между влиятельными семействами вигов и парламентскими кликами. Число граждан с избирательными правами значительно снизилось. По стандартам континентальных монархий Англия в любом случае оставалась страной с недостаточно централизованным управлением, ибо ее центральные правительственные учреждения (за исключением финансовых) пребывали в зачаточном состоянии, а королевская бюрократия практически отсутствовала. Местное управление в том виде, в каком оно тогда существовало, реализовывалось городскими корпорациями и официально назначаемыми, но неоплачиваемыми мировыми судьями, которыми почти всегда были представители джентри. Между тем именно эта система (или ее отсутствие) дала Англии внутренний мир и стабильность, одновременно предоставив людям состоятельным, честолюбивым, талантливым и удачливым все возможности для увеличения своего богатства или продвижения в социальной иерархии. В стране в достаточной степени соблюдалась свобода личности. Законы против католиков и диссентеров хоть и существовали на бумаге, но с течением времени все реже и реже применялись.

Правительство способствовало экономическому развитию, однако не так, как это было в континентальных странах, придававших приоритетное значение государственным мануфактурам, монополиям, субсидиям и развитой тарифной системе, а путем активной колониальной политики, которая создавала новые перспективы для английской торговли.

Лишь шокирующие события американской и французской революций вкупе с социальными и политическими проблемами, поро-

189

женными быстрой индустриализацией и урбанизацией, побудили англичан в конце XVIII — начале XIX в. пересмотреть свою политическую систему.

Теоретическая оппозиция абсолютизму

Как и следовало ожидать, именно Англия в силу особенностей своей политической истории стала родиной наиболее серьезной критики в адрес абсолютизма. Во время Гражданской войны полемика достигла, разумеется, высокого накала, но самая последовательная политическая теория той эпохи, предложенная Томасом Гоббсом, подразумевала такие радикальные рационалистические выводы, которые не устраивали ни роялистов, ни сторонников парламента. После реставрации 1660 г. роялисты вполне удовлетворились представлениями о «патриархальной» власти: Бог наделил Адама властью, которую от него унаследовали короли.

Джон Локк

Именно против таких воззрений так же, как и против Гоббса, направлены «Два трактата о правлении» (1690) философа Джона Локка (1623—1704). В естественном состоянии, т. е. в теоретических условиях, предшествовавших существованию организованного общества, люди,

рассуждал Локк, были «свободными, равными и независимыми», наподобие двух суверенных властителей или двух людей, встретившихся в лесах Америки. Люди объединялись в сообщества и отказывались от естественной свободы ради «удобной, безопасной и мирной жизни», а особенно ради сохранения их собственности. Население, или его большинство, принимает такие законы, которые считает необходимыми для этих целей. Отсюда следовало, что вопрос о наследственной королевской власти, приобретенной от Адама, не мог даже возникнуть и что король, претендовавший на звание абсолютного монарха, был человеком, желавшим вводить законы без согласия общества и быть судьей в своем деле; таким образом, он отрицал конечные цели сообщества и оставался по отношению к своим подданным в естественном состоянии. Таким королям нельзя доверять, ибо, как сухо заметил Локк, «тому, кто считает, что абсолютная власть очищает человеческую кровь и исправляет основу человеческой природы, нужно ознакомиться с историей своего или иного века, чтобы убедиться в обратном». Король, объявляющий свою

190
власть абсолютной, может быть низложен совершенно законным образом и именно так англичане, как они сами утверждают, поступили с Яковом II.

В полном соответствии со своей политической философией Локк выступил против этого универсального инструмента абсолютной власти — цензуры. Он сам составил проект парламентского запроса, благодаря которому в 1695 г. удалось отменить Акт о регулировании печати. Хотя эта отмена и не затронула цензуру театральных постановок, она обеспечила Великобритании такую степень свободы печати, какой не знала ни одна другая великая монархия Европы.

Монтескье

Локк оказал неизмеримо большое влияние на политическую мысль континентальной Европы, Америки и, разумеется, Англии. Монтескье (1689- 1755) охотно признавал его первенство, но в своем главном труде, «О духе законов» (1748), преследовал несколько иные цели. А именно: найти естественное состояние каждого из различных типов политической организации в географических и климатических условиях, в которых эти типы появлялись, и определить «дух», сущностную природу их законов во взаимодействии естественных условий с экономическими, политическими и религиозными силами:

Законы в самом широком значении этого слова [так начинается Монтескье свой трактат] суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует, имеет свои законы: они есть и у божества, и у мира материального, и у существ сверхчеловеческого разума, и у животных, и у человека*.

Так был сформулирован «социологический» подход к политике, который во многом оказался близок к современному подходу. Столь же по-современному Монтескье рассмотрел старинную философскую проблему соотношения необходимости и свободы воли. Он впервые подошел к ней последовательно и с нетеологической точки зрения; таким же образом, как она и до сих пор обсуждается в наши дни: допускают ли силы, создавшие различные типы государств с их законами, республиканскими, монархическими или деспотическими, какие-либо изменения, обусловленные человеческой волей? На этот вопрос Монтескье в конце концов ответил положительно: человеческая воля

* Монтескье III. Избранные произведения. М., 1955. С. 163.

191

может и обязана устранить столь отвратительные явления, как пытки или рабство, — и она может установить условия для свободы. Англичане, указывал Монтескье, смогли добиться этого, приведя политические силы в состояние равновесия и не позволяя ни одной из них стать деспотической. В частности, большое значение имеет полное разделение исполнительной, законодательной и судебной властей.

Весьма вероятно, что Монтескье, введенный в заблуждение своими друзьями из партии тори, несколько превратно представлял себе английское государственное устройство. Однако его основополагающая концепция сдержек и противовесов, которая оберегает свободу в политической системе, все еще жива.

Руссо

Именно по этому последнему вопросу младший современник Монтескье, Жан Жак Руссо (1712-1778), занимал диаметрально противоположную позицию. Он рассуждал как философ, а не наблюдатель-практик, каким был Монтескье: Руссо интересовали не специфические условия, в которых может быть достигнута свобода, а то, каким образом свобода вообще может

существовать в человеческом обществе. В знаменитых словах, которыми начинается трактат «Об общественном договоре» (1762), он четко сформулировал свои цели:

Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах... Как совершилась эта перемена? Не знаю. Что может придать ей законность? Полагаю, что этот вопрос я смогу разрешить*.

Эта законность, рассуждал Руссо, исходит не от внешней силы или природы, но от самого общества. Если каждый человек участвует в формировании законов своего общества, то свобода заключается в повиновении таким законам, ибо это соответствует воле каждого. Объясняя, как множество противоположных волей приводится к одному знаменателю, Руссо вводит понятие «общей воли», т. е. воли подавляющего большинства или, в самом лучшем случае, единодушной воли всех членов общества: именно она и является той «настоящей» волей общества, повиновение которой будет свободой. Отсюда следует, что «всякий, кто отказывается повиноваться общей воле, должен быть принужден к этому всем обществом. Это значит, собственно говоря, что он должен быть принужден к свободе...».

Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 152.

192

Оценивая последующие события с точки зрения историка, становится явной опасность этой аргументации Руссо, и действительно, его нередко обвиняли в том, что он указал путь бонапартизму, фашизму и прочим типам широко известных тираний, которые претендовали на выражение общей воли и принуждали индивида к повиновению. Однако такой взгляд был бы неисторичным, ибо Руссо искренне заботился о свободе. «Отказаться от свободы, — писал он, — значит перестать быть человеком... Слова "раб" и "право" противоречат друг другу и взаимно исключают друг друга». (Вспомним об уверенных в своем праве христианских работяг XVIII в.!) Руссо полагал, что тот тип демократической свободы, о котором он говорил, возможен только в относительно небольших сообществах, например, в городских республиках, подобных его родной Женеве. Поэтому он выступал за преобразование крупных государств в конфедерации городских республик, а главными врагами свободы считал абсолютистские монархии.

Показательно, что парижский парламент запретил «Общественный договор», и Руссо пришлось бежать в Швейцарию. Однако его сочинение произвело столь же сильный эффект, как в свое время «Государь» Макиавелли*, — и отчасти по тем же самым причинам. Оба трактата были короткими, блестяще написаны и наполнены афоризмами, которые часто цитировались вне контекста; оба решительно порывали с общепринятыми убеждениями (в некоторых случаях — с теми же самыми, например, с верой в существование природного закона). Однако, что наиболее важно, «Общественный договор» Руссо стал первым методическим философским обоснованием политической демократии в современном смысле. Отныне каждый серьезный политический мыслитель сталкивался с необходимостью либо принять, либо отвергнуть взгляды Руссо, а по меньшей мере один из лидеров Французской революции, Робеспьер, пытался воплотить идеи Руссо на практике.

Международные отношения

Вестфальский мир 1648 г. положил конец религиозным войнам, но не соперничеству между европейскими государствами. Более, чем прежде, это соперничество носило экономический характер, но только для двух великих торговых наций, Англии и Голландии, экономические

Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы. С. 340.

193

мотивы были решающими в вопросах войны и мира. Между 1652 и 1674 г. обе страны участвовали в трех морских войнах за торговые пути и колонии. Хотя голландцы добились ряда впечатляющих успехов (во время второй войны голландский флот произвел рейд на Чат-хэм и сжег верфи), англичане, располагавшие более значительными ресурсами и стратегическими преимуществами, обусловленными их географическим положением, имели военное превосходство и захватили, в числе прочих голландских колоний, Новый Амстердам, который переименовали в Нью-Йорк. Для других европейских государств торговое соперничество оставалось лишь одним из мотивов военного противостояния, и не всегда самым важным. Даже венецианцы, боровшиеся с турками за Крит и Южную Грецию, придавали власти такое же значение, как и торговле. Именно во время этих войн венецианская артиллерия, обстреливая в 1687 г. афинский Акрополь, подорвала турецкий пороховой склад в Парфеноне — самом знаменитом древнегреческом храме.

Войны Людовика XIV

Власть, включающая в себя страх перед властью соседа, а также торговля, стратегические преимущества и слава были главными причинами войн. В заметках за 1666 г. Людовик XIV пишет о «многих выдающихся людях, желающих услужить мне, постоянно настаивающих на том, чтобы

я дал им возможность продемонстрировать свою отвагу». Но так как это была эпоха развития права, которая подразумевала, что абсолютные монархи должны действовать в рамках закона, Людовик всегда старался найти законный повод для войны, например выполнение обязательств по политическому договору или наследственные притязания.

Королевская власть никогда полностью не утрачивала свои средневековые свойства в качестве владельца земли. С угасанием религиозных мотивов предшествующей эпохи этот аспект королевской власти стал еще более важным. Людовик XIV был совершенно искренен в наследственных притязаниях на испанские Нидерланды от имени своей испанской супруги; равным образом, несколько позже он столь же искренне предъявил свои требования на все наследство испанских Габсбургов для своего внука.

Сколь бы аргументированными и стратегически обоснованными ни были попытки Людовика укрепить открытые и уязвимые северо-восточные границы Франции, остальным европейцам это представлялось оправданием агрессии — агрессии несправедливой и злона-

194

меренной, потому что она исходила от могущественнейшей нации Европы. Император Леопольд I (1658-1705) никогда не колебался в своем традиционном для Габсбургов враждебном отношении к Франции; но Людовик также превратил во врагов своих прежних союзников, голландцев, когда в 1672 г. французы вторглись в Голландию. Когда в Англии воцарился Вильгельм Оранский (1689), эта страна, также бывший союзник, тоже перешла в лагерь непримиримых врагов Людовика. Война за Британское наследство, каковой она в действительности была, хотя обычно так не называлась, продолжалась до 1697 г.⁴

К этому времени на передний план вышел вопрос о судьбах испанского престола, ибо больной испанский король Карл II не имел прямого наследника и мог умереть в любой момент. И Людовик XIV, и Леопольд I имели равно обоснованные наследственные претензии. Наследование Австрией означало бы реставрацию империи Карла V, французское — возникновение еще более грозного военного блока в Западной и Южной Европе. Для остальной Европы были неприемлемы оба варианта.

Концепция владетельной королевской власти, создавшая эту дилемму, по-видимому, также предоставляла и решение. Подобно всякому другому имуществу, испанскую империю вполне можно было разделить между претендентами, удовлетворив тем самым стремление европейских правительств к сохранению баланса сил. Людовик XIV предпочитал именно такой вариант. Тем не менее на него не соглашалась правящая элита Испании. Да и в самом деле, как могли согласиться они, чьи предки вершили европейскую политику, чьи солдаты и моряки сражались с еретиками и неверными турками, чьи конкистадоры и миссионеры завоевали половину мира для Христа и своего короля, — как они могли спокойно смириться с тем, что их все еще великолепная империя будет поделена на части? Поэтому испанцы с энтузиазмом приветствовали решение Карла II, завещавшего свои владения претенденту, который с наибольшей вероятностью сохранил бы их в целости, — внуку Людовика XIV Филиппу.

В ситуации, когда Британия и Голландия настаивали на дележе наследства, а Леопольд I не признавал ни дележа, ни воли Карла II, Людовику оставалось только поддерживать внука.

Союзные войска под блестящим командованием английского генерала Мальборо и имперского генерала, принца Евгения Савойского, одерживали одну победу за другой; тем не менее Людовик держался непреклонно. Поражение правительства вигов королевы Анны и отзыв Мальборо практически нейтрализовали Англию. В результате Утрехтского мира

195

(1713) старый французский король мог найти удовлетворение в том, что его внук под именем Филиппа V признан королем Испании и ее заморской империи. Испанский Неаполь и Южные Нидерланды (Бельгия) отошли к Австрии. Англия добилась от Франции признания законности наследования английского трона протестантами Вильгельмом и Марией, а от Испании получила *asiento* — весьма прибыльную привилегию снабжать испанские колонии в Америке африканскими рабами.

Никому и в голову не пришло проконсультироваться не только с африканцами, но даже с итальянцами и бельгийцами, которым навязали новых правителей. Предполагалось, разумеется, что неаполитанцы и брабантцы будут жить по-прежнему, т. е. сохраняют свои значительные привилегии, а негров будут порабощать и продавать арабам или белым другие негры, как это происходило уже много столетий.

Утрехтские договоры впервые содержали фразу «европейский баланс сил». Поскольку

средневековое представление о *communitas Christiana*, христианском сообществе Европы, необратимо потонуло в религиозных войнах, люди искали новую концептуальную основу, на которой могли бы строиться международные отношения. Те, кто отвергал утопии вселенских империй и не верил в добровольный отказ от применения оружия, вернулись к итальянской идее XV в. — поддержанию мира на основе баланса сил великих держав. Но теперь этот принцип стал распространяться уже на всю Европу, а в некоторых случаях и на заморские империи. Философы снабдили его этическим и моральным обоснованием, ссылаясь на общность христианско-европейского наследия. Политические публицисты и королевские министры видели в нем разумную форму политического эгоизма. Многие сравнивали международный баланс сил со смешанным государственным устройством и его преимуществами системы сдержек и противовесов. Ньютоновская картина мира (см. гл. 5) казалась идеальной моделью балансирования сил в мирном равновесии.

Несомненно, что адепты этой системы в большинстве своем были искренне убеждены в ее достоинствах — точно так же, как их предки верили в христианское сообщество государств. Эта концепция могла быть использована в качестве оправдания для применения силы против державы, нарушающей равновесие, так она и была использована против Франции во время последних войн Людовика XIV. Однако агрессивную политику следовало дозировать очень гибко, ибо, если какая-нибудь держава намеревалась приобрести преимущества, для прочих держав во многих случаях было гораздо легче, дешевле и безопаснее не идти на прямую конфронтацию, а вытребовать себе

196
компенсацию за счет третьей стороны, т. е. поглотить более слабое государство. Именно в этом направлении политика баланса сил и развивалась на протяжении XVIII в., особенно в Центральной и Восточной Европе.

Поскольку, однако, эта система была консервативной, т. е., рассчитанной на сохранение статус-кво и превосходящего положения основных великих держав, всегда находились государства или правители, которые не были заинтересованы ни в том, ни в другом, либо потому, что у них были более амбициозные намерения, чем у большинства западноевропейских держав, либо, как Пруссия и Россия, они были «новички», которые пока еще только добивались того положения в европейском балансе сил, какое они считали подходящим для себя. В XVII в. Османская империя еще не отказалась от серьезных планов завоеваний в христианской Европе.

Последнее наступление турок

Более ста лет соотношение сил турок Османской империи и австрийских Габсбургов в Венгрии находилось в состоянии неустойчивого равновесия. Большая часть Венгрии, включая Будапешт, находилась под властью Порты. На северо-востоке располагалось княжество Трансильвания, формально подчинявшееся султану, но на деле гораздо более независимое, чем два автономных православных княжества — Валахия и Молдавия на Нижнем Дунае (территория современной Румынии). На западе широкая полоса венгерских владений от Адриатики до Карпат принадлежала Габсбургам. В Вене раздавалось немало голосов, советовавших императору сосредоточить все силы против турок; но Леопольд I, думая только об испанском наследстве, обращал взор преимущественно на запад и считал агрессию Людовика XIV более опасной для Австрии.

Эта позиция, однако, таила в себе гораздо больший риск, чем мог предположить Леопольд. Османская империя уже почти целый век пребывала в несомненном упадке. Система «девширме», некогда служившая противовесом по отношению к старинной турецкой аристократии, породила внутренние фракции, которые все более и более коррумпировали как органы центрального правительства, так и провинциальную администрацию империи. Рост населения, подъем цен и упадок сельского хозяйства под бременем непомерных налогов делали страну уязвимой для экспансии христианской Европы. В первой половине XVII в. западные державы были слишком заняты борьбой

) 197

друг с другом в Тридцатилетней войне, чтобы беспокоиться о турках, но уже борьба с венецианцами за Крит (1645—1669) продемонстрировала слабость Османской империи на суше и особенно на море. Когда венецианский флот занял пролив Дарданеллы (1656), казалось, что будет повторена история Византийской империи*.

В этой ситуации правящие круги Константинополя решили назначить нового великого визиря и наделить его диктаторскими полномочиями. Кёпрюлю Мехмед Паша, албанец по происхождению, которому было уже за 70 лет, провел беспощадную и кровавую чистку всей администрации. Он, как и его сын, унаследовавший затем отцовский пост, придерживался сугубо консервативных взглядов, пытаясь возродить систему власти и воинственный этос великой эпохи завоеваний.

Поначалу казалось, что это сработает. Венецианцы, утратившие к тому времени былую силу, были разбиты и в конце концов вытеснены с Крита (не в последнюю очередь потому, что местное греческое

население ненавидело итальянцев еще больше, чем турок). В 1683 г. преемник визирей Кёпрюлю, Кара Мустафа Паша, повел реформированную его предшественниками армию на Вену; его силы (вместе с обозом) оценивались в 200 тыс. человек, причем значительную часть конницы выставил татарский хан Крыма. Многие венгерские дворяне поддержали турок и выступили против Габсбургов, а венгерские и трансильванские протестанты скорее желали победы туркам (что означало бы религиозную терпимость), чем Габсбургам, которые снова бы стали насаждать католицизм. Дальше к западу находились и другие силы, которые не имели ничего против поражения Габсбургов. Французская дипломатия долгое время рассматривала османов в качестве части европейской системы государств, каковую часть можно использовать в политической игре против правящего дома Австрии. В случае падения Вены Людовик XIV мог считать себя вождем христианской Европы.

Все эти обстоятельства благоприятствовали турецкому наступлению. Но каковы были конечные цели Кары Мустафы? Он говорил о «всех христианах, подчиняющихся туркам», в случае захвата Вены — но действительно ли он верил в это? В самом деле, после двух месяцев осады Вена была близка к падению. Однако Леопольд I смог собрать сильную коалиционную армию, в которую вошли войска Польши, Саксонии, Баварии и многих мелких немецких государств. Папа Иннокентий XI выделил крупные суммы денег; его примеру после-

* Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400—1500 годы. Гл. 4.

198

довали другие итальянские государства и даже далекая Португалия. Турки, не имевшие тяжелой осадной артиллерии, не устояли перед огневой мощью осажденных, а затем были обойдены и отброшены армией подкрепления под командованием польского короля Яна III Собеского. В очередной раз подтвердилось, что в оснащении, организации и способности к адаптации в новых условиях турецкие войска не соответствовали западным армиям. Иными словами, все реформы Кёпрюлю так и не смогли приспособить турецкое государство к новым европейским условиям, да, по сути, и не предполагали этого. Весьма показательно, что Кара Мустафа был задушен, а турецкое государство впало в состояние прогрессирующей коррупции и стагнации, из которого выходило лишь временами.

В последующие пятнадцать лет Габсбурги отвоевали Венгрию и заняли Трансильванию. Однако дело освобождения христианского населения Юго-Восточной Европы рассматривалось в Вене почти исключительно как восстановление прав императора. Вскоре раздоры и даже открытые военные столкновения начали происходить между немцами и венграми, между абсолютизмом Габсбургов и конституционализмом венгров и трансильванцев, между контрреформационным католицизмом и сообществами кальвинистов и социниан, которые процветали в пограничной области между христианством и исламом. В обстановке всеобщих грабежей, бесчинств и притеснений больше всего страдали крестьяне, и, таким образом, они все больше утверждались в своем многовековом неприятии официальной власти.

Австрийская империя Габсбургов

Таким образом, к началу XVIII в. Австрийская империя Габсбургов стала одной из главных европейских держав. Результаты ее завоеваний и присоединений на Дунае, в Италии и Бельгии были впечатляющими. Вена превратилась в космополитическую столицу и только начинала свою блестящую карьеру великого культурного центра. Присущие этой империи слабости только начали проявляться. Отчужденность придунайского крестьянства в полной мере дала о себе знать лишь через два столетия; однако аннексия Бельгии и крупных итальянских территорий породила затруднения почти сразу же. Действительно, в отсутствие имперской дальновидности и ясности намерений Карла V, для того чтобы удержать новоприобретенные территории в составе Австрийской империи, не существовало ничего, кроме династической лояльности. Подобной лояльностью, как показывала

199

политика крупнейших суверенов Европы и Габсбургов в том числе, без колебаний пренебрегали ради реальных выгод. Поэтому Нидерланды и Италия тут же втянули Австрию в череду повторяющихся и почти всегда опустошительных войн.

Великая Северная война

В результате Тридцатилетней войны Швеция приобрела главенствующее положение на восточных и южных берегах Балтики. Попытке подчинить все Балтийское море путем захвата Копенгагена помешал голландский флот, ибо Соединенные Провинции в первую очередь заботились о том, чтобы Зунд оставался открытым для их торговли.

Почти пятьдесят лет Швеция с трудом удерживала свои позиции при огромном перенапряжении сил. Ужасные потери последних лет Тридцатилетней войны вызвали серьезный дефицит людских

ресурсов, и Швеция могла поддерживать армию в боевой готовности лишь с помощью иностранных субсидий. Кроме того, шведы потерпели унижительное поражение от Бранденбурга, пока еще незначительной северонемецкой державы (битва при Фербеллине, 1675). В 1680 г. молодой король Карл XI порвал с некомпетентными магнатами, которые правили Швецией через *риксрод* (*riksrad*), государственный совет. Как и датский король пятнадцатью годами раньше, Карл обнаружил, что он может опереться на все остальные классы, в том числе и на низшее дворянство, в борьбе против ненавистной высшей знати. Таким образом, Швеция фактически стала абсолютной монархией — причем, что любопытно, с согласия и даже при содействии *риксдага*, шведского парламента. Карл XI реорганизовал армию и финансировал ее за счет массовой распродажи королевских земель, которые за последние пятьдесят лет получила или присвоила высшая знать; часть ферм предназначалась для армейских офицеров. Подобная система могла работать лишь в такой малонаселенной стране, как Швеция, и в течение весьма ограниченного времени.

В 1700 г., вскоре после вступления на шведский трон молодого короля Карла XII (1697—1718), когда западные державы были полностью заняты борьбой за испанское наследство, соседи Швеции решили воспользоваться благоприятной возможностью и покончить со шведской гегемонией. Встретившись с коалицией Дании, России, Саксонии и Польши (саксонский курфюрст был избран польским королем), Карл XII решил вести оборонительную войну дальше, на вражеских территориях. Он одержал несколько впечатляющих побед и заставил

принять свои условия нескольких противников, но не русского царя Петра I. Поэтому у Карла не оставалось иного выхода, как идти на Москву. Однако в России он, как впоследствии Наполеон и Гитлер, был побежден огромными расстояниями, тяжелым климатом (действие которых усугублялось русской тактикой выжженной земли) и, наконец, реорганизованной армией Петра I под Полтавой (1709).

Это поражение означало конец Швеции как великой державы. По Ништадтскому миру (1721) Бранденбургу-Пруссии достались некоторые территории в Померании, но подлинным победителем оказалась Россия, получившая прибалтийские провинции Ливонию, Эстонию и Ингрию. Так, Россия осуществила, наконец, свое вековое стремление — закрепиться на Балтийском побережье — и стала военной державой, с которой отныне вынуждены были считаться все европейские государства.

Россия в XVII столетии

За эти достижения русский народ заплатил высокую цену. Была ли она неизбежной? Политика Ивана Грозного и наступившее затем Смутное время привели к разорению и опустошению обширных областей русского государства. Землевладельцам стало все труднее находить рабочую силу для своих поместий; поэтому крестьянам запрещалось покидать деревни. Параллельно с этим восстановленное царское правительство Романовых продолжало московскую традицию распространения своего владычества повсюду, где это было возможно. На западе оно стремилось вернуть Белую (западную) Русь, находившуюся под властью Польско-Литовского королевства; эта борьба затянулась надолго и во время нее царское правительство приняло решение принять под свою власть донских и днепровских казаков, которые восстали против католических польских господ. Этот шаг, о котором казаки впоследствии горько сожалели, привел Россию к конфликту с Османской империей и ее вассалами — татарскими ханами Крыма. В то же самое время русские купцы, военные деятели и государственные чиновники расширили русские владения через всю Сибирь до Амура и берегов Тихого океана. Подобная политика требовала серьезных военных операций и, в силу давно выработанных традиций централизованного контроля, накладывала на государство тяжелое административное и финансовое бремя.

Именно эти два фактора — существенная нехватка рабочей силы в сельском хозяйстве и военные операции тяготеющей к централиза-

201

ции власти — в значительной мере определили грядущее развитие русской истории. Между ними существовала тесная взаимосвязь. Чтобы обеспечить лояльность дворянства для проведения военной политики, монархия должна была гарантировать его экономические интересы, поддерживая, распространяя и систематизируя закрепощение крестьян. Беглых крестьян стали возвращать господам вне зависимости от срока отсутствия и дальности расстояния. Поскольку помещики обладали значительной властью и отвечали за сбор государственных податей со своих крестьян, положение последних все больше и больше приближалось к рабскому. В силу этого сельскохозяйственное производство оставалось на низком уровне, а города были бедны и, за некоторым исключением, невелики. Россия осталась заложницей экономической системы, которая предоставляла мало возможностей для экспансии и лишь перекачивала сравнительно небольшой избыточный продукт на текущие военные

нужды или на содержание военно-административного класса.

Столь же неизбежным следствием подобного положения стали социальные конфликты и восстания, которые охватывали порой большие территории. Однако, в отличие от Западной Европы, в России ни одно революционное движение не могло принять сторону традиций какой-либо региональной автономии и местных правящих классов; ибо таких традиций, если не считать традиции казаков, попросту не существовало. Центральные власти в конце концов всегда находили силы для подавления любого восстания, поскольку (опять же в отличие от Западной Европы), в России все без исключения властные органы были заинтересованы в поддержании царской власти, единственно способной гарантировать их привилегии. Именно в этом положении коренились зачатки (пока еще не более чем зачатки) того бюрократического абсолютистского режима, который впоследствии будет все более и более самодостаточным вне зависимости от личности или компетентности царя.

Вестернизация в России: Петр Великий

Однако государству, ведущему политику военной экспансии, необходимо было соответствовать соперникам или превосходить их в военном отношении. Именно этого и не удалось добиться Османской империи. Русские достаточно хорошо знали об этой необходимости. Принять соответствующие меры или хотя бы определить наиболее важные из них было нелегко ни практически, ни психологически. И государство, и церковь имели долгую традицию неприятия любых

202
внешних влияний, в которых неизменно видели угрозы иностранного господства или христианских ересей. Сосредоточившись на поддержании православной литургии, русская церковь мало заботилась о следовании примеру западных церквей в области образования. Россия не знала ни Реформации, ни Контрреформации; русской церкви никогда не приходилось обосновывать свои взгляды перед массами мирян — что вынуждены были делать протестантская и католическая церкви. Поэтому иностранное влияние и осознание потребности в более многочисленном классе образованных людей укоренялось в России помимо церкви и против ее воли.

Важным источником контактов и знаний традиционно служили колонии иностранных купцов в Москве и нанятые иностранные специалисты, о которых мы уже упоминали (см. гл. 3, с. 128). Петр Великий (1682—1725) не начал вестернизацию, а превратил ее в центральную задачу своего царствования. В начале своего царствования (1697-1698) Петр в составе «великого посольства» выехал в Европу, посетив Германию, Англию и Голландию, а в конце царствования (1717) побывал в Париже. Главным стимулом вестернизации была Северная война, которая превратилась в смертельное противостояние для российского государства и в отдельные годы поглощала до 80% государственных доходов. Сам Петр признавал, что он и русские «начали эту войну безо всякого представления о противнике и собственных возможностях, словно слепые». Однако к концу войны Петр располагал крупной профессиональной армией с развитой административной инфраструктурой по западному образцу, в которой все больше высших должностей стали занимать русские. Кроме того (что еще удивительнее), ему удалось создать большой военный флот на Балтике. Для снабжения сухопутных и морских сил Петр основал или расширил государственные заводы, производившие пушки, парусину, амунисию и, прежде всего, оружейные металлы. Рабочими на заводах были крепостные, насильственно вывезенные из деревень; те же крепостные служили солдатами. Столь высокая степень государственного контроля за промышленностью не имела аналогов в Западной Европе.

На крестьянское население насильственное рекрутирование и тяжелые налоги ложились невыносимым бременем, вызывая недовольство и волнение. В итоге такая политика низвела некогда разнообразное и сложное сельское общество России до уровня единой системы *помещик—крепостной*. Землевладельцы все больше превращались в служилое сословие, внутри которого положение человека зависело не от происхождения и даже не от богатства, а исключительно от чи-

203
на на военной или гражданской службе. По крайней мере в этом классе нововведения создали условия для некоторой социальной мобильности и карьерных возможностей для способных людей.

Православная церковь, как и следовало ожидать, всеми силами противилась вестернизации — бритью бород (оскорблявшему традиционное внешнее представление о Христе и мужчине), ношению европейской одежды, первым попыткам вырвать женщин из узкого круга домашних занятий, введению юлианского календаря и даже курению табака. На эту оппозицию Петр ответил упразднением поста главы Церкви, Патриарха Московского, который отныне был заменен духовным синодом под правительственным надзором⁵. Таким образом, государственный контроль над церковью и ее собственностью (и прежде, в силу византийских традиций, гораздо более сильный, чем на Западе) теперь стал жестче, чем когда бы то ни было.

Нигде дуализм жестокости и западного прогресса не проявился столь наглядно, как в создании Санкт-Петербурга — новой имперской столицы, основанной Петром. В негостеприимных болотах по берегам Невы крепостные со всей России работали и тысячами умирали, возводя один из прекраснейших

городов Северной Европы, обращенный на Запад и символизирующий отступление России от ее изоляционистских традиций.

Баланс сил в XVIII столетии

Три великие войны начала XVIII в. — Война за испанское наследство, Венгерская война⁶ и Северная война — в целом велись совершенно независимо друг от друга, хотя некоторые державы, в первую очередь Австрия, участвовали по крайней мере в двух. Однако затем политика европейских правительств начала все больше и больше вовлекать в силовое состязание все государства Европы. В самой Европе это определялось теперь уже хорошо понятными возможностями решения спорных вопросов наследования: приобретения одного государства должны компенсироваться адекватными приобретениями других для поддержания баланса сил. Поэтому война за Польское наследство (1733–1738) велась преимущественно в Италии и на Рейне австрийцами, французами и испанцами, а ее итог больше всего напоминал результат игры в «стулья с музыкой» для правителей Польши, герцогства Лотарингия и нескольких итальянских княжеств⁷.

Более серьезной оказалась Война за австрийское наследство (1740—1748). За столетие, прошедшее со времен Вестфальского мира, авст-

рийским Габсбургам в значительной мере удалось восстановить имперский престиж и свое влияние в Священной Римской империи. Габсбурги систематически оказывали протекцию мелким немецким государствам и в первую очередь князьям-епископам, используя авторитет двух высших судов — Имперского верховного суда (*Reichskammergericht*) и Имперского придворного совета (*Reichshofrat*), и обосновывали свою роль всеобщего покровителя необходимостью защищать имперские границы от агрессивных замыслов турок на востоке и французов — на западе. Патронат над немецкими княжествами позволял Габсбургам проводить свою политику в рейхстаге, который с 1663 г. заседал в Регенсбурге как постоянное представительное собрание делегатов от имперских сословий (т. е. от князей).

После смерти императора Карла VI (1740) эта система рухнула. Великие державы отказались от своего обещания поддержать переход престола к дочери императора Марии-Терезии, а императором Священной Римской империи был избран курфюрст Баварии. Марии-Терезии пришлось переждать бурю, полагаясь лишь на собственные австро-венгерские ресурсы. Вена больше не помышляла и не заботилась о восстановлении прежней общегерманской имперской системы. Главной причиной этого было то, что в результате Войны за австрийское наследство Пруссия захватила у Австрии Силезию и превратилась в крупнейшую военную силу. Отныне главной проблемой для Австрии стало соперничество с Пруссией за первенство в Германии — соперничество, которое занимало Центральную Европу вплоть до решительной победы Пруссии в 1866 г. Естественно, что венский двор считал своей первоочередной задачей возвращение Силезии. С этой целью он организовал на первый взгляд непобедимую антипрусскую коалицию в составе Австрии, России, Швеции и Франции. Однако союзником Пруссии в Семилетней войне (1756–1763) выступила Великобритания, которая сдержала натиск Франции. Тем не менее Пруссия избежала уничтожения в качестве государства лишь благодаря внезапному выходу России из австрийской коалиции. Вместе с тем блестящая оборонительная кампания, проведенная Фридрихом Великим, подняла репутацию прусской армии еще более, чем прежде.

Между тем все эти внутриевропейские конфликты происходили на фоне продолжавшегося глобального соперничества Англии и Франции за колонии и мировую торговлю. Ставки здесь были настолько велики, что Франция сочла возможным объединиться со своим старинным соперником, Австрией. Но англо-французский спор решался не в Европе, а в Северной Америке, Индии и, прежде всего, в открытом море. Британия получила Канаду и земли между Аллегански-

ми горами и рекой Миссисипи, некоторые острова Вест-Индии, порты на побережье Сенегала и весьма выгодные позиции в Индии. Эта победа также изолировала Британию на континенте — альянс с Пруссией распался в процессе взаимных обвинений, — а спустя сравнительно недолгое время она оказалась неспособной справиться с революцией в колониях, поддержанной враждебной Британии европейской коалицией.

Заключение

Европейская экономика оправилась от резкого спада первой половины XVII в. Технических новаций было сравнительно немного, но зато в сфере разделения труда (как в техническом, так и в географическом отношении) наблюдался постоянный прогресс. Финансовые и управленческие навыки получали большее распространение, особенно это было заметно в Англии. Все эти процессы послужили важнейшим условием промышленной революции, которая начнется во второй половине XVIII в., но пока еще они мало изменили образ жизни народных масс Европы.

По сравнению с эпохой религиозных конфликтов и социальных потрясений, длившейся более ста лет,

период с середины XVII до середины XVIII в. был относительно стабильным и спокойным. Религиозные страсти утихли. Правительства большинства европейских стран преодолели внутреннюю оппозицию и начали создавать административные механизмы и основы бюрократии, которые обеспечивали инфраструктуру для управления и финансирования больших регулярных армий. В свою очередь, регулярные армии еще более усилили позицию центральной власти, но стали тем фактором, который во многом определял политические цели правительств и способствовал росту агрессивности во внешней политике. Абсолютные монархии оказались перед дилеммой: они пытались рационализировать и сделать более гуманным государственное управление, будучи обязанными сохранить структуру постфеодального общества, «старый режим» с его привилегированными индивидуумами, сословиями и корпорациями. Разрешить эту дилемму в дальнейшем так и не удалось. В Англии и Соединенных Провинциях Нидерландов, где сложилась более гибкая социальная структура, победа парламентской формы правления позволила избежать дилеммы абсолютизма. Эта эпоха отмечена длинной чередой войн, которые формально велись из-за наследования разных европейских тронов, но на прак-

206

тике служили проявлениями силовой политики. В ходе этих войн сильнейшей державой Европы стала Франция, которая в то же время не могла полностью доминировать на континенте. Австрийские Габсбурги отвоевали Венгрию у турок и приобрели непрочные позиции в Бельгии и Италии. Швеция утратила статус великой державы, а силовой вакуум, образовавшийся за счет этого в Северной и Восточной Европе, заполнили Россия и Пруссия. К середине XVIII в. в силовую политику была вовлечена вся Европа, а в силу колониального соперничества Великобритании, Голландии и Франции — Северная Америка и многие территории Южной и Юго-Восточной Азии.

Примечания

¹ *Laissez-faire* — усеченная форма (с дефисом — даже формула) выражения «laissez faire, laissez passer» (фр. «позвольте делать [что угодно], позволяйте идти [куда угодно]»), высказанного в 1758 г. французским экономистом Ж.К. Гурне. Это выражение представляет собой формулировку принципа невмешательства государства в экономику.

² Картофель появился в Ирландии в 1760-е гг., но не являлся главным продуктом питания до 1830-х гг., когда экономика страны перешла к инспирированному английским правительством, нуждавшемся в снабжении больших городов, мясному животноводству; хлебные поля обращались в пастбища, картофель стал чуть ли не единственной массовой пищей. Болезнь, поразившая картофель в 1845—1846 гг., привела к жестокому голоду и убыли населения.

3

В 1773 г. британское правительство приняло так называемый «чайный закон», по которому монополию на торговлю чаем с североамериканскими колониями получила Ост-Индская компания; по мнению правительства, это должно было ликвидировать цепочку посредников и снизить цену на чрезвычайно популярный напиток. Однако, колонисты, в большинстве настроенные враждебно по отношению к метрополии (конфликт начался в 1765 г., с введением в колониях дополнительного сбора и принятия законов, ущемляющих права колонистов), усмотрели в этом нарушение их прав (ряд историков утверждает, что агитацию против «чайных законов» активно вели контрабандисты). В колониях начался демонстративный бойкот чая. В декабре 1773 г. в городе Бостоне толпа воспрепятствовала разгрузке трех кораблей, привезших чай. 16 декабря группа молодых бостонцев, переодетых индейцами, взобралась на корабли и сбросила тюки с чаем в море. Это так называемое «Бостонское чаепитие» вызвало введение в городе чрезвычайного положения и послужило одним из поводов к Американской революции.

207

⁴ Войну 1691—1697 гг. между Англией и Соединенными Провинциями с одной стороны и Францией — с другой, Г.Г. Кёнигсбергер именует Войной за Британское наследство по аналогии с войнами за Испанское, Польское и Австрийское наследства, т. е. войнами, поводом к которым был спор о престолонаследии, и разные государства поддерживали разных претендентов. Данная война была продолжением конфликта между Францией и Республикой Соединенных Провинций, вылившегося в войну 1672—1678 гг.; она также была связана и с тем, что Людовик XIV не признал Английскую революцию 1688 г. и прав штатгальтера Голландии Вильгельма на английский престол и продолжал поддерживать свергнутого Якова II Стюарта. Указанная война завершилась признанием Францией Вильгельма III английским королем.

⁵ В 1700 г. после смерти Патриарха Адриана Петр I своим указом назначил нового главу Православной Церкви с титулом «местоблюститель патриаршего престола» (он не имел патриарших прав в полном объеме), а в 1721 г. утвердил Духовный регламент, в соответствии с которым, среди прочего, сан Патриарха упразднился, Церковью должен был управлять Святейший Синод, состоящий из высшего духовенства под руководством светского чиновника — обер-прокурора Синода.

⁶ Венгерской войной здесь названо венгерское восстание 1703-1711 гг. под руководством представителя династии трансильванских князей Ференца Ракоци против Габсбургов, овладевших в борьбе с турками к 1699 г. всей Венгрией, за независимость Венгерского королевства. Это восстание, в венгерской исторической традиции именуемое Войной за независимость Венгрии, было подавлено австрийцами.

⁷ «Стулья с музыкой» — детская игра: играющие под музыку ходят вокруг пустых стульев, которых должно

быть на один меньше, чем играющих; как только музыка замолкает, необходимо сесть на стул. Оставшийся без места выбывает из игры; один стул убирается, и игра продолжается, пока не выявится последний победитель. Сравнение Войны за Польское наследство с указанной игрой приведено автором, видимо, по следующим причинам. В данной войне между Францией с одной стороны и Австрией, Саксонией и Россией — с другой каждая из сторон поддерживала своего претендента на польский престол: Франция — Станислава Лещинского, тестя короля Людовика XV, союзники — курфюрста Саксонского Августа. В результате Венского мира 1738 г., завершившего эту войну, Август Саксонский получал польскую корону, Станислав Лещинский — подвассальное Франции герцогство Лотарингию, герцог Лотарингский Франц Стефан — обещание Франции поддержать права его супруги, единственной наследницы императора Карла VI, на императорский трон, Австрия лишалась полученных ей в результате Войны за Испанское наследство и последующих дипломатических комбинаций Неаполя и Сицилии, отходивших к Испании, а взамен получала герцогство Парму.

Глава 5

Научная революция и Просвещение, 1500-1750

Распад средневековой картины мира

Историки уже давно перестали считать Средневековье эпохой научного невежества, когда образованные европейцы якобы не интересовались окружающим миром. Средневековые европейцы воспринимали мир как искусное Божье творение, как часть «великой цепи бытия» — и, в силу этого, достойное изучения не меньше, чем теология или философия. Очень часто именно теологи занимались изучением окружающего мира и, прежде всего, астрономией, входившей в круг обязательных университетских дисциплин. Ведь, как учит Библия, Бог создал и землю, и небеса, и все, что на них. Небеса, солнце, луна и звезды во всем их великолепии и совершенстве находятся выше нас, как и сам Бог. Все, что ниже, является земным и подвержено изменению, порче и греху. Однако при этом Земля остается центром мироздания, так как Бог сотворил человека по своему образу (который понимался вполне буквально как образ существа мужского пола), а все прочее — ради человека.

На этой теологической основе позднее Средневековье без труда приняло аристотелевскую космологию. Согласно Аристотелю, Земля представляет собой сферу в центре Вселенной, расположенную ниже Луны, т. е. подлунную сферу несовершенных материальных тел. Выше находятся концентрические небесные сферы Луны, Солнца и звезд, состоящие из более чистой, неземной материи; они вращаются вокруг Земли. Каждая часть мироздания имеет назначенное ей мес-

208

209

то, стремится занять его и обрести покой. Это была логически согласованная система устройства Вселенной и действующих в нем законов физики, и, казалось, она соответствовала обычным представлениям и здравому смыслу.

Тем не менее аристотелевская система обнаружила ряд фундаментальных погрешностей, которые подверглись критике с нескольких различных позиций. Как мы уже видели*, в середине XV в. теолог Николай Кузанский доказывал, используя теологические и математические аргументы, что мироздание бесконечно и однородно как в своей сущности, так и в законах, которые ей управляют. Однако он так и не создал единой космологической системы, и не вполне ясно, в какой мере его доказательства повлияли на взгляды его современников.

Художники эпохи Возрождения раньше философов выработали традицию внимательного и точного наблюдения за природой. Зарисовки скал, растений, животных и человеческих тел способствовали формированию новых стандартов изучения природы, которые стали значительным шагом вперед по сравнению с представлениями Аристотеля и античности в целом. С середины XVI в. книги по анатомии, как правило, снабжались иллюстрациями, что способствовало изучению медицины.

Однако, вероятно, еще важнее было применение художниками геометрии к теории перспективы в живописи, т. е. разработка правил, позволявших изображать трехмерное пространство на двухмерном пространстве холста**. Решение этих практических задач привело к тому, что значительная часть положений аристотелевской физики была поставлена художниками под сомнение, ибо пространство перспективы выстраивалось по законам геометрии, которые никак не согласовывались с физикой Аристотеля.

Во многих других областях решение практических проблем привело к тому, что научные знания углублялись, а общепринятые взгляды отвергались. Это относится к медицине, химии красителей (текстильное производство), технологии перегонки (производство бренди и других крепких алкогольных напитков), геологии (горное дело). Универсальная образованность гуманистов эпохи

Возрождения и укоренившийся обычай рассуждать по аналогии способствовали применению теорий и обмену навыками между различными областями знания. Европейское общество XVI-XVII вв. все больше нуждалось

* Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы. С. 349-350. ** Там же. С. 353-354.

210

в практических услугах ученых. Дюрер написал книгу о городской фортификации, Леонардо оставил многочисленные наброски сложных военных механизмов, которые, однако, так и остались на бумаге. Однако и Леонардо, и Микеланджело сослужили своей родной Флоренции хорошую службу как военные инженеры. Монархи и правительства нанимали математиков для составления точных карт, модернизации артиллерии, надзора за монетными дворами и изобретения секретных шифров для дипломатической корреспонденции. В XVII в. математикам суждено было разработать теоретические принципы статистики, из которой во второй половине века развилась новая общественная наука, экономика, которую тогда многозначительно именовали политической арифметикой.

Все это были элементы общего стремления к большей точности в наблюдении и измерении и к применению скорее рациональных, нежели традиционных, методов решения практических проблем в обществе, которое с каждым поколением становилось все сложнее. Разумеется, потребность в решении практических проблем была лишь одной из причин развития основополагающих научных идей и течений. Не меньшим стимулом оставались обсуждение и критика классических авторов. В очередной раз воспоминания о мастерстве древних послужили сильнейшим раздражителем для интеллектуального честолюбия европейцев, и в очередной раз это произошло именно благодаря тому, что сведения о древних были крайне отрывочны и не полны. Ученые-гуманисты издавали (во многих случаях — в переводе на латынь) греческие научные трактаты или реконструировали эти тексты на основании средневековых арабских переводов и комментариев. В очередной же раз выяснилось, что древние далеко не всегда соглашались друг с другом и что фундаментальные научные проблемы необходимо переосмыслить.

Даже античные теории магии, похоже, сыграли психологическую роль в развитии науки; ведь они подразумевали, что через знание природы человек может прийти к власти над ее силами. Историки науки спорили о том, насколько важна была магия в качестве стимула для развития науки, но невозможно отрицать тот очевидный факт, что вера в такую «природную магию», в астрологию и алхимию, была широко распространена среди ученых XVI — начала XVII в.

Революция в космологии

Мистическое и практическое органично соединилось в учении польского теолога, врача и математика Николая Коперника (1473—1543).

) 211

Практическим стимулом послужила осознанная церковью необходимость реформировать календарь. Старый юлианский календарь, установленный еще Юлием Цезарем, к тому моменту уже явно устарел. Для его исправления требовались точные вычисления истинной продолжительности года. До этих пор при расчете движения небесных тел и, соответственно, длительности года пользовались вычислениями греческого математика Птолемея (II в. н. э.), которые подразумевали, что небесные тела вращаются вокруг неподвижной Земли. Чтобы получить точное представление, т. е. соответствие предполагаемого движения планет реальным наблюдениям, Птолемей разработал геометрическую схему концентрических кругов и эпициклов, окружностей на окружностях. По мере того как в течение позднего Средневековья наблюдения проводились все более тщательно, приходилось добавлять новые эпициклы; схема становилась пугающе сложной, но при этом все же не обеспечивала нужной точности. Коперник решительно разрубил этот проблемный узел, предложив новую модель мироздания с Солнцем в центре и Землей, которая вращается вокруг Солнца в годовом цикле и вокруг своей оси — в дневном.

Весьма возможно, что во время длительного обучения в университетах Болоньи и Падуи Коперник мог познакомиться с древнегреческими представлениями о гелиоцентрической Вселенной (т. е., Вселенной с Солнцем в центре); гораздо менее вероятно, что он имел хоть какое-то представление об индийском астрономе Арьябхате (ок. 500 г. н. э.), который считал, что Земля вращается вокруг своей оси. Вместе с тем, на него почти несомненно повлияли мистические герметические учения (весьма популярные в Италии того времени), которые почитали Солнце в качестве материального аналога исходного божественного источника света.

Трактат Коперника, опубликованный в 1543 г., вызвал настоящее смятение. Он отвергал постулаты аристотелевской системы, принятой в церковной традиции, о том, что Земля является центром мироздания. Кроме того, теория Коперника явно противоречила общепринятому восприятию. Даже в наши дни в повседневном общении есть фразы «солнце встает» или «солнце садится», так как языку не удалось приспособиться к революции Коперника. Долгое время многие предпочитали рассматривать теорию Коперника лишь как приемлемую математическую гипотезу, хотя сам он был уверен, что опи-

сал реальное устройство мироздания. Лишь в конце XVI в. учение Коперника стало во главе угла интеллектуальной и религиозной полемики в Европе.

212

Галилей

К тому времени аристотелевское представление о неподвижных хрустальных небесных сферах было поставлено под сомнение датским астрономом Тихо Браге (1546—1601): в 1572 г. он наблюдал новую звезду (сверхновую), а в 1577 г. — комету, пересекавшую все «хрустальные сферы». На основе наблюдений Браге немецкий астроном Иоганн Кеплер (1571—1630) смог доказать, что планеты движутся вокруг Солнца по эллиптическим орбитам, а не по кругу, который древние считали совершенной геометрической фигурой.

Однако главная задача — формулировка универсальных законов механики, равно применимых к земным и небесным явлениям — еще не была решена. Фундамент этих знаний заложил флорентиец Галилео Галилей (1564—1642). Он отверг теорию Аристотеля, согласно которой такие общие характеристики объекта, как его состав, свойства, цвет, запах или его ценность, могут иметь отношение к движению в пространстве: в механике должны учитываться лишь точно измеримые параметры — масса, вес, скорость или ускорение. Абстрагируясь от аристотелевской реальности с точки зрения здравого смысла, Галилей, как бы парадоксально это ни казалось, поднял на новую высоту понимание этой реальности.

Однако в просвещенных кругах Галилей был известен прежде всего своими астрономическими наблюдениями: с помощью телескопа он открыл пятна на солнце (которое прежде считалось абсолютно чистым), горы на Луне, фазы Венеры, четыре крупных спутника Юпитера и кольца Сатурна (1609). Эти открытия изменили представления о картине мироздания гораздо серьезнее, чем вычисления Коперника и Кеплера. Английский посланник в Венеции, сэр Генри Уоттон, писал первому министру Якова I, графу Солсбери, о книге, в которой Галилей опубликовал свои открытия (1610):

При сем я посылаю Его Величеству самую странную новость из всех, какие он когда-либо получал из любой части света — каковой без преувеличения считаю прилагаемую книгу профессора математики Падуанского университета. При помощи оптического прибора... он открыл четыре новых планеты, обращающиеся вокруг Юпитера... Таким образом, он впервые полностью опроверг всю прежнюю астрономию...; а затем всю астрологию. Ибо влияние этих новых планет несомненно должно изменить предсказания астрологов, и кто знает, и ведь там могут быть еще планеты?... Со следующим

213

кораблем Ваша Светлость получит образец вышеупомянутого прибора [т. е. телескопа], усовершенствованного этим человеком*.

Деятельность Галилея получила максимальный резонанс благодаря тому впечатлению, которое его личность и манера поведения произвели на современников и на последующие поколения. Poleмика Галилея с приверженцами Птолемея и Аристотеля стала достоянием широкой публики, поскольку он решительно порвал с академической традицией и написал свой научный труд не на латыни, а на итальянском языке, причем безупречно ясно и доступно. Это обстоятельство привело Галилея к конфликту с римской инквизицией и его последующему осуждению (1633) не меньше, чем его теоретические взгляды.

Дело в том, что католическая церковь эпохи Контрреформации была враждебно настроена не только к протестантам, но и к тем, кто отказывался считать ее единственным посредником и судьей во всех вопросах знания и морали. Такими были *политики* (см. гл. 3, с. 113), которые, будучи ортодоксальными католиками, ставили политическое единство и выживание страны выше религиозного единства. К этой же категории относились те, кого теологи того времени огульно и, как правило, неточно именовали атеистами — людей самых разных убеждений, которых объединяло лишь нежелание принимать доктрину любой официальной церкви или чисто формальное ее признание. Даже эти творческие люди — мыслители, художники и музыканты, считавшие себя добрыми католиками или протестантами, — а таких было большинство, — не всегда могли найти общий язык со своими церковными властями. Венецианский художник Веронезе имел неприятности с придирчивым инквизитором, но отделался довольно легко: его заставили только заменить название «Пир в доме Симона» (т. е. «Тайная вечеря») на «Пир в доме Левия», поскольку на картине присутствовали персонажи, не упомянутые в библейском описании Тайной вечери. Скульптор Амманати был принужден к раскаянию за изображение обнаженной натуры. Самые большие неудобства испытывали, однако, философы, политические публицисты, историки, представители точных и естественных наук. Обычно они не считали свои проблемы следствием религиозной нелояльности; для них вопрос заключался, скорее, в защите независимости своей профессии

* Logan Pearsal Smith. Life and Letters of Sir Henry Wotton. Oxford University Press, 1907. Vol. I. P. 486-487.

214

или, точнее, независимости своих суждений от вмешательства и неправильного истолкования со

стороны теологов. Поэтому ученые, стремясь предотвратить обвинения в неортодоксальности, во многих случаях сами старались объяснить, как их работа сочетается с церковной доктриной. Церковь не испытывала особых затруднений, если люди науки просто объявляли свои теории ортодоксальными, ибо по каждому такому случаю можно было вынести соответствующий вердикт. Ученые, пытаясь обезопасить свою работу от любых нападков, старались четко разделить религиозное познание от натурфилософского или естественнонаучного.

Было ли это возможно? Разве не существовало неизбежного пересечения этих областей? И если даже можно было разграничить их, то кто это должен был делать — ученый или теолог? Для теологов, католиков и протестантов, ответ не оставлял сомнений: религия — окончательная мера всего. Теология — царица всех наук, которые являются ее служанками. Ученые редко обсуждали эти взгляды открыто, но на практике раз за разом выяснялось, что теологи не представляют то, о чем говорят, и что провести границу под силу лишь ученым. Постепенно они отодвигали ее все дальше, занимая новое пространство для царства науки, а порой даже совершали тревожные набеги на священную территорию теологии — познание сущности Бога и его отношения к своим творениям. Термин «натурфилософия», которым обозначались подобные «пограничные» исследования, хорошо передает всю изменчивую неопределенность баланса сил между наукой и теологией.

Обеспокоенные такой ситуацией, иезуитские теологи смогли убедить папу, что коперниканство таит в себе огромную опасность для истинной веры и должно быть осуждено как «лживое и ошибочное». Галилей в свое оправдание не противопоставлял науку религии, но, утверждал, что *при обсуждении физических проблем мы должны начинать не с авторитета библейских текстов, а с чувственного опыта и его необходимых проявлений, ибо святая Библия и природные явления равным образом происходят из божественного мира: Библия — как откровение Духа Святого, а природа — как послушная исполнительница божественных велений. Для Библии, чтобы быть доступной пониманию любого человека, необходимо излагать многие вещи в таком виде, который кажется удаленным от абсолютной истины, если исходить только из буквального значения слов. А природа неодолима и неизменна; она никогда не претупает зако-*

215

нов, ей предписанных, но и нисколько не заботится о том, понятны ли человеку ее скрытые побуждения и действия*.

Таким образом, для теологии было вредно, а для церкви опасно высказываться по естественнонаучным вопросам на основании библейских текстов, доступных самой разной интерпретации. Но иезуиты настойчиво повторяли, что теория Коперника может иметь худшие последствия, чем Лютер и Кальвин вместе взятые. В 1633 г. под давлением инквизиции Галилей вынужден был отречься от коперниканства. Легенда, которая вскоре родилась в связи с этим трагическим эпизодом, гласит, что Галилей шепотом пробормотал: «*Errur si muove*» («А все-таки она [Земля] вертится»).

Наука и религия

Впервые католическая церковь водрузила свою религиозную догму на мачту особой научной теории, т. е. аристотелевской космологии. Этот шаг, как опасался Галилей, мог нанести церкви огромный вред, сопоставимый с тем, который в XIX в. католическая и многие протестантские церкви потерпели от того, что отвергли дарвинизм. Ведь в умах образованных людей возникло прежде не существовавшее противопоставление религиозных верований и научного знания. Очевидная секуляризация европейской интеллектуальной жизни (которую, по замыслу церкви, должно было приостановить осуждение коперниканства) тем самым получила лишь добавочное ускорение.

Тем не менее связь религии и науки не прервалась. Высказывалось даже мнение, что определенные религиозные учения, в особенности кальвинизм, на самом деле способствовали развитию естественных наук. Утверждая, что христианин связан с Богом непосредственно и не нуждается ни в каких промежуточных силах, кальвинизм отрицал самое понятие иерархии, великой цепи бытия, и тем самым открывал возможность воспринимать мироздание как нечто единообразное. Концепция предопределения, необратимости судьбы в спасении либо проклятии, открыла возможность для веры в неизменные законы, управляющие материальным миром. Тем не менее в данном случае доказать влияние кальвинизма даже труднее, чем применительно к доказываемой связи между кальвинизмом и капитализмом¹. В VIII книге «Потерянного рая» пуританин Джон Мильтон устами архангела

* Discoveries and Opinions of Galileo, ed. and trans. Stillman Drake. Doubleday: New York, 1957. P. 182.

216

Рафаила отказывается удовлетворить любопытство Адама по поводу движения небесных тел и советует ему заняться тем, что доступно человеческому познанию:

... Но так или не так Устроен мир; и Солнце ли царит На небе, над Землею восходя, Восходит ли над Солнцем шар земной; Вступает ли на пламенный свой путь С Востока Солнце иль Земля неслышно И медленно от Запада скользит... ..Не томись

В разгадыванье сокровенных тайн, Их Богу предоставь. Ему служи Благоговеино... Слишком далеки Просторы неба, дабы ведал ты Что там свершается...*

Помня о подобном пуританско-ангельском наставлении, историк, возможно, не будет сильно удивлен, что в XVII в. Женева, Шотландия и Новая Англия (т. е. как раз те области, где кальвинизм господствовал безраздельно) не отличились в сфере научных достижений.

Взаимоотношения религии и науки на самом деле были значительно более сложными и разнообразными. Не только создателям новых космологии приходилось считаться с религиозными доктринами и предрассудками. За пятьдесят лет до Галилея бельгийский анатом Андреас Везалий (1514—1564) обнаружил, что вынужден бороться с подобными предрассудками.

Если благодаря точному и скрупулезному изучению частей мозга и на основе знания других частей тела, действие которых ясно даже начинающему анатому, я смогу выявить некоторые аналогии или прийти к правдоподобному выводу, я изложу их, если это можно будет сделать без вреда для нашей святой религии. Ибо — бессмертный Бог тому свидетель — нельзя не удивляться множеству нынешних философов и даже теологов, которые нелепо умаляют божественное происхождение и чудесное устройство человеческого мозга. ...Они сочиняют, как Прометей, из своих собственных фантазий, оскорбляющих Устроителя человеческого организма, некий

* Мильтон. Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-борец. М., 1976. С. 227-228.

217

образ мозга, но не желают вникать в то строение, которое создал Творец природы, с потрясающей предусмотрительностью приспособив его к действиям тела. А они, щеголяя своими измышлениями, которые наполнены вопиющими нелепостями, явно совсем не заботятся — о, позор! — о том, в какое нечестие ввергают неискушенные умы тех, кого они наставляют...*

Когда Везалий был студентом в Лувене, лекции читал теолог, который, подобно другим наставникам в этой академии, был готов смешать свои благочестивые взгляды со взглядами философов**.

Он учил, например, что мозг имеет три желудочка — каждый со своими функциями. Поскольку мозг животных напоминает человеческий, студенты могли прийти к нечестивому выводу, что животные обладают разумом и рациональным сознанием. Все это, заключает Везалий, было результатом измышлений тех, кто никогда не задумывался о мастерстве, которое проявил Творец в устройении человеческого тела***.

Ясно, что Везалий не был атеистом; но, как впоследствии Галилей, он считал правильным начинать с исследований природы. Противоположный метод, или, по словам Везалия, «смешивание благочестивых взглядов с философией», почти неизбежно приводил к ложным религиозным верованиям. С подобным подходом церковь не могла легко смириться.

Декарт

Пример Галилея показал, насколько опасен научный подход к ортодоксии, установленной публичной властью. Несомненно, отчасти из этих соображений выдающийся французский мыслитель Рене Декарт (1596—1650) большую часть своей сознательной жизни провел в Нидерландах и с большим опасением ожидал опубликования своих революционных идей. Подобно Галилею, Декарт считал себя верующим

* Vesalius on the Brain, ed. and. trans. C. Singer / Publications of the Wellcome Historical Medical Museum (Geoffrey Cumberlege). Oxford University Press, 1952. P. 4-6. ** Ibid. Ch. 4. *** Ibid. Ch. 6.

218

католиком; однако он не только принял учение Коперника, но и создал целостную философскую систему безо всякой оглядки на церковь и христианство вообще.

В знаменитом «Рассуждении о методе», опубликованном в Голландии (1637), Декарт объясняет свой собственный путь к глубокому знанию. С детства он читал книги, но чтение только запутало его в сомнениях и заблуждениях: «Казалось, своими стараниями в учении я достиг лишь одного: все более и более убеждался в своем незнании*». Поэтому Декарт решил «искать только ту науку, которую мог обрести в самом себе или же в великой книге мира**». На статус истины могла претендовать лишь истина абсолютно очевидная. Декарт довел скептицизм до крайних пределов: все на свете может быть иллюзорным. «Я сам могу быть введен в заблуждение моими чувствами. Я должен сомневаться во всем, что я постигаю. Но того факта, что я сомневаюсь, нельзя отрицать».

Необходимо, чтобы я сам, таким образом рассуждающий, действительно существовал. И заметив, что истина «Я мыслю, следовательно, я существую» столь тверда и верна, что самые сумасбродные скептики не могут ее поколебать, я заключил, что могу без опасений принять ее за первый принцип искомой мною философии*

***

Из этого принципа Декарт вывел еще два принципа. Если идея совершенства воспринята человеком, т. е. существом явно несовершенным, она может исходить только от совершенного существа — Бога; следовательно, Бог существует. Если в существовании разума сомневаться нельзя, а в существовании тела и материального мира можно, значит, они принципиально различны. Отсюда следовал абсолютный дуализм мыслящей и протяженной субстанций (этой теории предстояло играть важнейшую роль в европейской мысли вплоть до нашего времени): мир представляет собой в чистом виде

механизм, управляемый собственными физическими законами и не нуждается более во вмешательстве Бога-творца или иных сверхъестественных существ. Даже животные, не имеющие рационального сознания, согласно Декарту, представляют собой своего рода автоматы.

Учение Декарта представляло собой гораздо более серьезную и в этом смысле более *новую* критику традиционной религиозной кар-

* Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1989. С. 252. ** Там же. С. 255. *** Там же. С. 269.

219

тины мироздания, чем самые радикальные позиции религиозных реформаторов XVI в. Сочинения Декарта попали в папский список запрещенных книг, а его взгляды были осуждены протестантскими теологами Голландии. Но голландцы не имели учреждений, сравнимых с осудившей Галилея папской инквизицией; поэтому Декарта оставили в покое. По иронии судьбы, в начале XVIII в. католическая церковь признала космологию Декарта, думая найти в ней противовес еще более богопротивным теориям протестанта Ньютона, но лишь для того, чтобы в очередной раз связать свою теологию со старомодной системой представлений о физике (хотя и необязательно они имели философское значение).

Бэкон

Декарт выводил свои представления о человеческом познании и физических законах, управляющих Вселенной, из первопринципов, в основном посредством математических умозаключений. Английский юрист, философ (занимавший в 1618—1621 гг. пост лорда-канцлера) Фрэнсис Бэкон (1561—1626) исходил из противоположных посылок — необходимости наблюдения и эксперимента, взаимной пользы, которую приносит сочетание практических умений и научных теорий («истинный и законный союз эмпирических и рациональных способностей»), а также методов, которыми должны пользоваться ученые для отыскания истины.

Примечательно, что критическая часть программы Бэкона была не менее важна, чем позитивная. В трактате «Новый Органон» (часть незаконченного сочинения «Великое восстановление наук») Бэкон отмечал:

Идолы и ложные понятия, которые уже пленили человеческий разум и глубоко в нем укрепились, так владеют умом людей, что затрудняют вход истине, но, если даже вход ей будет дозволен, они снова преграждают путь при самом обновлении наук и будут ему препятствовать...*

Под «обновлением», или «восстановлением», наук Бэкон понимал возрождение давно утраченной мудрости древних посредством совершенно нового научного метода. «Идолами» (предрассудками, препятствующими истинному познанию) могут быть привычные фикции (вращение небесных тел по идеальному кругу или по спирали), рас-

' Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1972. С. 18.

220

плывчатые слова, занимающие место точных понятий (например, «тяжелое» или «легкое»), или распространенная манера строить пространственные теории на основании единичных наблюдений и опытов. Таким образом, Бэкон не пользовался ни аристотелевской, ни какой-либо иной античной системой натурфилософии и отверг их столь же решительно, как Галилей и Декарт. В качестве позитивной рекомендации Бэкон предлагал как можно более систематически накапливать наблюдения и делать опыты, а уже на их основе формулировать конкретные научные законы (или «промежуточные принципы», как он их называл), из которых, в свою очередь, можно вывести более общие принципы.

Распространение научного знания

Сомнительно, чтобы хоть один значительный научный принцип или закон был открыт в полном соответствии с рекомендациями Бэкона. Однако его учение о корректном научном методе пользовалось большим влиянием и в Англии, и на континенте. Впервые сочинения английского автора широко читались и обсуждались за пределами его родной страны, а всего лишь через два-три десятилетия после смерти Бэкона Англия вошла в число признанных европейских центров науки и философии; однако Шекспира на континенте по достоинству оценили только во второй половине XVIII в.

Обучение наукам и научные исследования получали все более широкое распространение и превращались в интернациональный феномен. Типичный пример — знаменитая медицинская школа в Базеле (Швейцария). Между 1532 г. (когда школа была преобразована в протестантский университет) и 1560 г. она выпустила только 9 докторов медицины, между тем как за два последующих 25-летия — 114 и 454 соответственно. Во многих крупных университетах открывались новые научные кафедры — прежде всего медицины и связанных с ней дисциплин. Датский король построил обсерваторию для Тихо Браге, который (как и Кеплер) занимал должность при дворе императора. Галилей состоял придворным математиком и философом великого герцога Тосканского. Однако гораздо важнее, чем покровительство государей отдельным ученым, было основание академий наук (как правило, тоже при поддержке владетельных особ). Первые академии появились в Италии и Франции в ХУГв., но

наибольшую известность приобрели академии XVII в. — римская (1603) Академия деи Линчей (букв, «академия рысей», т. е. ученых с острым зрением)², флорентийская (1657) Академия дель Чименто (букв, «академия эксперимента»),

221

Лондонское королевское общество (1662) и Парижская академия наук (1666).

Почти сразу же ученые сообщества Англии и Франции начали выпускать свои «Труды» — первые собственно научные журналы; ученые и философы вели активную переписку, нередко с иностранными коллегами. Научная корреспонденция, например Галилея или Декарта, является важнейшим источником сведений о развитии их идей. Опубликованные труды академий получили теперь гораздо более широкую аудиторию, фактически всю «республику ученых»; кроме того, в Королевском обществе они способствовали формированию принципов выполнения и изложения научной работы, которые во многом напоминали методологию Бэкона. В течение XVIII в. академии наук при государственной поддержке появились в большинстве стран Европы, в том числе и в России уже при Петре I (1724); правда, членами Петербургской академии первое время состояли только иностранцы. В течение второй половины XVII в. в Европе насчитывалось гораздо больше ученых («натурфилософов», как сказали бы их современники), чем в 1500 г. Несомненно, свою роль сыграло общее распространение образованности; однако этого недостаточно для объяснения данного феномена. Скорее всего (хотя это и трудно доказать со всей очевидностью) произошел фундаментальный сдвиг: блестящие молодые люди в 1500 г. (и тем более в 1300 г.), которые конечно же избрали бы изучение теологии с последующей церковной карьерой, в XVII в. все больше отдавали предпочтение наукам. Дело было не столько в том, что научная карьера предоставляла больше возможностей. Скорее, более важным оказался другой стимул: ожесточенные религиозные конфликты XVI в. и ужасы постигших Европу религиозных войн отвратили от религиозной проблематики многих одаренных людей; они предпочли занятия наукой, обещавшие мир и гармонию, — которых столь очевидным образом не смогли обеспечить традиционные доктрины католиков и протестантов.

Историк Королевского общества Томас Спрэт (1635—1714) не имел по поводу такой мотивации никаких сомнений. Люди, посвятившие себя «экспериментальной философии» (т. е. науке), писал Спрэт о членах Королевского общества, не могли ожидать большой материальной выгоды от своих занятий. Они объединились в трудные и неустроенные времена после Гражданской войны. Однако что могло больше подойти сообществу столь беспристрастному и сдержанному во времена столь мрачные, чем занятия натурфи-

222

лософией? Обсуждение религиозных вопросов они предпочитали делать предметом личного досуга, который нежелательно выносить на публику. Бесконечные раздумья над состоянием государственных дел и невзгод отечества могли ввергнуть только в уныние. И лишь исследование самой Природы было способно доставить им приятное утешение в их тогдашнем положении*.

Созерцая природу, люди могут «придерживаться разных мнений без враждебности и безо всякой опасности Гражданской войны»**.

Подобные настроения были характерны не только для Англии. По мнению французского богослова и ученого Пьера Гассенди (1592—1655), хотя мир и создан Богом, но объяснение природы и законов движения отдельных частей Вселенной отныне является задачей физиков. Это не станет абсолютной истиной, которая доступна лишь Богу; но это будет лучшим из того, что способен совершить человек, учитывая его ограниченные способности; и это не противоречит божественной истине. Дополнительное преимущество, полагал Гассенди, состоит в том, что свободное философское исследование приводит к величайшему спокойствию духа и счастью. Утешение философией человеческого ума было, конечно же, старинным и — со времен Бозция — весьма почтенным объектом размышлений для христиан. Новшеством XVII в. было все более и более полное его истолкование в терминах естественных наук. Если средневековый интеллектуал в схожих обстоятельствах замыкался в монастыре для занятий теологией и философией, то интеллектуал середины XVII в. удалялся в «незримое сообщество» единомышленников, или, как писал Спрэт, «в частный дом, где можно свободно размышлять о делах природы: строить гипотезы и ставить проблемы по любому математическому или философскому вопросу, какой приходит на ум»***.

Лучшими все же были официальные научные общества или академии, находящиеся под покровительством короля или другой владетельной особы. Основатели подобных обществ преследовали как религиозные, так и практические цели. Спрэт считал, что Королевское общество и французская Академия должны сотрудничать в борьбе с общим врагом христиан — турками, а также «другими... могущественными и дикими недругами, которых не удалось окончательно

* *Sprat T. The History of the Royal Society (London 1667), ed. J.I. Cope and H.W. Jones. St. Louis, 1957. P. 27. ** Ibid. P. 55-56. *** Ibid. P. 56.*

победить за почти шесть тысяч лет, — Невежеством и Ложными мнениями»*. Членство в Королевском обществе не зависело от конфессии или национальности ученых, «ибо они публично обязуются следовать не принципам английской, шотландской, ирландской, папской или протестантской философии, а философии человечества»**. Однако Спрэт полагал, что провозглашенная Обществом терпимость в конечном счете будет полезна для английской церкви, поскольку и она сама, и Общество возникли благодаря Реформации и совместно «ниспровергали... прежние мнения о природе... первая — в области Религии, а второе — в области Философии»***. Столь же оптимистично звучали требования практических результатов научных исследований. Генри Ольденбург, секретарь Королевского общества, писал своему коллеге Джону Уинтропу, главе компании «Массачусетс Бэй»:

Я не сомневаюсь, что даже дикие индейцы, увидев, насколько христиане преданы благочестию и добродетелям и насколько одарены способностями проводить эксперименты, создавать полезные изобретения и извлекать практическую пользу, сами с радостью подчинятся вам****.

Увы, эти надежды не сбылись, по крайней мере в Северной Америке.

Ньютон

В значительной мере благодаря Королевскому обществу Исаак Ньютон (1643—1727) стал известен за пределами Кембриджа, где он был профессором математики. Славу ему принесли фундаментальная работа о свете и открытие исчисления бесконечно малых — математической процедуры, применяемой при исчислении производных функции. Кроме того, он известен своей теорией всемирного тяготения, опубликованной в знаменитом труде «Математические начала натуральной философии» (1687). Ньютон завершил дело Галилея и сформулировал законы механики, одинаково действующие как на Земле, так и по всей Вселенной. Тяготение, например, представляет собой силу, действующую на все тела прямо пропорционально их

* Sprat T. The History of the Royal Society (London 1667). P. 57.

** Ibid. P. 63.

*** Ibid. P. 370-371.

**** Jacob J.R. Robert Boyle and the English Revolution. Bourt Franklin: New York, 1977. P. 155.

224

массе и обратно пропорционально квадрату расстояния между ними. Разумеется, Ньютон принимал космологию Коперника-Кеплера, в которой Земля вращается вокруг Солнца по эллиптической орбите. Однако Ньютон, как до него Галилей и Декарт, не мог отделить свои научные теории от философских и религиозных предрассудков; нет также и серьезных оснований считать (хотя подобные предположения время от времени высказывались), что Ньютон хотел освободиться от этих предрассудков. По мнению картезианцев (Декарта и его последователей), созданный Богом мир в дальнейшем функционирует совершенно самостоятельно, ибо законы движения присущи образующей его материи. Для Ньютона подобный радикальный механицизм граничил с атеизмом. Он считал, что «Бог присутствует везде... существует всегда и повсюду». Бог действует как постоянная сила, приводя все тела в движение согласно открытым Ньютоном математическим законам и корректируя это движение для компенсации трения и прочих препятствующих факторов, которые Ньютон учитывал. Еще более важной предпосылкой для Ньютона было признание «эфира» — особой среды, заполняющей пространство между небесными телами. Поскольку эфир пребывает в покое, меры времени, пространства и движения имеют относительно него абсолютное значение.

Более двух столетий абсолютная природа пространства, времени и движения не подвергалась сомнению (хотя, разумеется, не всегда отождествлялась с Богом в ньютоновском понимании). Эта концепция глубоко проникла в сознание ученых и других образованных европейцев. Доказательства Николая Кузанского, выявлявшие логические противоречия подобных предположений, были благополучно забыты или отброшены как причуды «средневекового» сознания. Ньютоновская картина мира отошла на задний план лишь в XX в., когда Эйнштейн математически обосновал концепцию Николая Кузанского об относительности пространства, времени и движения и разработал соответствующие физические модели.

Историческое значение научной революции

В последнее время высказывались предложения рассматривать научную революцию XVI—XVII вв. лишь как частный пример периодически повторяющихся научных революций. Построение истинной картины физического мира, указывают сторонники этой точки зрения, осуществимо в терминах универсальной теории мироздания, которую можно назвать парадигмой. Когда усилиями отдельных ученых выясняется, что господствующая парадигма неадекватно описывает неко-

225

торые физические феномены, от нее отказываются и в итоге создают новую парадигму. Именно в этом

контексте и следует оценивать деятельность Коперника, Галилея, Ньютона или английского медика Уильяма Гарвея, открывшего большой и малый круг кровообращения. То же самое действительно и для XVIII, XIX и XX вв., когда происходили революции, соответственно, в химии, биологии, ядерной физике и т. д. Иными словами, с этой точки зрения разумнее говорить не о всеобщей научной революции XVII в., а о целом ряде революций в различных областях знания. Историкам же целесообразнее считать, что (по крайней мере в чисто формальном отношении) все научные революции — от Аристотеля до Эйнштейна и дальше — не отличались друг от друга, потому что следовали, а фактически вынуждены были следовать одним и тем же путем.

Структура этой концепции не нашла поддержки у большинства философов науки. Историки также сочли, что она поднимает по меньшей мере столько же проблем, сколько решает или разъясняет. Но самое главное, она не согласуется с тем, как воспринимали свои достижения ученые и образованные люди XVII в. Хотя некоторые из них, подобно Бэкону и Ньютону, считали, что они возрождают древнее знание, все хорошо понимали, что подобное знание не существовало уже две тысячи лет даже в сочинениях тех знаменитых греческих и римских авторов, теории которых они критиковали. В то же время они не делали различия между отдельными науками, воспринимая их как единую науку, продвигающуюся на широком фронте. Ученые XVII в., как настоящие натурфилософы, интересовались сразу несколькими областями знания, а иногда, подобно Декарту, почти всеми. По мнению Королевского общества, исследовательская методика Бэкона подходила для любых наук. Концепция «парадигм» более или менее подходит истории астрономии или механики, но гораздо меньше применима для медицины, биологии и различных направлений химии и геологии, развивавшихся в то время. Открытия, сделанные с помощью микроскопа, были почти такими же поразительными, как те, что сделал Галилей с помощью своего телескопа. Это положило начало таким новым отраслям науки, как ботаника, физиология, микробиология и в особенности бактериология, начавшаяся с открытия существования «анималькул»³, бесконечно малых живых существ, которых позднее назвали бактериями.

Это был необычайно разнообразный опыт познания для образованных мужчин и женщин, познания действительно нового и признававшегося в качестве такового. Традиционные типы мышления остались в прошлом. На смену им пришли новые способы осмысления природы,

226

в совокупности своей означавшие более радикальный разрыв с традицией, чем раскол единой средневековой церкви во время Реформации. Естественно, что люди по-разному реагировали на эти события. Галилей, Бэкон, Декарт и многие из величайших умов были оптимистами. Истинная природа мира должна быть открыта с помощью их методов в пределах, самое большее, нескольких поколений. Некоторых, однако, обуревали сомнения. Земля с ее населением утратила значение центра мироздания и превратилась в маленький шар, вращающийся вокруг Солнца в безграничном пространстве. Возникавшее в связи с этим интеллектуальное головокружение еще более усиливалось откровением о маленьких мирах микроскопа. Французский философ и математик Блез Паскаль (1623-1662) говорил о Вселенной, в которой «видимая Вселенная» — это всего лишь часть «мыслимой необъятности природы» которую он представляет «в рамке... атомистического ракурса», т. е. в мире, открытом под микроскопом*.

По силе интеллектуального и эмоционального воздействия научная революция XVII в. представляла собой уникальное явление, с которым не может соперничать ни одна последующая «научная революция», но по-настоящему оно тогда затронуло лишь сравнительно малое количество людей. Большинство ученых, занимавшихся новыми научными разработками, считали себя, как мы уже видели, добрыми христианами (католиками или протестантами). Однако, по-видимому, именно угасание религиозных переживаний после Реформации и Контрреформации способствовало широкому распространению научных исследований и сделало их привлекательными для европейских интеллектуалов. Эти исследования, а также их результаты и новые законы все больше затрагивали те области, которые прежде считались исключительной прерогативой религиозной мысли, и в этих областях наука приобрела неоспоримое преимущество перед религией. Наука предлагала ответы, казавшиеся более приемлемыми в философском отношении; она обещала результаты, практически полезные для человечества; наконец (что, вероятно, важнее всего с психологической точки зрения), ученые диспуты не таили в себе разрушительных последствий для диспутов среди теологов. Тем не менее для большинства европейцев новая наука значила еще очень мало и не могла значить больше до тех пор, пока прогресс в натурфилософии не стал причиной или сопутствующей базой для технологических достижений. Но чтобы это произошло, научные достижения XVII в. должны были стать доступными и понятными

* Паскаль Б. Мысли. М., 1994, С. 64-65.

227

значительно более широкой публике, не имеющей специальных знаний. Эту задачу, помимо других,

предстояло решить Просвещению XVIII в.

Придворное общество

Важное преимущество европейской цивилизации заключалось в том, что со времен раннего Средневековья она имела множество центров как в социальном, так и в географическом отношении. Культуры, церковная и светская, городская и аристократическая, народная и культура «высоколобов» — все они существовали как независимые (хотя и пересекающиеся) традиции, стимулировавшие друг друга благодаря взаимодействию. Их богатство и разнообразие еще более усиливались географическими и лингвистическими факторами.

В XVI-XVII вв. это продуктивное разнообразие было обогащено еще одним центром — придворным обществом. Двор как средоточие культурной жизни сам по себе не представлял, конечно, ничего нового. Однако дворы абсолютных монархов XVII в. отличались от прежних не только размерами и богатством, но в первую очередь стилем повседневной жизни, социальные и культурные ценности которого выходили далеко за пределы узкого круга приближенных государя.

Это был аристократический стиль жизни, поскольку ему следовали люди, имевшие ренты или доходы с должности; вместе с тем, благодаря ему многие традиционные ценности и обычаи европейской знати изменялись или исчезали. Феодальные устои уступили место дуэлям, сельская жизнь и охота — спокойным прогулкам в ухоженных парках, борьба за местное влияние — интригам в погоне за королевскими милостями. Это было статусное общество, в котором положение определялось сложным сочетанием происхождения и титула, богатства и патроната. Наконец, придворное общество отличалось тем, что заметную роль в нем играли женщины, ибо положение дам при дворе для фамильного достоинства значило не меньше, чем положение их мужей.

Для такого общества особой заботой было соблюдение формальностей и безупречные манеры. Никогда прежде книги об этикете не пользовались такой популярностью. Утонченность означала презрение к естественности, а в распространении личной и социальной дисциплины придворные законы по-своему были не менее важны, чем религиозное пуританство и политический неостоицизм. Характерным явлением этого общества был парик. Введение парика (или

228

его возрождение, ибо париками пользовались еще в Древнем Египте) приписывают то Людовику XIII, то Людовику XIV, которые таким образом якобы хотели замаскировать свою плешь. Во второй половине XVII в. в моду вошли пышные, ниспадающие до плеч вьющиеся парики. Затем парики стали пудрить, а в XVIII в. мужские парики приобрели вид небольших накладок с косичками, в то время как дамы продолжали носить сложные каркасные конструкции высотой в несколько десятков сантиметров. Популярность столь экстравагантной и нездоровой (парики трудно было очищать от паразитов) моды объяснялась ее внешней символикой, т. е., демонстрацией статуса и авторитета, порядка и дисциплины. В силу этого парики особых фасонов принято было носить у представителей самых разных сословий и занятий — как до сих пор носят их на официальных слушаниях английские судьи и барристеры⁴. Дешевые ткани (в частности, все более популярный хлопок) позволили придворной моде быстро распространиться и на низшие сословия. Например, как отметил шведский наблюдатель, в первые десятилетия XVII в. 20% прихожанок одной сельской церкви в северной Швеции отказались от традиционных головных уборов в пользу модных «чепцов Марии Шотландской».

Светские дамы, принимая гостей и соревнуясь в этом друг с другом, настаивали на формализованных стандартах поведения; но в то же время им нужно было привлекать влиятельных гостей. Для этого устраивались музыкальные, художественные, литературные или философские вечера. Вскоре такие салоны стали центрами культурного патроната. Подобный патронат был, разумеется, достаточно поверхностным и выборочным, ибо предрассудки и расчет руководили им не меньше, чем подлинная заинтересованность в культурном аспекте. Тем не менее он был примером для подражания и в этом смысле играл значительную роль. Не только в усадьбах провинциальной аристократии и резиденциях крупных чиновников, но и в буржуазных домах банкиров и коммерсантов тоже появились салоны, прививавшие вкус к интеллектуальным и художественным устремлениям, а также «куртуазность» — правила придворного этикета, которые выражались в пользовании ножом и вилок, а также носовым платком.

Двор Людовика XIV в Версале и парижские салоны были основными моделями, которым подражали по всей Европе. В Германии, Польше и России это подражательство привело к тому, что французский язык приобрел статус второго (а во многих случаях — основного) языка светского общества.

D 229

Распространение грамотности

Помимо салонов, в Западной Европе происходил общий подъем грамотности и образования. Недавние исторические исследования, посвященные некоторым французским городам, выявили, что в середине XVIII в. читать и писать умели 90% представителей нижнего среднего класса, более 50% хорошо

оплачиваемых ремесленников и около 20% представителей беднейших слоев общества. Для женщин эти цифры значительно ниже, но их грамотность в течение века тоже повышалась.

В протестантских странах важными очагами грамотности служили дома местных священнослужителей. Английские приходские священники, или викарии, шотландские министры и немецкие пасторы, или фарары, как правило, были женаты и воспитывали своих детей (среди них обычно были и дочери), прививая любовь к книгам, интеллектуальному общению и музыке. Этот сегмент общества XVIII в. изучен еще недостаточно, но вряд ли можно сомневаться в его существовании и огромном влиянии на культурную жизнь. В перспективе он был вполне способен обеспечить протестантским странам интеллектуальное преимущество перед католическими — где приходское духовенство (образованное, возможно, не хуже протестантского, но не имевшее семей) не могло передавать свои знания потомству в располагающий тому семейной обстановке.

Первая английская ежедневная газета стала выходить в Лондоне в 1702 г.; вскоре за ней появились провинциальные газеты. Литературную периодику читали по всей стране. Например, журнал «Gentlemen's Magazine» в начале XVIII в. выходил тиражом 10—15 тыс. экземпляров. К услугам тех, кто не мог покупать все нужные издания, теперь существовали частные библиотеки, выдававшие газеты и журналы на дом. В Англии литературной цензуры не было; но даже во Франции, где она была, все сложности обладания запрещенными книгами сводились лишь к дополнительным расходам.

Англиканская церковь и новая наука

Именно к этой грамотной публике или по крайней мере к самой образованной части этой публики стала обращаться новая наука. Известный своими дневниками крупный чиновник Сэмюэль Пепис (1638—1703) сообщает, что в 1664 г. приобрел микроскоп и вдвоем с женой пытался наладить его — «с необычайным удовольствием, но и с немалыми трудностями, пока нам удалось научиться хоть что-

то в него разглядеть», но он упорно продолжал свои опыты и купил новейшую книгу по микроскопии. Церковные власти знали об интересе мирян к наукам и были им весьма обеспокоены. Именно это беспокойство послужило одной из причин жесткой реакции католической церкви на космологические трактаты Галилея, написанные по-итальянски. Англиканская церковь, не имевшая ни инквизиции, ни каких-либо иных эффективных средств для поддержания ортодоксии, действовала противоположным образом: использовала выводы новой науки для подкрепления своих религиозных убеждений. Если система мироздания Ньютона представляет собой рациональную и упорядоченную систему, созданную божественным провидением, то и протестантская церковь Англии в такой же мере является провиденциальным творением как разумная форма христианства, призванная вновь объединить христианские церкви. Если в физике Ньютона все части мироздания вплоть до атомов образуют всеобщую гармонию, повинуюсь божественным законам, то и в обществе люди должны сосуществовать гармонично — так, чтобы каждый занимал подобающее ему положение и выполнял то, к чему призвал его Бог.

Тем самым физика и космология Ньютона, опиравшиеся на доктрину божественного провидения, были (в популярной форме) поставлены на службу консервативным религиозной и социальной позициям, направленной и против радикальных религиозных диссентеров, и против тех, кто мог нарушить социальный порядок своей капиталистической распущенностью. Сам Ньютон, по-видимому, вполне одобрял такой подход к делу. Позже, в XVIII в., Адам Смит поднял аргументацию на новую высоту: божественное провидение устроило все вещи настолько хорошо (по крайней мере, в области экономической), что «каждый, преследуя свою выгоду, неизбежно выбирает выгодное для всего общества». Благодаря этой формулировке настороженное отношение к капиталистическому предпринимательству совершенно исчезло.

Критика традиционного мышления

Отличительной особенностью большинства теорий и сочинений, появившихся в первые десятилетия XVIII в., был осторожный консервативный оптимизм. Это было совсем не удивительно в привилегированном обществе, которое преодолело религиозные страсти, приведшие к столь ужасным разрушительным последствиям во время религиозных войн, и которое гордилось достижениями знаменитых ученых и философов XVI—XVII вв. Именно тогда вошли в широкое

231

употребление понятия и концепции «Средних веков» (с упором на «темные века») и «Возрождения». В то же время многие вдумчивые люди стали все более критически относиться к традиционным мнениям и признанным авторитетам. Мир за пределами Европы впервые становился предметом серьезных раздумий. Красивые легенды и описания экзотических мест не утратили популярности со времен Марко Поло; однако теперь им сопутствовало ясное понимание того, что верования и обычаи других обществ отнюдь не обязательно являются варварскими или примитивными по сравнению с христианской Европой. Внезапно обнаружилось, что персы, индийцы и прежде всего китайцы не

отличаются от европейцев ничем, кроме обычаев. Сами христианские миссионеры воспринимали с широкой «антропологической» точки зрения тех, к кому обращались с проповедью Евангелия. В типичном описании китайских обычаев один из них заметил:

Мы тоже занимаемся самообманом, ибо наши детские предрассудки не позволяют нам понять, что большая часть человеческих действий не имеет собственных отличий, и свое значение такие действия приобретают только в зависимости от того значения, которым та или иная человеческая раса по собственному разумению наделяет их тогда, когда они впервые совершаются*.

Однако еще больше пищи для размышлений давали слова короля Сиам (Таиланд), который отказался принять христианство под тем предлогом, что если бы в планы божественного провидения входило установить во всем мире одну религию, это было бы сделано с самого начала; поэтому Бог, очевидно, хотел, чтобы его почитали разными способами. Как только подобный религиозный релятивизм пустил корни в умах образованных людей, тут же стал развиваться неизбежный скептицизм, приводивший либо к отрицанию всякой религии и полному атеизму, либо (чаще всего) к отрицанию религии откровения как предрассудка и переходу на позиции деизма или пантеизма. Деисты полагали, что существует «естественная религия» — верования, одинаково присущие всему человечеству; пантеисты отождествляли с Богом весь природный мир.

Религиозные предрассудки и клерикализм стали считаться главными врагами, злыми силами, которые делают людей невежествен-

* *Father Le Comte. On the Ceremonies of the Chinese.* Цит. по: P. Hazard. *The European Mind 1680-1750*, trans. J. Lewis May. Penguin: Harmondsworth, 1964. P. 26.

232

ными, испуганными и жестокими. Появилось множество трактатов, разъяснявших, что кометы — это обычные природные тела, не способные причинять или предвещать земные бедствия. Систематической критике подверглась вера в оракулов, ведовство и чародейство. К 1700 г. суды над ведьмами прекратились почти повсеместно. Но общественное осуждение и запрещение пыток в большинстве стран Европы относится лишь ко второй половине XVIII в.

Одним из самых популярных способов критики или сатирического изображения предрассудков стал литературный сюжет, изображавший китайца или индийца, который путешествует по Европе и описывает странные и непонятные обычаи европейцев. Самым известным образцом этого жанра считаются «Персидские письма» Монтескье, анонимно (не без умысла) опубликованные в Голландии (1721). Однако авторство раскрылось почти немедленно, и в течение года вышло по крайней мере еще десять изданий. Многих людей приятно удивили откровенные рассказы персиянина — например, такие, как в письме 24:

Французский король — самый могущественный правитель в Европе. У него нет золотых россыпей, как у его соседа, короля Испании, и все же у него больше богатств, чем у последнего, ибо он извлекает их из тщеславия своих подданных, а оно куда доходнее золотых россыпей. Он затевал большие войны или принимал в них участие, не имея других источников дохода, кроме продажи титулов... Есть и другой волшебник, еще сильнее его, который повелевает умом этого государя даже больше, чем последний властвует над умом других людей. Этот волшебник зовется папой. Он убеждает короля в том, что три — не что иное, как единица [речь идет о Троице], что хлеб, который едят, не хлеб, и что вино, которое пьют, не вино [речь идет о пресуществлении]*.

Французская цензура, по-видимому, смотрела на все это сквозь пальцы: выход подобной книги повредил Монтескье лишь тем, что на несколько лет отсрочил его избрание в Академию, но зато принес ему славу.

Вольтер

Тем не менее и с цензурой, и с возможностями влиятельных людей или важных институтов нельзя было не считаться. Эта сторона жизни

* *Монтескье III. Персидские письма.* М., 1956. С. 76.

233

XVIII в. сказала на карьере самого знаменитого из всех деятелей французского Просвещения — Франсуа Мари Аруэ (1694—1778), называвшего себя Вольтером. Поэзию и драматические произведения Вольтера (при его жизни исключительно популярные) сейчас почти не читают; но Вольтер был и гениальным прозаиком, чьи романы и письма до сих пор пользуются широкой известностью и являются ключевыми произведениями для понимания XVIII в. Под покровительством великих особ, включая прусского короля Фридриха Великого, Вольтер всегда мог себе позволить язвительное остроумие и полное пренебрежение к любым авторитетам. Эти качества создавали ему немало влиятельных врагов, от которых он порой вынужден был спасаться бегством. После одного такого бегства, будучи еще молодым человеком, Вольтер некоторое время жил в Англии, где выучил английский язык и прочел научные труды Ньютона и философские произведения Локка. Локк

утверждал, что у человека не бывает врожденных идей (полученных от Бога, от природы или иным путем) и все свое знание он получает из чувственного опыта. Впоследствии Вольтер занимался популяризацией идей Ньютона и Локка во Франции, в немалой мере содействуя победе ньютонианства над картезианством.

Всю свою долгую жизнь Вольтер боролся с суевериями, жестокостью и самодовольством людей, которые действовали из лучших побуждений, но тем самым лишь способствовали процветанию этих суеверий и жестокостей. «Кандид» (1758), самое знаменитое произведение Вольтера, описывает историю молодого человека: вместе с прочими действующими лицами он переживает самые жуткие злоключения, сохраняя веру в философскую доктрину своего учителя Панглоса. Панглос, непрестанно повторяющий, что мы живем «в лучшем из возможных миров», представляет собой пародию на современных Вольтеру немецких философов⁵. По ходу повествования Кандиду и Панглосу приходится пережить землетрясение в Лиссабоне (1 ноября 1755 г.), которое разрушило 9 тыс. домов, погубило около 30 тыс. человек и существенно подорвало безмятежный оптимизм первой половины XVIII в. *После землетрясения, которое разрушило три четверти Лиссабона, мудрецы страны не нашли способа более верного для спасения от окончательной гибели, чем устройство для народа прекрасного зрелища аутодафе. Университет в Коимбре постановил, что сожжение нескольких человек на малом огне, но с большой церемонией, есть, несомненно, верное средство остановить содрогание земли**.

⁵ Вольтер. Орлеанская девственница. Магомет. Философские повести. М., 1971. С. 420.

234

Кандид и Панглос, избранные в числе прочих жертвами аутодафе, благополучно избегают смерти, подобно неуязвимым героям рыцарских романов. Лишь в самом конце своей истории Кандид отказывается от доктрины, столь очевидно противоречащей человеческому опыту. Он признает, что каждый должен учиться на собственном опыте: «Надо возделывать наш сад»*.

«Кандид», воплотивший в себе многие фундаментальные ценности Просвещения, в известном смысле знаменовал один из его поворотных пунктов — отказ от легкомысленного оптимизма первой половины XVIII в., на смену которому шло новое мироощущение — романтизм.

Энциклопедия

Новое мироощущение не сразу преодолело многообразные и прочные устои культуры Просвещения. К тому же в середине XVIII в. лучшие ее достижения были объединены в крупнейшем интеллектуальном проекте эпохи, «Энциклопедии». Изданием руководили философ Дени Дидро (1713-1784) и математик Жан Лерон Д'Аламбер (1717-1783). В «Очерке о происхождении и развитии наук», который предварял первый том «Энциклопедии» (1751), Д'Аламбер подчеркивал единую природу знания, в которое он включал науки, искусства и технические дисциплины. Он особо отмечал, что технические достижения незаслуженно презирались и что люди, которые изобретали и усовершенствовали, например, часы, заслуживают не меньшего почета, чем творцы научных теорий.

Подобная точка зрения, равно как и вся система работы и ее философское основание, во многих отношениях восходят к Бэкону. Д'Аламбер сознавал, скольким он обязан Бэкону, и хорошо представлял все значение Локка и Ньютона для философии и науки. Основным мотивом «Очерка» служит скептический рационализм, не направленный прямо против религии, но значительно уменьшающий ее значение для человека:

Нет ничего важнее открытой религии, способной просветить нас относительно столь многих и разнообразных вещей. Предназначенная служить в качестве поддержки знанию о природе, она показывает нам часть того, что было скрыто, но ограничивается лишь теми вещами, которые нам совершенно необходимо знать. Все

* Вольтер. Орлеанская девственница. Магомет. Философские повести. М., 1971. С. 489.

235

остальное скрыто от нас — и, очевидно, навсегда. Несколько истин для веры, несколько заповедей для исполнения — вот основы, к которым сводится открытая религия*.

Остальную часть своего вступления к «Энциклопедии» Д'Аламбер посвятил наукам и искусствам. Иными словами, произошел окончательный разрыв с той системой ценностей, которая прежде господствовала безраздельно и в рамках которой открытая религия выступала как универсальная система человеческого знания, отводившая наукам о природе роли служанок.

В числе авторов «Энциклопедии» было немало крупнейших имен того времени. Когда в 1772 г. издание завершилось, оно насчитывало 17 томов текста, 11 томов иллюстраций и привлекло (несмотря на высокую цену) 4 тыс. подписчиков; приходские священники составляли среди них, по-видимому, незначительное меньшинство.

Семья, личность и воспитание

Идеи Просвещения изменили традиционный взгляд на отношения людей и прежде всего на отношения семейные. «Интерес к индивиду»** — одна из черт Возрождения — медленно проникал в сферу

семейной жизни. Мужчины женились ради продолжения династической линии, поддержания своего дома или рода, а также ради приданого. Женщины выходили или, точнее, выдавались замуж родителями и опекунами для поддержания и улучшения фамильных связей. В подобной системе человек был подчинен институту семьи. Это вполне устраивало и европейскую знать (которая мыслила семейными понятиями и нередко, особенно в Италии, жила большими семьями), и прочие обеспеченные слои — включая состоятельных крестьян и городских ремесленников, которые уже давно жили большими семьями, объединенными вокруг одного рода.

Такой была суровая реальность семейной жизни для подавляющего большинства населения как в Европе, так и в Индии или Китае. Однако, по крайней мере с XII в., существовала литературная традиция, изображавшая любовь отдельно взятых мужчины и женщины; она восходила к античным временам и отличалась жанровым разно-

* *D'Alembert*. Preliminary Discourse to the *Encyclopaedia* of Diderot. Trans.

R.N. Schwab, Bobbs-Merrill: Indianapolis, 1963. P. 26.

** *Briggs A.* Modern Europe, 1789-1980. Longman: London forthcoming. Ch. 1.

236

образом (проза, драма, поэзия). Подобные отношения возникали между юношами и девушками в теплой атмосфере придворного общества или порождались счастливым совпадением характеров в традиционном браке. Тем не менее постепенно ситуация менялась. Начиная с XVII в. в семьях дворян и образованной буржуазии сыновьям и даже дочерям разрешалось отказываться от вступления в нежелательный брак, а в XVIII в. — самим выбирать себе подходящую партию (по крайней мере в рамках определенного социального круга).

Дети и воспитание

Не так давно появилось мнение, что, поскольку детская смертность была высока, родители не слишком переживали за младенцев и начинали по-настоящему заботиться о детях лишь после того, как они выходили из младенческого возраста. Подобную родительскую индифферентность, согласно этой исторической теории, казалось бы, подтверждает обычай знати и состоятельной буржуазии нанимать кормилиц для своих младенцев. Однако на самом деле этот обычай имел скорее социальное, чем эмоциональное происхождение и соответствовал мнениям медиков того времени. Столь же сомнительна теория о том, что детей воспитывали в чрезвычайной строгости и добивались от них в первую очередь повиновения, а не любви к родителям. Физические методы воспитания действительно были обычным явлением; но историки часто принимали призывы теологов и моралистов за описание реальной практики, а сетования писателей последующей эпохи — за обычное обращение с детьми в европейских семьях. Конечно, у большинства людей жизнь была тяжелой, и детям приходилось ничуть не легче, чем взрослым. Тем не менее из писем и других литературных источников мы знаем, что родительская любовь и семейная атмосфера любви и нежности отнюдь не были такой редкостью, как считалось.

Вместе с тем параллельно высвобождению личных чувств и в некоторой степени благодаря ему стало меняться отношение к детям и их обучению. Впервые детей перестали воспринимать и одевать как маленьких взрослых: теперь на ребенка смотрели как на полноценную (хотя и не вполне самостоятельную) личность и одевали в особую «детскую» одежду, подходящую по возрасту. В книге «Мысли о воспитании» (1693) Джон Локк писал: «Детей можно научить буквам хитростью, можно научить читать так, словно это увлекательная игра, и вообще научить играючи усваивать то, к чему других принуждают насильно». Многие воспитательные идеи Локка восходили к гуманистам эпохи Возрождения, но лишь в XVIII в. они получили

237

общественное признание и стали применяться на практике. И даже тогда это было принято далеко не везде и еще менее существенно влияло на воспитание девочек. Но именно в постепенном освобождении личных интересов от семейных и в женской эмансипации (происходившей еще медленнее) заключалась та особенность европейского общества, которая отныне стала все больше и больше отличать его от других великих цивилизованных обществ мира.

Архитектура

Людовик XIV и Версаль

Любой правитель в истории, добившийся успехов, стремился увековечить их всеми средствами выражения, которые имелись в его распоряжении. Поэтому неудивительно, что Людовик XIV направил существенную часть своих обширных ресурсов именно на эти цели. По масштабности и полноте использования всех искусств во славу французской монархии ему удалось превзойти прежних правителей. С 1661 г., когда Людовик начал править самостоятельно (см. гл. 4), он вместе с министром Кольбером преследовал эту цель последовательно и систематично.

Тон задавала королевская эмблема — солнце. Уже с 1664 г. музыкальные, драматические или балетные представления регулярно проводились в Версале, неподалеку от Парижа. Именно здесь король

построил свой знаменитый дворец, который избрал официальной резиденцией и куда переместил основную часть правительства. Версальский дворец был физическим центром придворной жизни, хотя и не вся она была сосредоточена в Версале. Естественно, что он проектировался прежде всего для демонстрации статуса, а не для частной жизни. Здесь не было коридоров с отдельными комнатами, в которых можно было уединиться. Напротив, проход вел из комнаты в комнату, из спальни в спальню. Слуги постоянно проходили через них с бумагами, одеждой, едой, кувшинами с водой или иными туалетными принадлежностями, время от времени с переносными ваннами и неизбежными ночными горшками. Даже позднее, в середине XVIII в., во дворце баварского курфюрста Нимфенбурга помещение для купания представляло собой отдельное здание в нескольких сотнях метров от спален. В этих условиях кровать с балдахином с его тяжелыми занавесами была необходима как для тепла, так и для обеспечения хоть какого-то минимума сексуальной приватности.

238

Версальский дворец отличается огромными размерами, что — по мнению многих современных критиков искусства — делает его несколько однообразным, но вместе с тем подчеркивает величие всего здания и великолепие интерьеров, изобилующих позолотой, зеркалами и люстрами.

Обширные регулярные парки с искусственными прудами, фонтанами, аллеями и многочисленными скульптурами до сих пор производят именно то впечатление, на которое рассчитывали их создатели. Версаль был задуман как государственный дворец, открытый для благородной публики из Франции и других стран Европы. Людовик XIV лично составил путеводитель для посетителей парков.

Дворцовое строительство в Европе и начало стиля рококо

Абсолютные монархи Европы пытались подражать не только успехам Франции в административной сфере и политике Людовика XIV, но и его строительным проектам. Быть не хуже Бурбонов — к этому скрыто или явно стремились все европейские дворы. Император Леопольд I, преисполненный самоуверенности после побед над турками, в 1695 г. начал строить дворец Шенбрунн близ Вены. Вскоре его примеру последовала Швеция, заботившаяся о своем престиже великой державы, а чуть позже курфюрст Бранденбурга, ставший теперь королем Пруссии, решил, что Берлин тоже нуждается в великом дворце. Естественно, что Петр Великий не пожелал отставать от своих соперников — шведов и в 1716 г. заложил в Петергофе собственный дворцовый комплекс. В течение первой половины XVIII в. некоторые мелкие немецкие и итальянские князья также ощутили потребность в новых, соответствующих эпохе, дворцах. Такую же роскошь позволили себе и отдельные крупные аристократы — например, великий имперский полководец — принц Евгений Савойский, построивший дворец в Вене.

Версаль послужил вдохновляющим образцом стремления к грандиозным (особенно на ранних этапах), порой гипертрофированным масштабам. Тем не менее за исключением Петергофа (спланированного французским архитектором), типичные проекты ориентировались не на стиль главного архитектора Версаля Ж.А. Мансара, а на римский барочный стиль XVII в. в весьма оригинальной переработке немецких и австрийских архитекторов. Некоторые из этих архитекторов были также скульпторами, и их концепции относились в той же степени к скульптуре, как и к чистой архитектонике. Наиболее масштабным памятником этого стиля является Зимний дворец в Петербурге (1754—1762), удачно сочетающий элементы итальянского ба-

239

рококо и русского декора. Однако еще выигрышнее новый стиль смотрелся в постройках не столь величественных, как Версаль или Шенбрунн, — примером которых может служить дворец князя-епископа в Вюрцбурге.

Даже больше, чем Бернини, эти скульпторы-архитекторы видели в своих постройках «цельное» произведение искусства: скульптура, изысканная настенная и потолочная живопись выступали в нем не столько декором, сколько неотъемлемыми частями сложной художественной композиции. Этот стиль в равной мере подходил и для светской, и для церковной архитектуры. Величайшим триумфом этого стиля можно считать церковь Св. Карла Борromeя в Вене, построенную австрийским архитектором И.Б. Фишером фон Эрлахом (1656-1723) в течение первых десятилетий XVIII в. Ее мощный изысканный символизм рождается из сочетания мотивов Иерусалимского храма, храма Св. Софии, римских Пантеона и собора Св. Петра и почти современных ей парижского собора Инвалидов и лондонского собора Св. Павла. У молящихся и даже у посетителей церкви в наши дни возникает ощущение вознесения к небесам, которое для фон Эрлаха и его современников было символом оптимистической религии, милосердного божества в разумном мироздании, только что избавившего Вену от чумы и позволившего имперским армиям отвоевать у турок христианскую Венгрию.

Рококо: монастыри южной Германии

В начале XVIII в. Франция потеряла вкус к монументальным формам. В моду вошел легкий, изящный стиль, в котором белая штукатурка сочеталась с пастельными и золотыми тонами, многочисленными настенными зеркалами и выдержанными в единой цветовой гамме занавесями, гобеленами и мебельной обивкой. Этот стиль проник в Германию, где вскоре смешался с итальянизированной барочной традицией; он прекрасно подходил и для церковных, и для светских построек.

К 1700 г. Германия в основном оправилась от опустошения и духовного недомогания — последствий Тридцатилетней войны. В католических областях южной Германии и в Австрии старинные бенедиктинские и цистерцианские монастыри стали использовать накопленные богатства для систематической перестройки своих аббатств и церквей. Их примеру последовали епископства и даже богатые приходы. Стиль новых построек был тесно связан с дворцовой архитектурой

рококо—рококо; нередко их проектировали те же самые архитекторы. Необычайное богатство стиля, обильное использование световых эффектов и ярких красок, иллюзия свободно парящих потолков, расписанных фигурами Христа, Девы Марии, ангелов и святых, изысканные скульптурные алтари — все это создавало цельную художественную картину, на первый взгляд, подчеркнуто-театральную, но на самом деле полную скрытых смыслов. Сложная стилистика перекладывала почти наивную и откровенно антипуританскую экстатическую веру в Христа, католическую церковь и ее святых. Это был последний по-настоящему удачный и оригинальный стиль в церковной архитектуре, однако в середине XVIII в. ему перестали следовать.

Англия: особый путь

Английские короли не были абсолютными монархами, которые имели деньги и желание увековечить свое величие в архитектурных формах. Кроме того, представители Ганноверской династии в XVIII в. отличались крайне мещанским вкусом во всем, кроме музыки. Поэтому строительством занималась богатая земельная аристократия, которая предпочитала дворцам практичные усадебные дома. Конечно, и в Англии были барочные постройки, например дворец герцога Мальборо в Бленхейме. Но образцом для английской сельской усадьбы послужили загородные венецианские дома, архитектура которых заметно отличалась от Рима и Версаля. У состоятельной молодежи вошло в обычай совершать путешествие по Франции, Италии и особенно по Венеции и прилегающим к ней зеленым сельским равнинам, Венето. Им были близки вкусы венецианских патрициев. Последние обитали в прекрасных загородных виллах, построенных по проектам знаменитого Палладио и его учеников, поддерживая атмосферу классической образованности, аристократичности и свободы от придворных условностей. Именно этот стиль жизни успешно укоренился на английской сельской почве.

В отличие от венецианцев и прочих континентальных аристократов, богатые английские семьи не строили в городах пышных особняков, довольствуясь комфортабельными, но относительно скромными домами ленточной застройки шириной редко больше, чем в три-четыре окна. Если в континентальных городах эпохи барокко создавались «королевские площади», тщательно распланированные, украшенные фонтанами и конными статуями, нередко окруженные широкими тенистыми аллеями, то лондонские площади обычно были сравнительно небольшими, окруженными частными домами и с частным садиком

241

посередине. Даже для огромного собора св. Павла, перестроенного сэром Кристофером Реном после лондонского пожара 1666 г., никогда не предусматривалась специально спланированная площадь.

К числу лучших зданий эпохи относятся приходские церкви, построенные в различных вариациях барокко и классицизма Реном и его учениками. Одна из них, церковь св. Мартина, построенная Джеймсом Гиббсом (близ современной Трафальгарской площади), послужила прототипом для сотен приходских церквей в Америке.

Искусство

Так как многие художники эпохи римского барокко, подобно скульпторам-архитекторам новых дворцов, рассматривали свои работы как «цельные» произведения, большая часть итальянского изобразительного искусства той эпохи, как правило, представляла собой настенные и потолочные росписи дворцов и церквей. Именно эти жанры предпочитал крупнейший итальянский художник XVIII в. Джованни Баттиста Тьеполо (1696—1770), который работал не только в родной Венеции:

он расписывал потолки нового епископского дворца в Вюрцбурге, а свою жизнь завершил при мадридском дворе.

По сравнению с Тьеполо, Каналетто (1697—1768) был более ограниченным в своих возможностях художником, однако он сумел предложить состоятельным туристам то, чего они желали: разнообразные, точные и приятные виды Венеции; в XVIII в. ни один городской ландшафт не воспроизводился так часто.

Однако Франция (и прежде всего Париж) все больше и больше оспаривала у Италии и Нидерландов славу величайшего центра живописи в Европе. Людовик XIV придавал искусству большое значение: он назначил ведущего художника Шарля Лебрена (1619—1690) первым художником короля и директором Королевской академии живописи и ваяния. Располагая большими полномочиями, Лебрен сам отбирал архитекторов, художников и скульпторов для работ в Версале и в известной мере подчинил французское искусство своей собственной концепции стиля. Это была классическая манера, ориентированная на античные образцы и творчество французского художника начала XVII в. Пуссена, а также открытое или слегка завуалированное отождествление короля и придворных с античными богами и героями.

После Лебрена уже никто не занимал такого высокого поста. Стиль рококо — доминирующая во французской живописи манера первой половины XVIII в. — отошел от героических мотивов. К тому же «Король-Солнце» в последние, трудные годы своей жизни, а также

242

его преемники вряд ли могли вдохновить художников на создание монументальных образов. Зато мастера французского рококо великолепно изображали аристократическое и придворное общество таким, каким оно себя воспринимало в эту все еще самоуверенную, но более скептическую эпоху, — элегантным, чувственным, галантным и не изменяющим безупречному вкусу. Лишь один художник, Антуан Ватто (1684—1721), обладал умением показать, что за блестящей манерностью этого стиля и общества скрываются глубоко чувствующие и даже страдающие люди.

В середине XVIII в. стиль рококо и общество, ради которого он был создан, стали вызывать все большую критику. Дидро и многие другие считали, что искусство должно служить морали и воспитанию. Возрождение интереса к античной классике, вызванное раскопками в Помпеях, в сочетании с неприятием рококо привело во второй половине XVIII в. к триумфу новой неоклассики. Этот стиль безукоризненно отвечал ощущениям эпохи Французской революции, а затем — эпохи Наполеона.

Литература

Театр

Нет ничего удивительного, что в период роста благосостояния и грамотности увеличивалось также и количество литературных произведений. Во всех европейских странах театр сохранял популярность, что оказалось даже легче, чем прежде. Конечно, пуританские и католические фанатики не стали относиться к нему лучше, но теперь уже не могли чинить серьезных помех. В Англии эпоха великой драмы и трагедии осталась позади. Шекспира все еще ставили, хотя лондонская публика предпочитала (и получала) новые, изящные, но порой и весьма недвусмысленные комедии на социальные темы. Во Франции Людовик XIV использовал театр как часть пропаганды фасада монархии так же, как он использовал архитектуру, скульптуру и живопись. Правда, драматургии король уделял лишь малую часть того, что тратил на изобразительные искусства. Великие драматурги Жан-Батист Мольер (1622-1673) и Жан Расин (1639-1699) пользовались некоторой благосклонностью при дворе, но свою карьеру вынуждены были делать в театральном мире Парижа, где царила жесткая конкуренция. Мольер сочинял комедии, которые до сих пор поражают живостью и юмором, и сам играл в них; но его язвительные

243

насмешки над обществом и религией доставляли ему постоянные неприятности со стороны светских и религиозных властей. Расин создавал величественные трагедии на классические сюжеты; они были написаны великолепным поэтическим языком и отличались поразительной психологической тонкостью, которая трогает и поныне. Однако Расин решительно сменил театральное поприще на прибыльную престижную должность и стал придворным летописцем царствования Людовика XIV.

В театре у Расина не было равных ему преемников. Тем не менее парижане неизменно сохраняли вкус к драматическим постановкам. Показательно, что Вольтер начал свою литературную карьеру как драматург — трагедией «Эдип» (1718), написанной на традиционный сюжет, — и очень много сделал для того, чтобы французская литература познакомилась с Шекспиром. В Италии и Германии имя Шекспира тоже становилось более известным, хотя подлинное признание он получил там только во второй половине XVIII в.

Сатира

Но, вероятно, наиболее характерными литературными жанрами эпохи были сатира и роман. Эпоха, сознательно отстранившаяся от глубоких религиозных и социальных страстей прошлого века, эпоха, превыше всего ставившая разум и человечность, естественно, находила массу изъянов во всех социальных установлениях и умонастроениях — даже если и не имела в виду ниспровергнуть существующую общественную систему. В результате появились многочисленные сатирические произведения такого разнообразия и качества, каких не знал ни один другой век. Поэтическая сатира существовала в самых разных формах — от сдержанных, но выразительно ироничных «Басен» Лафонтена (1621—1695) до уничтожающих шаржей на политиков, которыми славился Джон Драйден (1631-1700):

Среди угодливых, бесчестных интриганов, Тот, кто разумен, прозорлив и без изъяна, Неугомонный и не терпящий бесстыдства: Как вихрь пламенный, его душа пылает, От тела жалкого лишь пепел оставляя...

В прозе Джонатана Свифта (1667-1745) сатира обрела более универсальные мишени. В «Путешествиях Гулливера» (1726) Свифт трансформировал излюбленный прием сатириков того времени (вымыш-

244

ленные рассказы китайцев или персов о Европе) и описал глазами английского путешественника разные фантастические страны — Лилли-пугаю пигмеев, Бробдингнейг гигантов или страну цивилизованных лошадей, гуингнмов. Гулливер постоянно сравнивает европейские предрассудки с местными верованиями и обычаями, в который выведены европейские прототипы, гипертрофированные до полного абсурда. Творчество Свифта — вершина сатирической литературы, относящейся к раннему периоду технологической и научной эпохи. По язвительной и остроумной ироэчи с романом Свифта может сравниться лишь «Кандид» Вольтера.

Роман

Роман не был новым литературным жанром и уже давно отличался изобилием форм, способных удовлетворить вкусы самой разной публики. Достаточно упомянуть прозаические романы о приключениях старинных героев или занимательные истории антигероев, «*pícaro*» испанского плутовского романа и его многочисленных подражаний в Европе. Эти разновидности жанра не утратили популярности. Однако теперь грамотные люди с претензиями на вкус желали иметь и такое чтение, которое соответствовало бы их непосредственному опыту. Так появились характерные романы, описывавшие личные отношения. Показательно, что первый выдающийся образец подобной литературы, роман «Принцесса Киевская» (1678), был создан женщиной, мадам де Лафайет, у которой был один из самых знаменитых в то время парижских литературных салонов. Хотя действие романа происходит при дворе Генриха II (в середине XVI в.), его персонажи чувствуют и ведут себя как современники мадам де Лафайет.

Роман оказался исключительно гибкой литературной формой, способной изображать реальные или вымышленные характеры и события, необыкновенные приключения («Робинзон Крузо» Дефо), серьезные моральные и материальные конфликты или личные отношения — словом, приспособиться к любому вкусу. Литература, конечно же, всегда была рассчитана на женщин в той же степени, что и на мужчин. Теперь грамотных женщин стало гораздо больше, чем прежде, и их число все время росло. Поэтому женщины составляли весьма существенную часть читателей романов и сами начали их писать. Обостренное внимание к характерам и личным отношениям всегда было важным элементом женского опыта, а сочинение романов не представляло собой такое сложное занятие, как написание пьес, ибо

245

для последнего необходим непосредственный театральный опыт. Для респектабельных дам театральная карьера была фактически исключена; при том, что, в отличие от времен Шекспира, женщины теперь допускались на сцену. Расцвет женского романа относится, однако, к будущим временам — концу XVIII в., XIX и XX вв.

Музыка

Италия и становление оперы

В начале XVII в. тон в европейской музыке задавали итальянцы — как за сто лет до этого первыми считались нидерландские музыка и музыканты. Подобная ситуация сложилась не без причины. Небольшие итальянские дворы охотно покровительствовали именно музыкантам — не в последнюю очередь потому, что не имели средств для приглашения художников и скульпторов, которые стекались в папский Рим. У образованных итальянских мирян вошло в обычай петь мадригалы, и в Венеции люди сотнями сходились в собор Св. Марка, чтобы послушать музыку крупнейшего композитора того времени — Клаудио Монтеверди (1567—1643).

Особенностью эпохи стал подъем итальянской оперы. С самого своего рождения (ок. 1600 г.) опера оставалась искусством, обращенным и к аристократической элите, и к самой широкой публике. Поэтому оперное искусство развивалось преимущественно в больших городах и прежде всего (хотя не исключительно) в столичных — в Риме и несколько позже в Вене. Но первые триумфы оперы произошли в Венеции, где в 1637 г. был построен первый публичный оперный театр. Вскоре за ним последовали другие; их устройство до сих пор остается образцом для подражания. Оперные театры планировались очень тщательно, чтобы удовлетворить и элиту, и широкую аудиторию. Простые люди сидели в партере, а знатные дамы и господа — в ложах, которые позволяли им опаздывать, вести беседы и, главное, с удобством демонстрировать изысканные туалеты. Над ложами располагались балконы с самыми дешевыми местами, где в числе прочих сидели клакеры — люди, нанятые дирекцией для аплодисментов или ее конкурентами — для освистывания.

Опера, стремившаяся сочетать слова с музыкой, придавала им такую драматическую и эмоциональную глубину, какой поэтическими средствами достигали лишь великие драматурги Англии, Испании и Франции — Шекспир, Кальдерон и Расин. Историк вправе строить

246

предположения, было ли отставание итальянцев и немцев в области высокой драматургии в эпоху барокко главной причиной того, что в Италии, а затем и в Германии опера играла ту роль, какую великая трагедия — в Лондоне, Мадриде и Париже. Как бы то ни было, интуиция итальянских и немецких театральных мастеров, позволившая им уловить те сильные драматические моменты, которые нашли отклик у аудитории, реализовалась в драме музыкальной (т. е. в опере), а не чисто речевой. Лишь в Италии и Германии опера смогла быть искусством и для высокообразованных интеллектуалов, и для широкой публики. В других местах (за исключением Парижа, а также Лондона и Нью-Йорка в последние 25 лет) она так и осталась искусством для весьма незначительного меньшинства.

Германия: лютеранство и музыка

В Германии опера стала основной формой музыкальной жизни, но только существенно позднее. До середины XVIII в. она была придворным развлечением и исполнялась преимущественно на итальянском языке. Значительно было влияние лютеранства на музыку. Лютер считал музыку особым Божьим даром человечеству: «Дьявол есть дух уныния, — говорил Лютер, — он приводит людей в скорбь, а потому не терпит веселья. От музыки он держится как можно дальше и не выносит, когда люди поют песни, особенно духовные». Теология и музыка — две небесные сестры, между которыми не может быть антагонизма или соперничества. Именно таких убеждений придерживались многие поколения лютеранских пасторов и «канторов» (органистов и хормейстеров лютеранских церквей). Трудно представить более благоприятные условия для развития музыки, ибо лютеранская служба вовлекала всех прихожан в музыкальное творчество, а из церкви эта практика перетекала в частную жизнь. Иезуиты XVII в. сетовали, что Лютер погубил своими хорами больше душ, чем могли погубить его и Кальвина еретические проповеди и сочинения вместе взятые.

Однако вряд ли можно представить больший контраст, чем тот, который существовал между лютеранской и кальвинистской ветвями протестантизма в Европе, а затем и в Америке. Цвингли удалил из церкви всякую музыку. Кальвин не пошел так далеко, но относился к музыке достаточно отрицательно. Музыка, говорил он, является эмоциональным соперником слова Божьего и отвлекает паству; она часто служит самостоятельным развлечением и ввергает людей в суетность. В большинстве кальвинистских церквей музыкальный элемент был сведен к минимуму, и нетрудно понять, почему Швейцария,

247

Шотландия или Новая Англия не стали крупными центрами музыкальной культуры.

Англия

В Англии ситуация складывалась сложнее. По крайней мере с XV в. она была одним из крупнейших центров европейской музыки. Блестящий расцвет пришелся на время Елизаветы I и Якова I. Многие английские композиторы адаптировали итальянские мадригалы к английской лирике. Английская клавишинная музыка и английские песни с лютеровым аккомпанементом могли в то время выдержать соперничество с музыкой любой нации, а английские музыканты ценились по всей Европе. Не меньшего расцвета достигла и церковная музыка, причем англиканская церковь не пренебрегала сочинениями великого Уильяма Берда (1543—1623), который был известен как католик.

В правление Елизаветы I, страстной любительницы музыки, при наличии двора и многочисленных аристократов, готовых содержать музыкантов и вкладывать деньги в музыкальное образование своих детей, английской музыке, казалось, была уготована столь же блестящая судьба, как в Италии и Германии. Но вскоре после смерти Берда наступил внезапный и необъяснимо резкий упадок: вплоть до

конца XIX в. в Англии не было крупных композиторов — если не считать одинокой фигуры Генри Перселла в конце XVII в. да иностранца Генделя в первой половине XVIII в.

Когда этот феномен был осознан музыковедами, возникло много споров, особенно о влиянии кальвинизма или пуританства. Конечно, не все пуритане отвергали музыку; но уже в начале XVII в. существовала литература в защиту музыки от серьезных нападков. В числе многих поэтов, возмущенных этими нападками, был и Шекспир.

Тот, у кого нет музыки в душе, Кого не тронут сладкие созвучья, Способен на грабеж, измену, хитрость; Темны, как ночь, души его движенья*.

В период республики (см. гл. 3, с. 122) многих церковных органистов уволили. Трудно избежать вывода, что недолговечный политический триумф пуританства, а главное, долгосрочное преобладание пу-

* Шекспир В. Венецианский купец. Действие V. Картина 1 / Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

248

ританских стереотипов в широких слоях английского общества пагубно сказались на английской музыкальной жизни. Если творческая традиция прерывается, ее нелегко восстановить.

Франция

Как Людовик XIV поставил архитектуру, скульптуру и живопись на службу французской монархии, так же он поступил и с музыкой; во всяком случае это относилось к опере и балету. И снова, как и в изобразительных искусствах, он нашел человека и достаточно знаменитого в своей области, и желавшего играть роль музыкального диктатора. Это был флорентиец Жан Батист Люлли (1632—1687). Несколько раз Люлли работал вместе с Мольером, но большинство его опер и балетов поставлены по классическим сюжетам, которые открыто или завуалированно прославляли короля и его реальные или предполагаемые деяния. В музыкальном отношении оперы Люлли были в высшей степени оригинальны и очень впечатляющи, и их влияние (как и влияние французского искусства) распространилось по большей части Европы. Однако вплоть до самой своей смерти Люлли ревниво держал всех возможных конкурентов в отдалении от двора.

Эмансипация музыки

В начале XVIII в. некоторые теоретики музыки поставили перед собой задачу освободить ее от моралистических и теологических ценностей, которые были ей свойственны в прежние времена. Музыка имеет лишь одну ценность: доставлять удовольствие слушателям. «Чтобы по-настоящему насладиться музыкой, — писал французский композитор Жан Филипп Рамо (1683—1764), — мы должны полностью раствориться в ней». В пении, считал Рамо, слова могут помешать правильному восприятию и пониманию музыки. Этот подход к музыке решительно отличался от позиции теоретиков эпохи Возрождения, которые считали, что задача музыки состоит в усилении эффекта слова. Равным образом он противоречил требованиям католических и протестантских теологов, убежденных, что музыка в церкви не должна отвлекать верующих от слова Божьего. Музыкальное пуританство Возрождения не имело будущего. Образованные люди Европы хотели сочетать свою религию с музыкой — более того, с музыкой самой драматичной, волнующей и трогательной. Так развился жанр оратории — обширной музыкальной композиции на религиозный сюжет (обычно библейский), испол-

249

нявшейся в драматической бравурной манере тогдашней итальянской или французской оперы.

Немецкий композитор Георг Фридрих Гендель (1685-1759), с 1710 г. живший в Англии, обнаружил, что английская публика предпочитает его оратории блестящим итальянским операм его же сочинения — операм, которые удалось вновь поставить на сцене совсем недавно.

В Голландии музыка пользовалась такой любовью, что кальвинистские церковные власти завели в церквях вечера религиозной музыки, не связанные с богослужением. Из Нидерландов этот обычай распространился по северной Германии и приобрел исключительную популярность. Даже те швейцарские церкви, которые полностью запретили церковную музыку, ощутили необходимость разрешить ее вновь.

Иоганн Себастьян Бах

Именно сквозь призму таких изменчивых взглядов на музыку нужно оценивать достижения Иоганна Себастьяна Баха (1685—1750), фигуры грандиозной и загадочной. Бах происходил из семьи музыкантов и служил церковным органистом, музыкантом и композитором при небольших немецких дворах. С 1723 г. до конца жизни Бах занимал должность главного церковного капельмейстера в Лейпциге. Именно здесь он написал мессу си минор, страсти, многочисленные кантаты и мотеты. Всю жизнь Бах оставался убежденным лютеранином. В его глубочайшей религиозности нет сомнений, но как он относился к музыке? В последние двадцать пять лет этот

вопрос стал предметом оживленных дискуссий. Была ли музыка лишь средством восхваления Бога или же она составляла органический элемент теологии Баха? Есть немало оснований предположить, что Бах был хорошо знаком с философскими теориями той эпохи, которые связывали музыку с фундаментальными основами мирового порядка. В некоторых случаях он, по-видимому, использовал эти теории, выстраивая свои композиции на сложнейшей числовой символике. Бах создал мессу си минор для католической службы так же охотно, как писал кантаты и мотеты для лютеранской. Свои светские сочинения (относящиеся к периоду придворной службы) он неизменно стремился приспособить для церковного исполнения — обычно попросту снабжая их подходящими религиозными текстами. Если Бог Декарта был великим механиком, которому наиболее подходит поклонение через математику, то Бог Баха являл себя величайшим творцом гармонии и для его почитания лучше всего подходила музыка.

250

«Галантный стиль»

Музыку Баха часто называли «барочной». Подобная аналогия вполне оправдана, поскольку Бах виртуозно сочетал в монументальных композициях нидерландский контрапункт с итальянской гармонической традицией, но это также было концом традиции. При жизни Бах пользовался известностью преимущественно как искусный органист и клавесинист. Рассказывают, что однажды Фридрих Великий, зайдя в церковь, был поражен мощным звучанием органа и воскликнул: «Так может играть только Бах или дьявол!». Король, несомненно, высоко чтит Баха, но первым великим композитором, на которого Бах оказал значительное влияние, был Моцарт (1756— 1791). Страсти и кантаты Баха получили подлинное признание лишь в XIX столетии. Современники Баха в большинстве своем предпочитали более легкую музыку и, как правило, не использовали контрапункт. Это и был «галантный стиль», в лучших своих образцах исключительно выразительный и элегантный, который (опять же по аналогии) отождествляли с современным ему рококо. Самым известным представителем «галантного стиля» считается Рамо; однако подобную музыку сочиняли и исполняли от Мадрида до Вены, от Неаполя (прославившегося своей оперой) до Берлина и Стокгольма. Она равно подходила и для грандиозных постановок — в торжественной коронации императора Карла VI королем Чехии (Прага, 1723) участвовали 600 хористов и 200 музыкантов, — и для камерного исполнения. Некоторые сочинения теперь намеренно создавались в подобном жанре и исполнялись любителями в домашней обстановке.

С середины XVIII в. музыку рококо (как и искусство) стали все больше критиковать за искусственность. В числе главных ее противников выступал Руссо, считавшийся, помимо прочего, довольно известным музыкантом (правда, в наши дни произведения Руссо исполняют скорее ради любопытства, нежели ради присущих им музыкальных достоинств). В своей музыке, как и в литературных сочинениях, Руссо пропагандировал новую эмоциональность, которую можно назвать романтизмом. Именно эта эмоциональность, с точки зрения современников, была отличительным свойством музыки Гайдна и Моцарта.

251

Заключение

В середине XVIII в. материальный жизненный уклад основной массы населения Европы — крестьян или ремесленников в небольших городках — оставалась приблизительно такой же, как и за несколько веков до этого. В интеллектуальной жизни произошли несравненно более серьезные перемены. Пока они затронули лишь образованную элиту, однако последняя быстро росла и все больше задавала тон изменениям общества в целом.

Прежде всего, Европа начала интеллектуально, эмоционально и физически выходить из прежней изоляции, отказываясь от прежней своей оборонительной позиции по отношению к остальному миру. Впервые европейцы стали рассматривать себя по отношению к другим не только как последователей и защитников единственно истинной религии, а как культурных (и даже расовых) наследников и выразителей определенной традиции. За пределами Европы эта традиция служила оправданием империализма и эксплуатации других народов. Однако внутри самой Европы ей нередко противопоставлялись гораздо более длительно существующей по отношению к ней традиции (реальные или вымышленные) просвещенных персов, индийцев, китайцев или непросвещенных «благородных дикарей».

Во-вторых, религиозное в своей основе понимание человека и мироздания уступило место философиям и научным теориям (которые были не столько антирелигиозными, сколько нерелигиозными). Земля перестала считаться центром мироздания, а само мироздание стало бесконечным.

Великие космологи эпохи научной революции, от Коперника до Галилея и Ньютона, были глубоко религиозными людьми, но формулировали научные законы преимущественно на основе наблюдения, не подстраиваясь под конкретные учения той или иной церкви. Произошло смещение акцентов, которому суждено было иметь далеко идущие последствия. Отныне люди, размышлявшие о природе человека и мира, все больше использовали в качестве интеллектуального посредника не теологию, а натурфилософию, т. е. науку. В то же самое время растущая заинтересованность в решении практических проблем, будь то реформа календаря или приложение принципов механики к полету артиллерийских ядер и откачке воды из шахт, смыкалась с более философскими целями ученых. Впервые такой великий теоретический синтез этих двух тенденций нашел свое отражение в работах Фрэнсиса Бэкона. В XVIII в. мироздание воспринималось уже как механизм или по крайней мере

252

как система, принцип действия которой доступен человеческому пониманию.

В основном именно на этих трансформациях научного мышления писатели эпохи Просвещения основывали свой осторожный оптимизм и частые резкие нападки на те институты, стереотипы и традиции, которые представлялись им неразумными, предвзятыми и негуманными. Деятели Просвещения, подобно ученым, чьи взгляды они популяризировали, в большинстве своем оставались консерваторами в политическом и социальном отношении. Однако в интеллектуальном и моральном отношении они подрывали ценности и подготовили крушение традиционного общества, в котором они сами жили.

Примечания

¹ В протестантских учениях, особенно в кальвинизме, было выдвинуто положение о так называемом мирском аскетизме, заключающееся в том, что христианин должен не уходить из мира, а в миру выполнять свои мирские обязанности, в первую очередь профессиональные, причем со всей истовостью. Честный труд, бережливость, отсутствие расточительности и есть подлинное соблюдение заповедей Божьих. Еще в XIX в. Ф. Энгельс в работе «Крестьянская война в Германии» говорил о мирском аскетизме, «весь принцип которого состоит в *буржуазной бережливости*». Немецкий философ, социолог и историк Макс Вебер в знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) утверждал, в том числе в полемике с Энгельсом, что «дух капитализма», т. е. система ценностей, присущая капиталистическому обществу, возникает ранее самого капитализма и является одной из причин его, и этот «дух капитализма» вырастает из мирского аскетизма.

² Название этой первой в Европе академии естественных наук дано от описанного еще у Плиния поверья, что рысь видит то, что находится под кожей, обладает, так сказать, «рентгеновским» зрением; предполагалось, что члены этой Академии также проникают умственным взором в суть вещей.

³ Первоначально словом «анималькула» (букв. лат. «маленькое живое существо») называли любые микроорганизмы, видимые в микроскоп, через некоторое время этот термин закрепился за инфузorieй; ряд философов и естествоиспытателей XVIII — начале XIX в. называли анималькулой некую гипотетическую живую молекулу, мельчайшую единицу живой материи.

⁴ Барристер - в британской системе судопроизводства адвокат высшей категории.

⁵ Имеются в виду Г. Лейбниц и его последователи. Согласно их учению, в мире нет зла, ибо частные бедствия растворяются в мировой гармонии.

Глава 6

В преддверии революции

Сельское хозяйство

Западная Европа

Как позднее заметил Талейран, тот, кто не жил в годы перед Революцией, не может понять сладости жизни. Возможно, эти слова звучали неуместно в устах этого непревзойденного в искусстве выживания дельца, который с 1780-х по 1830-е гг. был ключевой фигурой при всех режимах, за исключением режима Робеспьера, и который нажил громадное состояние. Могли ли эти слова быть справедливы, и если да, то для кого? Ведь граф Шарль-Морис де Талейран-Перигор (1754— 1838), одно время епископ Отенский, а затем, по милости Наполеона, герцог и князь Беневентский, представлял собой персону далеко не рядовую.

Подобно большинству европейских дворян, Талейран первоначально получал свой доход с земель, т. е. со своих арендаторов. Была ли сладкой их жизнь? Ответить на этот вопрос достаточно трудно. Многовековое развитие привело к сильнейшему расслоению европейского крестьянства в экономическом, социальном и правовом отношении. В Англии крестьянство в качестве владельцев небольших наследственных участков, которые работали преимущественно на себя, почти совершенно исчезло. Большинство земель принадлежало немногочисленным крупным собственникам, сдававшим во временную аренду средние или сравнительно большие фермы. В экономиче-

ском отношении эта система работала хорошо. Фермеры-арендаторы, конкурировавшие на ограниченном земельном рынке, были вынуждены вести свои хозяйства рационально. Так возникал сельский средний класс, достаточно состоятельный, чтобы покупать городские промышленные товары, попутно стимулируя их производство, а время от времени даже вкладывать деньги в торговые и промышленные предприятия. Мобильность капитала, социальная мобильность и отсутствие *derogance* (см. гл. 2), подготовленный и доступный рынок сельской продукции, минимально обложенной внутренними пошлинами, — все это способствовало процветанию английского сельского хозяйства и обеспечило прочный экономический фундамент для роста торговли и промышленности.

Однако процветали далеко не все. Фермеры нуждались в рабочей силе и нанимали сельских работников, у которых не было собственности — кроме, в лучшем случае, небольшого домика с огородом. Эти люди жили так же плохо, как прежде, а может быть, и еще хуже, поскольку оплата неквалифицированного труда отставала от роста цен. Поэтому и в Англии, и в других странах они были вынуждены прирабатывать иными способами, например прядением шерсти. Часто и этих заработков не хватало; в подобных случаях власти оказывали людям помощь для предотвращения настоящего голода. После того как в 1793 г. началась война с Францией, практика помощи бедным (Спинхемлендская система 1795 г.) была принята во многих областях Южной Англии.

Во Франции и в большинстве других стран Западной Европы крестьяне все еще составляли значительную (если не преобладающую) часть населения. Они пользовались землей на правах наследственной аренды и всегда зависели от землевладельца, хотя в юридическом отношении считались свободными. Крестьяне платили землевладельцу ренту и выполняли некоторые личные повинности (*corvees*), преимущественно по извозу или строительству. Кроме того (что более важно), им приходилось платить за наследование участков, а также вносить платежи (*banalites*) за принудительное пользование господской мельницей, винодельнями и маслобойками и даже хлебными печами. Эти монополии, включавшие права охоты и рыбной ловли, а также контроль над местными судами первой инстанции, назывались феодальными правами. Их фактический объем варьировался в зависимости от местных обычаев и размера арендуемой фермы. Одни крестьяне платили совсем немного, а другим приходилось отдавать почти 20% продукции фермы, причем сверх обычной ренты, королевских налогов и процента с продукции, собираемого на содержание приходских священников.

255

В целом ряде случаев мы располагаем вполне надежными данными, позволяющими судить о последствиях такого положения. В одном судебном деле фигурировало среднее хозяйство в Северо-Западной Германии: 50—60 акров (менее 25 гектаров) земли, шесть лошадей, шесть голов крупного рогатого скота и шесть овец. Исходя из этих цифр, историки подсчитали, что 45% годовой продукции шло на семена, корм для скота и другие хозяйственные нужды, 40% уходило на земельную ренту, налоги и *banalites*, и лишь 15% оставалось на проживание крестьянской семьи, включая пищу, одежду и отопление. Эти расходы не оставляли возможности отложить деньги на болезни или несчастные случаи, похороны, приданое или образование детей. Поэтому, как и в случае английских сельскохозяйственных рабочих, единственная возможность выживания для крестьянских семей была в получении дополнительной работы — на крупной ферме или в промышленном производстве. По всей Западной Европе текстильная промышленность зависела от труда крестьянок в прядении и некоторых других операциях. Непредвиденные расходы или неурожаи вынуждали крестьян занимать деньги — у землевладельцев или у городских ростовщиков — обычно под большие проценты или на условиях, позволявших арендодателям отчуждать крестьянские наделы.

С середины XVIII в. в Западной Европе цены на продукты сельского хозяйства стали расти. Но лишь достаточно крупные или не слишком обремененные рентой, налогами и феодальными платежами хозяйства смогли выиграть в этой ситуации, продавая излишки продуктов на рынках.

Демографические сдвиги

Почему же оплата труда и доходы мелких хозяйств не увеличивалась вместе с несомненным подъемом западноевропейской экономики? Главной причиной было то же самое обстоятельство, которое обусловило конец «золотого века» крестьянства XV в. (см. также гл. 2)*. Это был рост населения. Приблизительно с 1750 г., после периода стагнации или относительно низкого роста в XVII — начале XVIII в., население вновь начало очень быстро расти. Британия, в 1700 г. насчиты-

вавшая 6,5 млн жителей (по современным оценкам, которые обычно признаются достаточно надежными), в 1801 г., согласно первой британской переписи, имела уже 9 млн. За тот же период население Фран-

* Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400—1500 годы. С. 279.

256

ции выросло с 20 до 26—27 млн, а Испании — с 6 до более чем 10. Население России, по некоторым оценкам, удвоилось — с 14 до 28 млн. В масштабах всей Европы произошел рост с 68—84 до 104—115 млн. При вероятной неточности многих цифр не вызывают сомнений общая тенденция и то обстоятельство, что наибольший прирост пришелся на вторую половину XVIII в. Причины этого роста обсуждаются до сих пор. Различные социальные условия и различный брачный возраст для девушек в разных частях Европы не позволяют объяснять все общим подъемом рождаемости, хотя в некоторых регионах он вполне мог происходить. По всей видимости, более важную роль играло снижение смертности — не столько благодаря достижениям медицины (которые были доступны лишь обеспеченным людям), сколько благодаря прекращению эпидемий чумы, совершенствованию транспорта и общественного призрения. Эти улучшения отодвинули угрозу массовой голодной смерти, но не могли предотвратить голод как следствие неурожая. «И вот, — писал зимой 1770 г. один мелкий немецкий торговец текстилем, когда больше никто из-за отсутствия денег не мог покупать у него пряжу, — нужда дошла до такой степени, что бедные люди рассчитывали только на весну, надеясь найти корни и травы. Мне тоже пришлось готовить подобные кушанья»*.

Если причины роста населения до сих пор скрыты, то его последствия гораздо более ясны. Там, где наследство по традиции делилось между детьми (как это было в большинстве стран континентальной Западной Европы), участки и фермы становились все мельче и им все сложнее было прокормить семью. Увеличение продуктивности представляло собой сложную задачу. Эта проблема привлекала большое внимание: в Англии, Франции и Германии выходили сотни книг и руководств по организации ферм и поместий, разведению крупного рогатого скота, повышению урожайности и осушению болот. Их с удовольствием читали представители среднего класса и те землевладельцы, которые сами управляли хозяйством. Академии присуждали авторам премии. Власти в некоторых случаях тоже поощряли и награждали их, причем не без снобистской иронии: один немецкий автор получил титул «рыцаря клеверного поля». Одна из книг, произведение Рудольфа Захариаса Беккера «Сборник полезных советов», включавшее, помимо прочего, также моральные и религиозные наставления, за тридцать лет после выхода (1789) выдержало десять

* Abel W. Die Landwirtschaft 1648-1800 / Handbuch der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte, eds. H. Aubin und W. Zorn. Bd. I. Stuttgart, 1971. S. 524-525.

257

изданий общим тиражом свыше миллиона экземпляров*. Однако повсюду (если не считать некоторых районов Англии и Голландии) подобная литература мало способствовала повышению продуктивности и урожайности. Континентальные землевладельцы, как правило, передавали поместья под надзор управляющих и не интересовались усовершенствованиями. При наличии дешевой рабочей силы они находили более удобным и в социальном смысле даже более безопасным просто привлекать лишние руки.

Поскольку количество едоков увеличивалось гораздо быстрее, чем производство, последовал неизбежный рост цен на сельскохозяйственные товары. В то же самое время увеличение населения привело к ужесточению конкуренции за рабочие места и, соответственно, к отставанию заработной платы от цен. Во Франции между 1760 и 1789 гг. цены на продукты питания поднялись на 65%, а заработная плата — только на 22%. Правда, квалифицированные рабочие обычно получали значительно больше. Неудивительно, что в XVIII в. почти все страны Европы испытывали социальную напряженность (хотя, быть может, и не столь значительную, как в XVII в.).

Центральная и Восточная Европа

В Дании и к востоку от Эльбы — в Бранденбурге, Пруссии, Польше, Литве и Чехии — большинство крестьян в течение XVI-XVII вв. попали в ту или иную форму крепостной зависимости. В России эта зависимость все более усиливалась. Экономическое положение крепостных отнюдь не во всем уступало положению свободных крестьян или наемных работников на Западе. Во всяком случае им более или менее гарантировалось пользование наделами, а сами эти наделы при гораздо меньшей плотности населения, как правило, соответствовали числу едоков. Однако излишками продукции (особенно в урожайные годы) распоряжались помещики, которые продавали их на рынке. Неоплачиваемые трудовые повинности были тяжелыми и становились все

тяжелее: в некоторых польских поместьях они доходили до шести и даже семи дней в неделю. Это означало, что участок крестьянина приходилось обрабатывать трудоспособным женщинам и детям. В подобных условиях крестьяне не имели стимула работать интенсивнее или повышать продуктивность путем специализации хозяйства.

* Я весьма признателен проф. Паулю Мюнху (Эссен), который обратил мое внимание на эту книгу (Moth und Hulfsbuchlein) и ее экстраординарный издательский успех.

258

С середины XVII в. польская торговля зерном по Висле переживала упадок. Перерывы, вызванные военными действиями, и конкуренция со стороны более эффективных хозяйств Голландии и Англии ослабили внимание голландских торговцев зерном к Данцигу, что, в свою очередь, привело к сокращению продуктивности в сельских районах. К середине XVIII в. во многих польских крестьянских хозяйствах урожайность понизилась до ужасающе низкой средневековой пропорции сам-три.

Польское государство, в котором господствовали магнаты-землевладельцы, ничего не могло противопоставить этой катастрофической тенденции. В Пруссии и во многих немецких княжествах сложилась иная ситуация. Меркантилистские концепции самодостаточной или экспортирующей экономики, стремление увеличить базу налогообложения, просвещенная критика пережитков крепостничества и, самое главное, потребности растущих армий в рекрутах из числа крестьян — все это побуждало правительства реформировать традиционные правовые отношения сельского общества. Началом служила, как правило, отмена крепостной зависимости в королевских или княжеских поместьях. В Пруссии это произошло в 1777 г. Там, где преобладали королевские поместья (например, в Восточной Пруссии), эффект был весьма впечатляющим. В остальных местах (например, в Бранденбурге и Силезии) перемены коснулись лишь очень небольшого числа крестьян. Большинство владельцев поместий упорно не желали поступаться своими привилегиями и частью дохода, так что даже Фридрих Великий предпочитал не форсировать события. Лишь в герцогстве Баден на юго-западе Германии крепостную зависимость отменили разом (1783) и безо всякой компенсации. Однако нужно учитывать, что в Бадене крепостных всегда было значительно меньше, чем в восточных землях.

Австрийская монархия при попытке решить крестьянскую проблему сверху столкнулась с самым серьезным противодействием. В 1764 г. императрица Мария Терезия обратилась к венгерскому сейму с просьбой об увеличении налогов. Сейм, представлявший почти исключительно дворянских и церковных землевладельцев, отклонил просьбу под тем предлогом, что крестьяне слишком бедны и не могут платить больше. Императрица едко ответила:

Ее Величество нисколько не сомневается, что если бы сейм принял нужные меры, чтобы поднять благосостояние людей, платящих налоги, то эти люди... вскоре без труда перенесли бы увеличение налогов, о котором шла речь.

259

Через несколько лет императрица вновь вернулась к этому предмету, утверждая, что крестьяне, самая многочисленная часть общества, образующая собой основу государства, должны существовать в приемлемых условиях. Это значит, что крестьянин должен быть способен содержать себя и свою семью, а также платить налоги в мирное и военное время*.

В поместьях австрийской Силезии и Нижней Австрии трудовая повинность была ограничена двумя днями в неделю; но в Богемии и Штирии властям удалось ввести подобное ограничение лишь после крупного крестьянского восстания в 1775 г.

Иосиф II пошел еще дальше и в 1781 г. отменил крепостное состояние для всех крестьян. Затем он подтвердил право крестьянского держания и начал готовить новый земельный кадастр, позволявший государству взимать единый налог в свою пользу и на нужды приходских и сельских учителей, а также гарантировать крестьянам, что в их распоряжении останется минимум 50% производимой ими продукции. Эти условия были лучше, чем положение фермера из Северо-Западной Германии (о чем мы говорили несколько выше), хотя и ненамного. На долю землевладельца теперь приходилось менее 18%. Во многих районах это привело к болезненному уменьшению сеньориальных доходов. Неудивительно, что, когда в начале 1790 г. Иосиф скончался, дворянство было близко к открытому мятежу. Его преемник Леопольд II тут же аннулировал это законодательство, и большинству австрийских крестьян пришлось ждать настоящей свободы вплоть до революции 1848 г.

В течение 40 лет перед Французской революцией крестьянские движения в Европе мало чем отличались от волнений предшествующих периодов. Они оставались по преимуществу локальными, ограниченными в требованиях и, если можно так выразиться, благопристойными.

Власти, как и прежде, прекращали их самыми разными способами и никогда не встречали особых трудностей. Многие наблюдатели того времени (например, англичане, посещавшие Францию в 1780-х гг.) были настолько поражены социальными условиями в некоторых районах, что говорили о возможности революции. События подтвердили их правоту; но для историка несколько не очевидно,

* *Wangermann W.* The Austrian Achievement 1700—1800. Thames and Hudson: London, 1973. P. 68-70.

260

что эти люди предсказывали нечто неизбежное. Французские крестьяне далеко не везде жили так уж плохо; во многих странах Европы ситуация была гораздо хуже, но они не испытали революции в XVIII в. — разве что почувствовали ее на остриях французских штыков. Все значительные перемены в положении крестьян начинались сверху, по инициативе правящей бюрократии и ради ее идеологических и практических нужд. Почти во всех случаях эти реформы встречали яростное сопротивление землевладельцев, которые опасались за свои права собственности и социальный статус.

Восстание Пугачева

Единственным крупным исключением стали события на востоке Европы. В 1773 г. казаки Урала и Нижней Волги восстали против центрального правительства в далеком Санкт-Петербурге, которое пыталось включить казачьи отряды в русскую армию и лишить их традиционной, полунезависимой военной организации. Само по себе это не было особо примечательным или уникальным событием. Его сделало таким то, что возмущение казаков привлекло к себе внимание других недовольных групп населения, страдавших от гнета русских властей, — старообрядцев (ветвь православной церкви, не признавшая церковных реформ Петра Великого)¹, тюрков и монголов-мусульман и прочие этнические меньшинства, а самое главное, крестьян. Огромные шахты, металлургические и оружейные заводы Урала — гордость Петра Великого, стремившегося создать в России военный потенциал для противостояния западным соперникам, — привели к концентрации многих тысяч рабочих, крепостных, взятых из деревень, и тем самым породили самый ранний в Европе протоиндустриальный пролетариат. У этих людей все еще сохранялись крепкие связи с крестьянством. Сельское духовенство, принадлежавшее к тому же классу крестьян и обладавшее тем же жизненным опытом, сочувствовало им. В течение короткого времени пламя восстания охватило обширные области Юго-Восточной России. Крестьяне нашли себе вождя, Емельяна Пугачева, который объявил себя, по доброй русской традиции, свергнутым и убитым царем Петром III. Ему поверили тысячи. Он провозгласил отмену крепостного права, взял Казань и некоторые другие города на Волге, а затем, возможно, замыслил идти на Москву.

Но как только русское правительство серьезно отнеслось к этому восстанию (заметно повредившему престижу Екатерины II), регулярные войска без труда подавили восстание (1774) — которое, в сущно-

261

сти, не имело никаких шансов на успех. В такой огромной стране, как Россия, у него была географически слишком узкая база, а также не было существенного раскола в российских правящих классах. Помещики, армия (за исключением казачьих отрядов) и бюрократия были настроены против восстания.

Таким образом, в XVIII в. (как и в прежние эпохи) крестьянство, самый значительный слой населения Европы, нигде не могло рассчитывать на успех революции, осуществляемой лишь его собственными силами. Вместе с тем у него была мотивация, воля и, на самом деле, традиции локальных восстаний, которыми (как и прежде) могли воспользоваться для своих целей другие классы.

Промышленная революция

Именно Англия оказалась той страной, где технологические изобретения породили то изменение в методах промышленного производства, которое получило название промышленная революция (или, с точки зрения нашей эпохи автоматизации, «первая промышленная революция»). В середине XVIII в. Англия представляла собой самый обширный объединенный рынок в Европе, свободный от бесчисленных внутренних пошлин, которые замедляли передвижение товаров и делали их неоправданно дорогими. Обширная береговая линия со множеством бухт и капризных, но судоходных речных дельт удешевляла доставку даже самых объемных и громоздких грузов (угля, железной руды, зерна). Поддержание жизненно важного прибрежного судоходства составило во второй половине XVIII в. существенную часть инвестиций в развитие транспорта. Реки тоже приводились в судоходное состояние, и баржи ходили по ним гораздо дальше, чем это можно представить сейчас, глядя на наши спокойные реки, которые уже давно суда не бороздят столь интенсивно. Каналы связывали внутренние промышленные центры с морскими портами и месторождениями сырья. Керамика фабрики Веджвуда смогла начать свое победоносное шествие по мировым рынкам благодаря быстрой и безопасной доставке из Стаффордшира в Ливерпуль. Манчестер стал вторым торговым и промышленным центром страны после Лондона, когда построенный в 1761 г. канал вдвое снизил цену

доставки угля в город.

Сельское хозяйство Англии достигло высокой эффективности и приносило прибыль, которая предоставляла рынок для производителей промышленной продукции, а также излишек капитала для инвестиций. Доходы от процветавшей заморской торговли, ограбле-

262

ния Индии и эксплуатации рабского труда на сахарных, табачных и хлопковых плантациях, благодаря высокоразвитой банковской системе, переправлялись для дальнейших продуктивных вложений.

Тут-то и выяснилось, что окраинный и сравнительно скудный остров на северо-западной оконечности Европы, многие столетия известный лишь своими овечьими пастбищами да производством шерсти, располагал целым рядом никем не предвиденных экономических преимуществ перед такими изначально более богатыми странами, как Франция. Он имел легкодоступный и транспортируемый уголь (особенно на северо-востоке, близ Ньюкасла-на-Тайне), столь же легко доступную железную руду, многочисленные горные реки, вращавшие водяные колеса, а кроме того (особенно в Ланкашире) уникальный влажный климат, облегчающий изготовление хлопковой пряжи.

Историки и экономисты уже давно спорят о том, являются ли технологические новшества следствием экономической ситуации (т. е. к новым технологическим решениям побуждают потребности людей и запросы рынка) или, напротив, технические изобретения сами по себе приводят к возникновению новых рынков и стимулируют экономические потребности. Это разделение представляется искусственным. Конечно, технологический прогресс был связан преимущественно с теми сферами производства, где в нем уже существовала потребность и где сложились наиболее благоприятные условия для экономического роста. Такой сферой был транспорт — сооружение дорог и каналов, прокладка рельсовых путей (которые еще не были настоящими железными дорогами) на шахтах и других производствах. То же самое относится к черной металлургии, где выплавление стали на коксе (изобретенное в Англии в начале XVIII в.) дополнялось теперь пудлингованием и прокатом. С черной металлургией было тесно связано техническое строительство и машиностроение. Первый железный мост (на реке Северн) был построен в 1779 г., а первый железный корабль — в 1787 г. Большое значение для будущего промышленного развития имела паровая машина, усовершенствованная Джеймсом Уаттом (1769). Поначалу она (как и более ранняя машина Ньюкомена) использовалась для откачивания воды из шахт, но вскоре стала все шире применяться в самых разных технологических процессах.

Наиболее быстрый эффект принесли изобретения в текстильном производстве, прежде всего в технологии хлопкопрядения. Прядение с помощью ручной или колесной прялки, это старинное, неизменное и впоследствии чрезмерно романтизированное занятие женщин и де-

263

вочек, быстро уступило место механизированным фабричным процессам. На фабриках изобретателя водяной прядильной машины Ричарда Аркрайта (1732—1792) было занято до 5 тыс. рабочих. Многие места на новых производствах обслуживали женщины и дети. Зачастую имела место своеобразная торговля между фабрикантами и приходскими властями, которые обеспечивали их сиротами и детьми бедняков — практика, неприятно напоминавшая старую, но к концу XVIII в. уже не вполне респектабельную работорговлю. Однако на новых производствах был нужен не только женский и детский труд. Объявление, помещенное Аркрайтом в местной газете, гласило:

Хлопкопрядильная фабрика, Кромфорд (Дерби), 10 дек. 1771г.

Срочно требуются: два умелых часовщика или те, кто понимает в зубчатках и шестеренках, а также кузнец, опытный в ковке и рихтовке; два токаря по дереву, сведущие в изготовлении колес, спиц и тому подобного. Есть хорошая работа для ткачей с квартированием при фабрике; на упомянутые места принимаются женщины, дети и т. д. [что может значить это «и т. д.»?] оплата высокая.

Ясно, что революция в текстильном производстве была возможна лишь в стране, где механика уже достигла высокого уровня. В свою очередь, спрос на квалифицированных механиков для строительства и эксплуатации новых фабричных машин стимулировал распространение подобных навыков и тем самым способствовал технологическому прогрессу в других областях.

Результаты оказались действительно революционными. Производительность новых фабрик достигла уровня, который раньше невозможно было представить. В текстильном производстве, например, снижение затрат на единицу продукции выглядело так:

Затраты на хлопкопрядение*

	1779	1784	1799
Хлопок-сырец	2 шилл.	2 шилл.	3 шилл. 4 пенс.
Капиталовложения и оплата труда	14 шилл.	8 шилл. 4 пенс.	4 шилл. 2 пенс.
Итого	16 шилл.	10 шилл. 1 1 пенс.	7 шилл. 6 пенс.

* Porter R. English Society in the Eighteenth Century. Penguin Books: Harmondsworth, 1982. P. 331.

264

Таким образом, затраты на единицу продукции в течение двадцати лет снизились вдвое. Как следствие, и европейские, и колониальные рынки были стремительно заполнены английскими хлопковыми тканями: приблизительно в течение того же периода их годовой экспорт вырос в 20 раз — с менее четверти миллиона до более пяти миллионов фунтов стерлингов. Торговый договор 1786 г. между Англией и Францией, заключенный с самыми лучшими намерениями, привел к наводнению французского рынка английскими тканями и усугублению бедственного положения тысяч французских семей, которые зарабатывали на жизнь традиционным домашним прядением.

Повышение социального статуса промышленников

Производители промышленных изделий, т. е. ремесленники или владельцы небольших мастерских, в Европе традиционно считались бюргерами, стоявшими выше неимущих поденщиков или подмастерьев. Тем не менее они вряд ли принадлежали к городской элите. Простой человек мог сделать состояние на торговле, морских перевозках, банковском деле или, в редких случаях, на какой-нибудь свободной профессии (прежде всего юриспруденции). Но предприниматель — даже если он создавал производство со сложной вертикальной структурой (что уже в XIII в. отличало от других итальянскую и фламандскую текстильную промышленность*) — обычно заимствовал капиталы из торговой сферы. Теперь, в Англии конца XVIII в., промышленное производство впервые стало высокоприбыльным, а предприниматели вошли в элиту общества. Аркрайт стал вести жизнь богатого сельского джентльмена и получил рыцарский титул: это гораздо больше напоминало взлет какого-нибудь американского промышленника-авантюриста конца XIX в., чем обычный жизненный путь суконного фабриканта. Столь же внушительную (хотя, может быть, и менее эффектную) карьеру сделал владелец фарфоровой фабрики Джосайя Веджвуд. Именно Веджвуду принадлежала особая заслуга в организационном оформлении этого нового общественного феномена — объединение недавно возникших местных торговых палат в Генеральную промышленную палату Великобритании (1785). Ей предстояло играть все более значительную роль в общественных делах.

Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400—1500 годы. С. 222.

265

Возникновение общества потребления

Тон политической и социальной жизни Великобритании все еще задавали немногочисленные и баснословно богатые аристократические семейства, титулованные главы которых заседали в Палате лордов и с которыми большинство джентльменов, заседавших в Палате общин, были связаны фамильными или патронатными отношениями. Но теперь на сцену выступил крупный и постоянно растущий класс, включавший квалифицированных ремесленников и состоятельных фермеров, зажиточных лавочников и преуспевающих коммерсантов, местное духовенство, сельских юристов и врачей. Все они располагали теми или иными средствами сверх обычного потребительского уровня. Естественно, их потребности были обеспечены встречным предложением, и все больше стимулировались теми, кто предлагал различные предметы роскоши и развлечения. Витрины магазинов становились все более разнообразными и модными по мере того, как дешевые ткани позволяли подражать модам высших классов общества. Лондонская Оксфорд-стрит стала центральной торговой улицей и до сих пор сохранилась в качестве средоточия покупателей и разглядывающих витрины. Лондонские моды проникали в провинцию, вызывая возмущение у моралистов и консерваторов и иронические замечания тех, кто считал, что мода должна оставаться прерогативой высших классов. Типичный комментарий этой ситуации гласит:

Как только последние модели прибывают еженедельно с почтовыми каретами, все жены и дочери самых видных лавочников каждое воскресенье состязаются друг с другом в элегантности нарядов. Столь же церемонные демонстрации изящного вкуса происходят в модных городских салонах. Дамы, лишь только войдя, начинают томно шептаться, обмахиваясь веерами, в то время как расфранченные кавалеры с полной серьезностью изучают бирки галантереистов, наклеенные на подкладках своих шляп*.

Богатые торговцы, со своей стороны, были очень довольны растущим спросом на товары. Местные газеты, которых тоже становилось все больше, распухали от коммерческой рекламы. Вместе с тем газеты удовлетворяли потребность в развлекательном чтении и разного рода

* Porter R. Op. cit. P. 241-242.

познавательных материалах; это называлось желанием самоусовершенствования. Появился обычай обмениваться письмами с различными вопросами и советами морального, социального и личного порядка — пусть и скромный, но весьма показательный признак того, что церковь уже не обладала абсолютной монополией в подобных вещах.

В континентальной Европе наблюдались похожие процессы, но почти везде (за исключением, возможно, Голландии) коммерциализация всех форм социальной жизни происходила медленнее, чем в Англии. Как и следовало ожидать, реакция на английские достижения бывала самой разной — от восхищения до презрения; такое же отношение испытала Америка в XX в. Те, кто, подобно Наполеону, считали что «нация лавочников» не стоит того, чтобы ее воспринимали всерьез, совершили, как оказалось, большую ошибку даже в той области, где они сами были общепризнанными экспертами, т. е. в военных делах. Это была ошибка, от которой их могло бы избавить лучшее знание истории португальской и голландской военно-торговых империй.

Адам Смит и рождение современной экономики

Опыт растущего процветания Британии побудил шотландского философа Адама Смита (1723—1790) к созданию первой подлинно современной экономической теории. Со времен позднего Средневековья теологи, философы и специалисты в области политической экономии проникли в суть конкретных экономических проблем, таких, как природа денег, процентов или торгового баланса. Однако от их внимания ускользало главное — основные принципы экономической жизни и теоретические условия экономического развития. Авторы и государственные деятели, придерживавшиеся меркантилистских взглядов, исходили из стабильности методов производства и, соответственно, богатства Европы и мира в целом. Поэтому единственный способ приумножить богатство своей страны теоретики и практики меркантилизма видели в том, чтобы обеспечить работой все население и контролировать как можно большую часть торговли и капитала (см. выше, гл. 3). В середине XVIII в. против меркантилизма выступили представители французской школы физиократов. Они считали, что прибавочная стоимость создается только в сфере сельского хозяйства, а промышленное производство лишь переводит товары из одного вида в другой. Чтобы обеспечить наилучшие усло-

вия для развития сельского хозяйства, правительства должны отказаться от покровительства в торговле и промышленности (как поступало большинство из них) и любого регулирования экономики. Налогами нужно облагать только землю.

В своей главной работе, «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776), Адам Смит во многом следует за физиократами и резко критикует меркантилизм (или, в его терминологии, «меркантилистическую систему») — особенно в том виде, как он проводился Кольбером, министром Людовика XIV.

Кольбер, знаменитый министр Людовика XIV, был честным, трудолюбивым и обладавшим знанием житейской практики человеком большой опытности и сведущим в государственных финансах, отличающимся, одним словом, способностями, во всех отношениях подходящими для установления метода и надлежащего порядка при собирании и расходовании государственных доходов. Этот министр, к несчастью, воспринял все недостатки меркантилистической системы, являющейся, по своей природе и сущности, системой ограничений и стеснений; она не могла не быть по душе столь трудолюбивому и старательному деловому человеку... Промышленность и торговлю великой страны он пытался регулировать по тому же образцу, как и деятельность различных отраслей государственного управления, и, вместо того, чтобы предоставить каждому человеку преследовать свои интересы по своему собственному разумению, при соблюдении равенства, свободы и справедливости, он наделял одни отрасли промышленности чрезвычайными привилегиями, тогда как другие подвергал чрезвычайным стеснениям. Он не только был склонен, как и другие европейские министры, поощрять больше промышленность городов, чем промышленность деревни, но и обнаружил здесь стремление ради поддержки первой стеснять и задерживать развитие последней. Для того чтобы сделать дешевыми для жителей городов предметы продовольствия и этим поощрить мануфактурную промышленность и внешнюю торговлю, он запретил вывоз хлеба и таким образом отнял внешний рынок у самого главного продукта труда жителей деревни. Это запрещение... задерживало развитие земледелия этой страны и удерживало его на гораздо более низком уровне, чем оно, естественно, достигло бы... Одной из... причин оказалось предпочтение, оказывавшееся мероприятиями Кольбера промышленности городов в ущерб хозяйственной деятельности деревни*.

" Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 480—481.

Однако, по мнению Смита, физиократы мыслили узко, зайдя чересчур далеко в своем суждении об отношении материальных ценностей только к сельскому хозяйству. Его собственный взгляд, сформулированный со всем возможным лаконизмом в начале книги, позволяет основать экономическую теорию на гораздо более систематический фундамент.

Величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля мастерства, ловкости и сообразительности, с какими он направляется и прилагается, явились, по-видимому, следствием разделения труда*.

Машинное производство представляет собой частный случай разделения труда и тоже производит богатство благодаря тому, что впоследствии стали называть производительностью труда.

Вслед за физиократами Смит считал, что правительство должно как можно меньше вмешиваться в экономический процесс: божественное провидение, «невидимая рука», устроила мир таким образом, что, если каждый желает лучшего для себя, его усилия автоматически способствуют улучшению для всего общества.

Это была теория, гласившая, что экономическая жизнь общества происходит (и происходит наилучшим путем) согласно объективным экономическим законам, которые установлены богом для пользы человечества. Эта характерная для Просвещения теория, на самом деле была экономическим аналогом ньютоновской космологии с ее провиденциальными природными законами. Учение Смита, соединявшее в себе элементы научной и моральной концепции, отвечало запросам предпринимателей и вообще всех, кто хотел иметь оправдание личных экономических интересов. Оно послужило почвой, на которой в XIX в. выросли и классическая политическая экономия, и ее критики (в том числе марксисты).

Международные отношения

Как и следовало ожидать, европейские правительства, в отличие от предпринимателей, без особого энтузиазма отнеслись к теории, которая объявляла ненужной и даже вредной принципиально важную для государства деятельность — регулирование экономики. Они соглашались с А. Смитом. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 21.

269

лись с Адамом Смитом, что необходимо преследовать собственные интересы, но вряд ли нуждались в том, чтобы он им это говорил; да и сам Смит не имел это в виду. Поведение правительств в этот период было своего рода апофеозом политики государственных интересов, которая не признавала никакие ограничивающие их традиции.

В 1740 г. большинство европейских держав отказалось от своего торжественного обещания признать наследницей императора Карла VI его дочь, Марию Терезию. Вторжение Фридриха II Прусского в австрийскую Силезию отдавало, как живописно выразился один современный немецкий историк, «запахом хищного зверя»; этот король-философ, друг Вольтера и автор трактата против Макиавелли, даже не потрудился как-то оправдать свою акцию. Франция, Россия и Швеция, которые в 1756 г. присоединились к стремившейся к отмщению, по понятным причинам, Австрии, руководствовались вряд ли более высокими мотивами.

В последовавшей Семилетней войне явные невыгоды испытали Пруссия и Саксония, которые стали театром военных действий. Выгоды же достались на долю Англии: пользуясь тем, что Франция увязла в континентальном конфликте, англичане отняли у нее Канаду, значительную часть Индии и несколько Вест-Индских островов. Коммерческое лобби в британском парламенте имело такой вес во время мирных переговоров, что правительство решило отказаться от богатейших французских островов, Мартиники и Гваделупы, поскольку английские сахарные плантаторы опасались конкуренции для своей империи.

Европа и Американская революция

Учитывая конкурентную природу международных отношений, Франция и другие европейские державы были намерены сдерживать британскую экспансию. Американская революция 1775 г. предоставила им эту возможность. С точки зрения европейских правительств, британские проблемы в Америке напоминали знакомое и хорошо известное явление — восстание периферийных провинций составного государства, спровоцированного нетактичной политикой центральных властей, которые грубо попирали местные привилегии и некстати демонстрировали свой верховный суверенитет. В подобной ситуации бывали самые разные области Европы — Нидерланды в XVI в., Богемия, Шотландия, Каталония и Португалия — в XVII в. Во всех таких случаях соседи с охотой вмешивались или пытались вмешаться. Если у них было религиозное оправдание, тем лучше для них; но во многих случа-

ях можно было обойтись и без него. Как только стало ясно, что Британия не может быстро подавить это восстание, Франция вступила в войну (1778); через год к ней присоединились Испания и Нидерланды. Североевропейские страны сохраняли «вооруженный нейтралитет», недружественный по отношению к Британии.

В военном плане коалиция была успешной. Впервые в этом столетии Британия утратила контроль над морями, а в Америке ее войска вынуждены были капитулировать. По Версальскому договору 1783 г. Британия признавала американскую независимость. Если этот результат, несомненно, устраивал американцев, то для их европейских союзников последствия мира были столь же сомнительными, сколь и мотивы участия в войне. Франция и Испания получили обширные малонаселенные территории в Северной Америке (соответственно, Луизиану и Флориду)², в стратегическом отношении, как выяснилось, крайне уязвимые. Европейские правительства погрязли в огромных долгах, а главное — помимо воли взяли на себя совершенное неожиданное политическое и моральное обязательство: поддерживать американские идеи народного суверенитета, республиканства и прав человека. Все эти идеи были детищем европейского Просвещения, но здесь они впервые воплотились в политическую реальность. Для европейских правительств Американская революция неожиданно оказалась чем-то совсем другим, нежели традиционные восстания XVII в. Впрочем, чтобы полностью осознать это явление, потребовалось некоторое время.

Священная Римская империя

Тем временем европейские правительства разыгрывали несколько рационалистических силовых сценариев. Отчетливее всего это проявилось в Германии. «Добрая старая Священная Римская империя, как же она теперь сможет сохраниться?» — вопрошали современники в изумлении и раздражении. Однако до 1740 г. империя чувствовала себя гораздо лучше, чем можно было предположить после Тридцатилетней войны и Вестфальского договора 1648 г. Император пользовался полной поддержкой церковных и мелких светских князей. Даже крупные князья, глубоко консервативные, какими они традиционно всегда и были, не испытывали желания вновь пережить бедствия Тридцатилетней войны и воздерживались от открытого противостояния Габсбургам.

Это традиционное общее согласие пошатнулось, когда в 1740 г. на имперский престол был избран курфюрст Баварии, а прусское войско

271

напало на Силезию. С тех пор восстановленное имперское правительство в Вене и прусское правительство в Берлине гораздо больше заботились о собственной военной позиции в Европе, чем о поддержании имперской традиции. Император Иосиф II дважды (в 1778 и 1782 гг.) пытался включить Баварию в состав австрийских владений, предлагая баварскому курфюрсту в качестве компенсации королевскую корону и стратегически изолированные австрийские Нидерланды (Бельгию). Всякий раз эти планы терпели неудачу, поскольку им противились великие державы, в первую очередь Пруссия, которая не желала, чтобы владения Габсбургов в Центральной Европе стали более обширными. В противовес австрийским начинаниям Фридрих II Прусский создал Лигу немецких князей (1784). В результате Священная Римская империя была фактически заменена двумя политическими альянсами, возглавлявшимися, соответственно, Австрией и Пруссией. Распад Священной Римской империи стал теперь практически неизбежным. Главной его причиной послужило политическое, а впоследствии и военное противостояние Австрии и Пруссии, боровшихся за превосходство в Германии и Центральной Европе*.

Разделы Польши

Разрыв с политической традицией в угоду чисто макиавеллиевской силовой политике можно рассматривать как оборотную сторону рационализма Просвещения. Поскольку эта политика с легкостью отмела тысячелетнюю традицию Священной Римской империи, трудно было ожидать, что она остановится перед чем-то другим. Самым драматическим образом это сказалось на судьбе Польши.

Польша так и не оправилась от «кровавого потопа» (1648—1667), когда ее наводняли шведы, бранденбуржцы, русские, татары и казаки. Польское государство выжило, но понесло колоссальные потери от войны, татарских набегов, еврейских погромов и, как всегда, самого губительного явления — эпидемии чумы, которая в 1664—1665 гг. достигла Западной Европы. Около 10 тыс. деревень были совершенно опустошены, а такие многолюдные и богатые города, как Данциг (Гданьск), потеряли значительную часть населения и торгового оборота. Польша перестала быть житницей Европы. Все интервенты — протестанты (шведы и бранденбуржцы),

православные (русские), мусульмане (татары) — преследовали католиков и евреев. Католическая реакция была неизбежна, и Польша, некогда славная своим религиоз-

* Briggs A. Modern Europe 1789-1980. Longman: London forthcoming.

272

Карта 6.1. Разделы Польши

ным плюрализмом и конфессиональной терпимостью, все больше становилась одной из самых фанатичных и консервативных стран Европы. Корона потеряла две трети доходов, а вместе с ними и большую часть политического авторитета.

Подобная ситуация привела к тому, что в государстве — «республике»³, как называло его население, — безраздельно господствовали крупные магнаты, опиравшиеся на частные армии, обширные слои среди неимущих шляхтичей, и контролировавшие польский Сейм с помощью права *liberum veto* (см. гл. 4).

Во время Северной войны между Швецией и Россией (см. гл. 4) Польша вновь стала полем битвы для иностранных армий, а после поражения Швеции русские войска остались на ее территории. Россия все более и более становилась третейским судьей и доминировала

273

в польской политике. Соответственно, Россия была естественным образом заинтересована в слабой Польше. Когда новый польский король Станислав Август Понятовский (1764—1795), получивший трон благодаря русской поддержке, задумал конституционные реформы, Екатерина II спровоцировала в Польше Гражданскую войну, чтобы не позволить ей стать более независимой. В конфликт неизбежно оказались втянуты ближайшие соседи Польши — Пруссия, Австрия и Турция. Русские войска успешно действовали против турок и в равной степени успешно поддерживали партию сторонников России внутри Польши. Тем не менее опасаясь открытого столкновения с Пруссией и Австрией, Екатерина предпочла решить проблему за счет территориальной целостности Польши (1771). Фридрих II аннексировал Королевскую (западную) Пруссию; однако он заботился не столько о коридоре между Померанией и Восточной Пруссией, сколько о том, чтобы держать русских подальше от нижнего течения Вислы и важных торговых городов — Данцига и Торна (Торунь). Австрия получила Галицию с Лембергом (Львов). При этом императрица Мария Терезия все еще жалела об упущенных возможностях; на сей счет Фридрих II иронически заметил: «Она стонет и рыдает, но все равно забирает все». Россия получила Белоруссию — значительную часть Восточной Литвы.

Реформы и последние разделы Польши

Судьба Польши была решена с того момента, когда возобладал принцип балансирования сил

сильных стран за счет слабых. Нельзя сказать, чтобы поляки совершенно игнорировали уроки своей хаотичной истории. В течение двадцати лет после 1772 г. были проведены некоторые реформы, вдохновленные Французским Просвещением и Американской революцией, достаточно разумные и для того времени даже весьма эффективные. Принцип *liberum veto* упразднился, а решение в сейме принималось большинством голосов; граждане королевских городов получали ограниченное избирательное право. Монархия становилась наследственной, но правительство отвечало перед сеймом. Налоговая система и армия реформировались. Прекращение деятельности ордена иезуитов на территории Польши (1773) позволяло значительно улучшить светское образование. Религиозная терпимость восстанавливалась. Масштабы и перспективы этих реформ вдохновили самого Руссо.

Значительное число этих реформ были политическими. Хотя магнаты и пытались блокировать более либеральный свод законов о кре-

274

стьянах, многие из них сами дали своим крестьянам личную свободу или уменьшили трудовую повинность до приемлемых условий. На королевских землях крестьяне даже получили право подавать иски на королевских управляющих в специальные суды. Эти перемены не были настолько радикальными, чтобы решительно трансформировать социальную структуру страны. Однако они сделали польские условия настолько привлекательными, что около 300 тыс. русских крестьян бежали в Польшу; даже около 10 тыс. немцев эмигрировали в «республику». Все эти политические и социальные реформы вместе взятые, особенно на фоне Французской революции, были совершенно неприемлемы для перепуганных властей России, Пруссии и Австрии. Еще раз их войска двинулись в Польшу. В результате второго раздела (1793) Пруссия заняла Позен (Познань) и Великую Польшу, Россия аннексировала оставшиеся белорусские земли от Двины до Днестра, и только Австрии пришлось удовлетвориться обещаниями поддержать ее баварские замыслы. Русские, как всегда, имели своих сторонников в Польше — группу консервативных магнатов. Но большинство польского населения и армия решили сопротивляться. Под руководством Тадеуша Костюшко (который воевал против англичан в Америке и был другом Джорджа Вашингтона), поляки одержали несколько впечатляющих побед, но затем были подавлены численностью и превосходящим вооружением русских и прусских войск. На сей раз союзники поделили остаток Польско-Литовского королевства: прусские войска заняли Варшаву и продвинулись на восток до Немана, австрийские оккупировали Краков и Малую Польшу вплоть до Варшавы, а русские — остальные территории на востоке (1795). Иными словами, еще до того, как армии революционной Франции пересекли восточную границу Бельгии, великие «легитимные» монархии разрушили традиционную систему государств Центральной и Восточной Европы.

Просвещенный абсолютизм

Правительства, которые нанесли этот удар европейской системе государств, совершили это во имя роялистской легитимности и государственного авторитета. Не одно столетие монархически настроенные авторы подчеркивали тесную связь этих двух идей, соединяя с ними третью идею общего блага, или благоденствия подданных. Эти положения оказались исключительно долговечными, поскольку в некоторых сферах общественной жизни соответствовали реальному опыту.

275

С точки зрения внутренней политики он подразумевал создание эффективного административного аппарата — гражданской службы, способной управлять страной по возможности невзирая на интересы могущественных магнатов, корпораций или групп влияния (см. гл. 4, с. 176-178).

Для подданных абсолютных монархий подобная деперсонализация управления в целом оказалась большим благом, ибо делала осуществление властных полномочий более упорядоченным и предсказуемым. Королевские чиновники (по крайней мере, высшие) были, как правило, образованными людьми, которые, несмотря на пресловутое своекорыстие, проводили в жизнь идею государственной службы, основанной на рациональных принципах. В середине XVIII в. они стали применять на деле некоторые элементы просветительской идеологии, переоценивая в холодном свете разума почетные привилегии и издавна установившиеся методы управления. Чиновники запрещали гильдии с их ограничениями на производство продукции и наем подмастерьев, или, по крайней мере, ослабляли их влияние. Они проводили кодификацию и рационализацию законодательства, изымали законы против колдовства, ликвидировали или

смягчали законы против еретиков. Чиновники старались улучшить начальное и среднее образование, устранить самые вопиющие пороки тюремной системы, запретить или ограничить использование пыток в уголовных делах. Постепенно короли и князья начали усваивать тот же образ мыслей. Если Людовик XIV обосновывал свою власть перед подданными и самим собой, заявляя, что служит наместником Бога на земле, то Фридрих II Прусский называл себя первым слугой государства. Вскоре подобные высказывания стали модными в королевских окружениях. Многие историки не считали просвещенный абсолютизм (сам термин не являлся современным и появился в XIX в.) явлением, заслуживающим серьезного внимания: с их точки зрения, это была интеллектуальная мода, которой на словах отдавали дань некоторые европейские правители. Но приверженцы такой точки зрения недооценивали, сколь мощный мертвый груз традиций и предрассудков все еще оставался в европейском обществе даже в начале XVIII в. В равной степени они недооценивали вполне реальные достижения в жизни общества: впервые с теми, кто принадлежал к вере, отличной от веры правителей, более не обращались как с преступниками; те, кто был обвинен в гражданских преступлениях, более не подвергались пыткам. Многочисленные и вопиющие нарушения элементарных прав человека, происходящие даже в наше время, показывают,

276

сколь трудно оказалось сохранить самые скромные достижения просвещенных правительств XVIII в. Фридрих II и современные ему монархи не считали, что поступаются хоть частью своей власти. В России Екатерина II Великая (1762—1796) создала законодательную комиссию (1767), в которую вошли представители, избранные от всей России. Комиссия обсуждала различные реформы, но вскоре правительство распустило ее и сфальсифицировала отчеты о заседаниях и резолюции при публикации. Вся эта затея представляла собой не более чем пропагандистский ход с целью подкрепить законность положения Екатерины. Поскольку она узурпировала трон, когда толпа гвардейцев убила ее мужа, то в течение всей своей жизни она более всего беспокоилась о предотвращении того, чтобы ее сын наследовал своему отцу. При дворе Екатерины говорили по-французски и подражали французским манерам и модам. За это она получила немало похвал от французских мыслителей, большинство из которых никогда не бывало в России. Российский административный аппарат, однако, оставался централизованным и полностью находилась в руках царицы, а в социальном плане она опиралась на поддержку дворянства. Основная масса населения России, крепостные крестьяне, оставались фактически незащищенными от эксплуатации со стороны своих господ. На первом месте для Екатерины была мощь государства, и эту мощь она использовала в весьма победоносных экспансионистских войнах — в Польше и против турок.

Император Иосиф II более живо интересовался благосостоянием собственных подданных, но преимущественно из патерналистских соображений. В конечном счете его, как и Екатерину, заботило лишь создание единого государства — хорошо управляемого и позволявшего проводить силовую политику. Однако его войны с турками по большей части шли не очень удачно, а попытка получить Баварию взамен Австрийских Нидерландов (Бельгии) совершенно не удалась. Высокомерное пренебрежение, с каким Иосиф относился к местным привилегиям и традициям, породило массу недовольства и ко времени его смерти (1790) поставило Нидерланды, а также некоторые другие провинции на грань восстания. Его преемнику Леопольду II (1790-1792) пришлось упразднить многие административные реформы своего брата. Прежде чем стать императором, Леопольд был великим герцогом Тосканы и сделал это государство образцом эффективной и гуманной администрации XVIII в. И в силу характера, и в силу обстоятельств (ограниченных ресурсов своего герцогства) Леопольд счастливо избежал экспансионистских амбиций владетельных собратьев. Но даже при нем передовое государственное устройство, предусмат-

277

ривавшее представительное управление Тосканы, осталось лишь на бумаге.

Немногие мыслители и писатели эпохи Просвещения одобряли воинственные наклонности своих правителей. Вольтер желчно их высмеивал, а прусский философ Иммануил Кант (1724—1804) написал вдохновляющий трактат о необходимости и возможностях достижения вечного мира. Впрочем, многие из этих мыслителей чувствовали, что замысленные ими реформы можно осуществить лишь с помощью абсолютизма монархов. Монархи, оставив попытки оправдать свое положение религией и традицией, сделав выбор в пользу разума, гуманности и просвещенной власти, опасно ограничили основу своего авторитета. Конечно, мотивы монархов нельзя сводить к личным капризам. Их позиции и действия зависели как от развития властных институтов, так и от тенденций в просвещенном общественном мнении. Со своей стороны, подданные теперь все больше и больше оценивали своих государей и правительства по чисто рациональным критериям. Привилегированные слои сетовали, что центральная власть покушается на их привилегии; менее привилегированные массы были недовольны

медлительностью и непоследовательностью реформ и видели в монархии защитника неразумной системы и косной церкви. Под давлением этих сил просвещенный абсолютизм XVIII в. должен был либо погибнуть, либо трансформироваться в конституционное государство. Но этот процесс растянулся до середины XIX в., а к тому времени возникли уже очередные проблемы, которым предстояло изменить условия политической жизни европейских государств.

Неудавшиеся революции

Совсем недавно некоторые историки высказали мнение, что последние три десятилетия XVIII в. были эпохой «атлантической революции». Рост населения, безработица и другие экономические проблемы, истощение правительственных финансов, вызванное войнами, оппозиция реформам и просвещенному правлению со стороны знати, горячие призывы французских философов в защиту личной свободы и самоопределения — все это, как полагают, вызвало революционные движения от Нью-Йорка до Варшавы, причем успех Американской революции послужил прекрасным примером для подражания. Все эти элементы, несомненно, характерны для сложных и быстро менявшихся политических, социальных и интеллектуальных условий

278

тогдашней Европы. Однако трудно доказать, что все они имели революционное значение, были изоморфны в разных частях атлантического мира или выступали весомыми факторами общей революционной ситуации. В большинстве стран Европы в это время вообще не происходило спонтанных революций, а там, где они все-таки случались, их мотивация не вписывалась в схему «атлантической революции». Это относится к восстанию Пугачева (см. выше, с. 262), а также к «бунтам Гордона» в Лондоне (1780) — отвратительному всплеску насилия толпы, направленного против ирландцев и католиков, который напоминал революцию не больше, чем любой еврейский погром на Украине.

События в Женеве и Нидерландах стояли лишь ненамного ближе к революции. В швейцарском городе власть долгое время находилась в руках очень ограниченного числа семейств. Бюргерские семейства, исключенные из магического круга, требовали права участия в городском совете и в апреле 1782 г. при поддержке населения заняли ратушу. Приблизительно так же развивались реформаторские движения в XVI в.; разница заключалась лишь в том, что на смену религиозной риторике пришла либеральная. Победенные олигархи обратились за помощью к благожелательным соседям — точно так же, как они сделали бы это два столетия тому назад. Соседи, на сей раз могущественный кантон Берн, вошли в их положение и послали войска для восстановления порядка.

В Нидерландах ситуация была сложнее. При запутанном федеративном устройстве квазимонархам из дома Оранских (штатгальтерам в большинстве из семи провинций), неизменно противостояла регентская партия патрициев-олигархов, контролировавшая города провинции Голландия и в первую очередь Амстердам. В подобной неизменно напряженной ситуации в 1780-х гг. возникла новая партия республиканцев-либералов («патриоты»). Как и в Женеве, эта партия объединяла широкие слои городской буржуазии (торговцев, цеховых мастеров и их наемных работников, представителей свободных профессий), не имевшей доступа к власти. Когда «патриоты» установили контроль над большинством городских советов Голландии и некоторых других провинций (1787), штатгальтер обратился к родственникам — королям Пруссии и Великобритании. Английский флот блокировал голландские порты, а прусская армия вошла в Голландию и восстановила *status quo*.

Нечто похожее произошло и с аналогичным «патриотам» движением в Австрийских Нидерландах (Бельгии) — только на сей раз против императора Иосифа II, замыслившего реформировать местную административную и судебную структуру в духе лучших идей Просве-

279

щения, выступили старинная знать и провинциальные собрания. Привилегированные сословия основывали свои требования на защите своей средневековой хартии, «Радостного вступления» Брабанта⁴, подобно тому как делали аристократы—противники другого самодержца — Габсбурга, Филиппа II Испанского (см. гл. 3). Подобно Филиппу II, Иосиф столкнулся с аристократической оппозицией, возможностями которой только и ждало воспользоваться радикальное народное движение. Как и в XVI в., два крыла антироялистской оппозиции не смогли действовать согласованно. Леопольду II стоило лишь отменить административные реформы Иосифа II, и он тут же нашел общий язык с привилегированными сословиями (1790). У бельгийских «патриотов» не оставалось иного выхода, как обратиться за поддержкой к революционной Франции. Когда в 1793 г. французские войска вошли в Бельгию, они встретили повсеместную симпатию; вместе с тем в очередной раз исход революции был решен вмешательством извне.

Природа Французской революции

Единственная настоящая и неожиданно успешная революция произошла во Франции. Перипетии Американской революции и неудачи «революций» в малых странах свидетельствовали, что авторитет-

ные европейские державы будут любыми способами препятствовать революциям. Они жестко реагировали даже на далеко идущие, но не революционные реформы, такие, как те, что провела социальная и политическая верхушка в Польше. В 1772 г. король Швеции Густав III произвел конституционный переворот с целью подчинить себе шведский парламент — к вящему удовлетворению королевских дворов Европы. Лишь Америка, по-видимому, казалась районом достаточно удаленным, чтобы монархии решились выступить там на стороне восставших. Тем не менее антиреволюционные инстинкты европейских дворов иногда уступали место соображениям государственной пользы. Там, где ситуация обещала быстрые выгоды от тактического сотрудничества с иностранными революционерами (особенно если это можно было сделать за счет слабой третьей стороны), политические убеждения отходили на второй план. Это означало, что революция может победить либо в удаленном от Европы регионе, либо в стране, достаточно крупной и сильной, чтобы отразить иностранную интервенцию или заключить сделку со своими врагами.

280

Поскольку принятый в Англии режим ограниченной монархии с олигархическим парламентом отличался большой гибкостью, а быстрое экономическое развитие и высокая социальная мобильность в конце XVIII в. смягчали общественную напряженность, в Англии революция была маловероятна. Таким образом, единственной страной, где революция вполне могла произойти и завершиться успехом, оставалась Франция. Когда это случилось, армии революционной Франции, естественно, могли оказать и оказывали эффективную поддержку революционным движениям в других странах*.

Уже в начале Французской революции ее природа и причины получили определение, и это определение затем доминировало в историографии революции. Считалось, что общество аристократических привилегий было свергнуто непривилегированными слоями — крестьянством и буржуазией, или, в терминах марксистской историографии, феодальная социально-экономическая система была заменена буржуазной капиталистической системой. Аристократия, писал в 1789 г. революционный политик Сийес, представляла собой

целый класс... который гордился неколебимостью своего положения посреди всеобщего движения и потреблял большую часть [национального] продукта, нисколько не содействуя его производству**.

Такой класс, естественно, не имел никакого права на политическую власть. Три года спустя другой революционный политик, Барнав, возвел схему Сийеса в ранг исторического закона развития: *Аристократия правит до тех пор, пока сельское население не занимается прочими ремеслами [т. е. промышленностью и торговлей] и пока богатство заключается лишь во владении землей... Но как только промышленность и торговля начинают широко распространяться и создают новые средства дохода для работающего населения [т. е. для тех, кто, в отличие от аристократии, трудится], наступает революция, согласно политическим законам; новое распределение богатства приводит к новому распределению власти. Точно так же как владение землей составляло силу аристократии, промышленная собственность составляет силу народа и приобретает ему свободу...****

* Briggs A. Modern Europe 1789-1980. Longman: London forthcoming. ** Soboul A. La revolution francaise. 2 ed., Paris, 1981. P. 11. *** Ibid. P. 9.

281

Были ли причины Французской революции настолько простыми, а сама революция настолько неизбежной, как следует из этой схемы?

Привилегии и их критика во Франции

Действительно, на протяжении почти всего XVIII в. французскую аристократию постоянно критиковали. Однако она уже давно утратила однородность: в 1789 г. в стране насчитывалось около 400 тыс. дворян, но из них от 30 до 50 тыс. получили свои титулы в XVIII в., а почти половина дворянских родов восходила всего лишь в XVII в. Богатые люди приобретали дворянское звание путем покупки высоких должностей или дворянских имений. Старинное различие между благородными и неблагородными занятиями все больше стиралось. Дворяне охотно вкладывали деньги в заморскую торговлю, горное дело, производство стекла и других изделий, а богатые простолюдины старались приобрести освобождение от налогов и другие привилегии, прежде считавшиеся исключительно дворянской прерогативой. Франция стала страной индивидуумов, групп и корпораций, обладавших теми или иными привилегиями. Разумеется, находились люди, особенно среди старинной поместной аристократии, которые отвергали новое положение вещей и настаивали на прежних привилегиях более резко, чем когда бы то ни было. Но поскольку нобилитет и богатая привилегированная буржуазия представляли собой класс образованных людей *par excellence*, именно в их среде нашел наибольший отклик социальный и политический критицизм эпохи Просвещения. «*Cahiers de doleance*», т. е., «наказы» сословий, представленные правительству в 1789 г. депутатами Генеральных штатов, свидетельствуют, что если народ — третье сословие — был озабочен прежде всего проблемами насущными и местными, то «наказы» дворянства наполнены присущими эпохе Просвещения

концепциями социальной справедливости.

Таким образом, правящие классы Франции были очень далеки от единства, а многие вдумчивые их представители пребывали в сомнениях по поводу своего положения. В то же самое время происходили крайне яростные литературные и интеллектуальные нападки на весь мир привилегий в целом.

Пожалуй, самым ярким примером этого был блестящий роман Шодерло де Лакло «Опасные связи» (1782), демонстрирующий крайности в психологических приемах достижения своих целей безнравственными способами, при которых используется положение привилегированного аристократа. Не столь тонкой и глубокой, но зато более эффектной была пьеса Пьера Огюстена Карона де Бомарше «Женитьба Фигаро» (1784). Ее главный персонаж, камердинер

282

Фигаро (впервые выведенный за восемь лет до этого в «Севильском цирюльнике»), побеждает своего соперника, графа Альмавиву, с помощью хитроумных интриг, заставляя его, в частности, отказаться от «*jus primae noctis*» — совершенно мифического права феодального сеньора провести ночь с любой своей крестьянкой перед ее свадьбой.

Примечательно, что цензура сначала запретила пьесу, но после того, как ее несколько раз сыграли в некоторых высокопоставленных домах, запрет был снят, тем самым обеспечив ей кассовый успех. Разумеется, никто по-настоящему не верил, что «право первой ночи» было законной привилегией аристократии; но в чисто психологическом отношении пьеса Бомарше оказалась созвучна сильным антиаристократическим настроениям французской публики. Самое любопытное состоит в том, что всего лишь через год Моцарт при поддержке и полном одобрении императора Иосифа II использовал пьесу Бомарше в качестве либретто (его политические акценты были лишь чуть-чуть смягчены) своей оперы «Женитьба Фигаро».

Историки в большинстве своем согласны, что идеи философов Просвещения не могли непосредственно инспирировать Французскую революцию; однако они ставили под сомнение старинные социальные и психологические допущения, на которых покоилась сословная структура европейского общества. Даже католическая церковь не была защищена от этого. Все меньше молодых людей избирало духовную карьеру; семинарии закрывались, монастыри и церковные собрания пустели. Некоторые правительства (в частности, правительство Иосифа II) делали из этого обстоятельства логичный и разумный вывод, что подобные учреждения в прежнем количестве больше не нужны. Иосиф II закрыл (1782) все монашеские ордена, не занимавшиеся практической деятельностью, и 150 монастырей. Удивительнее всего оказалась судьба иезуитов. Общество Иисуса, один из передовых отрядов Контрреформации, элитное духовное войско папства, потеряло большую часть своей прежней репутации. Главные его враги, янсенисты (католическое движение, утверждавшее примат провидения над свободой воли) не простили иезуитам того, что они помогали уговорить пап (в XVII и начале XVIII в.) осудить их убеждения. Во Франции янсенисты уже не были организованным движением, но все еще имели влиятельных сторонников и в судебных инстанциях, и среди высшего духовенства, которое всегда стремилось защитить Галликанскую (французскую) церковь от вмешательства пап; даже при дворе их влияние стало преобладающим. В 1773 г. французское правительство при поддержке властей Испании и Португалии фактически вынудило слабого папу Бенедикта XIV упразднить орден иезуитов. По иронии судь-

283

бы, иезуиты как организация продолжали существовать только в православной России, которая традиционно была заклятым врагом папства и его учреждений. В 1814 г. папа Пий VII восстановил орден.

Кризис французской монархии

Сама по себе атмосфера всеобщей критики и сомнения в традиционных ценностях даже вкупе с упадком духа среди французской элиты вряд ли могла привести к революции. Значительно более веской причиной было то, что французская власть потеряла способность быстро решать проблемы в меняющейся ситуации. В течение многих столетий французская монархия осуществляла свою абсолютную власть с помощью издания многочисленных законов и растущего числа королевских чиновников, преобладавших над традиционными учреждениями страны. Повсюду реальные административные возможности центральной власти ограничивались рамками этих учреждений. Королевские чиновники покупали свои должности; поэтому их нельзя было уволить. Личные интересы чиновников совпадали не столько с планами королевского правительства, сколько с интересами локальных корпораций — городских советов, «парламентов» (судов), провинциальных собраний, университетов и гильдий. Способные министры, пытавшиеся хоть как-то изменить положение, раз за разом упирались в непреодолимую стену сплоченных корпоративных

интересов. После смерти Людовика XIV чиновничество всегда находило поддержку при дворах его безвольных и слабых преемников. Людовиком XV управляли энергичные фаворитки, а Людовиком XVI — энергичная, но политически неискушенная и некомпетентная королева, австрийка Мария Антуанетта.

Кризис, как в свое время с Филиппом II, Карлом I и другими представителями «старого режима», начался с финансов. Франция выиграла войну в Америке, но финансировала ее не за счет увеличения налогов, а за счет займов. В период экономического роста это обстоятельство, возможно, и не имело бы последствий. Однако с 1770-х гг. Франция страдала от циклической депрессии, усугубленной рядом неурожаев и растущей конкуренцией с Британией на французском внутреннем рынке. Доходы правительства сильно упали; потерпели банкротство несколько частных финансистов, которые контролировали фактически независимые департаменты. В 1786 г. Шарль Александр де Калонн, генеральный контролер (министр финансов и ведущее лицо администрации), обнаружил, что государственный кредит исчерпан. Банкиры больше не давали денег. Калонн вполне сознавал,

284

что правительство Франции столкнулось с чем-то большим, нежели временный кризис.

Несоразмерность, несогласованность, несоответствие различных частей монархического государственного устройства, — писал он, — является источником фундаментальных пороков, которые подрывают его силу и искажают всю его организацию... Нельзя устранить ни один из этих недостатков, не выступая против начала, производящего и консервирующего их... Лишь оно влияет на все... всему вредит... и противостоит всякому благу. Королевство, состоящее из земель со штатами и без, земель с местными собраниями, земель со смешанным управлением, королевство, где провинции чужды друг другу, где многочисленные внутренние барьеры разделяют подданных одного и того же суверена, где есть места, свободные от тех тягот, которые полностью переложены на других, где богатейшее сословие ничего не производит, где привилегии нарушают всякую согласованность, где не представляется возможным иметь ни устойчивого правления сверху, ни выражения общей воли снизу — это королевство очевидно ущербное, переполненное злоупотреблениями, которым нельзя управлять хорошо... Ибо на деле выходит, что управление устроено слишком сложно, общественное участие в нем слабо и очень неравномерно, торговле препятствуют многочисленные ограничения, обращение продуктов и денег во всех сферах затруднено, сельское хозяйство подавлено непомерными налогами, государственные финансы истощены огромными процентными ставками и хаотичностью расходования средств*.

Осенью 1786 г. Калонн предложил новый земельный налог. Он должен был заменить несколько прежних, от которых многие научились избавляться теми или иными способами; налог подлежал одобрению представительных собраний земельных собственников на местном и провинциальном уровнях. Чтобы улучшить состояние экономики в целом, Калонн предложил упразднить внутренние таможенные пошлины, налоги на импорт и экспорт зерна и так называемые «corvees», т. е. принудительные дорожные работы.

Хотя проект Калонна представлял собой причудливую смесь передовых идей физиократов со старинными средневековыми идеями представительства, в целом он был значительным шагом по пути

* Doyle W. Origins of the French Revolution. Oxford, 1980. P. 52.

285

к революции. Ни одно европейское правительство «старого режима» никогда не предлагало столь радикальных реформ в одном пакете. Калонн не питал иллюзий относительно того, что даже абсолютная французская монархия способна провести их своими силами. К тому же нужно было убедить финансистов в том, что правительство взялось за дело всерьез. Возникла мысль о созыве Генеральных штатов; однако последний раз они созывались в 1614 г. и, как свидетельствовала история, показали себя органом малоэффективным и непокорным правительству. Поэтому Калонн созвал Ассамблею нотаблей, т. е., «самых первых и просвещенных людей в королевстве, влиятельных и достойных общественного доверия». Они были назначены королем.

Собравшиеся весной 1787 г. нотабли были намерены одобрить некоторые из представленных реформ (включая равные для всех налоги), но выразили недоверие Калонну, который очень уклончиво высказывался по поводу действительного положения финансов: режиму с такими давними автократическими традициями крайне трудно решиться на открытые консультации. Ассамблея ничего не достигла. Калонн был отправлен в отставку, а его преемники, которым так и не удалось разрешить финансовый кризис, в августе 1788 г. назначили созыв Генеральных штатов на 1789 г.

Это означало, что французская монархия больше не могла управлять страной по собственному усмотрению. Людовик XVI теперь заскользил вниз по склону, на котором не за что было

зацепиться, — точно так же, как и Карл I, когда его вынудили созвать Долгий парламент в 1640 г. Равным образом, во Франции 1789 г., как и в Англии 1640 г., многие представители правящего класса хотели использовать эту благоприятную возможность, чтобы изменить политическое устройство страны по своим представлениям. Но во французском сценарии было еще больше действующих лиц, которые ждали своего часа за кулисами. Крестьян, которым многие века эксплуатации внушили неискоренимую ненависть к землевладельцам, беспокоило падение урожаев и тревожили слухи о бандах разбойников, якобы организованных знатью; большая часть непривилегированных горожан страдала от экономического спада и безработицы. Все эти люди вскоре нашли предводителей в лице решительных политиков, публицистов и интеллектуалов, желавших воспользоваться кризисом «старого режима», чтобы изменить не только французскую политику, но и французское общество.

286

Архитектура и искусство

Возрождение классицизма

С середины XVIII в. рококо, элегантный стиль придворной и церковной архитектуры, начал уступать место возрождавшемуся классицизму; это было явным признаком упадка придворного общества как символа общественной элиты. Самой влиятельной фигурой в новом движении стал Иоганн Иоахим Винкельман (1717—1768), немецкий ученый, который служил библиотекарем Ватикана и большую часть сознательной жизни провел в Риме. Винкельман сделал больше, чем кто-либо другой, для выделения археологии и истории искусств в самостоятельные, систематические дисциплины. Для археологии это открыло перспективу более упорядочных и менее разрушительных раскопок в Помпеях (см. гл. 5). В истории искусств Винкельман установил в качестве идеала классическое греческое искусство: чтобы стать великими и даже непревзойденными, утверждал он, нам нужно, по возможности, подражать грекам. Правда, Винкельман никогда не бывал в Греции и свое представление о греческой архитектуре и скульптуре составил преимущественно по римским копиям. Именно из широко популярных книг Винкельмана было почерпнуто распространенное в конце XVIII — начале XIX в. ошибочное убеждение, что классические греческие храмы и скульптуры были белыми, а не раскрашенными. Церкви и ратуши строились белыми, и многие общественные здания имели входы с греческими колоннами и фасады, как у античных храмов. Широкое распространение получила светлая мраморная скульптура. Для поколения, которому предстояло строить не столько церкви и дворцы, сколько госпитали, фабрики, казармы, школы и богадельни, неоклассический стиль тоже послужил источником строгих и гармоничных образцов пропорциональных зданий.

В живописи стиль рококо сохранялся несколько дольше, но и здесь чувствовалось несомненное движение в сторону романтического неоклассицизма, главным выразителем которого стал Жак Луи Давид (1748—1825). Полотно Давида «Клятва Горациев» (1784) считалось своеобразным манифестом нового художественного стиля и вместе с тем (хотя, возможно это и не входило в замысел художника) апофеозом патриотических добродетелей простых граждан — в противоположность изнеженной, искусственной и эгоистичной придворной жизни. Впоследствии Давид стал депутатом Национального

287

собрания (1792) и фактически художественным диктатором революции, а позже сделался придворным художником при Наполеоне. Больше ни одна революция и ни один военный диктатор не имели в своем распоряжении мастера такого масштаба. Именно Давиду мы обязаны тем, что можем зрительно ощутить пластический образ революции и наполеоновской эпохи (или, во всяком случае, представить, какими хотели видеть себя их крупнейшие деятели).

Начало романтизма

С самого начала возрождение классицизма заключало в себе сильный романтический элемент. Руины античных построек, полускрытые темно-зеленой листвой, обладали непреодолимой романтической притягательностью. Они выглядели так еще в XVII в., в классических пейзажах Пуссена и даже в «chiagoscigo», контрастных ландшафтах Клода Лоррена. В середине XVIII в. это мироощущение или вернее, настроение, с новой силой выразил Джованни Баттиста Пиранези (1720—1778), создавший на архитектурные мотивы несколько серий гравюр с изображением романтических руин центральной Италии («Виды Рима»). Гравюры Пиранези справедливо пользуются большой популярностью и в наше время.

В литературе и философии романтизм был не столько элементом возрождения неоклассики, сколько отрицательной реакцией (особенно у молодого поколения) на откровенную рассудочность

и бездушность философов Просвещения и их рационализма. Немецкий поэт Иоганн Вольфганг Гёте (1749—1832) рассказывает, как он и его приятели в бытность студентами Страсбургского университета, в 1770-х гг., воспринимали сочинение барона Гольбаха «Система природы» (1770), отрицавшее религию и свободу воли в пользу атеистического материализма:

Мы не могли расстаться с надеждой, что со временем будем делаться все разумнее, все независимее от внешних обстоятельств, более того — от самих себя. Слово «свобода» звучит так прекрасно, что от него невозможно отказаться, хотя бы оно и обозначало лишь заблуждение.

Никто из нас не дочитал эту книгу до конца, ибо, раскрыв ее, мы обманулись в своих ожиданиях. Она сулила нам изложение системы природы, и мы и вправду надеялись узнать из нее что-нибудь о природе, нашем кумире... Но как же пусто и тоскливо стало у нас на душе от этого печального атеистического полумрака, закрывшего

288

собой землю со всеми ее образованиями, небо со всеми его созвездиями. Материя, утверждала книга, неизменна, она постоянно в движении, и благодаря этому движется вправо, влево, и во все стороны без дальнейших околичностей возникают все бесконечные феномены бытия*.

Некоторые авторы были еще более радикальны в своем романтическом неприятии рационализма. В «Рассуждении о науках и искусствах» (1750) Руссо доказывает, что с помощью искусств и наук власть имущие подавляют естественное чувство свободы, для которой рождены люди, и заключает свое рассуждение риторически блестящей, но пугающе-иррациональной романтической апологией не вкусившей образованности добродетели:

О, добродетель, возвышенная наука простых душ! Нужно ли, право, столько усилий и приспособлений, чтобы тебя познать? Разве не запечатлены во всех сердцах твои принципы и разве, чтобы узнать твои законы, не достаточно уйти в самого себя и прислушаться к голосу своей совести, когда страсти безмолвствуют? Вот истинная философия, научимся же ею довольствоваться**.

В подобном мироощущении кроются истоки не только романтизма, но тех антирациональных и антиинтеллектуальных движений, которые возникли в XIX и XX вв. Правда, весьма сомнительно, что Руссо, этот истинный сын Просвещения, мог бы принять их вульгарность и деструктивность.

Гайдн и Моцарт

В музыке конца XVIII в. была достигнута та высшая гармония и соразмерность, которую искал молодой Гёте и которую сам он впоследствии воплотил в своих художественных сочинениях: гармония и соразмерность классической формы и романтических чувств, элегантности придворного рококо и земного юмора народного театра, глубокой религиозности и глубокого уважения к человеческой личности.

Йозеф Гайдн (1732-1809) и Вольфганг Амадей Моцарт (1756-1791) все еще вынуждены были делать карьеру как придворные композиторы.

* Гёте И.В. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. М., 1976. С. 414. ** Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 30.

289

ры. Гайдн служил у венгерских магнатов, князей Эстерхази, а Моцарт — у князя-архиепископа Зальцбургского. Оба стремились вырваться из этой тягостной атмосферы. Моцарт еще ребенком гастролировал с концертами, а впоследствии, порвав с деспотичным и лицемерным архиепископом, вел полную тягот жизнь свободного музыканта и композитора в Вене; там он и умер в полной нищете, несмотря на вею свою славу. Гайдн в поздний период творчества дважды побывал с гастролями в Лондоне (1791, 1795), где нашел публику достаточно многочисленную и состоятельную, чтобы концерты принесли финансовый успех. Лишь представитель следующего поколения, Бетховен (1770-1827), смог вести жизнь относительно обеспеченную (но далеко не богатую) безо всякой поддержки дворов.

За свою долгую жизнь Гайдн создал множество симфоний, квартетов, месс, опер и других сочинений, которые с тех пор доставляют наслаждение профессионалам, любителям и широкой публике. Итоговыми произведениями Гайдна считаются две грандиозные оратории — «Сотворение мира» (1798) и «Времена года» (1801), в которых с наибольшей силой проявились религиозные чувства композитора и его просвещенная вера в рациональность и гармоничность мира.

Сочинения Моцарта, даже еще в большей степени, чем Гайдна, сочетают в себе живость, изящество, глубину переживаний и совершенство форм. В своих операх он довел психологическую прорисовку характеров до таких высот, которые оказались совершенно новым явлением для этого музыкального жанра и впоследствии никем не были превзойдены. Моцарт принадлежал к братству Вольных Каменщиков — международному обществу, разделенному на местные ложи. Масоны XVIII в. сочетали веру в Бога, лишенную сектантской узости, с мистической, но всегда рациональной гуманистической философией; членами масонских лож были многие выдающиеся умы эпохи. Некоторые оперы, особенно последняя («Волшебная флейта», 1791), непосредственно связаны с масонской верой. Однако во всех операх без исключения он превозносит целостность человеческой личности (которую Дон

Джованни — Дон Жуан — оскорбляет, совращая женщин, за что статуя увлекает его в ад), гуманность, прощение и подлинная сущность любви. Эти ценности отнюдь не навязываются слушателю, а органически возникают для него из удивительного сочетания глубоких чувств, разума и юмора. «Волшебную флейту» вполне можно (обычно так и бывает) воспринимать как сказочное повествование с захватывающей музыкой. Но сам Моцарт стремился изобразить в ней скитания или искания человеческой души, которая через многие превратности обретает мужество, способность прощать, дру-

290

желюбие, любовь и мудрость. Ни одно произведение не воплощает с такой исчерпывающей полнотой стремления европейской цивилизации XVIII в.

Заключение

В 1789 г. Европа начинала выглядеть современной. На Западе личная зависимость крестьян была практически ликвидирована, а на Востоке все правительства (за исключением лишь России) по крайней мере начали, пусть и весьма осторожно, заниматься этой проблемой. Рабство и работорговля все еще процветали, но уже перестали считаться нормальным и естественным и все больше становились объектами критики. Благополучие или даже просто жизнь, обеспеченная питанием, одеждой и жильем, пока еще была привилегией меньшинства; однако число обеспеченных людей росло. Реальная угроза голода и нищеты отступила благодаря улучшению путей сообщения, позволявших быстро доставлять продукты питания в любой район, и благодаря реальному росту общественного благосостояния. Последний был результатом разделения труда — как это показал Адам Смит — а также результатом индустриализации. В последнюю четверть XVIII в. машины и продукты машинного производства стали оказывать реальное влияние на европейскую экономику. Фабрики, эти, по выражению поэта Уильяма Блейка, «сатанинские мельницы», изменяли ландшафт, трудовые привычки и образ жизни все большего числа людей. Фабрики, рост специализации, улучшение дорог и каналов, растущий объем перевозок и торговли (в 1783 г. во Франции был запущен первый шар, наполненный горячим воздухом, и человек сделал первый шаг к завоеванию воздушного пространства) — все это свидетельствовало, что экономикой и обществом все больше управляют деньги и рыночные отношения. Хотя земля и земельная рента продолжали быть основным источником богатства и дохода, торгово-промышленный капитал и его прибыльность быстро сокращали свое отставание. В результате начало стираться различие между земельной аристократией и собственниками других форм капитала, состоятельными простолюдинами или буржуазией. Показательно, что моды в одежде также сглаживали социальные различия, хотя и не скрывали разницу в достатке.

Было по меньшей мере вероятно, что в конце концов социальные и политические институты Европы адаптируются к этим переменам. Это было тем более возможно, что эти институты никогда не были

291

стабильными. Один из самых важных аспектов европейской истории всегда составляла история «приспособления» — как правило, весьма болезненного — социальной структуры к меняющейся обстановке. Теперь перемены происходили все быстрее. Во второй половине XVIII в. люди интеллектуально и психологически были готовы к переменам гораздо больше, чем когда бы то ни было со времен триумфа христианства в эпоху поздней Римской империи. Церковь утратила монопольное право судить человеческие мысли и поступки. От вмешательства теологов почти совершенно освободились такие области, как естественные науки, экономика, право, политическая мысль и практика — пусть даже занятые в них люди и продолжали считать себя добрыми христианами. Даже в образовании, одном из величайших бастионов традиции, влияние церквей было подорвано. Признаком общего изменения умонастроения можно считать терпимость (хотя и не абсолютную) к инаковерующим и признание прав евреев во многих странах.

Эта перемена в восприятии начинала влиять на практически все общественные ценности и традиции. Уголовный кодекс императрицы Марии Терезии 1769 г. разрешал пытки под следствием и предусматривал смертную казнь. Но уже в 1776 г. общественное мнение и сама консервативная императрица были солидарны в том, что пытки необходимо запретить полностью. В 1757 г. человека, совершившего неудачное покушение на Людовика XV, подвергли публичным пыткам и разорвали на части; парижская толпа злорадно наблюдала этот садистский спектакль. Поколением позже, в 1786 г., женщину, задумавшую и осуществившую попытку обманом завладеть бриллиантовым ожерельем, предназначенным для королевы Марии Антуанетты, публично заклеили раскаленным железом, и в это время такое зрелище вызвало только отвращение. Подъем гуманистических настроений повлиял даже на папство, которое запретило

практику кастрации мальчиков-певцов (таких «*castrati*», с мужским сопрано, набирали в церковные хоры и оперы).

Основная сущность «*siècle des lumieres*», Просвещения XVIII в., состояла в том, что любая традиция подлежит проверке разумом, а общество и даже человеческую личность можно исправить. Далеко не все мыслители эпохи Просвещения (и менее всего Вольтер) предавались беспечному оптимизму. Однако нравственное значение веры в прогресс не отрицали даже те, кто, подобно Руссо, рассуждал о добродетелях «естественного состояния», не испорченного новейшей цивилизацией. «Благородный дикарь» стал таким же символом эпохи, как рационально мыслящий философ.

292

Однако многие хорошо понимали, что в человеческой природе таятся темные силы — страсти, которые нельзя искоренить, а в лучшем случае можно укротить и изгнать в подземелье, подобно Королеве ночи в «Волшебной флейте» Моцарта. Но и это оказалось невозможным. Во время Французской революции страсти вырвались на поверхность и в сочетании с прогрессивными гуманистическими идеями Просвещения привели к таким последствиям, которых никто не мог предвидеть. Жизненная энергия, интеллектуальные и художественные поиски, но вместе с ними и разрушительные страсти, жестокая воля к власти над слабейшими — все эти доминирующие черты европейской истории продолжали существовать. Однако теперь, в конце XVIII в., в мире, где европейцы уже создали себе мировые империи и пользовались плодами все убыстряющегося технологического прогресса, эти особенности европейской цивилизации обеспечивали ее носителям на последующие 150 лет несравнимое превосходство над всеми другими цивилизациями.

Примечания

¹ Раскол в Русской Православной Церкви начался с реформ Патриарха Никона и окончательно оформился на Соборе 1666—1667 гг. Другое дело, что реформы Петра I, направленные на превращение если не всей Церкви, то ее руководства, в правительственное ведомство духовных дел по протестантскому образцу, вообще преобразования Петра, нацеленные на вестернизацию России, были встречены староверами в штыки. Не забудем, что поводом к расколу в XVII в. было, среди прочего, стремление Никона «исправить» церковные книги и обряды на Руси, привести их в соответствие с греческими образцами, тогда как его противники утверждали, что именно на Руси только и сохранилось истинное православие, и греки (а тем более «немцы» при Петре) нам не указ.

² Флорида была открыта испанцами и присоединена к владениям испанской короны в 1513 г. После Семилетней войны, в которой Испания выступала на стороне Франции, Флорида отошла к Великобритании, в 1783 г. возвращена Испании, в 1819 г. захвачена США (формально — куплена у Испании). Луизианой первоначально именовался не нынешний одноименный штат, а весь бассейн Миссисипи от Аппалачских гор на востоке до Тихого океана (он тогда еще не был достигнут по суше) на западе, от Великих озер на севере до Мексиканского залива на юге. Эта территория была объявлена владением Франции в 1683 г. и тогда же получила свое название в честь короля Людовика (Луи) XIV. После Семилетней войны Восточная Луизиана (к востоку от Миссисипи) отошла к Англии, а вслед за победой Американской революции — к США. Запад-

1 293

ная Луизиана в результате Семилетней войны была отдана Испании в виде компенсации за Флориду и оставалась за ней и после Версальского мира 1783 г. В 1800 г. Наполеон заставил испанское правительство вернуть Западную Луизиану Франции, но в 1803 г. продал ее США.

Название образовавшегося в результате объединения Польского королевства и Великого княжества Литовского по Люблинской унии 1569 г. государства — Речь Посполита (*Rzecz Pospolita*, иногда пишется в одно слово) — представляет собой полонизированное слово «республика». В этом государстве действительно аристократический сейм постоянно и, как правило, успешно боролся с монархами за верховенство в стране, трон был выборным (хотя окончательно это утвердилось в 1572 г., уже после Люблинской унии), но причина указанного названия не только и, может быть, даже не столько в этом. В Средние века и начале Нового времени термин «республика» понимался как буквальное значение латинского *res publica* («общее дело»), и означал, что в данном государстве все члены общества или его элита (как считалось, представлявшая все общество в целом) рассматривают государственные дела как свои собственные, успехи и беды государства воспринимают как личные беды и успехи, заботятся о государстве даже более, чем о себе, короче, ставят общественное выше личного. «Радостное вступление» (или «радостный въезд») (*dpp.joyeuse entree*) — утвердившийся с начала XIV в. (первое описание дошло до нас от 1340 г.) обычай: торжественно отмечаемое первое посещение того или иного города монархом после его вступления на престол. Этот обряд рассматривался как брак государя с тем или иным верноподданным городом (напомним: фр. *la ville* — «город» — женского рода). Здесь имеется в виду писаная хартия, дарованная «нациям» (так назывались сословия) герцогства Брабантского, входившего тогда в Священную Римскую империю, его монархиней, герцогиней Иоанной (Жанной) в 1356 г. по случаю «радостного вступления» в столицу Брабанта — Брюссель. Этой хартией сословиям Брабанта даровались обширные права и привилегии, герцогство становилось чем-то вроде конституционной монархии (насколько этот термин вообще применим к Средним векам). Следует отметить, что «Радостное вступление» было первым писанным документом такого рода; до этого различные вольности определялись неписаными обычаями.

Новая история новой Европы

(вместо послесловия)

Читатель только что познакомился с книгой британского историка, профессора Гельмута Г. Кёнигсбергера «Европа раннего Нового времени, 1500—1789 годы», которая представляет собой второй том университетского учебника «История Европы»¹. Учебник этот — британский, т. е. принадлежит к иной, нежели наша, исторической традиции, а посему отечественному читателю не помешают отдельные разъяснения.

Данная книга посвящена началу новой Европы, Европы Нового времени. Поэтому мы должны внимательно рассмотреть проблемы периодизации — и именно с этого начинается данную книгу профессор Кёнигсбергер. А мы начнем с вопроса: откуда взялось вообще понятие Нового времени?

Еще в конце XVII в. немецкий ученый Христиан Келлер, исходя из политического, имперского даже принципа, разделил историю на древнюю — до падения Рима в 476 г., средневековую — до падения Нового Рима — Константинополя — в 1453 г. и новую, продолжающуюся донине. Эта схема бытует в среде историков и сейчас, хотя подвергается иными учеными сомнению, в особенности в применении в неевропейскому материалу². Сам ГГ. Кёнигсбергер вполне поддерживает такое членение, во всяком случае по отношению к Европе, а именно этой части света посвящена данная книга.

Впрочем, само слово «новый» никак не является нейтральным. Для того чтобы этот термин укрепился, должны укрепиться в сознании представления о том, что новое — это хорошо. И, кроме того, время становится новым, когда оно ощущается таковым, когда некая

294

295

группа людей, пусть и весьма небольшая (в данном случае итальянские гуманисты), видит «зарю нового века»³, видят, что Средние века, варварская и темная эпоха, к счастью сменяется более светлым и цивилизованным новым временем (см. с. 17).

Следует сказать, что подобное ощущение новизны было присуще не только гуманистам.

Различные протестантские течения также ощущали наступление нового века, выразившееся в обновлении веры, но также и в обновлении мира, наступлении Тысячелетнего Царства Божьего (см. с. 63, 68-69, 73).

Хочу отметить один парадокс. Все поборники новизны — и это вполне характерно для позднего Средневековья или, если угодно, начала Нового времени — апеллируют не к будущему, а к прошлому: все же это была эпоха традиционализма, одно из основных положений которого можно выразить разговорной фразой: «Раньше было лучше». Действительно, цель деятелей Возрождения — восстановить «золотой век» Античности, давно завершившийся. Но ведь и Реформация, по своему этимологическому смыслу (*Reformatio*, от приставки «ге-», означающей возвратное движение, восстановление, возобновление, и «forma»), значит «восстановление первоначальной формы», т. е. сути (не забудем, что в классическом и средневековом словоупотреблении «форма» не есть что-то внешнее, а наоборот, глубинная сущность), восстановление «истинного», первоначального «апостольского» христианства, «христианской древности».

Но, разумеется, не только самоощущение современников лежит в основе периодизации. ГГ. Кёнигсбергер рассматривает различные принципы периодизации, исходящие от разных исторических школ. Иные ведут Новое время от Возрождения, и эта традиция идет еще от классического труда Якоба Буркхардта «Культура Возрождения в Италии» (1-е изд., 1860). Другие — как уже упоминавшийся Х. Келлер — от падения Константинополя в 1453 г.. Третьи рассматривают период XIV—XVIII вв. как единое постфеодальное, но дореволюционное общество. Четвертые, особенно марксисты, считают этот период эпохой зарождения и развития буржуазных отношений, но все же относят его к феодальной формации (для них феодализм — это любое общество, в котором господствуют крупные землевладельцы и в котором крестьяне, не являясь обязательно несвободными в смысле исполнения трудовых повинностей, экономически и социально зависят от землевладельцев). В соответствии с таким определением феодализм продолжал существовать по меньшей мере до Французской революции, до конца XVIII в., а в России и других частях света до революций XX в. (см. с. 19).

296

Историки идей настаивают на рубежном значении научной революции, историки религии — на таковом же значении Реформации. И т. д. И т. п.

Следует сказать, что продление Средневековья, если и не до XX в., то до Французской революции, характерно не только для марксистов (кстати сказать, к отечественным марксистам это относится не в полной мере — см. ниже). Знаменитый французский историк Жак Ле Гофф еще в 1972 г. выступил с идеей «очень долгого Средневековья»⁴ и неоднократно возвращался к ней в

дальнейшем. Согласно этой идее, существенные культурные перемены (Ренессанс, Реформация, Просвещение) затрагивали лишь верхушку общества, а само оно, в глубине, пребывало во «времени большой длительности» (*longue duree*) и оставалось по своим ментальным и социальным (аграрное хозяйство) основам средневековым до 1789 г.

Профессор Кёнигсбергер допускает, что возможны разные типы периодизации, ибо она всего лишь метод, используемый историками для упорядочивания и осмысления материала, а не неотъемлемая черта исторического процесса, «не божественный план, установленный Богом для человечества» (с. 18). В соответствии с принятым в западной науке (а последнее время и в нашей) принципом периодизации он разделяет Новое время на раннее Новое время, от конца Средневековья до Французской революции, и собственно Новое время, от конца XVIII в. до наших дней (с. 19).

Таким образом, описываемый в данной книге период — 1500—1789 гг. — есть некая переходная эпоха, хотя и обладающая внутренним единством, эпоха постфеодальная, но докапиталистическая. Собственно Новое время начинается с 1789 г. — и это тоже ощущают современники, только не Ренессанса, а Революции. Гёте в 1792 г. после сражения при Вальми, когда французская революционная армия нанесла первое поражение союзным войскам европейских монархов (господин министр фон Гёте состоял при армии своего государя, герцога Веймарского Карла-Августа), сказал: «Отсюда начинается новая страница истории».

В заключение разговора об относительности любой периодизации не могу отказать себе в удовольствии привести одну историю, возможно подлинную, возможно вымышленную.

Рассказывают: то ли в 1947 г., то ли в 1948 г. обсуждался план университетского учебника по истории Средних веков, и происходило это, согласно правилам того времени, на самом высоком уровне: на Политбюро ЦК ВКП(б). Спор зашел о том, когда заканчиваются Средние века (эпоха феодализма, как обязательно следовало гово-

297

рить). Одни считали, что Новое время начинается с Возрождения, другие — с Реформации, третьи — с эпохи Великих географических открытий, т. е. с открытия Америки в 1492 г. (кстати сказать, именно эту дату принимали старые дореволюционные гимназические учебники), третьи — с Нидерландской революции 1565 г., четвертые — с Английской буржуазной революции XVII в., пятые — с Французской революции, то есть с 1789 г. Великий вождь народов, корифей всех наук товарищ Сталин внимательно всех выслушал и заявил: «А я думаю, что Средние века заканчиваются Вестфальским миром 1648 года» (вот вам и классик марксизма, который кладет в основу периодизации не социально-экономический, а военно-политический принцип!).

Самоубийц, которые спросили бы: «А почему?» — естественно не нашлось. Парадокс истории, точнее, истории советской (и даже российской) исторической науки состоит в том, что нет уже ни товарища Сталина, ни Политбюро ЦК ВКП(б), ни самой этой партии (вроде бы существует ныне какая-то небольшая компартия, носящая то же название, но это явно не то), ни даже страны, где все происходило, — а учебники по истории Средних веков доныне завершают указанную эпоху вышеназванным Вестфальским миром. Вот так!

Перейдем теперь от временных проблем к тесно связанным с ними проблемам пространственным. Не случайно некоторые историки отсчитывают Новое время от 1492 г. — года открытия Америки. То же, в определенном смысле, чувствовали и современники: «*Со времен сотворения мира величайшее событие (за исключением воплощения и смерти Создателя) — это открытие Индии*» (с. 87; курсив автора), — писал испанский историк XVI в.

Касательно европейской (да и российской) экспансии и в Новый, и в Старый (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия, Сибирь) Свет, Г.Г. Кёнигсбергер высказывает вполне нетривиальные мысли.

Принято считать, что свирепая Европа накинута на мирные беззащитные народы Америки, Азии и Африки. Профессор Кёнигсбергер же настаивает на том, что XV-XVI вв. — эпоха строительства империй, и не только европейских колониальных. Возникают Османская империя и империя Великих Моголов, идет экспансия Китая в Юго-Восточную Азию, создаются государства ацтеков и инков в Америке. «Испанцы и португальцы (добавим от себя, а также англичане и французы, голландцы и русские. — Д.Х.) не врывались в ничего не подозревающий мир, спокойно занимающийся собственными делами» (с. 82).

Необходимо отметить и то, что преимущества Запада перед Востоком обнаружились далеко не сразу. До XVIII в., за исключением Нового Света, европейцы владели лишь прибрежной полосой,

устра-

298

ивали гавани и порты, заключали удачные торговые сделки. Господство над Индией, Африкой, обширными областями Юго-Восточной Азии утвердилось лишь с достижением Европой технического превосходства над остальным миром. Но, по мысли профессора Кёнигсбергера (с. 86), именно экспансия стимулировала развитие техники и технологии и вообще усилила динамические элементы европейской цивилизации. Прорыв Европы вовне Г.Г. Кёнигсбергер связывает с общим подъемом 1450-1600 гг. (с. 89). «Это была та самая разрозненная, беспокойная, кровавая, но чрезвычайно подвижная и созидаящая Европа, которая вырвалась во внешний мир, бывший не менее разрозненным, беспокойным и кровавым, но, как оказалась, менее подвижным» (с. 89).

Надо сказать, — и наш читатель должен знать об этом, — что существует и иное мнение (впрочем, могущее рассматриваться не как противоречащее данному, а как дополнительное) о причинах европейской экспансии. Английский историк Роберт Бартлетт в книге «Сотворение Европы»⁵ выдвинул гипотезу о том, что Европа (точнее — Западная Европа) «европеизируется», т. е. из просто части света становится более или менее гомогенной цивилизацией, в процессе экспансии именно в Средние века. Крестовые походы, Реконкиста, нормандское завоевание Англии и английское — Ирландии, военное и (кое-где) мирное проникновение немцев на земли к востоку от Эльбы, пресловутое *Drang nach Osten* — именно это формирует те динамичные элементы европейской цивилизации, которые позволят ей распространиться на весь мир и двинуться в XVI в. за моря, что, в свою очередь, создаст политические и культурные особенности современной Европы и ее, если так можно выразиться, культурных провинций в иных частях света.

«...Мировоззрение и институты европейского национализма и колониализма зарождаются в средневековом обществе: завоеватели Мексики были знакомы с проблемами мудехаров, а колонисты Вирджинии имели опыт покорения Ирландии»⁶.

Читатель уже знаком с мнением Г.Г. Кёнигсбергера, изложенном в первом томе («Средневековая Европа, 400—1500 годы»), что Европа — это не просто часть света, но «культурная общность, которая включила в себя весь Европейский континент, утвердилась в Америке и Австралии и (в той или иной форме) доминирует в остальных частях мира». Америка, Австралия — это регионы, заселенные все же западноевропейцами. Но в XX в. «центры мирового влияния переместились с Европейского континента (с его старыми монархическими империями — Испанией, Францией, Великобританией и Германией) в Россию (СССР) и Северную Америку (США). Однако следует учесть, что эти

299

государства, чрезвычайно обширные и густонаселенные, в культурном отношении являются наследниками Европы». Так что экспансия Европы и именно в описанное в данной книге время — 1500—1789 годы — это еще и расширение Европы на Россию, «вестернизация» последней. Поскольку этот процесс явно интересен отечественному читателю, сведем воедино воззрения британского историка на этот предмет, разбросанные по всей книге.

Мы уже писали в другом месте⁷, что в своей книге о средневековой Европе профессор Кёнигсбергер не включил в этот культурный — не географический — регион Россию, и сделал (или не сделал) это по ряду причин. Отсылаю читателя к первой книге настоящей серии, здесь же отмечу, что среди причин автор называет принятие Россией христианства по восточному обряду⁸, отсутствие, по его мнению, феодализма на Руси⁹, а также (за малыми, хотя и важными исключениями — Новгород, Псков) свободных городов¹⁰; и, конечно, огромную роль играл фактор монгольского завоевания¹¹.

Все это продолжало действовать, с определенными изменениями, и к началу периода, которому посвящена настоящая книга. «Хотя Россия оказалась на переднем фронте борьбы Европы и христианства от неевропейских и нехристианских захватчиков, именно эта ситуация, в свою очередь, способствовала тому, что Россия отделилась от остальной Европы, а ее история пошла по другому пути. Вовлеченные в смертельную борьбу, русские совсем не получали помощи от Европы и даже вынуждены были уступить значительные территории с русскоязычным населением своим христианским западным соседям — Польше, Литве и агрессивно настроенным военно-религиозным организациям — немецким рыцарским орденам. Если учесть также, что русское христианство было греко-православным, а русское духовенство отвергало любые контакты с Римской католической церковью, то не удивительно, что недоверие к Западу стало доминирующим элементом русской традиции» (с. 31).

И вот послыл: «Сформировавшись как обширное и жестко централизованное, но малонаселенное государство с православной формой христианства, Россия в своем дальнейшем развитии стала

очень мало походить на остальную Европу» (с. 31).

Россия, подобно иным государствам Европы того периода, участвует в процессе экспансии, причем эта экспансия идет по трем направлениям: на восток — в Поволжье (покорение Казанского и Астраханского царств), затем в Сибирь и к концу XVII в. — вплоть до Тихого океана; на юг — в причерноморские степи и в Крым; и на запад — в сторону Прибалтики и Польско-Литовского государства. Продвиже-

300

ние в первом направлении оказалось весьма успешным, во втором и третьем — не столь. Крымские татары признали верховную власть султанов в Стамбуле, и Москва пока еще не могла бросить вызов их объединенным силам (с. 126).

На западе же в XVI-XVII вв., вплоть до Северной войны 1700-1721 гг., дела шли еще хуже: достаточно вспомнить поражение России в Ливонской войне 1558-1582 гг. и Смутное время. Необходимость защищаться и, в равной степени, желание нападать повлекли за собой важнейшие социальные последствия. Для ведения войны на западный лад, силами наемных профессиональных солдат, у Русского государства не было средств. Потому власть целенаправленно создавала слой средних землевладельцев, служилое дворянство, которое несло военные повинности в зависимости от размера их поместий. Но Россия и так заселенная не столь плотно, как Западная Европа, с продвижением на юг, ввиду признания вольным населением степей — казаками — верховной власти Москвы («шаг, о котором казаки впоследствии горько сожалели» — с. 200), покорение Сибири еще более «проредили» население. Нехватка рабочих рук у дворян привела к тому, что цари, нуждавшиеся в дворянстве, в его военной силе, активно способствовали закрепощению крестьян, более того, инициировали и законодательно оформляли этот процесс.

Но, как резонно отмечает ГГ. Кёнигсбергер, «государству, ведущему политику военной экспансии (но также — добавим от себя — обороняющемуся от внешней агрессии. — Д.Х.), необходимо было соответствовать соперникам или превосходить их в военном отношении» (с. 201). А это требует усиленного технического, в первую очередь военно-технического, развития, в том числе заимствования оттуда, где эта техника уже привилась. «Почти до начала XX в. иностранный, т. е. западноевропейский, «эксперт» оставался типичным элементом русской жизни» (с. 128-129). Все это началось еще при Иване Грозном и достигло пика при Петре I, во время Северной войны, «которая превратилась в смертельное противостояние для российского государства и в отдельные годы поглощала до 80% государственных доходов» (с. 202).

Однако, боеспособная ария, буквально из ничего созданный флот комплектовались за счет рекрутского набора из крепостных крестьян, промышленность, работавшая также, в первую очередь, на войну, создавалась руками тех же крестьян, насильственно собранных по деревням. Все это требовало жесточайшего контроля, который в полной мере власть осуществить не могла. Отсюда и проводимое правительством усиление административно-полицейской власти помещиков над крес-

301

тьянами (т. е. перекладывание бремени управления с публичной власти на частную), и, в свою очередь, усиление государственного контроля за землевладельцами. А эти последние превращались в служилую знать, чей статус зависел ныне не от происхождения или даже богатства, но от чина, достигнутого на военной службе или в администрации.

Именно петровские реформы ввели, с одной стороны, Россию в круг не только могущественных, но и в значительной мере просвещенных (хотя бы по отношению к элите) государств, с другой — придали этой новой России черты весьма примитивного в социальном отношении чиновного государства. И как некий заключительный аккорд размышлений ГГ. Кёнигсбергера о петровских реформах звучат его слова. «Нигде дуализм жестокости и западного прогресса не проявился столь наглядно, как в создании Санкт-Петербурга — новой имперской столицы, основанной Петром. В негостеприимных болотах по берегам Невы крепостные со всей России работали и тысячами умирали, возводя один из прекраснейших городов Северной Европы, обращенный на Запад и символизирующий отступление России от ее изоляционистских традиций» (с. 203).

Профессор Кёнигсбергер отмечает еще одну важную черту русской истории: приверженность традициям, доведенную до почти полного отвержения внешних влияний и гораздо более сильную, нежели на Западе, борьбу между оными традициями и инновациями.

Надо сказать, что в России изоляционизм достаточно парадоксально, но вместе с тем органично сочетался с мессианизмом. Недоверие православного мира к Западу, даже нелюбовь к нему зародились еще до раскола Церквей в 1054 г., усилились после Четвертого крестового похода и взятия крестоносцами Константинополя в 1204 г., но особой остроты достигли позднее. На Руси, остававшейся почти единственным православным государством в мире после падения Византийской державы в 1453 г. (о православной Грузии мало кто даже знал), принцип исключительности ощущался весьма сильно.

Положение единственной (с указанной оговоркой) православной христианской державы провоцировало на Руси мессианские идеи. Отсюда и знаменитая идея «Москва — Третий Рим». Первые два пали из-за измены православию, но Москва всегда останется верной ему, а потому не падет, — «а четвертому не бывать» (с. 125). ГГ. Кёнигсбергер не удержался от наблюдения, вполне, как мне представляется, справедливого, но могущего показаться отечественному читателю достаточно ироничным: «Современные западные, но, естественно, не советские историки отмечали поразительное сходство между этим убеждением и наиболее крайними убеждениями некоторых совре-

302

менных русских марксистов, которые считали Москву единственным центром марксистской ортодоксии и коммунистической революции, реализовавшим цели необратимого исторического развития» (с. 125). Конечно, не стоит уподобляться указанным «русским марксистам» и усматривать в данных воззрениях лишь, как говорили совсем недавно, «идеологическое прикрытие агрессивной политики царизма». Но ведь действительно Иван III оправдывал разгром непокорного Новгорода желанием предохранить его православных христианских обитателей от повреждения их веры под управлением римско-католических королей Польши. Суровое обращение с завоеванным городом, однако, не имело никакого отношения к православным доктринам. Покорение Поволжья и Сибири, представлявшееся миру как великая победа христианства, позволили проложить торговые пути в Среднюю Азию и далее — до Китая. Так что идеи распространения истинно православного христианства не исключали решения чисто практических задач — покорения слишком независимого Новгорода или завоевания и освоения богатейшей Сибири.

События Смутного времени, агрессия неправославных государств усилили не столько собственно мессианские настроения, сколько их оборотную сторону — изоляционизм. Если мы самые правоверные, а следовательно, и самые лучшие, то никто чужой нам не указ, наоборот, чуждые влияния могут лишь навредить. Отметим, например, что уже после Смутного времени, после тех событий в западнорусских землях, которые отечественные историки именуют «национально-освободительной борьбой украинского и белорусского народов против польского господства», «восстанием под руководством Богдана Хмельницкого», завершившегося «воссоединением Украины с Россией», а польские историки (и романисты) — «потопом», или даже «кровавым потоком», так вот именно после этого свершился раскол в Русской Церкви. При обостренном чувстве обиды на весь Запад немалая часть православных восприняла реформы Патриарха Никона, оформленные на поместном Соборе 1666—1667 гг., как попытку исказить истинное православие путем исправления богослужебных книг и обрядов по греческим образцам: ведь греки оказались еретиками, заключили союз с папством (имеется в виду Флорентийская уния 1439 г., попытка гибнущей Византии получить помощь от Запада путем примирения и объединения с католичеством; уния была отвергнута большинством православных как в самой Византии, так и вне ее), а посему никак нельзя брать их за образец; наоборот, это мы являемся единственными истинными хранителями православной веры.

303

Итак, перед нами парадокс. С одной стороны, изоляционизм есть важный элемент отечественной системы ценностей, даже картины мира — чужие нам не указ! С другой — он противоречит военным целям, неважно — оборонительным или экспансионистским: надо быть сильнее врагов, а значит знать их. Потому и двойственна вестернизация России. Она была вынужденной, проводилась достаточно свирепыми методами, встречала жесткое сопротивление. «Православная церковь, как и следовало ожидать, всеми силами противилась вестернизации — бритью бород (оскорблявшему традиционное внешнее представление о Христе и мужчине), ношению европейской одежды, первым попыткам освободить женщин от узкого круга домашних занятий, введению юлианского календаря и даже курению табака» (с. 203). Но ведь не будем забывать о достаточно противоречивом отношении к Европе если не всех российских реформаторов, то уж точно самого Петра. Ему приписывается фраза в разных источниках звучащая по-разному: «Нам Европа нужна на двадцать лет, а затем мы повернемся к ней...» (одни авторы здесь деликатно пишут — «спиной», другие называют место пониже; по-моему, последнее более соответствует характеру Петра). Какими бы ни были причины проникновения России в Европу — религиозно-мессианскими, оборонительными, экспансионистскими, — это продвижение продолжалось и во время реформ Петра, и после них: здесь и приобретение новых территорий в результате Северной войны, и разделы Польши, и многое иное.

Впрочем, просвещенному Западу тоже не был чужд экспансионизм, причем направленный не только на заморские колонии. Более того, на ранних этапах этот экспансионизм не был лишен

некоторых элементов религиозного и/или имперского мессианизма (но в данном случае не изоляционизма): идей распространения истинной веры и/или Римской империи (ведь и в России лозунг «Москва — Третий Рим» имел отчетливые имперские коннотации). Вот Карл V, император, во владениях которого, по словам придворных льстецов, в данном случае совершенно верных, «никогда не заходило солнце». Каковы его цели? Борьба с неверными турками, с еретиками-лютеранами переплеталась у него с борьбой за возрождение древней Римской империи, а равно и великой всемирной христианской империи (с. 53).

Позднее, однако, эта экспансия, притом всех крупных держав Европы, лишается всякой религиозной подоплеки. Северная война, войны за Испанское, Польское, Австрийское наследства, разделы Польши, все эти события, в которых принимала участие не только «извечно агрессивная» Россия, все эти разделы и переделы объяснялись сугубо рациональными аргументами.

304

Впрочем, рационализм распространяется не только во внешнеполитической сфере. Вообще, рождение рационализма профессор Кё-нигсбергер относит к предыдущей, нежели описанная в данной книге, эпохе, к Средневековью, и связывает этот феномен с борьбой светской и духовной властей.

Правда, развитие рационализма идет далеко не прямым путем. Реформация, Контрреформация ввергли Европу в безумие религиозных войн (включая Тридцатилетнюю). Фанатизм, эсхатологические настроения, циничное стремление урвать кусок для себя — все сплелось в этой борьбе. Но после Тридцатилетней войны общество, во всяком случае его элита, стало преодолевать религиозные страсти, которые привели к страшным разрушениям в религиозных войнах.

В этом смысле характерно обоснование своей власти великими государями эпохи абсолютизма. Нет, монархи по-прежнему остаются помазанниками Божьими, но не только. Самый знаменитый из абсолютистских государей той эпохи, Людовик XIV, Король-Солнце убежденный в том, что к власти его призвал Бог и ответственен король перед Ним, вместе с тем обосновывал свою позицию рациональными аргументами (с. 174). Более того, доводы с позиций разума имели силу во всей системе управления, и именно на них основывалась недопустимость какого-либо сопротивления королевской власти. Как доказывал один французский министр, выступая перед недовольными финансовой политикой правительства парижанами, король есть государь, «следующий не советам, а голосу разума», а потому «собираться и выражать громкий протест было действительно странно» (с. 172).

Оговоримся. Такой рационализм пусть и отвергает буйство страстей, отдает приоритет холодному разуму, но никак не исключает насилия, однако разумно обоснованного. Вышеприведенные слова королевского министра есть пример разумного обоснования запрета на любую оппозицию, и, если надо, эта оппозиция подавлялась силой. Войны также обосновывались рационалистическими доводами. Если для эпохи религиозных войн главным стимулом являлось уничтожение инаковерующего и утверждение истинного христианства, то ныне цель войн — ослабление соседа, утверждение собственного могущества, достижение стратегического преимущества, ну и — слава (с. 207).

Даже религиозные преследования приобретают рациональный оттенок. В 1598 г. король Франции Генрих IV издал Нантский эдикт, гарантировавший свободу вероисповедания своим прежним единоверцам-гугенотам. Его внук, Людовик XIV, в 1685 г. этот эдикт отменил. Почему? Равно из соображений религиозных и государственных.

305

«Разве неподчинение меньшинства большинству не отвечало рациональным интересам государства и, стало быть, всех его подданных?» (с. 176).

Рационализм, безусловно, служил (не без противоречий, ибо представления о божественных основаниях власти монархов никуда не девались) интересам абсолютизма. Но не только. Мы знаем: XVI—XVIII вв. — эпоха научной революции. Возникает новая картина мира, не столько нерелигиозная, сколько внерелигиозная. Читатель уже прочел описание конфликтов между религией и наукой. Но я бы хотел поговорить немного о другом.

Рассказывают: шевалье Рене Декарт обучал математике юного короля Людовика XIV. Его величество, во всяком случае по части геометрии, был туповат. Декарт несколько часов пытался объяснить ему какую-то теорему. Король не понимает. Наконец, измученный Декарт воскликнул: «Ваше величество, даю честное слово дворянина — это именно так!». И юный монарх ответил: «Шевалье, почему Вы сразу не объяснили мне всё так ясно и понятно?».

Вдумаемся. Перед нами разные системы ценностей, разные картины мира. Для короля (хотя бы и несовершеннолетнего), первого дворянина страны, дворянская честь превыше всего, и, если дворянин дает честное слово, какие тут еще нужны математические, да и вообще научные доказательства? Для шевалье Декарта, кстати сказать, в молодости завзятого дуэлянта, «мухи отдельно, котлеты отдельно». То, что важно в частной жизни — утверждение своей чести — никакого отношения не имеет к научной системе доказательств.

Я не случайно привел этот анекдот. Он доказывает, что в описываемое в настоящей книге время происходит переход не только и даже не столько от религиозной картины мира к внерелигиозной, сколько — от ценностной к внеценностной. Божественная истина и/или дворянская честь — это хорошо, а отклонения от этой истины и/или чести — плохо. Для ученого же теорема Евклида и/или теория Коперника — ни хорошо, ни плохо, а факт (или не факт). Внеценностный факт, подтверждаемый (или не подтверждаемый) эмпирическим наблюдением либо доводами разума. Мне кажется, что историки науки несколько преувеличивают контroversы рационализма и эмпиризма в XVII в., противоположность взглядов последователей Декарта и приверженцев Фрэнсиса Бэкона. И свою гносеологию, и свою физику Декарт выводил из неких первопринципов, путем математических оснований. Но ведь и астрономические теории выводятся равно из наблюдений и оных математических оснований. Ньютону приписываются слова: «Бог написал книгу Вселен-

306

ной на языке математики». Законы разума, законы физического мира — это, в сущности, одно и то же. И мы именно потому можем познать этот мир, что он разумен, не в смысле «хорош», а в значении рационален.

Равно и законы общества мы можем вывести из законов разума и законов природы. Вот интересное наблюдение профессора Кёниг-сбергера: «Если в физике Ньютона все части мироздания вплоть до атомов образуют всеобщую гармонию, повинаясь божественным законам, то и в обществе люди должны сосуществовать гармонично — так, чтобы каждый занимал подобающее ему положение и выполнял то, к чему призвал его Бог» (с. 230).

Теория Ньютона, родившегося в 1643 г. и скончавшегося в 1727 г., перекликается с практикой его современника Людовика XIV, родившегося в 1638 г., вступившего на трон в год рождения Ньютона и умершего в 1715 г. У нас нет сведений о том, читал ли король Франции труды профессора математики в Кембридже, — скорее всего, нет, — но картина мира у них была общей. Всем нам известно прозвище Людовика — Король-Солнце. Но мы должны понимать, что это никак не только пышный эпитет, порожденный колоссальным самомнением короля и сервилизмом придворных льстецов.

Гелиоцентрическая система уже прочно утвердилась в умах. Солнце — центр Вселенной, монарх — центр королевства. Движение планет подчиняется не чьей-то прихоти, но законам природы, действия людей подчиняются законам общества, таким же непреложным, как законы физического мира. Человеческой свободе здесь попросту нет места — не могут же планеты сорваться с орбит и мчаться куда им вздумается. Но точно так же несвободен и монарх — Солнце ведь тоже не может произвольно менять свое место, и оно подчинено все тем же законам. Зримым воплощением подобного отношения к делам человеческим у Людовика выступает этикет версальского двора. Сложный придворный ритуал, от выполнения которого никак не освобожден и сам государь — вот соответствие законам ньютоновой Вселенной. Это опять же ни хорошо, ни плохо, но факт, не подлежащий обсуждению либо нравственной оценке, как не подлежит нравственной оценке закон всемирного тяготения. Это так, потому что иначе и быть не может.

И все же описанные рациональные, внеэмоциональные, внеценностные, объективистски понимаемые элементы картины мира описываемой эпохи не являются единственными, в этой картине наличествуют и другие.

Поговорим теперь об эмоциях, о личностном (а не внеличностном, природном) взгляде на человеческую деятельность, человеческую жизнь. Изменения в эмоциональном строе личности в данную

307

эпоху связаны, конечно, с описанным первостепенным значением закона и тем самым порядком. Эмоции также должны быть упорядочены. Отсюда популярность стоической философии. То есть, конечно, тут сказывается и влияние высокочтимой Античности. Но стоицизм, учивший, что мир разумен, а эмоции отвлекают от разума, что человек должен играть активную роль в делах этого мира, ведя себя спокойно и разумно, в соответствии с миропорядком, что истинного стоика эмоции не отклонят от его образа жизни, так вот, этот стоицизм оказался весьма созвучен настроениям XVI—XVII вв. Он помогал переносить бедствия войн, гражданских и религиозных, со спокойствием, не впадая в отчаяние. «Учитесь властвовать собою» — этот призыв, провозглашенный много позднее описываемой эпохи,

мог бы стать и лозунгом придворного общества времен Людовика XIV, общества, которое ГГ. Кёнигсбергер называет обществом «порядка и дисциплины» (с. 227-228).

Но кто и как должен контролировать эмоции? Кто решает, какие действия или даже мысли подлежат контролю? Некие безличные правила хоть благочестия, хоть этикета или сам человек из глубин собственного Я? И вообще, существует ли это Я, не сводимое к социальному, сословному, вообще коллективному положению человека? Ведь в Средние века любой человек — в первую очередь (хотя, конечно, не исключительно) есть рыцарь, монах, горожанин и т. п., а только потом уже индивид. ГГ. Кёнигсбергер предполагает (и совершенно верно, по-моему), что зарождение внутренней жизни человека происходит в позднее Средневековье в мире религии. Это идеи личного, внутреннего благочестия, не связанного (или не обязательно связанного) с традиционными внеличными ритуалами Церкви.

Реформация, среди прочего, была вызвана (но, разумеется, это никак не единственная причина) тем, что Церковь «не могла удовлетворить потребности в более непосредственном общении с Богом» (с. 62).

Одно из основных положений учения Лютера состоит в том, что человек может сам читать и толковать Писание, не нуждаясь в авторитете Церкви. На требование отречься от своих убеждений Лютер заявил, что не сделает этого, если только его не убедят доводами разума и Св. Писания. Свою речь он завершил знаменитыми словами: «На том я стою. Я не могу иначе. Да поможет мне Бог. Аминь». Историки доньше спорят о глубинном смысле этих слов, о контексте их, даже о том, говорил ли их Лютер вообще.

Но в сущности неважно, чем, на самом деле, объясняются эти слова, — общество восприняло их как манифест в защиту свободы чело-

308

веческого разума, в защиту права человека самому решать: что есть истина (хотя на практике протестанты и не были сторонниками неограниченной религиозной свободы).

Так называемое «открытие личности» (discovery of the individual)¹² никак не ограничивалось религиозной сферой. Ныне исследователи — не без оснований — считают оное открытие одной из характерных черт Возрождения¹³, которая нашла проявление не только в интеллектуальной или художественной жизни.

Освобождение (или, как любят говорить специалисты, «эмансипация») личных чувств от традиции происходит в сфере семейных отношений. С XVII в. признается право выбора брачного партнера за молодежью, а не их родителями — во всяком случае среди образованных слоев общества и, конечно, в своем кругу.

Меняется отношение к детям. Французский историк Филипп Арь-ес в 1960 г. выпустил в свет книгу «L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime»¹⁴, в которой утверждал, что в Средние века представлений о детстве как особом состоянии человека не существовало, что дети воспринимались как маленькие взрослые (он аргументирует это на примере изображений в живописи и скульптуре), что не было, например, особой детской одежды, что вообще родительские чувства в современном понимании отсутствовали и отношение родителей к ребенку было достаточно индифферентным. Книга произвела большое впечатление на научный мир, многие наблюдения Ф. Арьеса были признаны заслуживающими внимания, но все же большинство исследователей и сейчас считают, что Арьес сделал чрезмерно радикальные выводы, и настаивают на существовании в Средние века эмоциональных отношений родителей к детям. И вообще, отмечает Г.Г. Кёнигсбергер, «в постепенном освобождении личных интересов от семейных и в женской эмансипации (происходившей еще медленнее) заключалась та особенность европейского общества, которая отныне стала все больше и больше отличать его от других великих цивилизованных обществ мира» (с. 237).

Описываемая в данной книге эпоха — это время зарождения частной жизни. Появляются представления о том, что личная жизнь человека — это особая сфера, где действуют иные законы и правила, нежели в жизни публичной. Мы уже отмечали выше, что вообще разделение разных областей человеческой деятельности, признание того, что этими областями управляют разные законы, есть определенная черта времени: вспомним отделение науки от религии, вспомним шевалье Декарта, проводившего черту между дворянской честью и научной истиной.

309

Конечно, процесс «интимизации», «приватизации» жизни идет достаточно медленно. Обратимся, например, к архитектуре эпохи, правда, архитектуре дворцов, т. е. зданий, выполняющих публичные функции. В Большом дворце в Версале не было коридоров с отдельными комнатами, господствует анфиладный принцип, комнаты не изолированы одна от другой, проход ведет из

комнаты в комнату, из спальни в спальню. Слуги постоянно проходили через них с бумагами, одеждой, едой, ночными сосудами и многим иным. Большие балдахины над кроватями — это, среди прочего, средство для обеспечения «минимума сексуальной приватности» (с. 237). Замкнутость, отдельность человеческой личности проявляются еще в одном аспекте. В 1939 г. немецкий ученый Норберт Элиас в книге «*Über den Prozess der Zivilisation*»¹⁵ высказал мнение, что в раннее Новое время происходит «процесс цивилизации» (правильнее было бы по-русски сказать «цивилизация», но уж больно коряво получается), т. е. люди цивилизуются: дисциплинируются человеческие эмоции, и — здесь это главное — меняется отношение к телу. Тело делается чем-то интимным, из быта изгоняется нагота, морально недопустимым становится отправление естественных потребностей (включая сморкание и плевание) на людях. И еще одно: тело отделяется от другого тела, индивидуализируется — появляется особое белье для сна, исчезает обычай спать в одной постели всей семьей, с детьми, а то и с гостями.

И это осознание отдельности, суверенности человеческого тела повлияло, среди иных факторов, разумеется, даже на юридическую практику — привело к отмене пыток, и Г.Г. Кёнигсбергер показывает, как это произошло на протяжении буквально нескольких десятилетий XVIII в. (с. 291).

Люди той эпохи, особенно второй половины XVIII в., признавали не только верховенство разума, но и богатство эмоционального мира, значимость внутренней жизни человека — и это проявилось в романтизме. Эти люди верили, что общество и человеческую личность можно постоянно совершенствовать. Они отдавали себе отчет в темных силах человеческой натуры, в наличии фанатизма, нетерпимости, страсти к насилию. Но, считали они, эти силы и страсти, пусть невозможно устранить, но можно обуздать, приручить.

Увы, все произошло не так. «Во время Французской революции страсти вырвались на поверхность и в сочетании с прогрессивными гуманистическими идеями Просвещения привели к таким последствиям, которые никто не мог предвидеть. Жизненная энергия, интеллектуальные и художественные поиски, но вместе с ними и разрушительные

310

страсти, жестокая воля к власти над слабейшими — все эти доминирующие черты европейской истории продолжали существовать. Однако теперь, в конце XVIII в., в мире, где европейцы уже создали себе мировые империи и пользовались плодами все убаюкивающегося технологического прогресса, эти особенности европейской цивилизации обеспечивали ее носителям на последующие 150 лет, несравнимое превосходство над всеми другими человеческими обществами» (с. 292).

Но, разумеется, крушение мира Просвещения никак не может объясняться исключительно психологическими причинами. Корни Французской революции, обозначившей начало собственно Нового времени, лежат прежде всего в социальных и экономических обстоятельствах.

Традиционное, во всяком случае в отечественной историографии, мнение: Французская революция — первая в чистом, беспримесном виде, буржуазная революция (Нидерландская и Английская связаны, помимо прочего, с Реформацией, обладают, как говорили совсем недавно, «религиозной оболочкой»). Ее смысл и суть: победоносная борьба буржуазных отношений с феодальными. При таком подходе возникают трудности, в том числе трудности, связанные с периодизацией. Средние века, согласно указанной схеме, есть эпоха феодализма. Но где бы ни проводить границу между Средними веками и Новым временем — в 1492 г. или 1648 г., — до революции остается от трех до полутора веков.

Сразу скажем: эти неясности имеют свои основания, ибо период XVI (или даже XIV) — XVIII вв. невозможно описать ни как феодальный, ни как буржуазный — это безусловно. Но что приходит на смену феодализму?

По мнению профессора Кёнигсбергера, «личные отношения, основанные на земельном держании и службе, вытеснились отношениями на основе денежных расчетов и контракте или патроната и клиентелы. По сравнению с традиционными феодальными новые отношения отличались большей гибкостью: они обеспечивали условия для значительно возросшей личной и социальной мобильности — которая, в свою очередь, служила основой для все более разнообразных экономических и политических изменений» (с. 22).

Итак, возникает новая социальная система. «Некоторые историки называли эту новую систему отношений "незаконнорожденным феодализмом" и рассматривали ее как отступление от классического феодализма или как его деградацию»¹⁶. Но дело, конечно, никак не в деградации. Эта система, которую Г.Г. Кёнигсбергер называет «системой патроната» (patronage system), зарождается еще в Средние века, ее

311

корни — в стремлении феодальных сеньоров иметь при себе более или менее постоянную военную силу, более или менее постоянное наемное войско или хотя бы вооруженную свиту.

В описываемое время указанная система распространяется на все общество, и это вполне вписывается в основную тенденцию культурного развития раннего Нового времени. Расчет приходит на смену верности, разум занимает место эмоций, наступает век рациональности.

Разумеется, такая система была коррупционной по сути. Но что делать? Не существовало администрации современного типа, где чиновник (в идеале, конечно) является безличным винтиком государственной машины, подчиненным лишь опять же безличным законам и правилам. Отношения людей осуществлялись на сугубо межличностном или по преимуществу межличностном уровне. Коррупция? Конечно. Но с нашей точки зрения, которую тогда разделяли далеко не все. Наместник провинции Голландия, входившей в принадлежавшие тогда императору Карлу V Нидерланды, открыто обижался на то, что сословное представительство — штаты провинции давали подношения не ему, а более высокой инстанции — членам регионального правительства Нидерландов. Ничтоже сумня-шаяся, он говорил:

«Если кто-то сделает для меня столько хорошего (и он указал на ладонь), я сделаю для него столько хорошего (и он указал на предплечье), равно если кто сделает мне столько плохого, я отвечу ему тем же или учиню столько же препятствий» (с. 46; курсив автора).

Правда, депутаты провинциальных татов с их, по выражению ГГ. Кёнигсбергера, «буржуазной ментальностью» называли вещи свои именами и заявляли, что *«если кто-то из великих господ или других людей окажет нам поддержку, они должны быть вознаграждены взятками или незаконными услугами»* (там же).

Система патроната, которая все же воспринималась как коррупционная, вызывала, конечно, определенное неудовольствие. Противодействие ей виделось в «сильной руке», мощном правителе, который искоренит коррупцию (как похоже на сегодняшний день, не правда ли, читатель?). Но, спросим еще и еще раз: было ли это возможно?

Профессор Кёнигсбергер приводит несколько причин несбыточности подобных надежд. Один из источников всепроницающей коррупции — практика продажи должностей и наследования их. Читатель уже ознакомился с аргументацией автора (с. 176—178). Нас будет интересовать другое.

Сама абсолютная монархия не могла существовать без этой системы патронажа. Монархии нового, нефеодального типа, «новые монархии»,

312

как их именует ГГ. Кёнигсбергер, возникли из кризиса второй половины XV в., в борьбе между короной, стремившейся к безграничному распространению своей власти, владетельной аристократией, цеплявшейся за феодальные привилегии, в первую очередь за власть над своими уделами, и бюргерством, отстаивавшим старинные вольности городов. В этой борьбе государи одержали верх, но победа абсолютной монархии не была абсолютной. Как отмечает ГГ. Кёнигсбергер, «"Старый режим" представлял собой общество, в котором почти каждый класс, или группа населения, от высшей знати и духовенства до ремесленника гильдии, обладал специфическими правами и привилегиями. Некоторые французские провинции, особенно южные, все еще имели собственные сословные собрания, контролировавшие налогообложение и большинство местных чиновников. В других провинциях мэры и городские советы все еще имели огромные полномочия» (с. 186).

Сама суть системы патроната состоит в том, что в ней с необходимостью наличествуют привилегированные личности и корпорации. «Франция стала страной индивидуумов, групп и корпораций, обладавших теми или иными привилегиями», — констатирует ГГ. Кёнигсбергер (с. 281). Разумеется, в Западной Европе вообще и во Франции в особенности привилегированным было благородное сословие — дворянство. Но чем было дворянство к началу Французской революции? Не менее половины из приблизительно 400 000 дворян возводили свой род ко временам не ранее середины XVII в. Благодаря покупке высших должностей, дававших дворянство, богатые простолюдины возвышались до благородного сословия и получали все полагающиеся привилегии, включая основную — освобождение от налогов.

Система привилегий вызывала критику, причем, как правило, не из низших слоев населения. Профессор Кёнигсбергер отводит немало места в своей книге рассмотрению взглядов противников абсолютизма и привилегий, но, что весьма любопытно, среди нападок почти нет обвинений в коррупции, в ограблении народа (страстные инвективы против богачей, «пьющих народную кровь», против взяточников и «расхитителей народного добра» появятся позднее, во время самой Революции, но это выходит за рамки настоящей книги). Аргументация другая, она опирается на идеи равенства. Эти идеи исходили от лучших умов эпохи Просвещения — если все люди обладают разумом, то уже в силу этого они равны. Такие мысли находили отклик в первую очередь не в народе. Люди образованные, дышавшие воздухом Просвещения, принадлежали к аристократии или богатой буржуазии.

Однако, конечно же, не идеи тех, кого тогда именовали «философами», непосредственно вызвали Французскую революцию». Прямой

313

ее причиной стал финансовый кризис. Желая отомстить Британии за свое поражение в Семилетней войне, Франция поддержала американских повстанцев. Но война требует денег, и правительство добывало их с помощью займов. Это происходило в период циклической депрессии, на которую наложились еще и неурожай, и ряд других неблагоприятных обстоятельств. Платить по займам стало нечем. Казначейство обанкротилось, и это был более чем временный кризис

Дело в том, что выбраться из финансовой ямы можно было только за счет изменения системы налогообложения. Ведь суть большинства привилегий заключалась прежде всего в налоговых изъятиях — лиц, сословий (духовенства и дворянства), групп, и те, понятно, никак не желали этим поступаться, как, впрочем, не желали терять свои привилегии провинции, гильдии, университеты и другие корпорации.

Правительство не могло провести реформы само. Оно должно было обратиться к обществу. Нет, в тот момент никто не собирался созывать Учредительное собрание или парламент в современном смысле. Решили собрать старые добрые традиционные Генеральные штаты, известный со времен Средневековья законосовещательный орган сословного представительства. Но это «означало, что французская монархия больше не могла управлять страной по собственному усмотрению. <...> Во Франции 1789 г. ...многие представители правящего класса хотели использовать эту благоприятную возможность, чтобы изменить политическое устройство страны по своим представлениям. Но во французском сценарии было еще больше действующих лиц, которые ждали своего часа за кулисами. Крестьян, которым многие века эксплуатации внушили неискоренимую ненависть к землевладельцам, беспокоило падение урожаев и тревожили слухи о бандах разбойников, якобы организованных знатью; большая часть непривилегированных горожан страдала от экономического спада и безработицы. Все эти люди вскоре нашли предводителей в лице решительных политиков, публицистов и интеллектуалов, желавших воспользоваться кризисом "старого режима", чтобы изменить не только французскую политику, но и французское общество» (с. 285).

Последующие события показали, что изменились не только французская политика и французское общество. После 1789 г. весь европейский мир пошел через революции и реформы, через кровавые убийства и беспримерные подвиги, через разумнейшие преобразования и бунты, «бессмысленные и беспощадные»¹⁷, к Европе уже собственно Нового времени, к современной Европе, в которой мы живем. Но это уже тема следующей книги из серии «История Европы», книги, появление которой в русском переводе, надеюсь, не заставит себя долго ждать.

314

Примечания

¹ Кёнигсбергер Г.Г. Средневековая Европа. 400—1500 годы. Т. I. М., 2001.

² См.: Харитонович Д.Э. Новая история старой Европы (вместо предисловия) // Кёнигсбергер Г.Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы. Т. I. М., 2001. С. 7-8, 14-15.

³ Настоящее издание, с. 17. Далее ссылки будут даваться в тексте с указанием страницы.

⁴ Le Goff J. L'historien et l'homme quotidien // Melanges en l'honneur du Fernand Braudel: II. Methodologie de PHistoire et des Sciences Humaines. Toulouse, 1972; Ле Гофф Ж. Другое Средневековье.: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С. 200-211.

⁵ Bartlett R. The Making of Europe. L., 1996.

⁶ Ibid, P. 396. Мудехары — мусульманское население испанских земель, отвоеванных христианскими государствами.

⁷ Харитонович Д.Э. Указ. соч. С. 10—13.

⁸ Кёнигсбергер Г.Г. Указ. соч. С. 185.

⁹ Там же. С. 183, 311.

¹⁰ Там же. С. 311.

¹¹ Там же. С. 185, 264.

¹² Таково название некогда прославленной книги К. Морриса: Morris C. The Discovery of the Individual, 1050—1200. L., 1972. В ней автор настаивает на том, что появление новоевропейской личности относится к XII в.

¹³ См. напр.: Боткин Л.М. Европейский человек в поисках индивидуальности. М., 2000. Впрочем, другие исследователи заявляют, что нельзя говорить о «рождении», «открытии» индивидуальности. Это был длительный процесс, охватывавший по меньшей мере все Средневековье. См.: Гуревич А.Я. Личность // Словарь средневековой культуры. М., 2002.

¹⁴ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999.

¹⁵ Элиас Н. О процессе цивилизации. Т. 1-2. М., СПб., 2001.

¹⁶ Кёнигсбергер Г.Г. Указ. соч. С. 281.

¹⁷ Кстати сказать, это знаменитейшее пушкинское выражение представляет собой перифраз слов Н.М. Карамзина о «бессмысленном и беспощадном» французском бунте, т. е. о Французской революции.

Именной указатель

Аверроэс (Ибн Рушд) 81 Авиценна (Ибн Сина) 81 Александр VI (Борджа), папа римский 88

Александр Македонский 79 Амманати, Бартоломео 213 Анджелико, Фра 25 Анна, королева английская 187, 194 Ариосто, Лудовико 145 Аристотель 24, 168, 208, 209, 212, 213, 225

Аркрайт, Ричард 263, 264 Аруэ, Франсуа Мари, см. Вольтер Арьябхате 211

Бабур, Захиреддин Мухаммед 82

Барлетт, Роберт

Барнав, Пьер Жозеф 280

Бах, Иоганн Себастьян 249, 250

Беккер, Рудольф Захариас 256

Бенедикт XIV, папа римский 282

Берд, Уильям 247

Бернини, Джованни (Джан) Лоренцо 139, 239

Бетховен, Людвиг ван 289 Блейк, Уильям 290 Воден, Жан 138 Боккаччо, Джованни 25

Бомарше, Пьер Огюстен Карон де 281, 282

Бонифаций VIII, папа римский 61 Боссюэ, епископ 175, 176 Бозций 181, 222 Браге, Тихо 212, 220 Брунеллески, Филиппе 26 Бурбоны, династия 111, 113, 238 Буркхардт, Якоб 18 Бусбек, Гислен де 78 Бэкон, Фрэнсис 219-221, 225, 226, 234, 251

Вазари, Джордже 26, 132-134 Валленштейн (Вальдштейн), Альбрехт

Венцель Евсевий 117 Валуа, династия 113 Ван Дейк, Антонис 141, 142 Ватто, Антуан 242 Вашингтон, Джордж 274

Вебстер (Уэбстер), Джон 142 Веджвуд, Джосайя 261, 264 Везалий, Андреас 216, 217 Веласкес, Диего 142 Великие

Моголы, династия 82 Веронезе, Паоло 136, 213 Вильгельм III 114, 186, 187, 194, 195

315

316

Вильгельм Оранский, принц,

см. Вильгельм III Винкельман, Иоганн Иоахим 286 Вольтер 233, 243, 244, 269, 277 Вондел, Йост ван ден 142, 146

Габсбурги, династия 52, 66, 79, 116, 117, 141, 153, 172, 193, 194, 196-199, 204, 270, 271 Гайдн, Йозеф Франц 250, 288, 289

Галилей, Галилео 212, 213, 215-217,

219-221, 223-226, 230, 251 Гама, Васко де 86

Ганноверская династия 187, 188, 240 Гарвей, Уильям 225 Гассенди, Пьер 222 Гендель, Георг Фридрих 247, 249 Генрих II

Французский 111, 244 Генрих III, император 53 Генрих III, король французский 113 Генрих IV Наваррский, король

французский 113, 115, 117, 172 Генрих VI, король английский 43 Генрих VII, король английский 44, 47 Генрих VIII

Английский 47, 61, 62, 67,

109, 110, 131

Георг I, король английский 187 Георг II, король английский 188

Герике, Отто фон 119

Гёте, Иоганн Вольфганг 287, 288

Гиббс, Джеймс 241

Гитлер, Адольф 23, 200

Гоббс, Гомас 123, 175, 189

Гогенцоллерны, династия 42, 180, 184

Годунов, Борис, царь 128

Гольбах, барон 287

Гуго Гораций (Хейг де Гроот) 137, 147

Гус, Ян 68

Густав III, король шведский 279

Густав Адольф, король шведский 117

Густав Ваза, король шведский 58, 62

Д'Аламбер, Жан Лерон 234, 235 Давид, Жак Луи 286, 287 Данте, Алигьери 27, 53 Дарили, граф 109

Декарт, Рене 217-221, 224-226, 249

Дефо, Даниель 159, 160

Дженнер, Эдвард 154

Джотто 26, 27

Дидро, Дени 234, 242

Дмитрий, сын Ивана Грозного 128

Донателло 26

Драйден, Джон 243

Дюрер, Альбрехт 140, 210

Евгений Савойский 194, 238

Еврипид 14

Екатерина II Великая, императрица

260, 273, 276

Екатерина Арагонская 109 Екатерина Медичи 111, 112, 114 Елизавета I, королева английская

109-111, 113, 129, 247

Иван III, царь 125,128 Иван IV Грозный, царь 125-128,200 Изабелла Кастильская 44, 52 Иннокентий XI, папа римский 197 Иосиф II 259, 271, 276, 278, 279, 282
 Йорки, дом 43
 Калонн, Шарль Александр де 283—285 Кальвин, Жан 69, 70, 109, 147, 215, 246
 Кальдерой де ла Барка 142, 245 Камознс, Луиш ди 146 Каналетто, Джованни Антонио 241 Кант, Иммануил 247 Карл I, король английский 121—123, 141, 142,283,285
 Карл II, король английский 123,185,186 Карл II, король испанский 194 Карл IX, король французский 112 Карл V, император 38,46, 52, 53, 56,60, 66, 67, 74, 114,124, 134, 173, 194,198 Карл VI, император, король Чехии 204, 250, 269 Карл Великий 145, 146 317
 Карл Габсбург, см. Карл V
 Карл Смелый, герцог 44
 Карл XI, король шведский 199
 Карл XII, король шведский 199, 200
 Каролинги, династия 27
 Кастеллио 71
 Кеплер, Иоганн 212, 220, 224
 Кёпрюлю, турецкий род 197
 Кёпрюлю Кара Мустафа Паша 197,198
 Кёпрюлю Мехмед Паша 197
 Кларендон,лорд 185
 Колиньи, Гаспар де Шатийон 112
 Колумб, Христофор (Коломбо, Кристофоро) 83, 85, 88 Кольбер, Жан Батист 162, 163, 237, 267 Комин, Филипп де 57 Конрад II 53 Коперник, Николай 28, 210-212, 215, 218, 224, 225, 251 Корнель, Пьер 142 Кортес, Эрнан 85 Костюшко, Тадеуш 274 Кранмер, Томас, архиепископ 109
 Кромвель, Оливер 69, 122,123, 165 Кромвель, Томас 47
 Лайош II, король венгерский 66 Лакло, Шодерло де 281 Ланкастеры, дом 43 Латимер, епископ 34 Лафайет, Мари Мадлен 244 Лафонтен, Жан де 243 Лебрен, Шарль 241 Леонардо да Винчи 129,132, 210 Леопольд I 194, 196, 197, 238
 Леопольд II 259, 276, 279 Липпи, Фра Филиппе 25 Липсиус, Юстус 183, 184 Лихтенбергер, Иоганн 63 Логау, Фридрих фон 147 Лойола, Игнатий 73 Локк, Джон 189,190, 233, 234, 236 Лопе де Вега 142,143 Лоррен, Клод 287 Людовик XI Французский 43, 44 Людовик XIII, король французский 117,228
 Людовик XIV, король французский 152, 162, 163, 171-176, 178, 179, 193-197, 228, 237, 238, 241-243, 248, 267, 275, 283, 285
 Людовик XV, король французский 283, 291
 Людовик XVI, король французский 283
 Люлли, Жан Батист 248
 Лютер, Мартин 40, 63-71, 73, 75, 140, 246
 Мазарини, Джулио, кардинал 172, 174 Мазаччо 26
 Маймонид (Моисей бен Маймон) 81 Макиавелли, Никколо 14, 50, 75, 123, 134, 192, 269 Максимилиан Австрийский (Габсбург) 44, 52
 Мальборо, Джон Черчилл 194, 240 МансараЖЛ. 238 Мануэл I, король португальский 86 Маргарита Пармская 114 Мария I Тюдор, королева английская 56, 109, ПО Мария Антуанетта, королева французская 283, 291 Мария Бургундская (Нидерландская) 52 Мария Стюарт, королева шотландская 108, 109
 Мария Терезия 204, 250, 269, 273, 291 Мария, дочь Якова II 186,195 Марло, Кристофер 142 Машо, Гильом де 28 Медичи, флорентийский род 56, 101, 139, 172
 Мехмед II, султан 75, 77, 78 Микеланджело Буонаротти 132—135, 210
 Мильтон, Джон 146, 215 Мин, династия 82 Михаил, царь 128 Мольер, Жан Батист Поклен 142, 143, 242, 248
 Монтеверди, Клаудио 245 Монтегю, Мэри Уортли 154 318
 Монтескье, Шарль Луи 190, 191, 232 Мориц Нассауский, граф 184 Мориц Саксонский, герцог 67 Моцарт, Вольфганг Амадей 250, 282, 288, 289, 292 Мурильо, Бартоломе Эстебан 142
 Наполеон Бонапарт, император 23, 200, 242
 Нассау,дом 114, 115, 120, 185 Николай Кузанский 72, 209, 224 Нокс, Джон 109 Ньютон, Исаак 29, 219, 223-225, 230, 233, 234, 251
 Ольденбург, Генри 223 Оранские-Нассау, дом 184 Орем, Никола 27
 Павел II, папа римский 56 Палладио, Андреа 136, 240 Паскаль, Блез 226 Пепис, Сэмюэль 96, 229 Перселл (Пёрселл??), Генри 247 Петр I Великий, царь 200-203, 221,

238, 260
 Петр III, царь 250 Петрарка, Франческо 17, 18, 27 Пий VII, папа римский 283 Пиранези, Джованни Баттиста 287 Плавт 145
 Плантагенеты, династия 43 Поло, Марко 231 Птолемей 211, 213 Пугачев, Емельян 260, 278 Пуссен, Никола 142, 241, 287
 Рамо, Жан Филипп 248, 250 Расин, Жан 142, 242, 243, 245 Рафаэль Урбинский 25, 129, 133 Рембрандт, Харменс Ван Рейн 141
 Рен, Кристофер 241 Ричард III, король английский 43, 44
 Ришелье (Арман Жан дю Плесси), кардинал 117, 177 Робеспьер, Максимилиан 192 Романовы, династия 128, 200 Рубенс, Питер Пауэл 141, 142, 167
 Рудольф II, император 142 Руссо, Жан Жак 14, 191, 192, 250, 273, 288, 291
 Савонарола, Джироламо 68, 134
 Свифт, Джонатан 243, 244
 Селим I 79, 80
 Селим II 80
 Селлориго 36
 Сервантес, Сааведра Мигель де 35, 144
 Сервет, Мигель 70, 71
 Сефевиды, династия 79
 Сийес, политик 280
 Сиснерос Хименес де, кардинал 72
 Смит, Адам 12, 98, 103, 230, 266-269, 290
 Собеский Ян, см. Ян III Собеский Солсбери, граф 212 Спенсер, Эдмунд 146 Спрэт, Томас 221-223 Стюарты, династия 123, 187, 188 Понятовский, Станислав Август, король польский 273 Суй, династия 23 Сулейман I 79, 80
 Талейран-Перигор, Шарль-Морис де (Беневентский герцог и князь, епископ Отенский) 253
 Тан, династия 23
 Тассо, Торквато 145
 Тимур (Тамерлан) 112
 Тинторетто, Якопо 136
 Тирсо де Молина 142
 Тициан 135
 Тьеполо, Джованни Баттиста 241
 Тюдоры, династия 44
 Уатт, Джеймс 262 Уинтроп, Джон 223 Уоттон, Генри 212
 319
 Фарнезе, род 67
 Фердинанд II, император, король Чехии 116, 117
 Фердинанд Арагонский 44, 52, 61 Фердинанд, брат Карла V 52, 56, 66, 67 Филипп II Испанский 45, 54, 105, 109, 110, 114, 175, 279, 283 Филипп IV, король испанский 142 Филипп IV, король французский 61 Филипп V, король испанский 194, 195 Филипп, сын Карла V, см. Филипп II
 Испанский Франциск I Французский 52, 56, 65, 88, 173 Франциск II, король французский 106, 109 Фридрих II Великий 175, 184, 204, 233, 250, 258, 269, 271, 273, 275, 276 Фридрих II Прусский, см. Фридрих II Великий
 Фридрих III Прусский Фридрих Вильгельм I, «великий курфюрст» 181
 Фридрих Пфальцский, курфюрст 116 Фуггер, Якоб 38 Фуггеры, дом 38, 52, 101
 Хань, династия 23
 Христиан II, король датский 58
 Христиан IV, король датский 142
 Цвингли, Ульрих 69, 70, 246 Цезарь, Гай Юлий 211 Чимабуе 26 Чингисхан 82 Чосер, Джефри 25
 Шекспир, Уильям 142, 143, 220, 242, 243, 245, 247
 Эдуард IV, король английский 44, 47
 Эдуард VI, король английский 34, 109
 Эйнштейн, Альберт 224, 225
 Эль Греко 136
 Эразм Роттердамский 63, 65, 73, 167
 Эрлах, Фишер фон И.Б. 239
 Эстерхази, князь 289
 Юлий II, папа римский 57 Юстиниан, император 79
 Яков I, король английский 111, 187, 212, 247
 Яков II, король английский 186, 187, 190 Яков V Шотландский 108 Ян III Собеский, король польский 80, 198 Ян Лейденский 68
Гельмут Кёнигсбергер Европа раннего Нового времени, 1500-1789
 Технический редактор *Н.А. Кузнецова*
 Корректор *Е.Ю. Агарева*

Верстка *Е.А. Поташевская*

Подписано в печать 2.03.2006. Формат 60х90¹/₆.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0.

Тираж 2000 экз. Заказ № 773.

Изд. № 05/01-й.

ООО Издательство «Весь Мир»

101831 Москва-Центр, Колпачный пер., 9а

Тел.: (095) 623-68-39, 623-85-68, Факс: (495) 625-42-69

E-mail: orders@vesmirbooks.ru; <http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201. Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

ISBN 57770199-X

'I785777"7019921

– Т Е М А –

ГЕЛЬМУТ КЁНИГСБЕРГЕР
ЕВРОПА РАННЕГО
НОВОГО ВРЕМЕНИ
1500–1789

«Историю Европы можно ясно представить себе лишь в одном случае: если постоянно соотносить ее с историей соседних народов».

Гельмут Кёнигсбергер

Эта книга является второй в трехтомнике «История Европы» (первая — «Средневековая Европа, 400–1500 годы» — была издана на русском языке в 2001 г.). Ренессанс, Реформация и Контрреформация, становление абсолютизма, великие географические открытия — вот далеко не полный перечень тем, которые автор рассматривает глубоко и всесторонне. Читатель получает возможность проследить, как менялось «средневековое лицо» Европы на протяжении почти трехсот лет, какое влияние оказал мощный импульс Просвещения на различные европейские страны, какие события происходили на континенте в преддверии Великой французской революции 1789 года. Живой образный язык британского профессора Г.Г. Кёнигсбергера делает чтение этой книги, предназначенной студентам и старшим школьникам, увлекательным и запоминающимся. Она будет интересна всем, кого занимают проблемы медиевистики и истории культуры.